

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 12, № 5, 2019

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к.с.н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сатир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Коньки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода журнала – 6 раз в год

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 22.00.00 – социологические науки; 08.00.00 – экономические науки.

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала направляются в Библиотеку Конгресса США и в Германскую национальную экономическую библиотеку.

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 12, no. 5, 2019

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHESS), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

V.V. Ivanter, RAS academician (Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review.

Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© VoIRC RAS, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А., Морев М.В. Региональные выборы 2018–2019 гг.:
доверие избирателей к органам власти продолжает снижаться 9

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Методика определения
опорных поселений российской Арктики25

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Губанова Е.С., Клещ В.С. Преодоление социально-экономического неравенства
как условие устойчивого сбалансированного пространственного
развития региона44

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

- Ворошилов Н.В. Региональная политика по развитию муниципальных
образований: оценка эффективности и особенности реализации
в современных условиях58
- Проккопьев Е.А., Курило А.Е., Губина О.В. Формирование цифрового пространства
на муниципальном уровне: обзор сайтов поселений76

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Козинская К.М. Финансовые инструменты
развития социального предпринимательства91

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Бобков В.Н., Вередюк О.В. Часы работы в России: модели занятости
и факторы выбора 109
- Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О. Трансформация социальной
политики в России в контексте старения населения 124
- Маркин В.В., Силин А.Н., Воронов В.В. Образовательные траектории
молодежи коренных малочисленных народов Севера:
социально-пространственный дискурс 141

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Дайширо Номия. Краткая история японской социологии: ее историческое наследие и перспективы 155
- Дайширо Номия, Исаму Сугино, Риса Мурасе. Общественные движения как смысловые сети: построение ментальной карты кампании антиядерного движения 2012 года в Японии 158
- Кендзи Ишида, Син Арита, Кейко Гэндзи, Мей Кагава. Структурные и институциональные аспекты карьерных возможностей японских добровольных экспатриантов в странах Восточной и Юго-Восточной Азии 175
- Цутому Хашимото, Юсукэ Канадзава, Киоко Томинага. Новый либеральный класс в Японии: на основе латентно-классового анализа 192

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- Диденко Д.В. Опыт государственного стратегического планирования в СССР в теоретических и эмпирических исследованиях 211

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

- Головчин М.А. Какой учитель нужен «школе будущего»?
Применимость подхода Дж. Хэтти для российского образования 229

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 243
- Правила приёма статей 250
- Информация о подписке 256

CONTENT

PUBLIC ADMINISTRATION EFFICIENCY EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. The 2018–2019 Regional Election: Voters' Trust
in the Authorities Continues to Decline 9

SPATIAL ASPECTS OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

- Fauzer V.V., Smirnov A.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Methodology for Defining Pivotal
Settlements in the Russian Arctic 25

REGIONAL ECONOMY

- Gubanova E.S., Kleshch V.S. Overcoming Socio-Economic Inequality as a Condition
for Sustainable and Balanced Spatial Development of the Region 44

DEVELOPMENT OF MUNICIPAL FORMATIONS

- Voroshilov N.V. Regional Policy on the Development of Municipalities: Efficiency
Assessment and Implementation Specifics in the Current Context 58
- Prokop'ev E.A., Kurilo A.E., Gubina O.V. The Formation of Digital Space at the
Municipal Level: Overview of Settlements' Websites 76

PUBLIC FINANCE

- Popov E.V., Veretennikova A.Yu., Kozinskaya K.M. Financial Tools to Develop Social
Entrepreneurship 91

SOCIAL DEVELOPMENT

- Bobkov V.N., Veredyuk O.V. Working Hours in Russia: Employment Models
and Choice Factors 109
- Grigor'eva I.A., Ukhanova Yu.V., Smoleva E.O. Transformation of Social Policy
in Russia in the Context of Population Ageing 124
- Markin V.V., Silin A.N., Voronov V.V. Education Options for Young People
from Indigenous Minorities of the North: Regional Aspect 141

FOREIGN EXPERIENCE

Daishiro Nomiya. A Short History of Japanese Sociology: Its Historical Legacies and Future Dreams	155
Daishiro Nomiya, Isamu Sugino, Risa Murase. Social Movements as Networks of Meanings: Constructing a Mental Map of the 2012 Antinuclear Movement Campaign in Japan	158
Kenji Ishida, Shin Arita, Keiko Genji, Mei Kagawa. Structural and Institutional Aspects Surrounding Japanese Self-Initiated Expatriates' Career Opportunities in East and Southeast Asian Societies	175
Tsutomu Hashimoto, Yusuke Kanazawa, Kyoko Tominaga. A New Liberal Class in Japan: Based on Latent Class Analysis	192

HISTORY OF ECONOMIC AND SOCIOLOGICAL THOUGHT

Didenko D.V. State Strategic Planning Experience in the USSR in Theoretical and Empirical Studies	211
---	-----

DISCUSSION PLATFORM

Golovchin M.A. What Kind of Teacher Does the "School of the Future" Need? Possibility of Using John Hattie's Approach in Russian Education	229
--	-----

PUBLIC OPINION MONITORING

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	243
Manuscript Submission Guidelines	250
Subscription Information	256

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ От главного редактора

DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.1

УДК 324, ББК 66.3

© Ильин В.А., Морев М.В.

Региональные выборы 2018–2019 гг.: доверие избирателей к органам власти продолжает снижаться

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. 8 сентября в России состоялся Единый день голосования: в 13 субъектах РФ проводились выборы депутатов законодательных органов государственной власти¹; в 19 – выборы глав². Для внутренней политической жизни страны это было одним из основных событий 2019 года, поскольку результаты голосования, по сути, отражают общественно-политическую повестку сегодняшнего дня, выступают ярким индикатором отношения людей к политическому и экономическому курсу, реализуемому государственной властью, а также являются критери-

¹ Республики Алтай, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Крым, Марий Эл, Татарстан, Тыва, Хабаровский край, Брянская, Волгоградская, Тульская области, города Москва и Севастополь.

² Республики Алтай, Башкортостан, Калмыкия, Забайкальский, Ставропольский края, Астраханская, Волгоградская, Вологодская, Курганская, Курская, Липецкая, Мурманская, Оренбургская, Сахалинская, Челябинская области, г. Санкт-Петербург, а также республики Кабардино-Балкарская, Ингушетия и Крым, в которых главы субъектов РФ были назначены через голосование в парламенте.

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. Региональные выборы 2018–2019 гг.: доверие избирателей к органам власти продолжает снижаться // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 9–24. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. The 2018–2019 regional election: voters' trust in the authorities continues to decline. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 9–24. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.1

ем оценки ее эффективности. В нижеследующих материалах приведён анализ электоральных предпочтений россиян, проявляющихся в уровне поддержки главы государства и отражающей интересы властвующих элит партии «Единая Россия»: в динамике явки россиян на избирательные участки, в числе голосов, отданных за парламентские партии, представляющие системную оппозицию. Для получения объективной «фотографии» сегодняшнего дня анализируются результаты предшествующих выборов (2017–2018 гг.), а также последних трех выборов в Государственную Думу (2007, 2011, 2016 гг.) и президентских выборов, на которых баллотировался В.В. Путин (2000, 2004, 2012, 2018 гг.)

Ключевые слова: выборы, электоральные предпочтения, Президент, доверие, эффективность государственного управления.

Выборы – наиболее распространенная форма прямого участия граждан в политической жизни страны, своего рода маркер, позволяющий определить, насколько люди интересуются политикой в принципе, как они оценивают реализуемый действующей властью курс социально-экономического развития, какая политическая повестка в наибольшей степени соответствует их потребностям и ожиданиям. С этой точки зрения результаты электоральных предпочтений граждан представляют собой важный эмпирический материал для научного анализа и понимания общественных настроений.

Выборный путь формирования важнейших органов власти, регулярное проведение свободных и честных выборов – одни из наиболее ярких показателей действительного демократизма существующего в стране политического строя, главные критерии его легитимности, т. е. признанности обществом или его большей частью³.

Однако было бы некорректно анализировать итоги Единого дня голосования, прошедшего в сентябре 2019 г., без предварительной общей оценки ситуации в стране и тех взаимоотношений, которые сложились в настоящее время между обществом и властью.

Прежде всего, надо отметить, что прошедшие полтора года текущего политического цикла (началом которого можно считать президентские выборы 2018 г. и начало IV президентского срока В. Путина) были наполнены множеством противоречивых событий и факторов.

³ Трусов Н.А. Цель, ценность и значение выборов в демократической системе управления государством // Вестник ЦИК РФ. Реж. дост.: <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/publications/opinions/22508.html>

К властвующей элите эксперты относят 3 основные группы:

- ✓ «либерально-семейная» (группа, которая «получила основные бенефиты от приватизации» и сегодня «практически полностью контролирует экономическую и финансовую политику страны»);
- ✓ «силовики и олигархи второго поколения, 2000-х гг.»;
- ✓ «региональные элиты, в первую очередь национальные», которые «более склонны поддерживать „сировиков“, но отчаянно борются за привилегии и доступ к бюджетным средствам».

Все остальные силы в России («левые», монархисты, русские националисты и пр.) сильно маргинализированы и не имеют никаких ресурсов для усиления своей позиции. Единственное исключение – патриотические силы, которые очень усилились по итогам событий на Украине⁴.

Можно сказать, триумфальная победа В. Путина на выборах в марте 2018 г. в очередной раз показала, что именно он является «президентом надежды»⁵ для российского общества и что в нашей стране «общество, по существу, доверяет только первому лицу»⁶. Официальные результаты выборов в Государственную Думу и выборов на должность Президента РФ свидетельствуют о том, что поддержка российским обществом партии, которая с 2016 года обладает

⁴ Хазин М. Система «сдержек и противовесов» Путина начинает меняться на глазах // Информационно-аналитический сайт «Закон времени» 05.06.2016. Реж. дост.: <https://zakonvremeni.ru/analytics/7-3-/27227-mixail-hazin-sistema-qsdzrzhek-i-protivovesovq-putina-nachinaet-menyatsya-naglax.html>

⁵ Президент надежды // Информационный портал Allpravda 09.03.2018. URL: <http://allpravda.info/prezident-nadezhdy-59257.html>

⁶ Сурков В.Ю. Долгое государство Владимира Путина // Независимая газета. 2019. 11 фев. http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html

Рис. 1. Число голосов, отданных за В.В. Путина на президентских выборах в период с 2000 по 2018 г., чел.

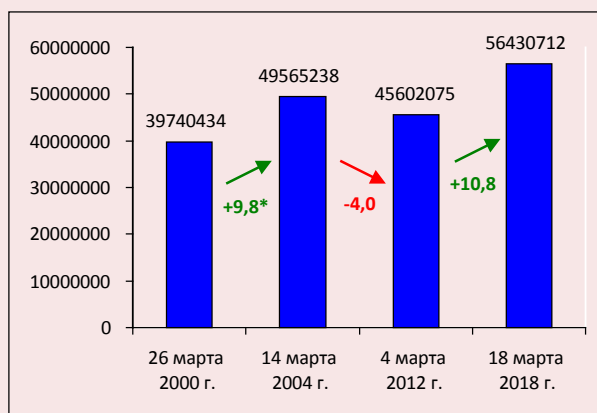
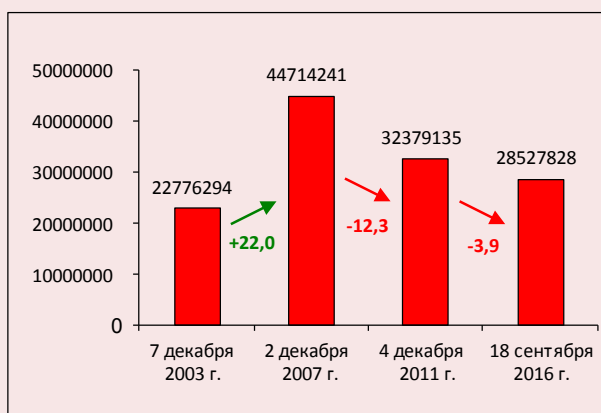

Рис. 2. Число голосов, отданных за «Единую Россию» на выборах в Государственную Думу за период с 2000 по 2016 г., чел.

Примечание. Знаками +/- показано прирост/снижение числа избирателей, проголосовавших за В. Путина на президентских выборах и за партию «Единая Россия» на выборах в Государственную Думу РФ (млн. чел.).

конституционным большинством в парламенте и выражает интересы властвующих элит страны («Единой России»), и поддержка лично В.В. Путина имеют противоположный вектор (вкладка 1 – 2).

Так, на выборах 14 марта 2004 г. (то есть по итогам I президентского срока В. Путина) поддержка главы государства увеличилась почти на 10 млн. голосов избирателей (с 39,7 до 49,6 млн.; рис. 1; вкладка 1). При этом явка россиян на избирательные участки составила 64,38%.

В марте 2012 г. по сравнению с президентскими выборами 2004 года⁷ поддержка В. Путина несколько снизилась (на 4 млн. голосов; с 49,6 до 45,6 млн., при явке 65,34%). Однако это, скорее всего, связано с тем, что в период с 2008 по 2012 г. президентский пост занимал Д. Медведев и что на этот же период пришелся и мировой финансовый кризис.

⁷ На пост Президента РФ в 2008 г. баллотировался Д.А. Медведев. За него проголосовало 52,5 млн. избирателей (70,28%) при явке 69,81%. Столь высокие показатели связаны в первую очередь с восстановительным ростом российской экономики и уровня жизни населения в середине 2000-х гг., при этом 2007 год был наиболее успешным в этом отношении. Тем не менее, поскольку мы говорим не об институте президентства в России, а о роли личности В. Путина для страны и российского общества, президентские выборы 2008 г. были исключены из нашего анализа.

В марте 2018 г. (уже по итогам III президентского срока В. Путина) его поддержка увеличилась еще на 10,8 млн. голосов (с 45,6 до 56,4 млн.), достигнув рекордной отметки за весь период с 2000 г. по настоящее время. Явка избирателей на последних выборах Президента также оказалась рекордной – 67,54%.

Иная динамика наблюдается в отношении поддержки «Единой России» на выборах в Государственную Думу IV–VII созывов (рис. 2; вкладка 2). Значительный рост числа голосов отмечается только в 2007 году по сравнению с 2003-м (на 21,9 млн., с 22 до 44 млн.). Возможно, это объясняется тем, что в 2007 году лидером партии являлся непосредственно В.В. Путин, а в 2003-м – Б. Грызлов.

После 2007 г. число избирателей, голосующих за представительство «Единой России» в парламенте, стабильно снижается: с 2007 по 2011 г. – на 12 млн. голосов (с 44 до 32 млн.); с 2011 по 2016 г. – еще на 4 млн. (с 32 до 28 млн.). При этом явка на думских выборах (особенно в 2016 г.) всегда была ниже, чем на президентских (в 2003 г. – 55,67%, в 2007 г. – 63,71%, в 2011 г. – 60,21%, в 2016 г. – 47,88%), что само по себе говорит о более высоком интересе людей к выборам на должность главы государства.

В общем списке проблем по-прежнему доминируют чисто экономические. Но доля «политических» вопросов у граждан нарастает с максимальной скоростью за последние два десятилетия... россияне все отчетливее понимают, что ключ к решению их финансовых проблем лежит не в экономической плоскости, а в политической. Поэтому, когда граждане говорят о проблемах несправедливости, выражающейся в различных формах, они, таким образом, называя признаки нынешней системы государственного управления, говорят о необходимости перемен в политической модели, благодаря которым улучшится и их благосостояние⁸.

Основные пункты программы стратегического развития России на период до 2024 года, озвученные В. Путиным в Послании Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г., нашли широкую поддержку в российском обществе, в котором еще с 2014 г. накапливалась потребность в динамичном развитии и переменах⁹ и в котором всё отчетливее формировалось осознание того факта, что решение самых острых социально-экономических вопросов следует искать не в экономической сфере, а в политической.

Законодательным воплощением предвыборных обещаний Президента стали «майский указ» 2018 г. и национальные проекты, первые итоги которых Президент пообещал подвести «уже в начале следующего [2020-го] года».

Однако реализация нацпроектов столкнулась с препятствиями, которые уже не первый год становятся непреодолимым барьером для своевременного и исчерпывающего выполнения указов главы государства и, в частности, привели к невыполнению «майских указов» 2012 года. Во-первых, курс независимой внешней политики, реализуемый Президентом, вполне естественно сталкивается с противодействием со стороны Запада, что оборачивается для России экономическими санкциями, недостатком зарубежных инвестиций, пропаган-

Уже в ближайшее время, в этом году люди должны почувствовать реальные изменения к лучшему. Именно на основе мнения, оценок граждан в начале следующего года подведём первые итоги работы по национальным проектам. И сделаем соответствующие выводы о качестве и результатах работы всех уровней исполнительной власти¹⁰.

дой русофобских настроений и т.д. Во-вторых, многие представители властвующих элит нашей страны (чьи интересы, во многом, выражает партия, обладающая конституционным большинством в Государственной Думе), руководствуются в своей деятельности принципом «капитализма для избранных», который предполагает доминирование личных интересов над целями национального развития. Это приводит к регулярному невыполнению поручений главы государства — к изменениям методик расчетов целевых показателей, переносу сроков их реализации и т.д.

По сути, эти два фактора препятствуют проведению независимой эффективной внутренней политики, ориентированной на национальные интересы, на протяжении всех президентских сроков В. Путина.

Если мы защищаем национальные интересы России, — значит, нам придется поспорить с Западом по-настоящему, а не как сейчас. А в этом случае огромное количество представителей российской «офшорной аристократии» потеряет свои домики в Париже, дворцы в Лондоне и замки в Австрии, Шотландии и т. д. И что с ними делать? Они же будут недовольны и в целом, как люди разумные, энергичные и эффективные, будут весьма умело воевать против политики защиты национальных интересов России, грозящей их собственности на Западе¹¹.

⁸ Запрос на справедливость звучит всё громче // Независимая газета. 2019. 25 сент. Реж. дост.: http://www.ng.ru/economics/2019-09-25/4_7685_bednost.html

⁹ Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40–53.

¹⁰ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 20 фев. 2019 г. // Официальный сайт Президента РФ. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>

¹¹ Делягин М.Г. Либералы относятся к России как к котлете — объекту потребления. <https://www.delyagin.ru/articles/187-pozitsija/43668-liberaly-otnosjatsja-k-rossii-kak-k-kotle-ektu-potreblenija>

Вкладка 1

Явка и поддержка В.В. Путина на выборах Президента РФ в 2000, 2004, 2012 и 2018 гг. (данные ЦИК)

Явка на выборы Президента РФ в 2000, 2004, 2012 и 2018 гг. (ранжировано по данным за 2018 г.)

Территория	Явка, %											
	2000 г.	2004 г.	2012 г.	2018 г.	Изменение (+/-) 2004 г. к 2000 г.	Изменение (+/-) 2018 г. к 2012 г.	2000 г.	2004 г.	2012 г.	2018 г.	Изменение (+/-) 2004 г. к 2000 г.	Изменение (+/-) 2018 г. к 2012 г.
Вся Россия	68,7	64,38	65,34	67,54	-4,32	+2,20	75 181 071	69581430	71780800	73624100	-5 599 641	+1843300
Северо-Кавказский федеральный округ*	-	-	83,24	86,29		+3,05	-	-	4492669	4850804	-	+358135
Южный федеральный округ	74,14	77,82	63,53	69,77	+3,68	+6,24	11054096	11052188	6875173	10747435	-1 908	+3872262
Приволжский федеральный округ	71,9	68,65	68,69	69,24	-3,25	+0,55	17058364	16224425	16186857	15868095	-833 939	-318762
Центральный федеральный округ	69,78	61,54	63,9	66,16	-8,24	+2,26	20036294	17519613	18353767	18687906	-2 516 681	+334139
Сибирский федеральный округ	66,81	63,86	65,28	67,67	-2,95	+2,39	22574208	9023609	9896353	8834428	-13 550 599	-1061925
Дальневосточный федеральный округ	66,71	68,79	64,34	65,99	+2,08	+1,65	3274077	3037762	3069840	3432301	-236 315	+362461
Уральский федеральный округ	68,37	64,76	65,26	67,13	-3,61	+1,87	5814556	5638954	5856857	5925663	-175 602	+68806
Северо-Западный федеральный округ	68,98	61,07	64,03	65,17	-7,91	+1,14	7819362	6645479	7095082	6950195	-1 173 883	-144887

Динамика доли голосов, отданных за В.В. Путина (ранжировано по данным за 2018 год)

Территория	В %											
	2000 г.	2004 г.	2012 г.	2018 г.	Изменение (+/-) 2004 г. к 2000 г.	Изменение (+/-) 2018 г. к 2012 г.	2000 г.	2004 г.	2012 г.	2018 г.	Изменение (+/-) 2004 г. к 2000 г.	Изменение (+/-) 2018 г. к 2012 г.
Вся Россия*	51,95	71,31	63,6	76,69	+19,36	+13,09	39 740 434	49563020	45602075	56426399	+9822586	+10824324
Северо-Кавказский федеральный округ	-	-	84	86,92	-	+2,92	-	-	3713875	4210607	-	+496732
Южный федеральный округ	58,34	80,27	65,49	82,49	+21,93	+17,0	6319400	8344980	4382194	7007737	+2025580	+2625543
Приволжский федеральный округ	54,47	72,28	66,17	76,93	+17,81	+10,76	9435625	12022837	11015125	12270602	+2587212	+1255477
Центральный федеральный округ	50,95	66,69	58,8	76,18	+15,74	+17,38	9927543	11187562	10354176	14033866	+1260019	+3679690
Сибирский федеральный округ	48,62	71,18	63,86	73,71	+22,56	+9,85	4188614	5998297	5834680	6835622	+1809683	+1000942
Дальневосточный федеральный округ	57,17	70,71	61,38	68,99	+13,54	+7,61	1542987	1959738	1835252	1968542	+416751	+133290
Уральский федеральный округ	56,98	73,13	64,91	74,67	+16,15	+9,76	3244577	4117193	3862545	4440709	+872616	+578164
Северо-Западный федеральный округ	62,69	74,92	61,2	75,64	+12,23	+14,44	4926581	4986428	4273033	5247840	+59847	+974807

* Здесь и далее во вкладке 2 отсутствуют данные по Северо-Кавказскому федеральному округу за 2000–2007 гг. в связи с тем, что он был создан в 2010 году.

Вкладка 2

Явка и поддержка «Единой России» на выборах в государственную Думу РФ в 2007, 2011 и 2016 гг. (данные ЦИК)

Явка на выборах в Государственную Думу РФ в 2007, 2011 и 2016 гг. (ранжировано по данным за 2016 г.)

Территория	Явка, %					Явка, чел.				
	2007 г.	2011 г.	2016 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2011 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2007 г.	2007 г.	2011 г.	2016 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2011 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2007 г.
Вся Россия*	63,78	60,21	47,88	-12,33	-15,9	69609446	65766594	52709992	-13065602	-16908454
Северо-Кавказский федеральный округ	–	86,46	82,22	-4,24	-2,73	–	4544971	4343313	-201658	–
Южный федеральный округ	63,22	61,51	48,27	-13,24	-14,95	6621657	6510122	5896748	-613374	-724909
Приволжский федеральный округ	69,13	64,30	54,44	-9,86	-14,69	16043964	15100550	13083343	-2017207	-2960621
Центральный федеральный округ	60,98	58,78	45,29	-13,49	-15,69	17546326	17049621	12270883	-4778738	-5275443
Сибирский федеральный округ	66,45	58,19	46,70	-11,49	-19,75	9351476	8212790	6599218	-1613572	-2752258
Дальневосточный федеральный округ	63,68	55,83	42,92	-12,91	-20,76	2986327	2530907	1870528	-660379	-1115799
Уральский федеральный округ	65,51	59,07	48,83	-10,24	-16,68	6039397	5273346	4258200	-1015146	-1781197
Северо-Западный федеральный округ	61,23	57,65	43,18	-14,47	-18,05	6520540	6234123	4378759	-1855364	-2141781

Динамика доли голосов, отданных за «Единую Россию» (ранжировано по данным за 2016 год)

Территория	В %					Чел.				
	2007 г.	2011 г.	2016 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2011 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2007 г.	2007 г.	2011 г.	2016 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2011 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2007 г.
Вся Россия*	64,30	49,31	54,20	+4,89	-10,1	44714241	32371737	28527828	-3843909	-16186413
Северо-Кавказский федеральный округ	–	81,52	76,88	-4,64	–	–	3617187	3419444	-197743	–
Южный федеральный округ	65,45	54,81	58,27	+3,46	-7,18	4290232	3363306	3472091	+108785	-818141
Приволжский федеральный округ	67,30	52,41	55,93	+3,52	-11,37	11120950	8472634	7903534	-569100	-3217416
Центральный федеральный округ	59,07	42,96	49,33	+6,37	-9,74	10237771	7422895	5882747	-1540148	-4355024
Сибирский федеральный округ	66,32	46,12	46,69	+0,57	-19,63	5892147	3561156	3298976	-262180	-2593171
Дальневосточный федеральный округ	63,96	45,61	44,58	-1,03	-19,38	1830758	1020880	767917	-252963	-1062841
Уральский федеральный округ	62,66	44,43	44,46	+0,03	-18,2	3859409	2346351	1887550	-458801	-1971859
Северо-Западный федеральный округ	59,80	39,71	44,04	+4,33	-15,76	3728556	2370660	1895569	-475091	-1832987

Российская экономика включена в мировую в статусе «экономики услуг», поскольку «промышленность производит деньги для акционеров, а не промышленную продукцию»¹². Основные фонды страны были и остаются в негосударственной собственности (в 2000 г. – 75%, в 2017 г. – 78%¹³). В крупнейших металлургических корпорациях страны в Совет директоров входит значительное количество иностранных граждан. Всё это указывает на тесную связь властвующей элиты России с западными странами, и это вынуждает Президента действовать крайне осторожно, не переходя грань, которая может привести к восстанию элит при активной поддержке «коллективного Запада».

Поэтому многие управленческие решения В. Путина носят весьма противоречивый характер: с одной стороны, Президент регулярно требует выполнения своих поручений в срок и в полном объеме, указывает министрам на необходимость достижения конкретных и ощутимых для людей результатов, упрекает их в несогласованности действий и т.д. С другой стороны, он доверяет реализации жизненно важных для страны проектов именно той команде, которая не смогла в полном объеме реализовать «майские указы» 2012 года и, по некоторым оценкам, попросту «саботирует выполнение его поручений»¹⁴.

В результате ключевые проблемы России воспроизводятся из года в год и носят застойный характер. «Швейцарская исследовательская контора Credit Suisse ставит Россию на первое место по уровню имущественного неравенства, утверждая, что 80% активов, которые расположены на территории РФ, принадлежат 10% населения. То есть по этому показателю мы обогнали все страны мира»¹⁵. Россия

«не догоняет другие страны по качеству медицинского обслуживания, и это отставание с каждым годом увеличивается, поскольку подавляющее большинство стран мира быстрее наращивает долю медицины в ВВП»¹⁶. Как отмечают эксперты, курс экономической политики, реализуемый властью, «не может обеспечить устойчивые темпы экономического роста выше 1,5–2%»...¹⁷

В целом в РФ одни из самых низких расходов на здравоохранение, если брать в процентах от ВВП. Наше государство тратит на медицину 2,6% ВВП, тогда как в странах «Большой семёрки» – от 8 до 12%...Россия занимает последнее, 50-е, место в международном рейтинге качества медицинской помощи.

Если в 2003 г. в России было более 10 тыс. больниц, в 2010 г. оставалось только 6,3 тыс., то сейчас чуть более 5 тысяч... Число коек в них сократилось с 1,6 до 1,2 миллиона.

По словам министра здравоохранения Скворцовой, 7917 зданий больниц и поликлиник в РФ находятся в аварийном состоянии, большинство требует сноса. В 499 населённых пунктах страны вообще нет никаких врачей. 40% медицинской техники, то есть 20 тыс. единиц, в нашей стране изношено. Социалка для докторов – давно забытое прошлое. В 2018 г. шесть регионов РФ вообще не предусмотрели абсолютно никакой соцпомощи медикам, ни в каких формах¹⁸.

Текущий политический сезон не стал исключением из правил. Вместе с сохранением предыдущей команды Правительства под председательством Д. Медведева сохранились и риски невыполнения предвыборных обещаний Президента. Если еще недавно сомнения в том, что нацпроекты-2018 будут выполнены в срок и в полном объеме, высказывали только

¹² Бетелин В.В. России необходим отказ от «экономики услуг» и переход к экономике промышленного производства // Экономист. 2019. № 2. С. 3–12.

¹³ Российский статистический ежегодник, 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2019. С. 299.

¹⁴ См., например: интервью на телеканале Царьград С. Глазьева (5 апреля 2018 г.; <https://www.youtube.com/watch?v=CSMYR5a68Cg>), М. Хазина (14 мая 2018 г.), М. Делягина (9 июля 2019 г. https://tsargrad.tv/news/hazin-novoe-pravitelstvo-predprimet-tihij-sabotazh-ukazov-putina_132009)

¹⁵ Первое место: по уровню социального неравенства РФ обогнала всех // Новости ИА Regnum от 7 марта 2019 года. <https://regnum.ru/news/economy/2586777.html>

¹⁶ Цели устойчивого развития ООН и Россия: доклад о человеческом развитии в Российской Федерации / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. М., 2016. С. 40.

¹⁷ Ивантер В.В. Возможности ускорения темпов экономического роста в России // Общество и экономика. 2019. № 7. С. 5–11.

¹⁸ Гурдин К. Врачи бегут, министры хорошеют // Аргументы недели. 2019. № 33(677). 28 авг. <https://argumenti.ru/society/2019/08/626823>

Уровень исполнения расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов и комплексного плана в первом полугодии 2019-го оказался **ниже среднего на 10 процентных пунктов** и составил 32,4%. По данным аудиторов, деньги, которые выделил регионам федеральный Центр, были освоены **на 18,5%**.

Судя по мониторингу Счетной палаты (по состоянию на 20 сентября), для трех национальных целей из девяти до сих пор не определены показатели, позволяющие оценивать успехи или провалы. По четырем целям мы буквально откатываемся назад: это касается устойчивого естественного роста численности населения, устойчивого роста реальных доходов граждан, снижения в два раза уровня бедности, ускоренного экономического роста¹⁹.

эксперты²⁰, то в последнее время нотки скептицизма зазвучали и в управленческих кругах, то есть среди людей, на которых, по сути, лежит главная ответственность за ход реализации «майских указов». Так, на прошедшем в сентябре 2019 г. Московском финансовом форуме Председатель Счетной палаты РФ А. Кудрин заявил о том, что в нынешних нацпроектах «не заложено достаточных мер для экономического рывка», а глава Сбербанка Г. Греф указал на то, что якобы «гигантские ресурсы», которые вкладываются в национальные проекты, – «это миф», и поэтому «национальные проекты не дадут искомого результата».

Результаты мониторинга достижения национальных целей, размещенные на официальном сайте Счетной Палаты РФ, позволяют говорить о том, что усиливающийся скептицизм в отношении выполнения задач Президента имеет под собой вполне весомые основания²¹:

¹⁹ Нацпроекты становятся неудобной темой для власти // Независимая газета. 2019. 23 сент. http://www.ng.ru/economics/2019-09-23/1_4_7683_proekty.html

²⁰ См., например: Общественная палата РФ, Круглый стол «Обсуждение национального проекта „Международная кооперация и экспорт“» 25 окт. 2018 г. [https://dorogi-onf.ru/news/5730/](https://nangs.org/ОНФ%20будет%20добиваться%20включения%20своих%20предложений%20в%20нацпроект%20«Безопасные%20и%20качественные%20автомобильные%20дороги»%20//%20«Дорожная%20инспекция%20ОНФ%20/20Карта%20убитых%20дорог»%2013.11.2018.%20<a href=)

²¹ Мониторинг достижения национальных целей // Официальный сайт Счетной палаты РФ (данные на 03.10.2019). <https://ng.ach.gov.ru/?lang=ru>

✓ «Естественная убыль населения, – пишут эксперты, – продолжает увеличиваться (-209,7 тыс. чел. в январе – июле 2019 г.)».

✓ «Для достижения целевого значения ожидаемая продолжительность жизни при рождении должна устойчиво ежегодно расти не менее чем на 0,8–0,9 года. В 2018 году прирост данного показателя составил только 0,2 года».

✓ «В 2019 году не наблюдается снижения уровня бедности. В I полугодии он превысил уровень аналогичного периода предыдущего года на 0,2 процентного пункта».

✓ «С учетом текущих данных (темп ВВП 0,7% в I полугодии 2019 г. вместо 2,3% в январе–декабре 2018 г.) в 2019 году ожидается замедление темпа роста экономики по сравнению с 2018 годом, что создает существенные риски недостижения целевого показателя (3,2%)».

Таким образом, к сожалению, пока что сбываются прогнозы экспертов, которые еще в 2016 г. предрекали России «сценарий пролонгации либеральной модели, сценарий балансирования на пороге устойчивости развития»²². Сегодня политологи также отмечают, что «единства в экономической команде нет. Есть раскол. Ясно, что никакой внятной стратегии финансово-экономического блока правительства по экономическому росту нет»²³. Общество, ожидающее совсем иного («прорывного») хода развития социально-экономической и политической ситуации в стране, тонко чувствует реальную угрозу невыполнения предвыборных обещаний Президента и реагирует на это соответствующим образом – снижением доверия фактически ко всем государственным и общественным институтам, включая самого Президента (*табл. 1*).

Ситуацию в текущем политическом сезоне усугубляет тот факт, что это последний президентский срок В. Путина и, следовательно, для него это последняя возможность реализовать свои планы, а для общества – последняя шестилетка существования страны при его руководя-

²² Россию ждет революция? Вопросы перехода к постлиберальной модели России (алгоритм и сценарию) / С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян и др. М.: Наука и политика, 2016. С. 669–670.

²³ Нацпроекты признаны несостоятельными // Независимая газета. 2019. 15 сент. http://www.ng.ru/economics/2019-09-15/4_7676_project.html (мнение политолога С. Маркова).

Таблица 1. Уровень доверия государственным и общественным институтам в 2018–2019 гг. (в % от числа опрошенных)*

Институт	Уровень доверия			Уровень недоверия		
	2018 г.	2019 г.	Изменение + / – 2019 к 2018 гг.	2018 г.	2019 г.	Изменение + / – 2019 к 2018 гг.
Президент РФ	60,5	52,4	-8	9,9	14,4	+5
Церковь	50,0	46,5	-4	12,8	13,8	+1
Прокуратура	47,1	43,5	-4	16,0	18,1	+2
ФСБ	45,2	41,0	-4	15,4	17,2	+2
Правительство РФ	47,3	40,9	-6	17,9	22,3	+4
Армия	47,2	40,8	-6	14,6	18,2	+4
Полиция	44,4	40,7	-4	19,4	20,4	+1
Суд	45,3	39,3	-6	18,7	20,9	+2
Руководство области	35,4	33,4	-2	25,5	27,2	+2
Совет Федерации	37,4	32,2	-5	19,8	24,1	+4
Органы местного самоуправления	34,4	31,6	-3	27,4	28,7	+1
Научные организации	32,8	30,3	-3	15,7	18,3	+3
Профсоюзы	33,3	29,7	-4	23,7	25,9	+2
Государственная Дума РФ	33,8	28,5	-5	25,5	28,9	+3
Общественная палата РФ	31,0	27,4	-4	22,8	27,0	+4
СМИ	29,8	26,6	-3	33,4	34,1	+1
Общественная палата области	28,3	25,6	-3	25,7	27,6	+2
Общественные организации	28,1	24,9	-3	26,2	27,9	+2
Директора, руководители предприятий	25,1	20,5	-5	30,4	34,1	+4
Политические партии, движения	22,3	19,6	-3	34,3	35,9	+2
Банковские, предпринимательские круги	20,7	17,6	-3	35,4	38,2	+3
<i>Никому не доверяю</i>	–	–	–	24,9	28,5	+4

* Ранжировано по уровню доверия в 2019 г.
Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

щей роли. Кто будет преемником нынешнего Президента, как его встретят россияне, какие отношения он будет выстраивать с Западом — об этом пока нет ни у кого никаких представлений.

Динамика общественного мнения о деятельности органов государственной власти в 2018 году (одним из главных событий которого стала пенсионная реформа, затронувшая практически все слои российского общества) позволяет наглядно убедиться в том, какую значимую роль играет для россиян мнение лично Президента.

В первой половине 2018 г. (февраль — июнь) на фоне президентских выборов и весьма обнадеживающего Послания В. Путина Федеральному Собранию уровень одобрения²⁴ деятельности всех органов власти возрос или оставался стабильным. После официального объявления о готовящихся изменениях в пенсионном законодательстве (в июне 2018 г.) он резко уменьшился (на 4–5 п.п.). В частности, поддержка самого Президента снизилась с 70 до 66%, Председателя Правительства — с 52 до 47%, Совета Федерации — с 37 до 33% и т.д. (табл. 2).

²⁴ Следует оговориться, что «уровень одобрения» — показатель, имеющий существенные отличия от рассмотренного нами выше уровня доверия (табл. 1). Разница в том, что уровень одобрения показывает текущую оценку деятельности государственных и общественных институтов; этот показатель достаточно динамичен и может зависеть от тех или иных управленческих решений органов власти (поэтому уровень одобрения мы измеряем с периодичностью 1 раз в 2 месяца).

Что касается институционального доверия, то этот индикатор в большей степени характеризует общее (базовое) отношение людей к государственным и общественным институтам (этот показатель фигурирует в опросах ВолНЦ РАН 2 раза в год, в апреле и октябре).

Таблица 2. Динамика уровня одобрения деятельности институтов власти в 2018–2019 гг. (в % от числа опрошенных)*

Институты	2018 год						2019 год						Изменение	
	фев.	апр.	июнь	авг.	окт.	дек.	фев.	апр.	июнь	авг.	окт.	дек.	окт. 19 к окт. 18	окт. 19 к июн. 18**
Президент РФ	68,7	68,1	70,1	65,9	63,5	61,9	58,7	55,9	55,7	55,8	54,1	-7	-9	-16
Председатель Правительства РФ	48,3	49,9	52	47,4	45,2	45,3	41,6	38,8	40,9	43,1	41,1	-7	-4	-11
Губернатор области	39,3	39,5	40,5	37,3	35,7	38,3	36,5	34,7	35,4	36,1	35,6	-5	0	-5
Правительство РФ	40,5	41,9	44,4	40,1	38,5	39	36	33,8	36	37,9	35,1	-6	-3	-9
Главы местных администраций	38,9	39,9	40,7	37,4	36,5	37,4	36,4	34,3	34,7	34,8	32,7	-4	-4	-8
Совет Федерации РФ	34,6	35,3	36,9	33	32,3	33,4	31,5	29,5	31,3	32,2	29,9	-5	-2	-7
Государственная Дума РФ	32,7	33,7	35,5	31,7	30,5	31,1	29,6	27,9	29,9	30,3	28,5	-5	-2	-7
Законодательное собрание	31,6	31,9	33,9	30,9	28,6	29,4	27,2	25,8	27,9	28,0	27,7	-5	-1	-6

* Ранжировано по данным на октябрь 2019 г.
** Приведено сравнение с июнем 2018 г., поскольку именно в этом месяце были достигнуты наиболее высокие показатели уровня одобрения деятельности Президента – «базовая точка», после которой началось постепенное снижение доли положительных оценок его работы.
Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

После того как В. Путин выступил с публичным заявлением в СМИ с разъяснениями, существенными корректировками пенсионной реформы и поддержал её (29 августа 2019 г.), снижение уровня одобрения деятельности органов власти прекратилось.

Тот факт, что в целом за период с июня 2018 по октябрь 2019 г. уровень одобрения деятельности органов власти существенно снизился (причём самого Президента – на 16 п.п., с 70 до 54%), объясняется, скорее, «накопительным эффектом» – нарастанием ожиданий в «прорывном» или хотя бы ощутимом улучшении качества жизни, а не результатом каких-либо «точечных» реформ, встреченных россиянами резко отрицательно. На это указывает отсутствие положительной динамики в уровне одобрения основных институтов страны с июня 2018 г. Таким образом, следует констатировать, что «ручной» стиль управления всей системой государственной власти в последние годы не приносит позитивных результатов.

Как общество оценивает систему государственного управления без привязки к личности Президента РФ? Ответ на этот вопрос дает анализ электоральных предпочтений граждан по итогам, лишённых «фактора Путина», выборов в Государственную Думу, выборов депутатов законодательных органов власти и руководителей регионов.

Как показывают результаты наших расчетов, основанных на официальных данных ЦИК, этот общий фактор для выборов федерального и регионального уровней влияет на итоги голосования больше, чем их объективные отличия. Известно, например, что федеральный уровень всегда привлекает большее внимание избирателей, чем региональный (это, в частности, видно по явке избирателей). Известно также, что на парламентские выборы «Единая Россия» выходит с лозунгом «Партия Президента», а когда речь идет об отношении к региональной власти, то сразу всплывают и коррупционные скандалы, и весь негатив, связанный с решением повседневных проблем. «Наибольший уровень недовольства населения, – как считают социологи, – фокусируется в органах местного самоуправления, что вполне естественно, учитывая их близость к каждодневной жизни граждан и за работой которых можно следить не только по телевизору»²⁵.

Тем не менее, судя по результатам анализа, и на региональных, и на федеральных выборах тенденции поддержки правящей партии, пред-

²⁵ Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем? : информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования. М., 2015. С. 15.

Выборы в законодательные органы в период 2017–2019 гг.

2017 год*

Партии, явка	Справочно: выборы в Государственную Думу РФ (итоги по соответствующим регионам, в %)						Выборы в законодательные органы					
	Факт			Изменение			в %			в чел.		
	2007	2011	2016	2011 к 2007	2016 к 2011	2016 к 2011	2012	2017	2017	2012	2017	2017 к 2012 г.
Единая Россия	65,04	52,13	55,96	-12,91	+0,98	55,50	62,27	62,27	6,77	1923972	2774232	+850260
КПРФ	12,40	20,32	14,80	+7,93	-5,53	15,08	12,88	12,88	-2,20	300010	520939	+220929
ЛДПР	7,75	11,53	12,31	+3,78	+0,78	7,45	8,39	8,39	+0,94	302198	369162	+66964
Справедливая Россия	7,24	10,60	4,62	+3,36	-5,98	7,54	6,00	6,00	-1,54	304849	212625	-92224
Остальные партии						11,84	7,77	7,77	-4,07	242591	138229	-104362
Явка	61,22	62,22	51,45	+1,00	-10,77	43,16	44,59	44,59	+1,43	3390260	4127238	+736978

* 6 регионов: Республика Северная Осетия-Алания, Удмуртская Республика, Красноярский край, Пензенская область, Саратовская область, Сахалинская область.

2018 год*

Партии, явка	Справочно: выборы в Государственную Думу РФ (итоги по соответствующим регионам, в %)						Выборы в законодательные органы					
	Факт			Изменение			в %			в чел.		
	2007	2011	2016	2011 к 2007	2016 к 2011	2016 к 2011	2013	2018	2018	2013	2018	2018 к 2013 г.
Единая Россия	63,22	45,11	48,56	-17,99	+5,18	51,62	41,54	41,54	-10,07	4960506	3742003	-1218503
КПРФ	11,20	21,00	16,31	+9,95	-4,69	13,78	23,14	23,14	+9,36	925607	1542165	+616558
ЛДПР	8,77	13,04	15,82	+3,86	+2,78	8,40	15,04	15,04	+6,64	578969	964524	+385555
Справедливая Россия	8,43	15,05	6,50	+6,69	-8,55	6,67	8,66	8,66	+1,99	435165	600149	+164984
Остальные партии						16,27	7,79	7,79	-8,47	877282	478210	-399072
Явка	63,23	57,43	47,05	-5,54	-10,39	39,25	38,73	38,73	-0,85	7898331	7622588	-275743

* 16 регионов: Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Калмыкия, Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия, Забайкальский край, Архангельская область, Владимирская область, Ивановская область, Иркутская область, Кемеровская область, Ростовская область, Смоленская область, Ульяновская область, Ярославская область, Ненецкий автономный округ.

2019 год*

Партии, явка	Справочно: выборы в Государственную Думу РФ (итоги по соответствующим регионам, в %)						Выборы в законодательные органы					
	Факт			Изменение			в %			в чел.		
	2007	2011	2016	2011 к 2007	2016 к 2011	2016 к 2011	2014	2019	2019	2014	2019	2019 к 2014 г.
Единая Россия	71,99	60,96	60,86	-11,03	-0,53	66,57	51,91	51,91	-14,65	5007455	3314596	-1692859
КПРФ	9,51	16,79	13,24	+7,28	-2,74	10,29	17,06	17,06	+6,76	828099	1261988	+433889
ЛДПР	5,97	8,27	10,42	+2,30	+1,63	6,77	14,48	14,48	+8,17	460608	814033	+353425
Справедливая Россия	5,99	9,26	3,88	+3,28	-5,33	5,12	6,80	6,80	+1,57	405008	498035	+93027
Остальные партии						9,13	9,34	9,34	+0,20	841728	1164157	+322429
Явка	71,80	71,97	58,63	+0,17	-11,42	52,01	47,45	47,45	-4,56	7819185	7282171	-537014

* 13 регионов: Республика Алтай, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Крым, Республика Марий Эл, Республика Татарстан, Республика Тыва, Хабаровский край, Брянская область, Волгоградская область, Тульская область, г. Москва, г. Севастополь.

Выборы на должность главы региона в период 2017–2019 гг.

2017 год*

Партия, явка	Выборы главы региона												
	Справочно: выборы в Государственную Думу РФ (итоги по соответствующим регионам, в %)					в %					в чел.		
	2007	2011	2016	2011 к 2007	2016 к 2011	Факт	2012	2017	Изменение к 2012 г.	Факт	2012	2017	Изменение 2017 к 2012 г.
Единая Россия	62,83	44,55	48,56	-18,28	+4,01	62,89	74,80	+11,91	2479087	5377972	+2898885		
КПРФ	11,04	20,01	14,33	+8,97	-5,68	14,44	10,19	-4,25	410060	773329	+363269		
ЛДПР	9,40	13,25	15,03	+3,85	+1,78	8,15	6,64	-1,51	226456	424520	+198064		
Справедливая Россия	8,02	15,41	7,59	+7,39	-7,82	5,80	5,76	-0,04	33540	226394	+192854		
Остальные партии	Анализ данных по выборам в Государственную Думу												
Самовыдвижение, выдвигание избирателями	осуществлялся только по партиям, прошедшим в парламент												
Явка	64,70	59,71	47,02	-4,99	-12,69	48,78	3,19	-18,29	1228117	265384	-962733		

* 16 регионов: Республика Бурятия, Республика Карелия, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Пермский край, Белгородская область, Калининградская область, Кировская область, Новгородская область, Рязанская область, Саратовская область, Свердловская область, Томская область, Ярославская область, Омская область, Севастополь.

2018 год*

Партия, явка	Выборы главы региона												
	Справочно: выборы в Государственную Думу РФ (итоги по соответствующим регионам, в %)					в %					в чел.		
	2007	2011	2016	2011 к 2007	2016 к 2011	Факт	2013	2018	Изменение к 2013 г.	Факт	2013	2018	Изменение 2018 к 2013 г.
Единая Россия	61,20	43,23	46,28	-17,97	+3,04	74,88	62,99	-16,53	11820982	7542935	-4278047		
КПРФ	12,58	21,82	15,71	+9,23	-6,10	16,29	19,58	+5,11	1548383	1748890	+200508		
ЛДПР	9,77	14,37	16,68	+4,60	+2,31	6,77	14,82	+9,28	772237	1819064	+1046827		
Справедливая Россия	7,65	13,70	6,80	+6,05	-6,90	4,33	7,45	+2,89	489990	882723	+392733		
Остальные партии	Анализ данных по выборам в Государственную Думу												
Самовыдвижение, выдвигание избирателями	осуществлялся только по партиям, прошедшим в парламент												
Явка	63,56	57,84	46,62	-5,72	-52,34	44,79	42,95	-1,84	1735396	15734149	-1619247		

* 22 региона: Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия, Алтайский край, Красноярский край, Приморский край**, Хабаровский край, Амурская область, Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область, Кемеровская область, Магаданская область, Московская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Омская область, Орловская область, Псковская область, Самарская область, Тюменская область, г. Москва, Чукотский автономный округ.

2019 год*

Партия, явка	Выборы главы региона												
	Справочно: выборы в Государственную Думу РФ (итоги по соответствующим регионам, в %)					в %					в чел.		
	2007	2011	2016	2011 к 2007	2016 к 2011	Факт	2014	2019	Изменение 2019 к 2014 г.	Факт	2014	2019	Изменение 2019 к 2014 г.
Единая Россия	62,83	45,98	47,20	-16,85	+1,22	74,53	71,50	-3,04	7781063	4884756	-2896307		
КПРФ	11,42	19,38	14,42	+7,96	-4,97	11,47	14,79	+3,33	768109	891525	+123416		
ЛДПР	8,52	13,45	16,59	+4,93	+3,14	5,02	8,21	+3,19	364388	496782	+132394		
Справедливая Россия	9,83	15,42	7,68	+5,59	-7,75	5,45	5,27	-0,18	115357	382262	+266905		
Остальные партии	Анализ данных по выборам в Государственную Думу												
Самовыдвижение, выдвигание избирателями	осуществлялся только по партиям, прошедшим в парламент												
Явка	63,03	56,88	44,40	-18,64	-12,48	43,97	44,58	+0,60	9816692	9707126	-109566		

* 16 регионов (без учета глав субъектов РФ, назначенных через голосование в парламенте): Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Капмыкия, Забайкальский край, Ставропольский край, Астраханская область, Волгоградская область, Вологодская область, Курганская область, Мурманская область, Липецкая область, Курская область, Орловская область, Сахалинская область, Челябинская область, г. Санкт-Петербург.

ставляющей интересы властвующей элиты страны, имеют во многом схожую и, надо отметить, негативную динамику.

По итогам региональных выборов 2017 г. поддержка доминирующей в парламенте партии усилилась: в целом по 6 регионам, в которых проходили выборы в законодательные органы, за её представителей было отдано почти на 1 млн. голосов больше, чем в ходе предыдущих выборов (табл. 3; вкладка 3)²⁶.

На выборах руководителей субъектов РФ (в 16 регионах) в 2017 г. число голосов, отданных за правящую партию, увеличилось почти на 3 млн. (табл. 3; вкладка 4). Возможно, эти положительные изменения были связаны с новыми надеждами людей на очередной политический сезон и конституционное большинство «Единой России» в Государственной Думе.

Таблица 3. Изменение количества избирателей, проголосовавших за «Единую Россию» на региональных выборах 2017–2019 гг., млн. чел.

Вид выборов	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Выборы в законодательные органы государственной власти	+0,9 (6)*	-1,2 (16)	-1,7 (13)
Выборы глав субъектов РФ	+2,9 (16)	-4,3 (22)	-2,9 (16)
* В скобках указано число регионов, в которых проходили выборы.			

Однако позитивные изменения оказались недолговременными. Уже в 2018 г. на выборах в законодательные органы государственной власти, проходивших в 18 субъектах РФ, за представителей «Единой России» проголосовало на 1,2 млн. человек меньше, а на выборах руководителей регионов (в 22 субъектах РФ) — меньше на 4,3 млн. человек (табл. 3;

²⁶ В исследовании каждый регион рассматривался отдельно и под «предыдущими выборами» имелись в виду выборы в законодательные органы или на должность главы субъекта РФ в данном конкретном регионе. Например, в 2017 г. выборы в законодательные органы проходили в 6 субъектах РФ (республики Северная Осетия-Алания и Удмуртская, Красноярский край, Пензенская, Саратовская, Сахалинская области). Предыдущие выборы в Северной Осетии проходили 14 сентября 2014 г., в Удмуртской Республике — 13 сентября 2015 г., в Пензенской области — 14 октября 2012 г. и т.д.

вкладка 3–4). В четырех регионах (Хабаровский и Приморский края, Республика Хакасия и Владимирская область) для окончательного определения главы субъекта РФ потребовался второй тур.

Итоги региональных выборов 2019 года можно трактовать по-разному. «Единая Россия» подошла к ним в достаточно непростых условиях: многие эксперты прогнозировали для нее непростой ход голосования — вторые туры, протестные выступления... Массовые беспорядки в столице, связанные с недопуском независимых кандидатов на выборы в Московскую городскую думу, наглядно показывают, насколько высоким был «градус» общественных настроений.

Мухин А. (гендиректор Центра политической информации): «Те процессы, которые происходили в прошлом году, которые привели к вторым турам на губернаторских выборах и победе в ряде регионов оппозиционных кандидатов — все это присутствует и сейчас».

Миронов Н. (руководитель Центра экономических и политических реформ): «Один из важнейших признаков этих выборов — очень высокая непредсказуемость... Много где в регионах существует риск вторых туров... В любом случае (в первых турах) кандидаты будут выигрывать на выборах с небольшими процентами»²⁷.

Пожалов А. (политолог): «Массовые протесты происходят, когда число критиков власти, в том числе президента, приближается к половине населения, а большинство считает, что страна движется в тупик. Сегодня мы вплотную приближаемся к этим показателям».

Фетисов Д. (политконсультант): «Возникновение волны протестов весьма вероятно. Ее могут стимулировать недовольство появлением в коммунальных платежах расходов на вывоз бытовых отходов и значительное повышение цен на товары и услуги»²⁸.

²⁷ Эксперты прогнозируют вторые туры и коалиции на региональных выборах // РИА-новости 2019. 5 июня. <https://ria.ru/20190605/1555267886.html>

²⁸ Год десакрализации: что политологи ожидают от 2019 года // Сайт РБК 5 янв. 2019 г. <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2019/5c24e8f39a7947a0658b798d>

Однако в конечном итоге Единый день голосования 9 сентября 2019 г. стал не только одной из самых масштабных, но и одной из самых спокойных выборных дат за последние годы²⁹. В отличие от прошлогодних выборов, нигде не потребовалось второго тура; во всех регионах победили либо представители «Единой России» (в 10 регионах), либо самовыдвиженцы, активно ею поддерживаемые (в 6 субъектах РФ)³⁰. На встрече с Президентом председатель Центризбиркома Э. Памфилова подчеркнула, что «кампания, как никогда, прошла довольно хорошо»³¹.

С этой точки зрения нельзя не сказать, что правящая партия сумела избежать основных проблем, вызывающих тревожные опасения политологов. Хотя ей и не удалось переломить тенденции, которые отмечались на предыдущих выборах федерального и регионального уровня: в 2019 г. на выборах в законодательные органы государственной власти, проходивших в 13 регионах, за «Единую Россию» проголосовало еще на 1,7 млн. человек меньше по сравнению с результатами 2018 г. (табл. 3; вкладка 3), а на выборах глав регионов (в 16 субъектах РФ) – меньше на 2,9 млн. человек (табл. 3; вкладка 4).

Таким образом, 52% голосов, которые получила партия власти в 2019 г. на выборах в законодательные органы (в среднем по 13 регионам страны), и 72% голосов, которые она получила на выборах глав регионов (в среднем по 16 регионам), – это, конечно, недостижимые пока показатели для ближайших «конкурентов» среди парламентских партий (КПРФ, представители которой набрали соответственно 17 и 15% голосов, и ЛДПР – соответственно 7 и 5%). **Однако трактовать позитивно этот результат можно только в том случае, если не обращать внимание на динамические изменения электоральных предпочтений россиян.**

²⁹ Итоги выборов-2019: победа Кремля или провал власти? // Политонлайн.ру 9 сент. 2019 г. <http://www.politonline.ru/interview/22894497.html>

³⁰ Без учета регионов, в которых руководители были определены путем голосования в парламенте.

³¹ Встреча В. Путина с председателем Центризбиркома Э. Памфиловой 9 октября 2019 г. // Сайт Президента РФ. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/61762>

На деле «самые спокойные» выборы показали продолжение тревожных тенденций, отмечающихся уже как минимум 12 лет (с думских выборов 2007 года). На последних трех думских выборах (в период с 2007 по 2016 г.) «Единая Россия» потеряла почти 17 млн. голосов избирателей, а за последние 2 года (2018–2019) – почти 3 млн. сторонников на выборах в законодательные органы и более 7 млн. – на выборах руководителей субъектов РФ. **Другими словами, поддерживая непосредственно Президента, российское общество оказывает всё меньше доверия властвующей элите в лице представляющей ее интересы «Единой России», и это вызывает серьезные опасения по поводу транзита государственной власти в новый политический сезон.**

Что-либо сдвинуть в позитивную сторону в отношении данного вопроса способны только реальные, осязаемые изменения в решении таких ключевых вопросов, волнующих население, как преодоление чрезмерного неравенства, достижение социальной справедливости, рост уровня и качества жизни... Итоги голосования на выборах, лишенных «фактора Путина», свидетельствуют о том, что этих изменений люди пока не чувствуют.

Мы исчерпали и негативные возможности 90-х годов и положительные возможности путинского правления. Всё исчерпано полностью. Если мы хотим сделать что-то хорошее, мы должны делать это за пределами формата, сложившегося сейчас, либо мы возвращаемся не просто в 90-е, но в никуда... **Что с нами будет после окончания срока правления Путина? Народ будет привлечен к фундаментальному историческому выбору.** Даже если нас отстранят, наш долг прорвать отстранение и все-таки сказать «да» или «нет» нашему будущему. Народ не может не решать – мы приближаемся к критической точке нашей истории... Если мы не примем решение, мы решим «не быть». Это предрешено логикой нашей истории – после столетия существования на периферии самих себя мы можем вернуться к себе. Путин не решил это, но сделал это возможным³².

³² Дугин А. Самое важное событие будущего // Завтра. 2019. 16 мая. Реж. дост.: http://zavtra.ru/blogs/samoe_vazhnoe_sobitie_budushego

В то же время итоги голосования позволяют говорить о высокой степени понимания российским обществом ситуации, в которой находится Россия на сегодняшний день. Никакие оптимистические прогнозы, предвыборные обещания или корректировки в методах исчисления бедности не оказывают существенного влияния на общие итоги голосования: поддержка политической силы, представляющей интересы властвующих элит, продолжает снижаться. «Людам неинтересны абстрактные обещания, — как отметил В. Путин на одном из совещаний по реализации нацпроектов, — гражданам важен результат, и не в отдалённом будущем, а сейчас»³³.

На наш взгляд, это крайне важный момент, поскольку именно обществу, всё более осознающему свою субъектность как актора политических отношений, очень скоро придется делать «фундаментальный исторический выбор», выстраивая отношения с преемником Президента.

До 2024 года у Президента остается не более четырех лет, и во многом от него будет зависеть то, на каком уровне напряженности будет находиться социальная ситуация в стране и насколько конкурентоспособной будет система государственного управления в следующем политическом цикле, в котором придется жить нам и нашим детям.

Литература

1. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40–53.
2. Бетелин В.В. России необходим отказ от «экономики услуг» и переход к экономике промышленного производства // Экономист. 2019. № 2. С. 3–12.
3. Цели устойчивого развития ООН и Россия: Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. М., 2016. 44 с.
4. Ивантер В.В. Возможности ускорения темпов экономического роста в России // Общество и экономика. 2019. № 7. С. 5–11.
5. Россию ждёт революция? Вопросы перехода к постлиберальной модели России (алгоритм и сценарии) / Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. М.: Наука и политика, 2016. 712 с.
6. Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем? : информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования. М., 2015. 23 с.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, главный редактор научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

³³ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 8 мая 2019 г. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60485>

Ilyin V.A., Morev M.V.

The 2018–2019 Regional Election: Voters' Trust in the Authorities Continues to Decline

Abstract. September 8 was a single voting day in Russia: 13 constituent entities of the Russian Federation elected deputies of state legislative bodies*; 19 constituent entities elected their heads**. This was one of the main events of 2019 for the domestic political life of Russia, because the results of the elections, in fact, reflect the socio-political agenda of today; they show people's attitude toward the political and economic course implemented by the Russian government and serve as a criterion for assessing its effectiveness. The following materials provide an analysis of the electoral preferences of Russians, manifested in the level of support for the head of state and reflecting the interests of the ruling elites of the United Russia party; in the dynamics of voter turnout in Russia and in the number of votes cast for parliamentary parties representing the systemic opposition. To obtain an objective "picture" of today, we analyse the results of the previous elections (2017–2018), as well as the last three elections to the State Duma (2007, 2011, 2016) and the presidential elections in which Vladimir Putin took part (2000, 2004, 2012, 2018).

Key words: elections, electoral preferences, President, trust, public administration efficiency.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Editor-in-Chief of the academic journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

* The republics of Altai, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia, Crimea, Mari El, Tatarstan, Tyva; Khabarovsk Krai; Bryansk, Volgograd, Tula oblasts; the cities of Moscow and Sevastopol.

** The republics of Altai, Bashkortostan, Kalmykia; Zabaikalsky and Stavropol krais, the Astrakhan, Volgograd, Vologda, Kurgan, Kursk, Lipetsk, Murmansk, Orenburg, Sakhalin, Chelyabinsk oblasts; Saint Petersburg, as well as the republics of Kabardino-Balkaria, Ingushetia and Crimea, in which the heads of constituent entities of the Russian Federation were appointed through a vote in Parliament.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.2

УДК 338.2, ББК 65.04

© Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н.

Методика определения опорных поселений российской Арктики*

Виктор Вильгельмович

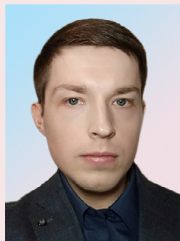
ФАУЗЕР

ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН

Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26

E-mail: fauzer.viktor@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8901-4817; ResearcherID: N-9048-2017

Андрей Владимирович

СМИРНОВ

ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН

Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26

E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6952-6834; ResearcherID: N-8102-2017

Татьяна Степановна

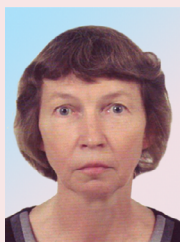
ЛЫТКИНА

ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН

Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26

E-mail: tlytkina@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1972-9080; Researcher ID: N-9076-2017

Галина Николаевна

ФАУЗЕР

ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН

Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26

E-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru

ORCID: 0000-0002-1616-8102; ResearcherID: H-5021-2018

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ проекта «Факторы и механизмы взаимовлияния миграционных процессов и динамики социально-экономического развития арктических регионов России» (2018–2020, проект №18-010-00509).

Для цитирования: Методика определения опорных поселений российской Арктики / В.В. Фаузер, А.В. Смирнов, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 25–43. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.2

For citation: Fauzer V.V., Smirnov A.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Methodology for defining pivotal settlements in the Russian Arctic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 25–43. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.2

Аннотация. В начале XX в. одновременно с разведкой месторождений полезных ископаемых, их добычей и транспортировкой в южнее расположенные регионы начинает формироваться система расселения в районах нового хозяйственного освоения Севера России. Накопленной в XVIII–XIX вв. практики по строительству городов как торговых и промышленных центров, морских портов и военных поселений в отдаленных местностях было недостаточно. Необходимо было определиться с формами расселения, количественными параметрами создаваемых населенных пунктов, степенью их комфортности. В результате дискуссий и приобретенных знаний было достигнуто согласие о строительстве крупных городов с постоянным населением. Предлагалось создавать на Севере базовые города, а в прилегающих районах опорные города, выполняющие инфраструктурные функции. Были предложены количественные ориентиры по численности населения для каждой группы поселений: опорные – 300 тыс. жителей, базовые – 80-150 тыс., промышленные – 15-30 тыс., вахтенные и экспедиционные поселки – 3-5 тыс. жителей. С выделением на Севере России Арктической зоны как самостоятельного объекта управления, включающей 9 опорных зон, появилась потребность обосновать каркас расселения, отвечающий новым требованиям. Исходя из этого, в работе ставится цель разработать методику расчета индекса опорного поселения, позволяющего отнести городское поселение: к многофункциональному опорному поселению; к опорному поселению; к поселению имеющего перспективы стать опорным; к поселению, не соответствующему критериям опорного. Построение индекса опорных поселений основано на трех методологических принципах: комплексности, целостности, учета агломерационного эффекта. Расчет индекса опорных поселений Арктики базируется на концепции демографической гравитации. Полученные результаты позволили определить для каждой опорной зоны Арктики опорные поселения, центры развития прилегающих территорий.

Ключевые слова: Арктика, население, расселение, опорные зоны, опорные и базовые города.

Введение

Роль российской Арктики в экономическом развитии страны сложно переоценить. В 2017 г. здесь было добыто 90,4% всего природного газа России, 24,7% попутного газа, 17,6% нефти, 10,8% железорудного концентрата, произведено более половины платины, никеля, кобальта, меди, 15,0% рыбы и рыбопродуктов¹.

Формирование системы расселения в северных и арктических регионах прошло несколько этапов. Период 1930-х гг. был экспериментальным для строительства городов и поселков городского типа (пгт). Для 1940-х гг. характерно бурное наращивание темпов экономического развития Севера. В последующие годы, наряду с промышленным и градостроительным освоением, продолжался широкий геологический поиск, открывались новые уникальные месторождения. Заселение районов Крайнего Севера в 1970-е гг. проходило под возрастающим влиянием НТР.

¹ Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации / Росстат. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/arc_zona.html

В период раннего освоения для Севера была характерна очаговая структура расселения с тенденцией к территориальному расширению на базе социально-экономических связей между промышленными очагами и экономически развитыми районами средней полосы [1, с. 17-20]. Сплошного территориального освоения в Арктике никогда не было и быть не могло из-за крайне неблагоприятных природно-климатических условий и слишком высоких затрат на все виды производственных работ, социальную инфраструктуру и содержание персонала. Кроме того, сплошное территориальное освоение в арктических широтах недопустимо и по экологическим соображениям. Словом, очаговый тип освоения на базе крупных месторождений стратегических видов полезных ископаемых и сегодня, и в будущем остается единственно приемлемым в Арктике [2, с. 31].

В.И. Кондратьева отмечает, что «свойственные российской Арктике характеристики пространства, такие как очагово-дисперсный характер расселения, неразвитость дорожно-транспортной инфраструктуры, чрезвычайно высокие издержки жизнеобеспечения из-за

экстремальных природно-климатических условий, определяют преимущество данного территориального подхода в целях концентрации ресурсов на развитии опорного расселенческого и инфраструктурного каркасов» [3, с. 6].

В работе предлагается модель опорных поселений, в основе которой лежит концепция демографической гравитации. Опорная сеть призвана способствовать экономическому развитию страны и комфортному проживанию населения в российской Арктике. Особое внимание уделено изучению многолетней практики строительства населенных пунктов для проживания постоянного населения. Данный опыт отличается от зарубежной практики, в основе которой лежит строительство временных поселений.

В 2010-е гг. подходы к развитию Севера России претерпели существенные изменения: от освоения всех северных территорий вектор развития был смещен на арктическое пространство. Из 11 млн. 931,1 тыс. кв. км Севера России в зону особого внимания попали 3 млн. 754,6 тыс. кв. км (31,5%), составляющие сухопутные территории АЗРФ. 2 млн. 406,4 тыс. человек, или 24,3% из 9 млн. 920,9 тыс. северян, стали жителями Арктики.

Сегодня большинство северных стратегий и программ развития нацелены на Арктику². Поменялась и парадигма отношения государства к северным территориям. Прежняя парадигма «от освоения к обживанию» трансформировалась на «переход от политики проживания к политике пребывания некоренного населения в условиях Крайнего Севера». Такой подход делает актуальным исследование вахтового метода организации труда, обоснование **сети опорных поселений**, центров развития арктического пространства.

² Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ); Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года»: постановление Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366 (в редакции постановления Правительства РФ от 31 августа 2017 г. № 1064); Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

Трансформация сети поселений от небольших поселков к опорным и базовым городам рассмотрена в рамках методологии «пространственного развития», которое можно определить как согласованные прогрессивные изменения в освоении и воспроизводстве природных ресурсов, размещении и внутреннем содержании производительных сил, в расселении населения и обустройстве среды жизнедеятельности [4, с. 97; 5, с. 22-25].

Объектом исследования выступает российская Арктика в границах, определенных Указом³ Президента РФ от 27.06.2017 г. № 287. В 2019 г. в состав АЗРФ вошли восемь улусов Республики Саха (Якутия), которые в статье не рассматриваются⁴. Цель исследования – разработать методику расчета индекса опорного поселения, позволяющего отнести городское поселение: к многофункциональному опорному поселению; к опорному поселению; к поселению, имеющему перспективы стать опорным; к поселению, не соответствующему критериям опорного. Были поставлены задачи: проанализировать трансформацию системы расселения российской Арктики; рассмотреть современные подходы к системе расселения на Севере России; проанализировать динамику населения и городских поселений российской Арктики; разработать методику и алгоритм расчета индекса опорных поселений; распределить городские поселения российской Арктики по соответствию критериям опорных поселений.

Информационную базу исследования составили данные Росстата, включающие базу данных показателей муниципальных образований, официальные сайты городов и поселков, сайты органов власти и государственных организаций, базы географических данных, нормативно-правовые акты регионального и федерального уровня.

³ О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.05.2014 г. № 296 (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 27.06.2017 г. № 287).

⁴ О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»: Указ Президента РФ от 13.05.2019 г. № 220.

Трансформация системы расселения: от больших поселений к опорным и базовым городам

В начальный период промышленного освоения российского Севера рабочие поселки создавались в непосредственной близости от мест приложения труда, по принципу — «жилье в пешеходной доступности от мест приложения труда». Такая форма расселения была особенно присуща Крайнему Северу. Это приводило к образованию обособленных, мелких, иногда временных, малоблагоустроенных поселений, функционально и планировочно не связанных друг с другом. В таких поселках численность населения составляла примерно 3 тыс., что влекло за собой повышенные градостроительные затраты за счет низкой плотности застройки. По мере выработки месторождений значительная часть поселков ликвидировалась [6, с. 159]. Главной проблемой этих поселков было то, что в них невозможно было создать условия для удовлетворения потребностей человека на уровне средней полосы. В последующем сложившаяся сеть расселения совершенствовалась через постепенное «втягивание» обособленных малых поселков в состав ведущего центра урбанизации [7, с. 241-245]. Другая проблема: на Севере всегда есть опасения преждевременного отмирания города, так как при истощении месторождений встает вопрос о том, что делать дальше с жильем — либо его бросать, либо искусственно продлевать жизнь города, создавая новые градообразующие объекты [1, с. 61]. Сегодня такая ситуация сложилась в городе Инта Республики Коми. Из 5 шахт, добывавших более 5 млн. т угля, в феврале 2019 г. закрылась последняя. У города и его жителей возникли серьезные проблемы: где работать? У Правительства республики нет однозначного ответа на вопрос: что же делать завтра, чем занять людей?

В этот период времени доминирующей стала точка зрения, что во вновь осваиваемых северных районах ведущую роль должны играть относительно большие города, так как именно в них возможно организовать больше источников культуры, активнее может идти духовное обогащение населения за счет общения и личных контактов, интенсивнее научная деятельность. Большие города станут центрами высокоразвитых систем расселения, без которых не мыслится дальнейшее строительство новых и развитие существующих городов [1, с. 24].

По мнению В.В. Покшишевского, «среди урбанистов стало высказываться мнение об оптимальном российском городе с населением порядка 50–300 тыс., иногда даже более точно — 150 тыс. жителей» [8, с. 102]. В.К. Свешников приводит количественные критерии «к определенным типам городов: *опорные* — 300 тыс. жителей, *базовые* — 80–150 тыс., *промышленные* — 15–30 тыс. жителей, *вахтенные и экспедиционные поселки*» [9, с. 11].

Стали считать, что основными типами городских поселений, обслуживающих людей на Севере, будут *опорные* (размещаемые за пределами зоны Севера) и *базовые* города (центры ТПК и промышленных узлов), а также пгт (промышленные, транспортные, организационно-хозяйственные).

Опорные города (свыше 200 тыс. жителей) — базы освоения прилегающих северных территорий. В них размещаются предприятия строительной индустрии, ремонтные, легкой промышленности, а также учреждения материально-технического снабжения. По мере возможности в них будут развиваться сеть вузов, научных и проектных организаций, комплексы обслуживания с учетом развития мобильных форм доставки услуг в районы Севера [7, с. 241-245].

Опорный город, как правило, находится в хороших природно-климатических условиях на юге Крайнего Севера или в средней полосе, это крупный центр промышленного или административного района, который одновременно является и центром высокоорганизованной системы расселения, и опорной базой освоения Севера [1, с. 81].

В базовых городах (50–100 тыс. жителей) сосредоточатся головные предприятия соответствующих ТПК и комплекс обслуживающих производств. В них должна быть сконцентрирована основная часть населения соответствующих систем расселения в пределах оптимального радиуса доступности, поэтому важна роль этих городов как транспортно-распределительных центров. В тех случаях, когда в базовом городе проживает сменный вахтовый персонал и его семьи, в нем дополнительно создаются жилой фонд и культурно-бытовые учреждения. По расчетам ЦНИИП градостроительства, стоимость городского строительства базовых городов при этом увеличивается на 5–10%.

Промышленные, транспортные или административно-хозяйственные *поселки* (3–5 тыс. жителей) — это дополнительные центры освоения наиболее удаленных районов Севера. Их роль особенно велика на начальных этапах освоения [7, с. 241–245].

В настоящее время можно встретить иное определение опорного города. Например, у О.П. Кузнецовой и Е.А. Юмаева опорный город понимается как базовый. Они пишут, «что в *опорных городах* проживают работники вахтенных поселков и члены их семей при экспедиционной системе расселения. Сегодня опорные поселения Арктической зоны одновременно рассматриваются и как центры промышленного и культурного развития Арктики, и как опорные базы освоения малонаселенных арктических территорий. Опорные города выступают звеньями цепи распространения технологий, повышая скорость диффузии инноваций» [10, с. 117].

Таким образом, в 1970–1980-е гг. было предложено считать опорными города с численностью населения от 200–300 тыс., расположенные за пределами зоны Севера, и базовые, северные города с населением от 50 до 150 тыс. человек. В свою очередь, изучив проблемы расселения в Мировой Арктике [11, с. 44–46; 12, с. 10–14], историю образования городских поселений в российской Арктике с XIV по XXI в., мы пришли к выводу, что большинство арктических городов должны иметь пределы роста: оптимальной для них является численность населения 50–100 тыс. человек [13, с. 127]. Однако наряду с ними успешно продолжают свое развитие Архангельск, Мурманск, Норильск и ряд других больших поселений.

Современные подходы к системе расселения Севера России

На протяжении XX–XXI вв. системе расселения уделялось достаточно много внимания. От ее научно обоснованной организации зависела обороноспособность страны, эффективность экономики, комфортность проживания и подвижность населения. Новая Россия все еще базируется на старом территориальном каркасе, который формировался в течение длительного исторического периода, но особенно активно в XX в. в рамках советской модели [14, с. 67]. В конце XX в. основные принципы расселения были заложены в документе долгосрочного

действия — «Генеральной схеме расселения на территории Российской Федерации». В ней отмечается, что в российских условиях наиболее подготовленными для выполнения функций *опорных межрайонных центров расселения являются города с населением порядка 100 тыс. человек*. Однако роль *опорных центров* можно возложить на отдельные города и с меньшим числом жителей. Такие города должны иметь выгодное транспортное положение, благоприятные предпосылки для размещения промышленных объектов, организаций МТС и строительные базы, благоприятные условия для развития предпринимательской деятельности.

В документе отмечено, что *формировать постоянные поселения в зонах Севера с неблагоприятными медико-географическими условиями не целесообразно*. Предлагается в подзоне Ближнего Севера, имеющей более благоприятные условия проживания и хозяйственной деятельности, размещать производства по переработке «северного сырья», развитие достаточно крупных городских поселений — *базовых центров* проживания населения, обслуживающих вахтовым методом объекты Крайнего Севера.

Совершенствование сети городских и сельских поселений требует учета зональных и секторальных особенностей Севера, ареалов сложившегося расселения и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народностей и предполагает: переход от *политики проживания к политике пребывания коренного населения* в этом регионе, особенно в условиях Крайнего Севера; углубление разделения труда между районами Севера и районами основной полосы расселения, развитие в последних *опорных центров освоения Севера*.

В схеме расселения для северных районов «рекомендуется максимально ограничить рост городов; обеспечить жесткий отбор лиц, прибывающих в северные районы, по профессиям и состоянию здоровья; постепенный переход к осуществлению плановой сменности трудящихся». Необходимо концентрировать население в перспективных поселениях со стабильной социально-экономической базой, не создавать новые мелкие поселения, шире внедрять вахтовый метод организации труда. Следует уделить пристальное внимание возрождению национальных поселений коренных народов Севера с сохранением в них традиционного уклада

жизни. Предстоит преодолеть усиливающуюся стагнацию малых и средних городских поселений, определяющих экономическую и социальную жизнь окружающих сельских районов⁵.

В дополнение к общей стратегии принимаются документы по отдельным регионам. Так, в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р, задачами государственной политики в Дальневосточном федеральном округе являются:

- формирование устойчивой системы расселения, опирающейся на региональные зоны опережающего экономического роста с комфортной средой обитания человека;

- формирование численности населения и трудовых ресурсов в объемах, необходимых для решения экономических задач, стоящих перед регионом, а также повышение качества человеческого капитала;

- сохранение и поддержка традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Российской Федерации⁶.

Дальнейшее развитие система расселения получила в «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года», в которой выделяются приоритеты развития: формирование крупных городских агломераций; строительство энергосберегающего жилья для работников агропромышленного комплекса и работников вахтовых смен на добывающих предприятиях; формирование опорной структуры поселений, обеспечивающих агропромышленный и добывающий комплексы высокопрофессиональной рабочей силой на постоянной и вахтовой основе; формирование перспективного планировочного каркаса системы расселения при сохранении зон приоритетного природопользования коренных малочисленных народов Севера.

⁵ Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации (одобрена Правительством РФ, протокол от 15.12.1994 № 31).

⁶ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р.

Предлагается перейти на принципиально новый технологический уклад инфраструктурного обустройства и обживания территории. Отмечается, что преобладающими формами «пространственной организации системы расселения станут: городские и сельские поселения как системообразующие элементы хозяйственного и культурного освоения территории и обеспечения коренных малочисленных народов Севера необходимыми социальными услугами; локальные системы расселения в зонах нового освоения, функционирующие по вахтовому принципу»⁷.

В то же время необходимо учитывать, что при реализации проектов в Арктике необходима поддержка уже существующих базовых приполярных городов, которые становятся поставщиками вахтовой рабочей силы, обслуживающей крупные арктические проекты [15, с. 27].

Население и городские поселения российской Арктики

На начало 2018 г. население Арктики проживало в 58 городских округах и муниципальных районах, в том числе в 39 городах, 40 пгт и 150 сельских поселениях. До 1989 г. число городских поселений постоянно росло и достигло своего пика — 125 поселений. К 2018 г. их число сократилось до 82, особенно сильно сократилось число пгт — с 93 до 43. При этом средняя и медианная людность городских населенных пунктов все годы росли, достигнув в 2018 г. 27,2 и 8,3 тыс. человек соответственно.

Сегодня на российскую Арктику возлагаются большие надежды по наращиванию экономического потенциала страны за счет освоения расположенных здесь природно-сырьевых ресурсов. Выполнение поставленных задач предполагает наличие в Арктике людских ресурсов, квалифицированных кадров в достаточном количестве. Однако демографическая динамика последних лет говорит о том, что здесь не все так благополучно. Достигнув в 1989 г. пика (3,4 млн. человек) численность населения к 2018 г. сократилась до 2,4 млн. человек, абсолютные потери арктических регионов составили 1,0 млн. человек (29,6%). Наиболее быстрыми

⁷ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 5 июля 2010 г. № 1120-р. URL: <https://rg.ru/2010/11/20/sibir-site-dok.html>

темпами сокращалось сельское население: если городское население в 2018 г. составило к уровню 1989 г. 71,1%, то сельское население – 64,7%. По числу жителей преобладают поселения с числом жителей менее 5 тыс. человек – 36 ед. (43,9%) (табл. 1).

Все города по численности населения делятся на малые – меньше 50 тыс., на средние – 50–100, на большие – 100–250 и на крупные города с численностью населения свыше 250 тыс. человек. Для нас практический и научный интерес представляют города, имеющие численность населения свыше 50 тыс. Число таких городов невелико, в разные годы их было не более 14. В 2018 г. этому критерию отвечало 9 городов, 4 перешли в ранг малых, а г. Талнах вошел в состав г. Норильска.

В российской Арктике два крупных города: Архангельск и Мурманск, в них проживает 645,1 тыс. человек, или 30,0% всего городского населения. Четыре города являются большими:

Северодвинск, Норильск, Новый Уренгой и Ноябрьск, их численность составляет 584,6 тыс. человек (27,2%). К числу средних городов относятся: Воркута, Апатиты и Североморск – 166,5 тыс. человек (7,8%). Малых городов – четыре: Надым, Мончегорск, Новодвинск и Кандалакша – 156,4 тыс. человек (7,3%). С 1989 года Новый Уренгой имеет положительный прирост населения, а с 2010 г. – Архангельск и Норильск (табл. 2).

Важной социально-экономической характеристикой системы расселения является равномерность расселения населения и распределения экономики. Площадь российской Арктики составляет 3,8 млн. кв. км, или 21,9% территории страны.

Площадь 24 ГО, в которых проживает 75% населения Арктической зоны, составляет лишь 0,7% от ее общей площади. Неравномерно размещена и арктическая экономика. Более половины (58,2%) отгруженных товаров, выполнен-

Таблица 1. Распределение городских поселений российской Арктики по численности населения и людности поселений, 1939–2018 гг.

Показатель	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2018 г.
Численность населения АЗРФ, тыс. человек,	980,8	1671,2	2209,4	2690,6	3420,2	2707,0	2480,6	2406,4
в т.ч. городское	677,1	1414,6	1885,7	2325,8	3020,3	2395,9	2207,1	2147,7
сельское	303,7	256,6	323,7	364,8	399,9	311,1	273,5	258,7
Число городских поселений,	29	95	106	115	125	106	85	82
в т.ч.:								
городов	13	19	25	28	32	40	39*	39
пгт	16	76	81	87	93	66**	46***	43***
Распределение городских поселений по численности населения, тыс. человек:								
более 100	2	3	4	5	5	4	6	6
50–100	0	2	1	3	9	7	3	3
20–50	5	7	12	15	14	13	14	13
10–20	6	15	14	15	19	18	16	13
5–10	6	15	19	16	22	15	13	11
менее 5	10	53	56	61	56	47**	33***	36***
Показатели людности городских поселений, человек:								
средняя	23349	14890	17790	20224	24163	23038	26915	27186
медианная	8385	4392	4543	4812	5478	5943	8555	8252
стандартное отклонение	54556	36787	48222	55763	62677	54022	58441	58660

* В 2004 г. города Талнах и Кайеркан вошли в состав г. Норильска, образован г. Тарко-Сале.
 ** Включая два без населения.
 *** Включая три без населения.

Таблица 2. Города российской Арктики с численностью населения свыше 50 тыс. человек, 1939–2018 гг.

Город	Год образования	Год							
		1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2018
1. Архангельск	1584	251,0	256,3	342,6	385,0	415,9	356,1	348,8	349,7
2. Мурманск	1916	119,4	221,9	308,6	380,8	468,0	336,1	307,3	295,4
3. Северодвинск	1938	21,3	78,7	144,7	197,2	248,7	201,6	192,4	183,3
4. Норильск	1953	–	109,4	135,5	180,4	174,7	134,8	175,4	179,6
5. Новый Уренгой	1980	–	–	–	–	93,2	94,5	104,1	114,8
6. Ноябрьск	1982	–	–	–	–	85,9	96,4	110,6	106,9
7. Воркута	1943	–	55,7	89,7	100,2	115,6	84,9	70,6	58,1
8. Апатиты	1966	–	–	45,6	62,0	88,0	64,4	59,7	56,1
9. Североморск	1951	–	28,1	40,9	50,1	62,1	55,1	50,1	52,3
10. Надым	1972	–	–	–	26,1	52,6	45,9	46,6	44,6
11. Мончегорск	1937	28,5	45,5	46,0	51,4	68,7	52,2	45,4	42,1
12. Новодвинск	1977	–	–	–	47,8	50,2	43,4	40,6	38,4
13. Кандалакша	1938	22,2	38,2	42,7	45,4	54,1	40,6	35,7	31,3
14. Талнах	1982	–	–	–	–	62,8	58,7	–*	–*

* Вошел в состав г. Норильска в 2004 г.

ных работ и услуг приходится на 3,5% площади. Причем почти четверть (24,3%) арктической экономики сосредоточена в Пуровском МР Ямало-Ненецкого АО. Около 0,5% территорий, на которых наиболее концентрированно проживает население, характеризуется и наивысшей концентрацией экономического производства. Однако есть и некоторые различия. Если лидерами по плотности населения являются ГО в западной части Арктики (Мурманск, Архангельск, Новодвинск), то лидирующие территории по степени концентрации экономики распределены по арктической территории более равномерно: Мурманск, Нарьян-Мар, Анадырь.

Чем это чревато для развития арктических территорий? Зона концентрации населения и, соответственно, социальных систем совпадает почти в точности с зоной наибольшего благоприятствования экономической деятельности, но степень поляризации системы расселения существенно ниже, чем в случае с экономическими полюсами. Кроме того, экономические полюса распределены в пространстве очень неравномерно между зоной наибольшего благоприятствования и экстремальными зонами. Это создает основу для стабильного расширенного воспроизводства отношений неравенства [16, с. 11–12]. Чтобы уменьшить воспроизводство неравенства, решается задача определения опорных поселений в каждой опорной зоне Арктики.

Методика и алгоритм расчета индекса опорных поселений

Сделаем ряд методических пояснений. На смену понятиям «Территории опережающего развития», «Особые/свободные экономические зоны» и т.д. к арктическим территориям стали применять термин «Опорные зоны развития»⁸. Ключевое слово – опорные. Однако в научной литературе 1970–1980-х гг., в современных нормативно-правовых документах используются два ключевых понятия – «опорный и базовый город». Им приписываются разные функции, они располагаются в зоне Севера либо за ее пределами, имеют разную численность населения. Чтобы избежать разночтения и учитывая то, что арктическое пространство разделено на девять *опорных зон* (ОЗ), мы в своем дальнейшем изложении будем использовать термин «*опорные поселения*» (ОП) применительно к арктическим городам и поселкам городского типа, отвечающим определенным критериям.

Сегодня в Арктике 82 города и пгт (в т.ч. 3 пгт без населения), но не все соответствуют термину «опорный». С учетом этого в работе предлагается авторская методика расчета индекса опорного поселения (ИОП), позволяющего отнести городское поселение: 1) к многофункциональному опорному поселению; 2) к опорному поселению;

⁸ О внесении изменений в постановление Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366: постановление Правительства РФ от 31 августа 2017 г. № 1064. URL: <http://government.ru/docs/29164/>

3) к поселению, имеющему перспективы стать опорным; 4) к поселению, не соответствующему критериям опорного поселения.

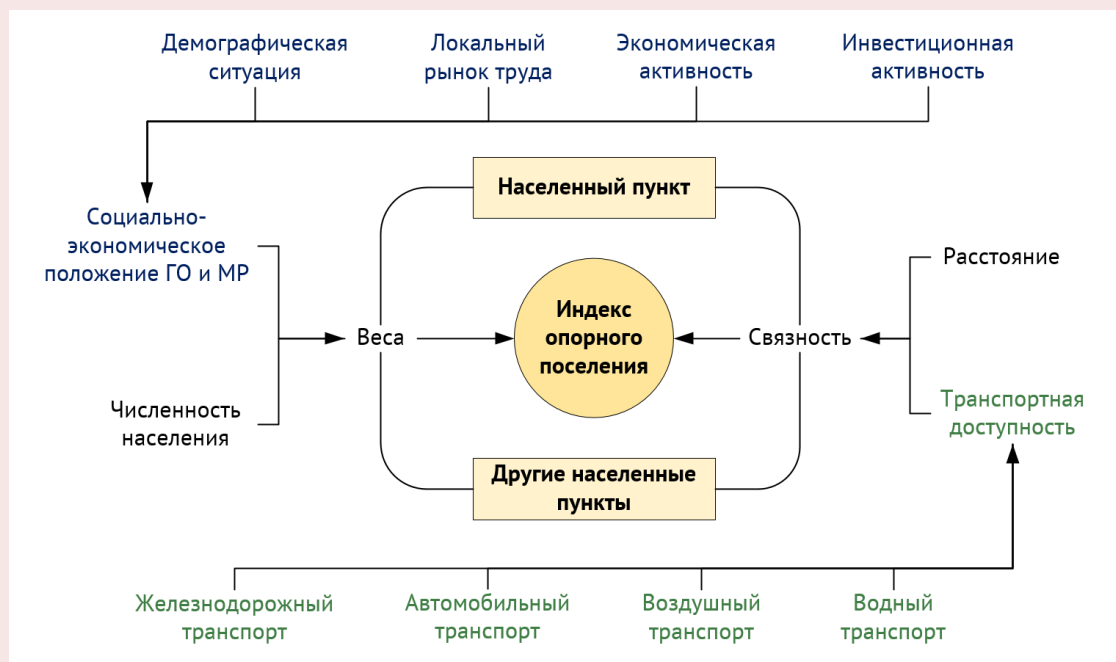
Построение индекса опорных поселений основано на трех методологических принципах. *Принцип комплексности* состоит в одновременном рассмотрении природно-географических, транспортных, социально-экономических факторов, инвестиционной активности с учетом их взаимовлияния. Согласно *принципу целостности*, Арктическая зона РФ рассматривается как единое пространство, хотя и разделенное на несколько опорных зон. *Принцип учета агломерационного эффекта* заключается в том, что более компактное размещение населения и предприятий приводит к повышению эффективности экономики и инвестиционной привлекательности территории [17; 18].

Расчет ИОП Арктики основан на концепции демографической гравитации, согласно которой демографическое поведение населения подчиняется закону, позаимствованному из физики: величина взаимодействия между двумя объектами в пространстве (например, поселениями) прямо пропорциональна произведению их массы и обратно пропорциональна расстоянию между ними [19]. Как понятие расстояния, так и понятие массы в демографии обычно

трактуются расширенно. Принимается во внимание не только географическое расстояние, но и транспортная доступность, социально-экономическая связность населенных пунктов. В рамках «массы» поселения кроме численности населения может рассматриваться его миграционная привлекательность, объем экономики, ситуация на рынке труда, качество жизни. Одним из наиболее известных вариантов расширения гравитационной модели в демографии стала радиационная модель мобильности населения, которая при определении миграционного потока между двумя поселениями учитывает параметры всей сети поселений в определенном радиусе [20].

Алгоритм расчета ИОП включает следующие шаги. Вначале вычисляются веса всех городских поселений Арктики. Далее рассчитывается матрица связности между всеми городскими поселениями АЗРФ с учетом их взаимной транспортной доступности и расстояния между ними. Наконец, итоговый индекс опорного поселения, отражающий степень соответствия населенного пункта требованиям опорного поселения, определяется для каждого города и пгт как сумма произведений значений весов и связностей со всеми городскими поселениями АЗРФ (рис. 1, формула 1).

Рис. 1. Концептуальная модель индекса опорного поселения Арктики

$$ИОП_i = \sum_j \sqrt{w_i w_j c_{i,j}}, \quad (1)$$

где $ИОП_i$ – индекс опорного поселения населенного пункта i ; w_i – вес населенного пункта i ; c_{ij} – связность населенных пунктов i и j . Слагаемое при $j=i$ отражает вклад в итоговый индекс самого поселения, а слагаемые при $i \neq j$ – вклад остальных связанных с ним поселений.

Вес поселения определяется численностью населения и его социально-экономическим положением в городском округе или муниципальном районе, где он находится. Выбрано четыре фактора, определяющих перспективы городских поселений стать опорными. Это демографическая ситуация и ситуация на рынке труда, так как для освоения Арктики требуются трудовые ресурсы. Кроме того, учитываются экономическая и инвестиционная активность. Чем выше степень развития и привлекательности экономики поселения, тем больше у него возможностей для накопления критической массы инвестиционных проектов, достаточной для развития не только самого поселения, но и прилегающих территорий.

Таким образом, чем выше вес населенного пункта и окружающих его поселений, тем больше у него оснований стать одним из опорных поселений Арктической зоны. Вес в свою очередь зависит от численности населения и социально-экономической ситуации в городском округе или муниципальном районе (ГО и МР), к которому относится поселение:

$$w_i = p_i \cdot \frac{1}{k} \sum_{j=1}^k \frac{s_i^j - s_{min}^j}{s_{max}^j - s_{min}^j}, \quad (2)$$

где p_i – численность населения населенного пункта i в тысячах человек; s_i^j – значение социально-экономического показателя j -го ГО/МР, в котором расположен населенный пункт i (от 0 до 1); s_{max}^j и s_{min}^j – максимальное и минимальное значения показателя по всем ГО и МР соответственно.

Учитываются равнозначно восемь показателей⁹ социально-экономического положения ГО и МР, составляющих четыре фактора:

⁹ База данных показателей муниципальных образований / Росстат. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/>

– демографической ситуации: коэффициенты естественного и миграционного прироста населения;

– локального рынка труда: среднемесячная заработная плата работников организаций, отношение среднесписочной численности работников организаций к численности населения;

– экономической активности: отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства), число субъектов малого и среднего предпринимательства (на 10 тыс. человек);

– инвестиционной активности: объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств), инвестиции в основной капитал за счет средств муниципального бюджета (на 1 человека).

Влияние, которое поселения оказывают друг на друга прямо пропорционально коэффициентам их связности, вычисляемым по формуле:

$$c_{ij} = \begin{cases} 1, & \text{если } i = j \\ t_{ij} \cdot (1 - 0,99 \cdot \log_{d_{max}}(d_{ij})), & \text{если } i \neq j \end{cases} \quad (3)$$

где t_{ij} – транспортная доступность между населенными пунктами i и j (от 0 до 1); d_{ij} – расстояние между населенными пунктами i и j в километрах; d_{max} – расстояние между наиболее удаленными друг от друга населенными пунктами в километрах.

Транспортная доступность между поселениями вычислялась суммированием четырех численных значений для разных видов транспорта в соответствии с *таблицей 3*.

Расстояние между городами и поселками определялось на основе их географических координат¹⁰ с помощью следующего варианта формулы Винсенти длины дуги на сфере [21]:

$$d_{ij} = R \cdot \arctan \left\{ \frac{\sqrt{(\cos \varphi_i \sin \Delta \lambda)^2 + (\cos \varphi_i \sin \varphi_j - \sin \varphi_i \cos \varphi_j \cos \Delta \lambda)^2}}{\sin \varphi_i \sin \varphi_j + \cos \varphi_i \cos \varphi_j \cos \Delta \lambda} \right\} \quad (4)$$

где $\varphi_i, \lambda_i, \varphi_j, \lambda_j$ – широта и долгота двух населенных пунктов в радианах; R – радиус Земли в километрах.

¹⁰ Географические координаты городов и поселков получены из базы данных GeoNames.org

Таблица 3. Таблица оценки транспортной доступности городов и пгт АЗРФ*

Вид транспорта	Транспортная доступность	Балл
Железнодорожный	Находятся на одной железной дороге	0,25
	Находятся на разных железных дорогах федеральной сети	0,15
	Связаны изолированной от федеральной сети железной дорогой	0,10
	Не связаны железной дорогой	0,00
Автомобильный	Связаны автомобильной дорогой федерального значения	0,25
	Связаны автомобильной дорогой	0,15
	Связаны изолированной от федеральной сети автодорогой	0,10
	Не связаны автомобильной дорогой	0,00
Воздушный	Есть аэропорты федерального значения	0,25
	Есть аэропорты	0,15
	Нет аэропорта хотя бы в одном из населенных пунктов	0,00
Водный	Связаны морскими портами	0,25
	Связаны речными портами	0,15
	Не связаны водным транспортом	0,00

* Использовались данные официальных сайтов городов и поселков, схемы с официального сайта Российских железных дорог, реестры аэродромов и портов с сайтов Федерального агентства воздушного транспорта и Федерального агентства морского и речного транспорта.

Согласно формуле 3, расстояние преобразуется по убывающей логарифмической шкале, в результате чего связность между наиболее удаленными друг от друга поселениями Арктической зоны (5551 км между пгт Малошуйка и пгт Беринговский) приравнивается к 1% от их транспортной доступности, а связность между поселениями, удаленными друг от друга на 1 км, – к 100%. Связность города с самим собой принимается равной 100%.

Распределение городских поселений российской Арктики по соответствию критериям опорных поселений

Алгоритм расчета ИОП реализован на языке программирования Python 3. Для всех 82 арктических поселений был рассчитан ИОП. Для дальнейшего анализа арктические поселения сгруппированы по европейской (см. табл. 4) и азиатской (см. табл. 5) частям Арктики. Для каждой группы поселений предложена следующая шкала ИОП: 1) многофункциональное опорное поселение – 60-175; 2) опорное поселение – 25-59; 3) имеющее перспективы стать опорным – 10-25, 4) не соответствует критериям опорного поселения – 0-10.

В первую группу многофункциональных поселений вошли города: Архангельск, Мурманск и Северодвинск. Среди арктических поселений Архангельск имеет наивысший индекс опорного поселения, обеспечиваемый как величи-

ной самого города, так и высокой степенью связности с другими поселениями. Он имеет два города спутника – Северодвинск и Новодвинск. Новодвинск расположен в 19 км от Архангельска, это узкоспециализированный город, который можно отнести к типу моногородов с присущими подобного рода поселениям проблемами. Северодвинск находится в 34 км от Архангельска. Это особый город, цитадель ВПК, крупнейший центр судостроения и судоремонта в Арктике. Население в радиусе 100 км от Архангельска составляет около 600 тыс. человек, или четверть от общей численности населения Арктической зоны России.

Численность населения в радиусе 100 км от Мурманска, включая ГО Североморск и поселения Кольского МР, превышает 450 тыс. человек, что делает его вторым по масштабу опорным поселением российской Арктики. Мурманский морской порт – один из крупнейших в России, крупнейший и незамерзающий порт Северного морского пути. Третье место Северодвинска обусловлено его выгодным географическим положением вблизи Архангельска, высоким человеческим потенциалом и наличием морского порта.

Во вторую группу опорных поселений вошли 6 поселений, 5 из которых расположены в европейской Арктике. Здесь можно выделить три города: Апатиты, Воркуту и Нарьян-Мар. Апа-

титы – один из крупнейших научных центров Арктики, обладающий высоким человеческим потенциалом, находится в центре Кольской опорной зоны. Воркута – единственный город Воркутинской опорной зоны. Она выступает в роли центра расселения для множества плотно расположенных поселков городского типа. Нарьян-Мар – также единственный город в Ненецкой опорной зоне, чем и объясняется его лидирующая роль.

Третья группа включает 20 городских поселений, 13 из них находятся в европейской Ар-

ктике. Крупнейшие из них по численности: Новодвинск, Оленегорск и Кемь. Последний город обладает наибольшим индексом в Карельской опорной зоне, что делает его локальным центром развития.

Четвертая группа самая многочисленная, ее составили поселения, не соответствующие критериям опорного поселения – 50, из которых 30 расположены в европейской части Арктики. По численности населения выделяются: г. Полярный, поселки городского типа Воргашор, Искаателей и Лоухи, г. Мезень (табл. 4).

Таблица 4. Индексы опорных поселений европейской части АЗРФ, 2017 г.

Ранг по ИОП	Город или пгт	Индекс опорного поселения	В том числе		Население, тыс. человек	Соц.-эк. положение ГО и МР
			центр	другие поселения		
Архангельская опорная зона						
1	г. Архангельск	174,8	89,3	85,5	351,5	0,25
3	г. Северодвинск	92,4	43,0	49,4	184,0	0,23
20	г. Онега	16,9	2,4	14,5	19,4	0,12
28	г. Новодвинск	11,7	6,6	5,1	38,7	0,17
43	г. Мезень	5,2	0,7	4,5	3,3	0,20
47	пгт Малошуйка	3,8	0,3	3,5	2,5	0,12
51	пгт Белушья Губа	3,2	0,7	2,5	2,4	0,29
62	пгт Каменка	1,8	0,4	1,4	2,1	0,20
Кольская опорная зона						
2	г. Мурманск	169,7	79,7	90,0	298,1	0,27
7	г. Апатиты	42,8	10,4	32,3	56,4	0,19
8	г. Мончегорск	36,4	8,7	27,7	42,6	0,20
11	г. Кандалакша	31,7	5,4	26,3	32,0	0,17
15	г. Оленегорск	23,8	4,1	19,7	21,0	0,20
16	г. Североморск	23,4	5,1	18,3	51,2	0,10
17	г. Ковдор	23,4	4,6	18,8	16,9	0,27
18	г. Полярные Зори	22,6	3,9	18,7	14,6	0,26
22	пгт Мурмаши	16,2	2,7	13,5	13,8	0,19
24	г. Кола	16,2	1,9	14,3	9,7	0,19
25	г. Заполярный	15,4	2,9	12,4	15,2	0,19
26	пгт Никель	12,9	2,2	10,7	11,6	0,19
29	г. Кировск	11,3	5,8	5,5	26,7	0,22
35	пгт Зеленоборский	8,2	1,0	7,2	5,7	0,17
42	г. Полярный	5,3	1,8	3,5	17,6	0,10
44	пгт Ревда	4,5	1,5	3,0	7,9	0,19
45	г. Гаджиево	4,3	1,3	3,0	12,9	0,10
46	г. Снежногорск	4,3	1,3	3,0	12,7	0,10
49	пгт Молочный	3,6	1,0	2,6	4,9	0,19
50	г. Заозерск	3,5	1,0	2,5	10,0	0,10
55	пгт Умба	2,8	0,8	2,0	4,7	0,17
56	пгт Сафоново	2,6	0,6	2,1	5,6	0,10
58	пгт Печенга	2,4	0,6	1,8	2,9	0,19
59	пгт Кильдинстрой	2,0	0,4	1,6	1,9	0,19
65	пгт Верхнетуломский	1,5	0,2	1,2	1,3	0,19
66	г. Островной	1,2	0,2	1,0	1,9	0,10
72	пгт Туманный	0,9	0,1	0,8	0,6	0,19

Окончание таблицы 4

Ранг по ИОП	Город или пгт	Индекс опорного поселения	В том числе		Население, тыс. человек	Соц.-эк. положение ГО и МР
			центр	другие поселения		
Воркутинская опорная зона						
9	г. Воркута	32,3	13,5	18,8	58,1	0,23
33	пгт Воргашор	9,1	2,4	6,7	10,3	0,23
37	пгт Северный	8,0	1,9	6,0	8,4	0,23
53	пгт Заполярный	3,1	0,4	2,7	1,5	0,23
60	пгт Комсомольский	2,0	0,2	1,9	0,7	0,23
64	пгт Елецкий	1,6	0,1	1,5	0,5	0,23
80	пгт Мульда	0,0	0,0	0,0	0,0	0,23
81	пгт Октябрьский	0,0	0,0	0,0	0,0	0,23
82	пгт Промышленный	0,0	0,0	0,0	0,0	0,23
Ненецкая опорная зона						
12	г. Нарьян-Мар	25,2	9,2	15,9	24,7	0,38
38	пгт Искателей	6,7	2,9	3,8	7,2	0,40
Карельская опорная зона						
27	г. Кемь	12,9	1,8	11,0	11,6	0,16
31	г. Беломорск	10,2	1,3	9,0	9,9	0,13
40	пгт Лоухи	6,1	0,4	5,7	4,1	0,11
48	пгт Чупа	3,8	0,2	3,5	2,3	0,11
54	пгт Пяозерский	3,0	0,2	2,8	1,7	0,11

В азиатской Арктике находится 31 городской населенный пункт (39,7%).

В первую группу многофункциональных поселений вошло три города: Новый Уренгой, Ноябрьск и Норильск. Новый Уренгой и Ноябрьск – два форпоста нефтегазовой промышленности Западной Сибири. Город Норильск – один из крупнейших в мире центров цветной металлургии.

Во вторую группу опорных поселений вошел лишь один город Надым, расположен в 290 км от г. Салехарда – центра Ямало-Ненецкого АО. Площадь населенного пункта составляет 185 кв. км. Основу экономики формируют газонефтедобывающие и газотранспортные предприятия.

В третью группу вошли семь городских поселений, имеющих перспективу стать опорными. Это города Тарко-Сале, Салехард, Лабытнанги, Муравленко, Губкинский и пгт Уренгой Ямало-Ненецкой ОЗ и г. Дудинка в Таймыр-Туруханской ОЗ. Значение Дудинки во многом формируется связностью с Норильском, а Ямало-Ненецкие поселения обладают высокими социально-экономическими характеристиками, что повышает их потенциал стать опорными поселениями.

В четвертую группу вошли 20 городских поселений, не соответствующие критериям ОП. Хотя многие из них выполняют в настоящее время ключевую роль в развитии своей опорной зоны, обладая высоким интеллектуальным потенциалом [22; 23] или сравнительными преимуществами в важных для арктической экономики сферах [24, с. 11; 25]. К таким можно отнести: города Игарку, Анадырь и Певек, пгт Тикси (табл. 5).

Таким образом, используя ИОП, учитывая исключительное значение отдельных поселений для локальных систем расселения и в формировании опорных зон развития и обеспечении их функционирования, создании условий для ускоренного социально-экономического развития АЗРФ, можно предложить опорные поселения для каждой арктической ОЗ. Для Архангельской ОЗ опорным поселением выступит Архангельск, включая Северодвинск. Города и пгт включались в одно ОП, если расстояние между ними меньше 50 км. В Кольской ОЗ можно выделить две точки развития: Мурманск и Апатиты–Мончегорск. В Воркутинской ОЗ – Воркуту, включая пгт Воргашор. В Ненецкой ОЗ – Нарьян-Мар, вместе с пгт Искателей. В Карельской ОЗ –

Таблица 5. Индексы опорных поселений азиатской части АЗРФ, 2017 г.

Ранг по ИОП	Город или пгт	Индекс опорного поселения	В том числе		Население, тыс. человек	Соц.-эк. положение ГО и МР
			центр	другие поселения		
Ямало-Ненецкая опорная зона						
4	г. Новый Уренгой	75,0	39,0	36,0	113,3	0,34
6	г. Ноябрьск	64,0	32,5	31,5	106,9	0,30
10	г. Надым	32,1	16,5	15,6	44,7	0,37
13	г. Тарко-Сале	24,1	10,9	13,2	21,7	0,50
14	г. Салехард	24,0	17,0	7,0	48,5	0,35
19	г. Лабытнанги	19,6	7,9	11,7	26,3	0,30
21	г. Муравленко	16,6	9,3	7,2	32,5	0,29
23	г. Губкинский	16,2	9,0	7,2	27,2	0,33
30	пгт Уренгой	11,1	5,1	6,0	10,1	0,50
34	пгт Пангоды	9,0	4,0	5,0	10,7	0,37
39	пгт Харп	6,5	1,5	5,0	6,1	0,26
63	пгт Заполярный	1,8	0,3	1,5	0,9	0,37
Таймыро-Туруханская опорная зона						
5	г. Норильск	71,0	60,4	10,6	178,0	0,34
32	г. Дудинка	10,1	5,5	4,6	21,5	0,26
41	г. Игарка	5,4	1,7	3,7	4,8	0,36
68	пгт Диксон	1,2	0,1	1,0	0,6	0,26
78	пгт Снежногорск гп	0,2	0,2	0,0	0,6	0,34
Чукотская опорная зона						
36	г. Анадырь	8,0	6,0	2,0	15,5	0,39
57	г. Певек	2,6	1,2	1,4	4,5	0,27
61	г. Билибино	1,9	1,2	0,7	5,3	0,23
67	пгт Угольные Копи	1,2	0,7	0,5	3,7	0,18
71	пгт Эгвекинот	1,1	0,6	0,5	2,8	0,20
73	пгт Провидения	0,9	0,4	0,6	2,1	0,18
76	пгт Беринговский	0,5	0,1	0,4	0,8	0,18
79	пгт Мыс Шмидта	0,1	0,0	0,1	0,1	0,20
Северо-Якутская опорная зона						
52	пгт Тикси	3,1	1,3	1,9	4,6	0,28
69	пгт Черский	1,2	0,6	0,5	2,6	0,25
70	пгт Чокурдах	1,1	0,6	0,5	2,1	0,28
74	пгт Депутатский	0,9	0,9	0,0	3,0	0,31
75	пгт Усть-Куйга	0,6	0,2	0,4	0,7	0,31
77	пгт Нижнеянск	0,3	0,1	0,2	0,2	0,31

Кемь—Беломорск. В Ямало-Ненецкой ОЗ имеются три точки развития: Новый Уренгой, Ноябрьск и Надым. В Таймыро-Туруханской ОЗ три опорных поселения — Норильск, Дудинка и Игарка. В Чукотской ОЗ роль ОП выполняют Анадырь, Певек и Билибино; в Северо-Якутской ОЗ три поселка — Тикси, Черский и Чокурдах (табл. 6).

Используя графические и картографические методы, проиллюстрируем влияние двух факторов: потенциала самих поселений выполнять

роль опорных центров развития Арктики и их связности с другими поселениями в существующей системе расселения. Поселения с высоким влиянием первого фактора расположены на плоскости правее, с высоким влиянием второго — выше. Размер кружков на диаграмме рассеяния пропорционален значению индексов (рис. 2).

Диаграмма показывает, что на индексы азиатских поселений оказывает негативное влияние более разреженная система расселения.

Таблица 6. Влияние связности на определение опорных поселений по ОЗ российской Арктики

Опорная зона	Поселение	Расстояние, км	Поселение
Архангельская	г. Архангельск	34	г. Северодвинск
	г. Архангельск	19	г. Новодвинск
	г. Северодвинск	50	г. Новодвинск
Кольская	г. Мурманск	158	г. Апатиты
	г. Мурманск	116	г. Мончегорск
	г. Апатиты	47	г. Мончегорск
Воркутинская	г. Воркута	15	пгт Воргашор
Ненецкая	г. Нарьян-Мар	8	пгт Искателей
Карельская	г. Кемь	49	г. Беломорск
Ямало-Ненецкая	г. Новый Уренгой	327	г. Ноябрьск
	г. Новый Уренгой	197	г. Надым
	г. Ноябрьск	296	г. Надым
Таймыро-Туруханская	г. Норильск	80	г. Дудинка
	г. Норильск	220	г. Игарка
	г. Дудинка	217	г. Игарка
Чукотская	г. Анадырь	633	г. Певек
	г. Анадырь	615	г. Билибино
	г. Певек	240	г. Билибино
Северо-Якутская	пгт Тикси	1248	пгт Черский
	пгт Тикси	691	пгт Чокурдах
	пгт Черский	557	пгт Чокурдах

Рис. 2. Распределение городских поселений российской Арктики по ИОП

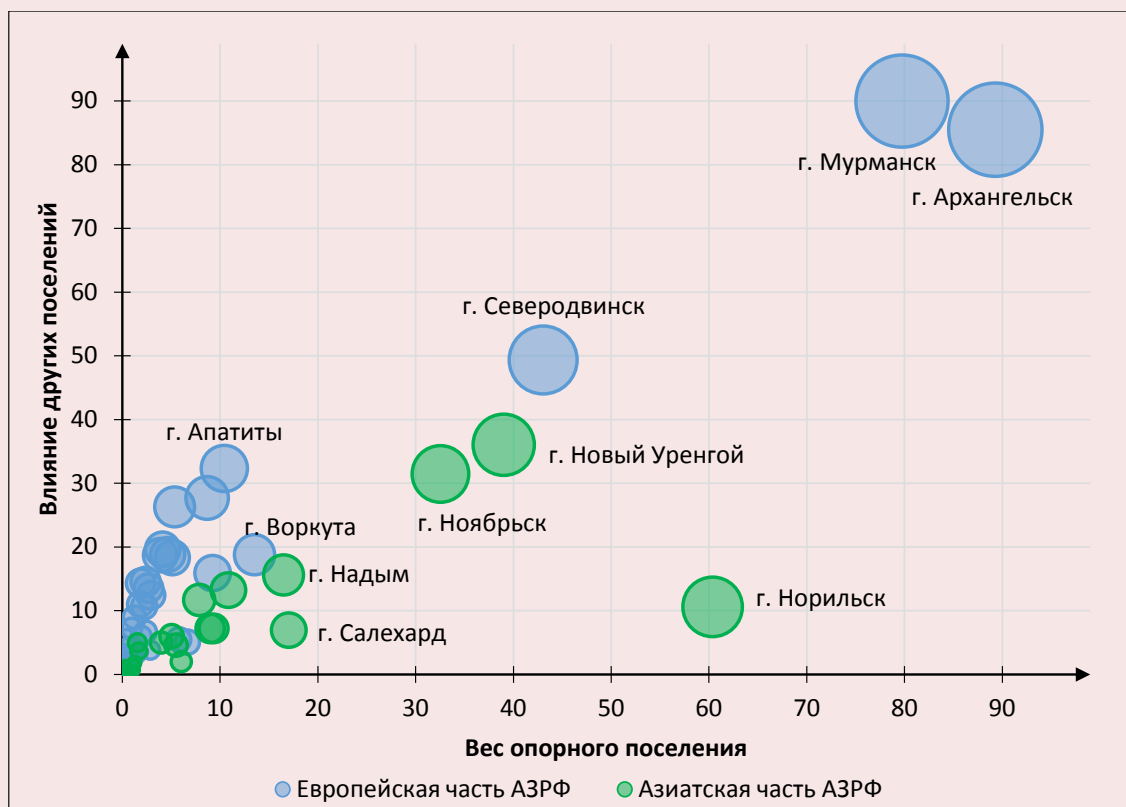

Рис. 3. Опорные поселения российской Арктики

Наиболее ярким примером является Норильск, обладающий чрезвычайно низкой транспортной доступностью и удаленный от других крупных центров. Европейские поселения получают больше кумулятивного эффекта от соседних поселений и лучшей транспортной инфраструктуры.

Для наглядности представим основные опорные поселения российской Арктики на карте, размер кружков также пропорционален индексам поселений (рис. 3).

Заключение

Обобщая вышеизложенный материал, можно сделать ряд выводов и предложений.

1. Обосновано, что арктические города должны иметь пределы роста, оптимальный размер городских поселений находится в пределах 50–100 тыс. жителей. Рекомендовано не формировать новые постоянные поселения в зонах с неблагоприятными медико-географическими условиями.

2. На перспективу государством предлагается переход от политики проживания к политике пребывания некоренного населения в условиях Крайнего Севера.

3. Необходимо совершенствовать разделение труда между северными районами и районами основной полосы расселения, развивать в

последних опорные центры освоения Севера. Переработка «северного сырья» возможна в базовых поселениях, расположенных на Ближнем Севере.

4. Учитывая новую роль Арктики в социально-экономическом развитии России, негативную тенденцию сокращения числа и людности населенных пунктов, с помощью предложенного алгоритма расчета ИОП мы выполнили группировку арктических городов и пгт по их соответствию критериям опорных поселений, что позволило для каждой опорной зоны Арктики предложить центры развития. Для ряда ОЗ предложены опорные поселения, имеющие исключительное значение, но не соответствующие критериям опорных поселений (Игарка, Тикси, Анадырь и Певек).

Научно-практическая значимость работы состоит в формализации понятия опорного поселения, которое может найти применение при разработке стратегических документов об освоении арктических территорий и о пространственном развитии России. Дальнейшие исследования должны быть направлены на формирование мер государственной политики по оптимальному управлению демографическим и трудовым потенциалом каждой из рассмотренных групп поселений.

Литература

1. Прогнозы расселения и планировки новых городов Крайнего Севера / Л.К. Панов, С.П. Семенов, З.Ф. Шимановская, А.Ю. Белинский, В.В. Кадников; под ред. Л.К. Панова. Л.: Стройиздат (Ленинградское отделение), 1974. 200 с.
2. Андреева Е.Н. Опорные зоны в Арктике: новые веяния в решении старых проблем // ЭКО. 2017. № 9. С. 26–41.
3. Кондратьева В.И. Северо-Якутская опорная зона Арктической зоны России в стратегии пространственного развития Российской Федерации // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (11). С. 4–12.
4. Лаженцев В.Н. Пространственное развитие (примеры Севера и Арктики) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2010. Вып. 1. С. 97–104.
5. Дмитриева Т.Е. Методологический контекст пространственного развития северного региона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2009. № 1. С. 22–29.
6. Панов Л.К. Системы расселения и охрана природной среды на Севере // Проблемы Севера. М., 1973. Вып. 18.
7. Ходжаев Д.Г., Вишнякова В.С., Глабина Н.К. Эффективность расселения: проблемы и суждения. М.: Мысль, 1983. 276 с.
8. Покшишевский В. В. География населения СССР: экономико-географические очерки. М.: Просвещение, 1971. 176 с.
9. Свешников В.К. Градостроительные проблемы Севера: тезисы докладов (Мурманск, сентябрь 1971 г.). Л., 1971. С. 5–19.
10. Кузнецова О.П., Юмаев Е.А. Опорный город как ключевое звено системы расселения Российской Федерации // Известия Уральского государственного экономического университета. 2010. № 3 (29). С. 113–118.
11. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2 (22). С. 40–50.
12. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Мировая Арктика: природные ресурсы, расселение населения, экономика // Арктика: экология и экономика. 2018. № 3 (31). С. 6–22. DOI: 10.25283/2223-4594-2018-3-6-22.
13. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Российская Арктика: от острогов к городским агломерациям // ЭКО. 2018. № 7. С. 112–130. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-7-112–130.
14. Гаврильева Т.Н., Архангельская Е.А. Северные города: общие тренды и национальные особенности // ЭКО. 2016. № 3. С. 63–79.
15. Крюков В.А., Крюков Я.В. Как раздвинуть рамки арктических проектов // ЭКО. 2017. № 8. С. 5–32.
16. Минакир П.А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 7–15.
17. Scott A., Storper M. The nature of cities: the scope and limits of urban theory. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2014, vol. 39 (1), pp. 1–15.
18. Walker R. Why cities? A response. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2016, vol. 40 (1), pp. 164–180.
19. Stewart J.Q. Demographic gravitation: evidence and application. *Sociometry*, 1948, vol. XI, pp. 31–58.
20. Simini F., Gonzales M.C., Maritan A., Barabási A.-L. A universal model for mobility and migration patterns. *Nature*, 2012, no. 484, pp. 96–100.
21. Vincenty T. Direct and inverse solutions of geodesics on the ellipsoid with application of nested equations. *Survey Review*, 1975, vol. 23 (176), pp. 88–93.
22. Petrov A. Creative Arctic: towards measuring Arctic's creative capital. In: Heininen L. (Ed.). *Arctic Yearbook 2014*. Akureyri: Northern Research Forum, 2014. Pp. 149–166.
23. Petrov A. Exploring the Arctic's "other economies": knowledge, creativity and the new frontier. *The Polar Journal*, 2016, vol. 6, no. 1, pp. 51–68. DOI: 10.1080/2154896X.2016.1171007.
24. Healy A. Innovation in circumpolar regions: new challenges for smart specialization. *The Northern Review*, 2017, no. 45, pp. 11–32. DOI: 10.22584/nr45.2017.002.
25. Jungsberg L., Copus A., Nilsson K., Weber R. *Demographic Change and Labor Market Challenges in Regions with Largescale Resource-based Industries in the Northern Periphery and Arctic*. Stockholm: Nordregio, 2018. 42 p.

Сведения об авторах

Виктор Вильгельмович Фаузер — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru)

Андрей Владимирович Смирнов — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com)

Татьяна Степановна Лыткина — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: tlytkina@yandex.ru)

Галина Николаевна Фаузер — научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru)

Fauzer V.V., Smirnov A.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N.

Methodology for Defining Pivotal Settlements in the Russian Arctic

Abstract. Settlement in new regions of the Russian North, available for new economic exploitation, started at the beginning of the 20th century: the exploration of mineral deposits, its mining and shipment into southern regions commenced at the same time. Experience of building cities as trade and industrial centers, marine ports, and military settlements, which was acquired in the 18th–19th centuries, was insufficient. It was necessary to define forms of settlement, quantitative parameters of emerging communities, and convenience of the latter. Discussions and knowledge acquisition resulted in a consent to build permanently populated large cities. It was suggested to build basic cities in the North and pivotal cities, which would have infrastructural functions, in nearby areas. Quantitative guidelines on population numbers for each type of settlement were proposed: pivotal cities – 300 thousand residents, basic cities – 80-150 thousand people, industrial cities – 15-30 thousand inhabitants, watch and expeditionary villages – 3-5 thousand people. After making the Arctic Zone in the Russian North the independent management unit consisting of nine pivotal areas, it became necessary to justify settlement framework, which would meet new requirements. Thus, the purpose of this article is to develop the methodology of calculating the Index of Pivotal Settlement which would allow us to classify an urban settlement as a multifunctional pivotal settlement, a pivotal settlement, a potential pivotal settlement, and as a settlement which does not meet criteria of a pivotal one. The creation of this index is based on three methodological principles: complexity, consistency, and account of agglomeration effect. The calculation of the index of the Arctic pivotal settlements is carried out due to the concept of demographic gravitation. Acquired results would allow each Arctic pivotal area to determine pivotal settlements, and the centers of surrounding areas development.

Key words: Arctic, population, settlement, pivotal areas, pivotal and basic cities.

Information about the Authors

Viktor V. Fauzer – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru)

Andrei V. Smirnov – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Russian Federation; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com)

Tat'yana S. Lytkina – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Russian Federation; e-mail: tlytkina@yandex.ru)

Galina N. Fauzer – Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Russian Federation; e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru)

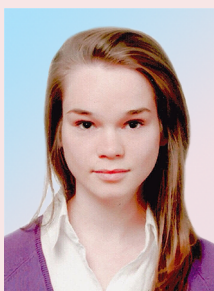
Статья поступила 04.09.2019.

Преодоление социально-экономического неравенства как условие устойчивого сбалансированного пространственного развития региона*

**Елена Сергеевна
ГУБАНОВА**

Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация, 160002, ул. Гагарина, 81, оф. 309
E-mail: gubanova_elena@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8498-5630; ResearcherID: S-4888-2019

**Виктория Сергеевна
КЛЕЩ**

Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация, 160000, ул. Ленина, д. 15
E-mail: korennikova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5520-4380; ResearcherID: R-3410-2018

Аннотация. В процессе трансформации пространственной структуры экономики происходит обострение ряда существенных проблем, которые тормозят устойчивое развитие субъектов Российской Федерации и особое место среди которых занимает проблема значительных внутрирегиональных различий по социально-экономическим параметрам. Преодоление пространственных диспропорций должно стать императивом развития страны и ее регионов на долгосрочную перспективу. Это подтверждает необходимость дальнейшего научного осмысления комплекса вопросов, связанных с совершенствованием регулирования пространственного развития регионов, что определило цель настоящей статьи. В ходе исследования, проведенного на материа-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Правительства Вологодской области в рамках государственного научного гранта «Управление пространственным развитием региона в условиях перехода к новому технологическому укладу: методология исследования и механизм реализации».

Для цитирования: Губанова Е.С., Клещ В.С. Преодоление социально-экономического неравенства как условие устойчивого сбалансированного пространственного развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 44–57. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.3

For citation: Gubanova E.S., Kleshch V.S. Overcoming socio-economic inequality as a condition for sustainable and balanced spatial development of the region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 44–57. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.3

лах Вологодской области, было установлено, что для большинства муниципалитетов характерен асимметричный тип развития, при этом происходит увеличение различий между ареалами концентрации экономической деятельности вблизи крупных городов области и остальной ее территорией, что свидетельствует о процессах сжатия пространства. В работе предложен подход к государственному регулированию пространственного развития региона, базирующийся на его представлении, с одной стороны, как сложноорганизованной системы, с другой стороны, как социально-экономического пространства. Научная новизна подхода заключается в том, что его основу составляют принципы и методы, в опоре на которые становится возможным стимулировать развитие и саморазвитие муниципальных образований, учитывать их особенности и закономерности функционирования, ориентировать муниципалитеты на решение стратегических задач. Методологической основой исследования стали методы системного анализа и системного синтеза, обобщения, сравнения, компаративного анализа. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности региональных органов власти и управления и местного самоуправления. Теоретические обобщения, содержащиеся в статье, могут быть использованы в качестве материалов к обсуждению в научной дискуссии.

Ключевые слова: неравномерность социально-экономического развития, пространственное развитие, регион, муниципальные образования, Вологодская область.

Введение

Одной из важнейших проблем мировой экономики стала неравномерность социально-экономического развития, которая проявляется на всех уровнях — от глобального до муниципального. На фоне стремительного распространения цифровых технологий, кардинально меняющих экономические, социальные и политические системы, углубление неравенства, по мнению К. Шваба, представляет собой не просто экономическое явление, а системный вызов [1]. Сложность и масштабность проблемы обусловили широкую дискуссию, среди участников которой ученые, представители власти и бизнеса.

Российская Федерация — крупнейшее в мире государство, занимающее 1/8 часть площади суши, характеризующееся значительными различиями во всех сферах жизнедеятельности, что предопределяет неоднородность социально-экономического пространства. За последние четверть века российские регионы прошли сложный путь в процессе становления рыночной экономики: системная трансформация 1990-х годов стала причиной кардинальных изменений межрегиональных экономических связей и отношений; ослабление роли государства повлекло за собой резкое снижение объема социальных инвестиций; кризисы 2000-х годов привели к обострению социально-экономических проблем — всё это углубляло территориальные диспропорции. Принимая во внимание

огромные размеры страны, ее демографическую и национальную неоднородность, резкие природно-климатические контрасты, можно полагать, что дальнейшее нарастание социально-экономического неравенства будет угрожать её национальной безопасности.

Сегодня на повестке дня стоит задача, поставленная Президентом РФ В.В. Путиным, войти в пятерку крупнейших экономик мира и достичь изменений не только количественных, но и качественных показателей. Это, в свою очередь, актуализирует решение вопросов пространственного развития страны и ее регионов. Важным шагом на пути к этому стала разработка и принятие Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года. В этом документе особенно акцентируется внимание на проблемах, связанных с высоким уровнем межрегионального социально-экономического неравенства и существенными внутрирегиональными различиями, усиление которых обусловлено следующими тенденциями: трансформацией пространственной организации экономики, инфраструктурными ограничениями и усилением влияния научно-технического прогресса¹. Преодоление про-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60Rkt0OXI22JjAe7irNxc.pdf>

странственных диспропорций должно стать императивом развития страны и ее регионов на долгосрочную перспективу. Это подтверждает актуальность изучения социально-экономического неравенства регионов с целью определения путей его сокращения и обеспечения равных условий и относительно равных возможностей развития территорий, достижение необходимых социальных стандартов и качества жизни населения на территории всей страны.

Важно отметить, что в российских регионах накоплен большой опыт регулирования пространственного развития, используется широкий арсенал методов и инструментов, реализуются государственные программы, направленные на активизацию развития регионов и муниципальных образований. Однако результаты деятельности органов власти всех уровней не дают основания считать, что преодолена угроза целостности экономического пространства; различия по важнейшим социально-экономическим показателям между регионами страны и особенно внутри регионов по-прежнему остаются значительными. Это обуславливает необходимость научного обоснования направлений и методов регулирования пространственного развития региона, что и определило цель настоящей статьи. На достижение этой цели направлено решение следующих задач: определить тенденции изменения социально-экономического развития муниципальных образований региона и установить факторы, обуславливающие углубление территориального неравенства; предложить подход к государственному регулированию пространственного развития региона, учитывающий закономерности развития региона как сложноорганизованной системы и как социально-экономического пространства; обосновать направления регулирования пространственного развития региона, нацеленные на снижение межмуниципального социально-экономического неравенства и стимулирование эффективного использования потенциала муниципальных образований; предложить механизм регулирования пространственного развития, сочетающий методы и обеспечивающие их системы, учитывающие степень разобщенности муниципалитетов по социально-экономическим параметрам.

Теоретические подходы к исследованию пространственного развития региона

В научной литературе понимание пространственного развития как неравномерного складывалось постепенно, что было обусловлено развитием производительных сил и появлением новых факторов, влияющих на расслоение экономического пространства [2–4 и др.]. Во второй половине XX века на фоне усиления процессов интернационализации хозяйственной жизни и интеграции усиливается интерес к изучаемой проблеме, что нашло отражение в широкой дискуссии, связанной с научными исследованиями представителей теории кумулятивного развития [5–8]. Важно отметить, что в работах авторов данного направления было доказано, что особую роль в пространственном развитии играют инновации. На рубеже XX и XXI веков огромный интерес вызвали работы Пола Кругмана, где были изложены основы теории новой экономической географии [9; 10] и обосновано то, что неравномерность развития во многом определяется факторами второй природы, созданными деятельностью человека. В отечественной науке исследование проблемы социально-экономического неравенства ведется по широкому кругу задач, но главное внимание уделяется вопросам, связанным с изучением пространственных проявлений неравномерности развития, разработкой инструментария анализа и оценки диспропорций социально-экономического развития, а также с формированием механизмов регулирования и обоснования методов, направленных на снижение неравномерности и преодоление ее негативных последствий [11–15 и др.].

Принимая во внимание значимость проблемы неравномерности социально-экономического развития, ее сложный характер, мы обратились к изучению теоретических подходов к интерпретации категории «регион». Анализ научных работ показал, что рассмотрение региона с позиций системного и пространственного подходов позволяет акцентировать внимание на тех его свойствах, которые во многом обуславливают неравномерность развития [3; 16–18]. Это определило нашу позицию: регион, с одной стороны, является сложноорганизованной системой, обладающей свойствами открытости, неравновесности и нелинейности, а с другой стороны, частью

пространства с присущими ему свойствами (плотность, размещение, взаимное расположение объектов пространства, структурность, иерархичность и др.).

В ходе теоретического исследования было установлено, что в процессе анализа неравномерности социально-экономического развития используются разные понятия («дифференциация», «асимметрия», «поляризация», «диспропорция» и т.п.), что затрудняет понимание сути изучаемых процессов и причин, их обуславливающих, а также приводит к несогласованности подходов по регулированию развития территорий. В нашей ранее опубликованной статье [19] в опоре на научные работы В.Н. Лексина, А.Н. Швецова, Б.Л. Лавровского, А.В. Перова и В.А. Попова было обосновано, что неравномерность социально-экономического развития, являющаяся объективным свойством любой территории, проходит в своем развитии три стадии: дифференциация – асимметрия – поляризация, смена которых обусловлена сочетанием объективных и субъективных факторов, усиливающих различия в указанном направлении.

Для того чтобы выявить причины социально-экономического неравенства и обосновать методы его снижения, необходимым этапом исследования должна стать оценка неравномерности развития территорий. Анализ научных работ показал, что существуют разнообразные методики, отличающиеся подходами, способами оценки и интерпретации результатов [20–22 и др.], но, несмотря на определенные их достоинства, большинство из них направлены на решение локальных задач. Это поставило перед нами задачу разработки методического подхода к оценке неравномерности социально-экономического развития, обеспечивающего решение комплекса задач, а именно: определение величины межмуниципальных различий и соответствующей им стадии неравномерности; выявление основных факторов, воздействуя на которые органы власти и управления могут оказывать влияние на социально-экономическое развитие территорий в направлении снижения неравенства. Основные положения данного подхода приведены в [23], а обновленные результаты его апробации будут представлены ниже.

При разработке концептуальной схемы регулирования социально-экономического развития с целью снижения его неравномерности мы опирались на ряд положений системно-синергетической методологии, в которой органично сочетаются принципы системности и развития. Достоверность выводов обеспечена применением общенаучных и специальных методов экономических исследований.

Результаты исследования, анализ и пояснение полученных результатов

В работах, опубликованных учеными Вологодского научного центра РАН, неоднократно подчеркивалось, что в Вологодской области имеет место ярко выраженная внутрирегиональная дифференциация [24; 25], вследствие которой продолжается расслоение социально-экономического пространства территории. Это находит свое отражение в увеличении концентрации экономической деятельности и населения в двух городских округах (Вологда и Череповец) и прилегающих к ним районах (Вологодский, Череповецкий, Шекснинский, Сокольский и Грязовецкий). Однако практический интерес представляет исследование территориального неравенства муниципальных образований региона с целью установления стадии неравномерности (дифференциация, асимметрия, поляризация) и ее изменения для выявления степени остроты проблемы как для региона в целом, так и для отдельных муниципалитетов.

В опоре на положения упомянутого выше методического подхода [23] проведена оценка неравномерности социально-экономического развития муниципальных районов Вологодской области. Результаты анализа не только подтвердили выводы вологодских ученых, но и расширили представление о процессах внутри-территориального социально-экономического неравенства (рис. 1).

Главный вывод, следующий из оценки неравномерности развития, период исследования которой приходится на 2000–2017 годы, состоит в том, что в регионе усиливается территориальное неравенство и для большинства муниципальных образований сохраняется асимметричный тип развития. Благодаря социальной политике, проводимой федеральными и региональными органами управления, удалось сдержать рост различий по социальным

Рис. 1. Неравномерность социально-экономического развития Вологодской области
(в скобках указана величина отклонения уровня социально-экономического развития муниципальных районов от оптимального уровня*)

а) 2000 год

б) 2017 год

— стадия дифференциации — стадия асимметрии — стадия поляризации

Примечание. Под оптимальным значением показателя понимается его среднее значение [Баранов В.С. Сравнительные оценки социально-экономической динамики субъектов Севера РФ // Север и рынок. 2014. № 2 (39). С. 2–6; Евченко А.В., Столбов А.Г. Управление экономическим и социальным развитием субъекта Федерации с учетом внутрирегиональной асимметрии: теория и практика. Апатиты: КНЦ РАН, 2006. 245 с.]

Источник: составлено авторами.

показателям. Однако более быстрыми темпами шло увеличение различий по показателям экономического блока, что стало одной из причин формирования двух ареалов — полюсов, сосредоточивших основной промышленный и сельскохозяйственный потенциал региона: это агломерация Вологда—Череповец и город Великий Устюг. Первый полюс постепенно расширялся за счет строительства промышленных предприятий на территории Шекснинского и Грязовецкого районов. Заметим при этом, что различия между районами, где локализуются важнейшие предприятия экономики области, и районами, прилегающими к указанным территориям, увеличивались, что в определенной степени связано с усилением оттока трудовых, финансовых и других видов ресурсов из слабо развитых районов в направлении активно развивающихся территорий. Особенно удручающе выглядит положение Междуреченского, Усть-Кубинского, Устюженского, Чагодошенского, Вашкинского, Сямженского районов. В период 2000—2017 гг. в этих районах наблюдалось наиболее сильное сокращение численности населения по сравнению с другими муниципалитетами, одной из главных причин которого явилась миграция населения. Причины миграции очевидны: снижение уровня и качества жизни, рост безработицы и отсутствие перспектив развития. Следует подчеркнуть, что транспортно-географическое положение некоторых из указанных районов можно оценить как довольно выгодное: и близость к городам области, и положение на крупных магистралях. Но, тем не менее, потенциал развития этих территорий уменьшается, что приводит к резкому понижению инвестиционной привлекательности и закрытию ряда промышленных и сельскохозяйственных предприятий, составляющих ядро экономик данных муниципальных районов. Все это свидетельствует о процессах сжатия социально-экономического пространства, которые широко обсуждаются в настоящее время отечественными и зарубежными учеными [26—28], поскольку они характерны для большинства российских регионов.

Масштабность и острота проблемы территориального неравенства обуславливает поиск подходов к регулированию пространственного развития с целью снижения его диспропорций,

препятствующих сбалансированному развитию регионов. В ходе эволюции научных теорий в сфере пространственного развития особое внимание уделялось изучению факторов, обуславливающих этот процесс, что и определяло приоритетные направления региональной политики. В отечественной практике российских регионов в рамках политики выравнивания, поляризованного развития, формирования кластеров и, так называемых, коридоров развития использовались различные инструменты, теоретические основы которых представлены в [29—31 и др.]. Однако многие российские исследователи считают, что политика выравнивания достигла своего предела эффективности, а курс на поляризованное развитие не снял многих пространственных противоречий, особенно на уровне муниципальных образований. В Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года, по мнению отечественных ученых, не нашли должного отражения вопросы, касающиеся межмуниципального неравенства, хотя сама проблема была поставлена. Согласимся с мнением автора [32], что сосредоточение усилий государства на развитии крупных городов и агломераций вряд ли будет способствовать сохранению целостности пространства, при этом автор подчеркивает уникальность средних и малых российских городов, являющихся своеобразным фундаментом развития региональных экономик, обеспечивающим важнейшее свойство пространства — его связанность.

Меры, используемые региональными органами власти и управления с целью снижения неравномерности, зачастую носят фрагментарный характер, не в полной мере учитывают особенности пространственного развития территорий и их потенциал, также имеет место несогласованность действий разных уровней управления. Полагаем, что одной из значимых причин невысокой результативности мер государственного воздействия выступает отсутствие учета закономерностей развития регионов как сложноорганизованных систем, испытывающих сильное влияние внешней среды в каждой ее точке, что обуславливает смену ее (системы) поведения и появление неожиданных изменений направления протекания процессов, вызванных, в том числе, и случайными

факторами [33]. Воздействие внешней среды в совокупности с влиянием внутренних факторов может трансформировать сложившуюся систему связей и отношений между участниками воспроизводственного процесса и приводить к нарушению связанности социально-экономического пространства. Принимая во внимание сказанное выше, можно сформулировать требования к государственному регулированию пространственного развития региона:

1. Государственное воздействие должно базироваться на закономерностях функционирования системы.

2. Регулирование должно быть научно обоснованным и своевременным.

3. В системе регулирования должен функционировать механизм обратных связей с целью предотвращения разрушительных и усиления созидательных тенденций.

4. Выбор регулирующих воздействий должен соответствовать особенностям и характеру системы, что обуславливает применение комбинации методов и инструментов.

5. Государственное регулирование должно инициировать появление синергетического эффекта.

Исходя из указанных требований, полагаем, что в основу регулирования пространственного развития должны быть положены следующие принципы: целенаправленности, системности, результативности, нацеленности на решение стратегических задач, содействия реализации потенциала территории, дифференцированного подхода, партнерства, повышения роли местного сообщества, содействия развитию межмуниципального сотрудничества, обратной связи.

Органы государственной власти и управления субъекта РФ и органы местного самоуправления представляют субъект регулирования, роль главного координатора процесса должна быть возложена на Управление пространственного развития и проектного управления Департамента стратегического планирования Правительства Вологодской области. Указанные субъекты оказывают прямое влияние на процессы развития посредством реализации следующих функций: формирование и поддержание функционирования институциональной среды; создание условий, стимулирующих раз-

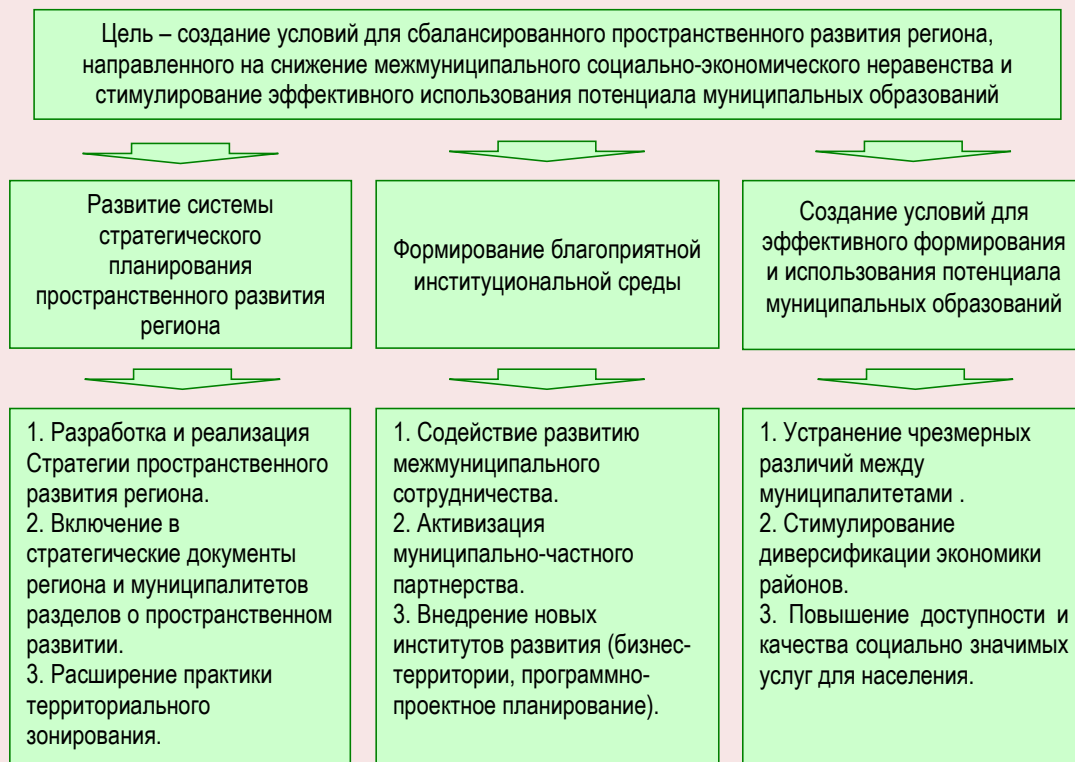
витие муниципальных образований; обеспечение равных возможностей для развития территорий и жизнедеятельности населения. Однако стоит отметить, что значительное влияние на принятие управленческих решений оказывают представители бизнеса, политические партии, профессиональные союзы, ассоциации и союзы, созданные по отраслевому и территориальному признаку, институциональные структуры, призванные оказывать содействие участникам воспроизводственного процесса. Опыт многих российских регионов, в том числе и Вологодской области, показывает, что жители регионов стали более активно участвовать в управлении социально-экономическими процессами путем создания как формальных, так и неформальных объединений. Экономические интересы населения, бизнес-сообщества и органов власти и управления отличаются значительным разнообразием и разнонаправленностью, что требует их выявления с целью учета и согласования регулирующих воздействий в ходе обоснования направлений и методов.

Исходным пунктом регулирования пространственного развития, имеющим большое практическое значение, является целеполагание, в ходе которого определяются образ будущего состояния объекта и методы его достижения. Понимание содержания проблемы, требующей решения, и определение потребностей и интересов участников социально-экономических процессов являются основанием формулировки цели регулирования пространственного развития — создание условий для сбалансированного пространственного развития региона, направленного на снижение межмуниципального социально-экономического неравенства и стимулирование эффективного использования потенциала муниципальных образований.

Реализация цели в опоре на указанные выше принципы предполагает решение ряда взаимосвязанных задач, сгруппированных в рамках следующих направлений (*рис. 2*).

Необходимым условием устойчивого социально-экономического развития региона при нестабильной внешней и внутренней среде должно стать дальнейшее совершенствование системы стратегического управления регио-

Рис. 2. Направления регулирования пространственного развития региона

Источник: составлено авторами.

ном, что предполагает разработку и реализацию Стратегии пространственного развития Вологодской области. Этот документ, интегрированный в систему стратегического планирования, становится связующим звеном как в вопросах развития отраслей и муниципалитетов области, так и в ходе взаимодействия разных иерархических уровней управления по проблемам территориального неравенства. Значимость данного стратегического документа определяется также тем, что он должен стать основой системы регулирования пространственного развития региона. Необходимость усиления координации действий субъектов регулирования и учета особенностей социально-экономических процессов муниципалитетов требует включения в стратегические документы региона и муниципальных районов разделов, отражающих вопросы пространственного развития. К числу важнейших методов стратегического управления и анализа относят тер-

риториальное зонирование, результативность которого подтверждена отечественными и зарубежными практиками [34–37 и др.]. Существуют разные подходы к выделению зон, что определяется целями и соответствующими критериями, однако в большинстве работ авторы акцентируют внимание на выделении двух взаимообусловленных целевых установок для проведения зонирования – дифференцированного подхода к региональной политике и сокращения межтерриториальных различий. Полагаем, что для Вологодской области наиболее приемлемым является проблемно-ресурсный подход к зонированию, позволяющий не только выделить схожие территории по имеющимся социально-экономическим проблемам, но и учесть ресурсную обеспеченность муниципалитетов, что будет способствовать концентрации ресурсов на решении наиболее важных задач. Кроме того, как можно отметить, использование территориального зони-

рования усилит координацию и взаимодействие органов власти, бизнес-сообщества и населения, позволит оперативно реагировать на изменения внутренней и внешней среды.

Территориальные экономические и социальные контрасты, депопуляция, поляризация человеческого капитала, низкокачественное управление, по мнению автора [38], представляют серьезные барьеры для дальнейшего развития многих российских регионов, включая и Вологодскую область, поэтому автор подчеркивает необходимость улучшения институциональной среды, активизации местного сообщества, а также оптимального сочетания выравнивающей и стимулирующей региональной политики. Принимая во внимание указанные обстоятельства и ряд проблем, выявленных в ходе оценки существующей в регионе системы регулирования пространственного развития, полагаем, что важным условием повышения результативности управленческих действий в области должно стать формирование благоприятной институциональной среды.

Состояние институциональной среды оказывает значительное влияние на поведение и взаимодействие участников социально-экономических процессов, поскольку институты упорядочивают их отношения, придавая им определенность и согласованность. В условиях неоднородности пространства, ограниченности ресурсов и обострения социально-экономических проблем большим потенциалом для развития территорий обладает институт межмуниципального сотрудничества. Необходимо добавить, что процессы взаимодействия внутри области идут медленно, хотя главы муниципальных образований отмечают целесообразность и значимость этой формы взаимоотношений. Для преодоления барьеров, препятствующих более активному развитию сотрудничества между муниципалитетами, необходимо: дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы; повышение квалификации управленческих кадров путем организации обучающих семинаров и обмена опытом с регионами, достигшими успехов в организации горизонтальных связей; создание методического обеспечения, позволяющего обоснованно подходить к выбору форм и методов межмуниципального сотрудничества.

Ограниченность финансовых ресурсов, требуемых для развития территорий, обуславливает поиск новых источников и способов их привлечения. Как показывает отечественный и зарубежный опыт, таким инструментом является муниципально-частное партнерство (МЧП), использование которого позволяет не только привлечь частный капитал в развитие муниципалитета, но и повысить роль местного сообщества в решении проблем территории, усилить мотивацию бизнеса в создании комфортного пространства для жизни и развития, создать основы долговременного партнерства бизнеса, власти и населения. Объектами соглашения о МЧП являются важнейшие элементы производственной и социальной инфраструктуры, развитие которых формирует благоприятные условия для жизнедеятельности населения, тем самым создавая предпосылки для поступательного развития территорий. Широкое распространение МЧП требует устранения административных барьеров, снижения законодательно-нормативных рисков и использования проектного финансирования для повышения доступности кредитных ресурсов и уменьшения финансовых рисков для участников проектов.

Формирование полицентричной пространственной структуры экономики страны в целом и ее регионов в частности придает импульс развитию малых и средних городов и ставит вопрос о формировании новых институтов развития, среди которых особое место занимают создание бизнес-территорий и программно-проектное планирование пространственного развития [39]. Полагаем, что опыт Екатеринбурга в реализации программно-проектного подхода может быть использован в Вологодской области, что будет способствовать повышению заинтересованности жителей в развитии территорий, упрочению партнерских отношений бизнеса, населения и власти, а также будет ориентировать на решение стратегических задач.

Одной из значимых особенностей региональных сложноорганизованных систем является способность путем самоорганизации менять свое поведение, что происходит за счет взаимодействия ее компонентов без воздействия извне. Принимая это во внимание и опираясь на положения концепции саморазвития

территориальных социально-экономических систем [18], считаем, что важнейшим направлением регулирования пространственного развития региона должно стать создание условий для более эффективного формирования и использования потенциала муниципалитетов. Реализация этого направления предполагает:

- во-первых, устранение чрезмерных различий между муниципалитетами путем дальнейшего развития инфраструктуры, особенно в сфере информационных и коммуникационных технологий, укрепления межмуниципальных связей и активизации инвестиций в человеческий капитал;
- во-вторых, стимулирование диверсификации экономик районов через поддержку малого бизнеса в отраслях, обладающих значительными ресурсами для своего развития, укрепление образовательного и кадрового потенциала, развитие новых институтов пространственного развития;
- в-третьих, повышение доступности и качества социальных услуг для населения посредством поддержки обновления материальной базы и молодых специалистов в сферах здравоохранения и образования, развития системы

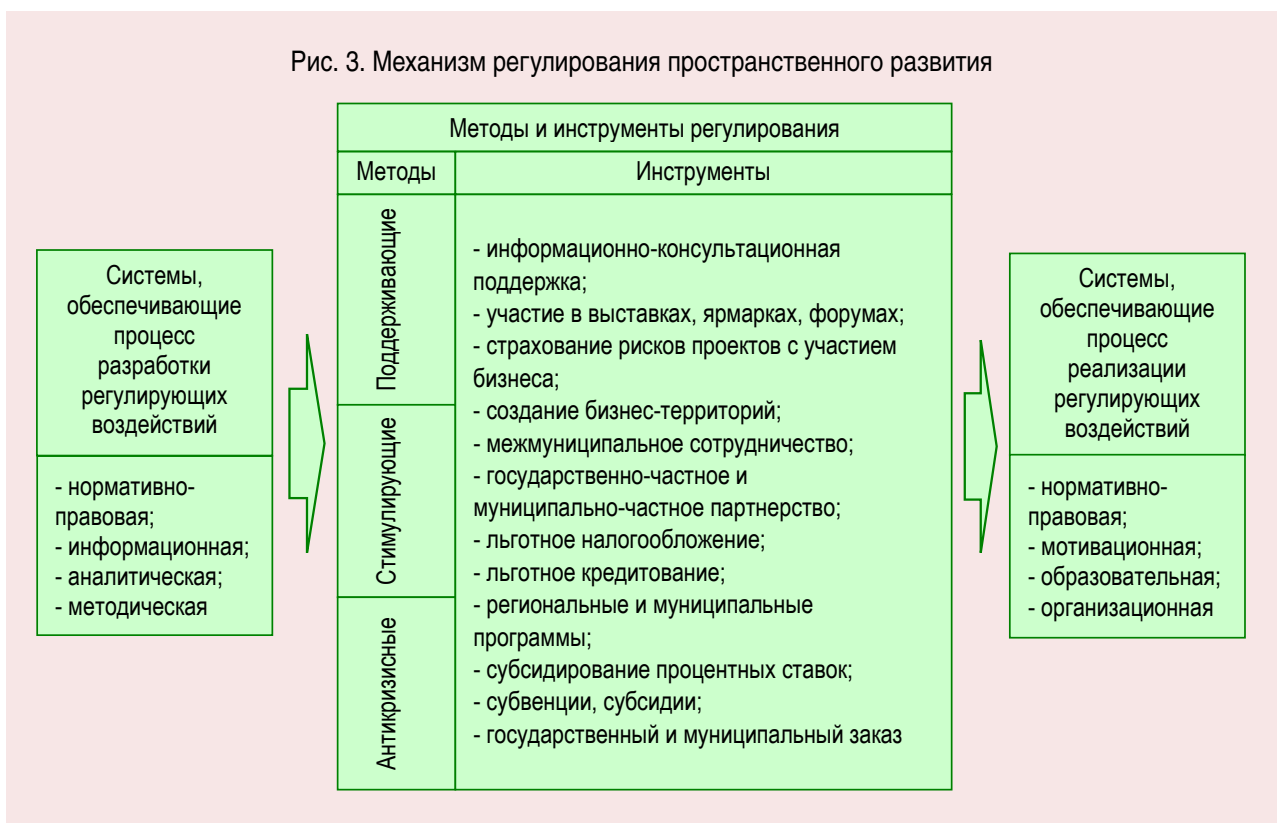
непрерывного образования, совершенствования форм и методов социального партнерства с бизнесом.

Центральное место в системе регулирования пространственного развития региона занимает механизм, объединяющий в своей структуре совокупность методов воздействия и систем, обеспечивающих выполнение главных его функций (рис. 3).

Взаимодействие всех участников социально-экономических процессов территорий происходит в рамках правового поля, правила поведения на котором разрабатываются субъектами регулирования. Система нормативно-правового обеспечения призвана создать институциональные рамки для осуществления деятельности всех участников: это нормативные акты, принимаемые субъектом РФ и муниципальными образованиями, и пакет стратегических документов, определяющих направления регулирования пространственного развития территорий.

Разработке регулирующих воздействий предшествуют сбор, систематизация и анализ информации, которая представлена данными государственной статистики, анкетирования,

Рис. 3. Механизм регулирования пространственного развития

экспертных оценок, мониторингов, рейтингов, отчетности муниципальных образований и субъекта РФ, научных работ отечественных и зарубежных изданий. Обработка значительных информационных массивов требует методического обеспечения, позволяющего в ходе анализа выявить особенности пространственного развития и обуславливающие их факторы, тенденции, угрозы, проблемы и возможности их преодоления, т.е. сформировать основу для выбора методов и инструментов государственного воздействия. В процессе реализации регулирующего воздействия важную роль играет обеспечивающая система, формирующая мотивы в триаде: органы управления — население — бизнес, нацеленная на установление партнерских отношений в ходе решения стратегических задач по снижению неравномерности социально-экономического развития. Выделим также и образовательное обеспечение регулирования пространственного развития, способствующее повышению квалификации, освоению новых знаний, умений навыков. Роль связующего звена между указанными обеспечивающими системами играет организационное обеспечение, включающее совокупность институциональных структур, формирующих благоприятную среду для взаимодействия как субъектов регулирования, так и представителей бизнеса и населения.

Ключевой составляющей механизма регулирования пространственного развития региона является совокупность методов и инструментов, выбор использования которых определяется следующими, по нашему мнению, основополагающими принципами: содействия реализации потенциала территории, дифференцированного подхода и нацеленности на решение стратегических задач. Отличительная особенность механизма, направленного на снижение социально-экономического неравенства в развитии муниципалитетов, — обусловленность выбора инструментов воздействия стадией неравномерности, соответствующей степени разобщенности между районами по социально-экономическим параметрам. По мере нарастания различий и смене стадий неравномерности (дифференциация — асимметрия — поляризация) изменяется и характер используемых инструментов (поддерживающие — стимулирующие — антикризисные). Отметим также, что на

внутрирегиональное социально-экономическое неравенство оказывает влияние значительное количество факторов, различающихся по содержанию, характеру, длительности и направленности воздействия. Поэтому в условиях, когда внешняя среда отличается нестабильностью и наличием случайных явлений, использование некоторых методов не может быть жестко заданным на длительный период времени. Это подчеркивает необходимость формирования гибкой и мобильной системы регулирования, способной оперативно реагировать на любые изменения путем выбора таких инструментов, которые наилучшим образом учитывают свойства и особенности региональной социально-экономической системы, закономерности ее функционирования.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что регулирование пространственного развития региона, направленное на снижение социально-экономического неравенства, необходимо рассматривать как одно из приоритетных направлений деятельности органов власти и управления. Очевидно, что каждый регион имеет свои особенности и свои проблемы, что обуславливает применение различных инструментов и методов государственного воздействия. Однако это не исключает разработку такого подхода к формированию системы регулирования пространственным развитием, который мог бы быть использован в разных регионах. При разработке подхода мы исходили из понимания неравномерности как процесса, проходящего в своем развитии три стадии, сменяющиеся под воздействием объективных и субъективных факторов, оказывая влияние на которые можно снизить различия между территориями. Основу подхода к регулированию пространственного развития составляют принципы, опираясь на которые в ходе воздействия на социально-экономические процессы субъекты регулирования стимулируют развитие и саморазвитие муниципальных образований, учитывают их особенности и закономерности функционирования, ориентируют на решение стратегических задач. При выборе методов и инструментов регулирования следует принять во внимание стадию неравномерности социально-экономического развития муниципального образования, что позволит достичь наибольшего эффекта.

Результаты исследования вносят вклад в развитие теоретической науки, что заключается в уточнении понятия «неравномерность социально-экономического развития» и обосновании подхода к регулированию пространственного развития региона. Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования предложенного подхода в деятельности органов власти и управления региона и местного самоуправления для решения проблемы снижения внутрирегионального социально-экономического неравенства.

Литература

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. М.: Эксмо, 2016. 208 с.
2. Блауг М. Экономическая мысль в перспективе: пер. с англ. Изд. 4-е. М.: Дело Лтд, 1994. 720 с.
3. Тюнен И. Изолированное государство: пер. с нем. М.: Экономическая жизнь, 1926. 326 с.
4. Palander T. *Beiträge zur Standortstheorie*. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1935. 419 p.
5. Myrdal G. *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. London: Duckworth, 1957.
6. Perroux F. Les investissements multinationaux et l'analyse des poles de developpement et des poles d'integration. *Revue Tiers-Monde*, 1968, vol. 9, no. 34, pp. 239–265.
7. Richardson H.W. *Regional Growth Theory*. London: MacMillan, 1973. 272 p.
8. Friedmann J. *The Politics of Alternative Development*. Cambridge: Blackwell Publisher, 1992. 212 p.
9. Krugman P. Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*, 1991, vol. 99, no. 3, pp. 483–499.
10. Fujita M., Krugman P. When is the economy monocentric: von Thunen and Chamberlin unified. *Regional Science and Urban Economics*. 1995, vol. 25, no. 4, pp. 505–528.
11. Баранов С.В. Технологии оценки неоднородности социально-экономического развития регионов Российской Федерации: проблемы и решения // Экономическая наука современной России. 2009. № 3 (46). С. 48–55.
12. Зубаревич Н.В. Социально-экономическое развитие регионов: мифы и реалии выравнивания // SPERO. 2008. № 9. С. 7–22.
13. Коломак Е.А. Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты // Пространственная экономика. 2010. № 1. С. 26–35.
14. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. Изд. 6-е, стер. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 368 с.
15. Минакир П.А. Мнимые и реальные диспропорции экономического пространства // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 5–18.
16. Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004. 258 с.
17. Анимиаца Е.Г., Иваницкий В.П., Пешина Э.В. В поисках новой парадигмы регионального развития. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 108 с.
18. Регион в новой парадигме пространственной организации России / под общ. ред. А.И. Татаркина. М.: Экономика, 2007. 751 с.
19. Губанова Е.С., Клещ В.С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т.10. № 1. С. 58–75. DOI:10.15838/esc.2017.1.49.4
20. Победин А.А. Внутрирегиональная дифференциация социально-экономического развития: методология анализа и политика регулирования. Екатеринбург: УрАГС, 2010. 199 с.
21. Полюнев А.О. Межрегиональная экономическая дифференциация. Методология анализа и государственного регулирования. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2011. 208 с.
22. Чепик А.Е. Вопросы прогнозирования внутрирегиональной неравномерности экономического развития региона // Экономические науки. 2014. № 12 (121). С. 129–134.
23. Губанова Е.С. Методика оценки неравномерности социально-экономического развития // Проблемы развития территории. 2018. № 6(98). С. 30–41. DOI:10.15838/ptd.2018.6.98.2
24. Ворошилов Н.В. Управление развитием территорий: проблемы и методическое обеспечение // Проблемы развития территории. 2015. № 6 (80). С. 171–185.

25. Ускова Т.В. Региональная политика по развитию муниципальных образований. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. 136 с.
26. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его регулирования / под ред. С.С. Артоболевского, Л.М. Синцера. М.: Эслан, 2010. 428 с.
27. Agnew J. The new global economy: time – space compression, geopolitics, and global uneven development. *Journal of World System Research*, 2001, vol. 7, no. 2, pp. 133–154.
28. Harvey D. *The Conditional of Postmodernity: An Enquiry into the Origin of Cultural Change*. Cambridge, 1990. 230 p.
29. Boudeville J. *Les espaces économiques*. Paris, 1970. 126 p.
30. Lasuen J.R. On growth poles. *Urban Studies*, 1969, no. 6, pp. 137–152.
31. Pottier P. Axes de communication et development economique. *Revue economique*, 1963, vol. 14, pp. 58–132.
32. Кожевников С.А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы трансформации российского пространства // Вопросы территориального развития. 2018. № 3 (48). С. 1–9.
33. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 62–79.
34. Родоман Б.Б. Районирование как обладание пространством // Региональные исследования. 2017. № 3 (57). С. 4–12.
35. Шитова О.А. Экономическое зонирование как предпосылка совершенствования территориального развития // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2012. № 7 (43). URL: <http://uecs.ru/marketing/item/1454-2012-07-20-06-10-45> (датаобращения: 14.08.2019)
36. Antunez K., Vaccaïni B., Guérois M., Ysebaert R. Disparities and territorial discontinuities in France with its new regions: a multiscalar and multidimensional interpretation. *Economics and Statistics*, 2017, vol. 497–498, pp. 19–41.
37. Fan S., Kanbur R., Zhang X. China's regional disparities: experience and policy. *Review of Development Finance*, 2011, vol. 1, pp. 47–56.
38. Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности российской политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46–57.
39. Татаркин А.И. Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6 (24). С. 42–59.

Сведения об авторах

Елена Сергеевна Губанова – д.э.н., профессор, заведующий кафедрой, Вологодский государственный университет (160002, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Гагарина, 81, оф. 309; e-mail: gubanova_elena@mail.ru)

Виктория Сергеевна Клещ – соискатель, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: korennikova@gmail.com)

Gubanova E.S., Kleshch V.S.

Overcoming Socio-Economic Inequality as a Condition for Sustainable and Balanced Spatial Development of the Region

Abstract. As the spatial structure of the economy is undergoing transformation, we observe the aggravation of a number of problems that hinder sustainable development of constituent entities of the Russian Federation; and a special place among them belongs to significant intraregional differences in socio-economic parameters. Overcoming spatial disparities should become an imperative for the development of the country and its regions in the long term. This confirms the need for further scientific understanding

of the complex of issues related to the improvement of regulation of spatial development of regions; this determines the goal of our paper. In the course of the study conducted on the materials of the Vologda Oblast, we have found out that the majority of municipalities have an asymmetrical type of development with increasing differences between the areas of concentration of economic activity near major cities in the region and the rest of the territory; this indicates the process of compression of space. The paper proposes an approach to state regulation of spatial development of the region, based on its representation, on the one hand, as a complex system, and on the other hand, as a socio-economic area. Scientific novelty of the approach lies in the fact that it is based on principles and methods that help promote the development and self-development of municipalities, take into account their features and patterns of functioning, and orient municipalities toward solving strategic problems. The study is based on methods such as system analysis and system synthesis, generalization, comparison, and comparative analysis. The results of the study can be used in the activities of regional authorities and local government. Theoretical generalizations contained in the article can be used as materials for scientific discussion.

Key words: uneven socio-economic development, spatial development, region, municipalities, Vologda Oblast.

Information about the Authors

Elena S. Gubanova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of department, Vologda State University (81, Gagarin Street, office 309, Vologda, 160002, Russian Federation; e-mail: gubanova_elena@mail.ru)

Victoriya S. Kleshch – degree-seeking applicant, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: korennikova@gmail.com)

Статья поступила 03.09.2019.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.4

УДК 332.1(470.12), ББК 65.050.23(2Рос–4Вол)

© Ворошилов Н.В.

Региональная политика по развитию муниципальных образований: оценка эффективности и особенности реализации в современных условиях*

**Николай Владимирович
ВОРОШИЛОВ**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: niks789@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5565-1906; ResearcherID: I-8233-2016

Аннотация. С принятием в феврале 2019 г. Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года актуализировались вопросы формирования целостной системы региональной политики субъекта РФ по развитию муниципальных образований, учитывающей социально-экономические и географические особенности различных территорий. В связи с этим целью данной статьи является разработка методического инструментария для оценки эффективности и для анализа особенностей реализации внутрирегиональной политики в субъекте РФ (на материалах Вологодской области). Научная новизна выполненного исследования заключается в использовании для подобной оценки экспертных мнений, выявленных в ходе анкетного опроса глав муниципалитетов Вологодской области, и в проведении анализа, основанного на разработанных автором критериях, отраженности пространственных (территориальных) аспектов в стратегиях развития субъектов Северо-Западного федерального округа. Методологической основой исследования послужили методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, а также методический инструментарий, базирующийся на экономико-статистическом, компаративном анализе и экспертном опросе. Показано, что, несмотря на осуществление комплекса мероприятий, предпринимаемых органами государственной власти Вологодской области по развитию

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Вологодской области в рамках научного проекта № 19-410-350010.

Для цитирования: Ворошилов Н.В. Региональная политика по развитию муниципальных образований: оценка эффективности и особенности реализации в современных условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 5. С. 58–75. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.4

For citation: Voroshilov N.V. Regional policy on the development of municipalities: efficiency assessment and implementation specifics in the current context. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 58–75. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.4

муниципальных образований, по-прежнему сохраняется ряд проблем в реализации внутривнутрирегиональной политики: это прежде всего недостаточный учет специфики и особенностей развития отдельных муниципалитетов; наличие бюрократических препятствий для взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления; ограниченность полномочий самих местных органов власти и др. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в деятельности органов государственной власти субъектов РФ, а также стать фундаментом дальнейших научных исследований по разработке направлений совершенствования форм, методов и инструментов реализации внутривнутрирегиональной политики.

Ключевые слова: региональная политика по развитию муниципальных образований, стратегия социально-экономического развития, Северо-Западный федеральный округ, Вологодская область, анкетный опрос, методика оценки.

Введение

Для России, самого крупного государства в мире, ключевое значение всегда имеют вопросы эффективного управления развитием большого числа разнообразных по площади, численности населения, ресурсному потенциалу и экономическому развитию её субъектов (85) и муниципальных образований (по состоянию на 1 января 2019 г. насчитывается 21 501 муниципальное образование, в том числе 1731 муниципальный район, 611 городских округов, 3 городских округа с внутригородским делением). Важность формирования и реализации целостной и системной федеральной государственной региональной политики (политики по развитию субъектов РФ) и внутривнутрирегиональной политики (политики субъекта РФ по развитию муниципальных образований) обозначена в настоящее время на самом высоком уровне.

Так, в соответствии с Указом Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» от 16.01.2017 г. № 13 под данной политикой понимается система приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по политическому и социально-экономическому развитию субъектов РФ и муниципальных образований. Ключевыми её принципами являются реализация стимулирующих мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований при условии самостоятельного осуществления органами государственной власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления полномочий, установленных Конституцией Россий-

ской Федерации и федеральными законами, и дифференцированный подход к реализации мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей.

Целями государственной политики регионального развития выступают обеспечение равных возможностей для реализации установленных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами экономических, политических и социальных прав граждан России на всей территории страны, повышение качества их жизни, обеспечение устойчивого экономического роста и научно-технологического развития регионов, повышение конкурентоспособности экономики страны на мировых рынках на основе сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития субъектов Федерации и муниципальных образований, а также максимального привлечения населения к решению региональных и местных задач. В перечень задач данной политики входит, в том числе, совершенствование механизмов стимулирования субъектов РФ и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала; уточнение полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления, совершенствование их финансового обеспечения и организация эффективного исполнения указанных полномочий (с максимальным привлечением населения к участию в государственном и муниципальном управлении).

Целью пространственного развития России, намеченной в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р), является обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, и национальной безопасности. Одной из задач данной политики указано сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации, а также снижение внутрирегиональных социально-экономических различий. В контексте этого в Стратегии обозначен принцип дифференцированного подхода к выбору направлений и мер государственной поддержки социально-экономического развития территорий с учетом демографической ситуации, особенностей системы расселения, уровня и динамики развития экономики и специфических природных условий.

Важность формирования системной государственной политики по развитию территорий обозначена многими странами мира. Так, в ключевых документах Европейского союза [1; 2], касающихся территориального (пространственного) развития, выделены, в частности, следующие приоритеты региональной политики ЕС до 2020 года: полицентричное и сбалансированное территориальное развитие; поощрение комплексного развития в городах, сельской местности и отдельных регионах; учёт уникальных характеристик при развитии широкого спектра сельских районов; развитие различных видов территориальной интеграции; обеспечение глобальной конкурентоспособности регионов на основе сильной местной экономики; улучшение территориальных связей отдельных лиц, сообществ и предприятий; управление с учётом экологических, ландшафтных и культурных ценностей регионов. Рядом зарубежных учёных [3; 4; 5; 6; 7] данные вопросы рассматриваются в рамках управления пространственным развитием страны и её регионов. Российские ученые акцентируют внимание на различных аспектах реализации внутрирегиональной политики и управления пространственным развитием регионов. Так,

А.С. Новоселов и соавторы [8] проанализировали основные особенности и проблемы реализации пространственной политики в России и разработали схему управления пространственным развитием региона. Ими обосновано, что отраслевому подходу в системе управления и распоряжения общественными ресурсами нужен весомый противовес в виде системы управления региональным развитием, а также системы муниципальных образований субъекта РФ и их объединений.

Другие отечественные исследователи рассматривают особенности формирования и реализации внутрирегиональной политики в рамках сложившейся в России модели федерализма. Например, В.В. Клисториным [9] сделан вывод о наличии противоречия между диагностикой региональных проблем и практически решениями в данной области и показано, что децентрализация ресурсов вместо повышения эффективности региональной политики приведет скорее к усилению роли федерального центра в принятии решений. Е.М. Бухвальд [10; 11] акцентирует внимание на необходимости органичного включения муниципального звена управления в единую вертикаль стратегического планирования в стране. Автор особо подчеркивает, что на практике этому препятствуют серьезные экономические обстоятельства, главное из которых — негативная ситуация с системой местных финансов, характеризующейся дефицитностью, высокой дотационной зависимостью и, как следствие, неустойчивостью и слабой прогнозируемостью относительно любых планов и программ долговременного характера. В работах А.Н. Швецова [12], А.Я. Троцкого [13; 14], М.П. Щетинина [15], Т.В. Усковой [16; 17; 18], Б.С. Жихаревича [19], В.Б. Зотова¹ и других ученых [20] вопросы внутрирегиональной политики рассматриваются с точки зрения анализа трансформационных процессов в регионах, формирования единой и целостной системы управления развитием регионами и их муниципалитетами, системы стратегического планирования и местного самоуправления, механизма эффективного межрегионального и межмуниципального сотрудничества.

¹ Система муниципального управления: учеб. для вузов / под ред. В.Б. Зотова. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Питер, 2008. 512 с.

В нашей статье под региональной политикой по развитию муниципальных образований понимается деятельность региональных органов власти по определению и реализации целей и приоритетов территориального развития, механизма стимулирования, поддержки и содействия развитию муниципальных образований в целях обеспечения комплексного и устойчивого развития региона.

Вместе с тем в настоящее время дискуссионными остаются вопросы разработки методического инструментария для оценки эффективности и анализа особенностей реализации внутрирегиональной политики в каждом конкретном субъекте РФ (в том числе и для её концептуального отражения в Стратегии развития субъекта РФ), решение которых и стало целью нашей статьи.

Описание методики исследования и обоснование ее выбора

Для достижения обозначенной цели использовались методы экономического, статистического и компаративного анализа, методы обобщения и экспертного опроса, монографический метод. Методологическую основу составили труды отечественных и зарубежных экономистов в области региональной экономики, государственного и муниципального управления.

Как показал проведённый нами анализ, существующие методики оценки эффективности региональной политики по развитию территории можно условно объединить в две группы. Первая группа позволяет оценить эффективность управления развитием территории региона, а вторая — эффективность функционирования органов региональной власти, включая оценку эффективности управления в той или иной сфере: бюджетной, инвестиционной, налоговой, социальной, экономической, природной и т.д.

Эффективность внутрирегиональной политики проявляется в том, насколько действия, предпринимаемые соответствующими структурами по её реализации, а также в сфере межбюджетных отношений и стимулирования развития муниципалитетов, приводят к улучшению параметров социально-экономического развития территорий, повышению качества предоставления государственных и муниципальных услуг.

В ГОСТ Р ИСО 9000-2015 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь» даны следующие определения: качество (quality) — степень соответствия совокупности присущих характеристик объекта требованиям; эффективность (efficiency) — соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами; результативность (effectiveness) — степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов. Вместе с тем достаточно трудно оценить результативность или эффективность государственной политики, что обусловлено сложностью измерения конкретного конечного результата её реализации, формирующегося под воздействием различных ресурсов, факторов и действий органов власти разного уровня (федерального, регионального, местного). Причём наиболее сложно оценить качество государственной политики, поскольку оно является интегрированной характеристикой и наиболее сложно для оценки. В связи с этим для оценки эффективности реализации государственной политики или деятельности органов власти применяются различные косвенные показатели и/или результаты экспертных оценок (социологических опросов), которые выполняются различными государственными и негосударственными структурами.

В ходе анкетного опроса, проводимого ФГБУН ВолНЦ РАН на территории Вологодской области с 2007 года², главам муниципалитетов предлагается ответить на три вопроса, касающихся эффективности взаимодействия органов региональной и муниципальной власти и их действий по развитию территорий. Очевидно, что подобные опросы в субъектах РФ и использование их результатов позволят в общем виде оценить эффективность региональной политики по развитию муниципальных образований [21]. Алгоритм проведения расчётов следующий: 1) каждому варианту

² Для исследования проблем и перспектив реформы местного самоуправления Вологодским научным центром Российской академии наук (ВолНЦ РАН, ранее — ИСЭРТ РАН) с 2007 г. проводится анкетный опрос глав муниципальных образований Вологодской области. На 30–40 вопросов анкеты ежегодно отвечают 160–210 глав муниципальных образований из 218–372-х, что позволяет обеспечить ошибку выборки 4–5%. Главы дают оценку по итогам прошедшего календарного года: например, в опросе 2018 года — по итогам 2017 года.

ответа присваивается балльная оценка (от 0 до 2 или 3), соответствующая степени той или иной составляющей эффективности; 2) определяется средняя балльная оценка по каждой составляющей эффективности путем перемножения доли выбравших вариант ответа и балла, соответствующего данному варианту, и суммирования полученных значений по вариантам ответа на вопрос; 3) исходя из средней балльной оценки определяется уровень той или иной составляющей эффективности. Соответственно проводится оценка по трём составляющим эффективности: 1) эффективность и результативность взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления; 2) эффективность действий региональных органов власти, направленных на поддержку муниципалитетов; 3) эффективность отраслевой региональной политики.

Следует также отметить, что основные принципы, направления и механизмы управления пространственным, территориальным развитием региона должны быть концептуально отражены в Стратегии его социально-экономического развития. Поэтому важным является научный анализ данных документов на наличие в них соответствующей информации и разделов.

Известный российский специалист по стратегическому планированию Б.С. Жихаревич [19] предлагает методический подход к оценке качества отражения пространственного факто-

ра в региональных стратегиях (методика выявления взаимосвязи стратегического планирования и территориального развития регионов, по которой проанализированы 19 субъектов Федерации на предмет выявления согласованности действующих документов социально-экономического и территориального планирования). Опираясь на идеи учёного, мы предлагаем 3 критерия, отражающих наличие в Стратегиях социально-экономического развития субъектов РФ пространственных и территориальных аспектов – как анализа текущей ситуации, так и концептуальных положений, ориентиров развития муниципалитетов.

Результаты исследования, анализ и пояснение полученных результатов

Основываясь на положениях обозначенного выше подхода к анализу и оценке внутрирегиональной политики, представим вначале результаты анализа действующих стратегий социально-экономического развития субъектов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) на предмет наличия в них пространственных и территориальных аспектов (табл. 1).

В большинстве проанализированных стратегий развития субъектов СЗФО пространственные (территориальные) аспекты отражены лишь частично: как правило, не представлены какой-либо подробный качественный и системный анализ развития муниципальных районов и городских округов региона, чёткие

Таблица 1. Наличие пространственных и территориальных аспектов в стратегиях социально-экономического развития субъектов Северо-Западного федерального округа

Субъект РФ	Критерий 1*	Критерий 2*	Критерий 3*
Республика Карелия	+ (представлен подробный анализ пространственного развития региона и ключевых показателей муниципалитетов)	+ (отдельное стратегическое направление – «Устойчивое пространственное развитие», районирование, опорные зоны, точки роста, специализация и бренды муниципалитетов, моногорода, сельские территории, стратегические направления развития районов и городских округов)	+ (кластеры, ОЭЗ, инвестиционные проекты в разрезе территорий, ТЛЦ, Корпорация развития и Центр кластерного развития)
Республика Коми	+ (типология, интегральная оценка и специализация, муниципальных районов и городских округов, территории, зоны приоритетного развития,	+ (раздел «Сбалансированное развитие пространство жизнедеятельности и бизнеса», базовые комплексы в муниципальной экономике; моногорода, перспективы развития отдельных муниципалитетов, точки роста)	+/- (кластеры, ТОСЭР, ТЛУ)
Архангельская область	- (представлены лишь отдельные особенности развития районов области в сфере образования)	+ (зонирование территорий, сельские территории как точки роста,	+/- (кластеры, ТЛК)

Окончание таблицы 1

Субъект РФ	Критерий 1*	Критерий 2*	Критерий 3*
Ненецкий автономный округ	+/- (особенности пространственного развития округа, показана дифференциация отдельных показателей по муниципалитетам и их специализация)	+ (раздел «Основные направления пространственного развития Ненецкого автономного округа», зоны, коридоры развития, центры экономического роста, приоритеты развития муниципалитетов, перспективы объединения поселений, транспорт и инфраструктура)	+/- (кластеры, ТОСЭР, инвестиционные проекты в разрезе территорий)
Вологодская область	+/- (показаны отдельные межмуниципальные различия и отдельные проблемы пространственного развития)	+/- агломерации, межрайонные центры, моногорода и сельские территории	+/- кластеры, ТЛУ, ТОСЭР
Калининградская область	+/- (представлены лишь несколько примеров информации по отдельным сферам экономики региона с упоминанием муниципальных районов, городских округов)	+/- (раздел «Пространственное развитие территории Калининградской области», центры развития, приоритетные направления развития муниципальных образований, функциональное зонирование, промышленные зоны)	+/- (кластеры, ОЭЗ)
Ленинградская область	+/- (дисбалансы в развитии районов области, их текущая специализация)	+ (раздел «Территориальное развитие области», картосхемы по основным параметрам развития, специализация муниципалитетов, территориальные приоритеты) <i>Проект Стратегии</i> (раздел «Пространственное развитие области», зонирование территорий и приоритеты региональной политики для каждой зоны)	+/- (кластеры, наукограды, проекты в разрезе территорий)
Мурманская область	-	+/- (обозначенные опорные центры системы расселения, направления развития отдельных районов области)	+/- (кластеры, ТОСЭР, ОЭЗ, ТЛЦ, ТЛУ, проекты в разрезе территорий)
Новгородская область	-	+/- (раздел «Основные направления пространственного развития области», промышленные и инвестиционные площадки, моногорода)	+/- (кластеры, ОЭЗ, ТОСЭР, ТЛК, стратегии развития групп районов и городского округа)
Псковская область	-	+/- (раздел «Развитие пространственной организации области», формирование сетевой структуры, системы расселения, точек роста)	+/- (кластеры, ТЛК, ОЭЗ)
г. Санкт-Петербург	+/- (раздел «Пространственно-территориальное развитие»)	+/- (задача «Реализация оптимальной модели пространственного развития», центры экономической активности, агломерация)	+/- (кластеры, ОЭЗ, ТЛЦ)

Условные обозначения: «+» – параметры по данному критерию представлены в Стратегии подробно; «+/-» – параметры по данному критерию представлены не в полной мере (фрагментарно); «-» – параметры по данному критерию не представлены.

* Наличие пространственных (территориальных аспектов) в аналитической части (анализ ситуации в муниципальных образованиях, развития агломерационных процессов; картосхемы и т.д.).

** Наличие территориальных приоритетов, ориентиров развития муниципальных образований (коридоры, зоны, оси, полюса развития; опорный каркас развития; опорные территории; перспективные специализации муниципалитетов, районирование территорий региона; развитие агломераций, моногородов, сельских территорий и т.д.).

*** Институты, инструменты пространственного развития (кластеры, зоны территориального развития – ЗТР, территории опережающего социально-экономического развития – ТОСЭР, свободные, особые экономические зоны – СЭЗ, ОЭЗ; проекты, привязанные к территориям; согласование градостроительной политики; транспортно-логистические узлы (центры, комплексы) – ТЛУ, ТЛЦ, ТЛК; специальные организации, отвечающие за пространственное развитие и т.д.).

ориентиры, приоритеты, направления и механизмы, институты развития. Наиболее качественной с точки зрения отраженности данных аспектов является Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года (утверждена Распоряжением Правительства Республики Карелия от 29 декабря 2018 г. № 899р-П). Таким образом, требуется корректировка данных стратегических документов в части более подробного и качественного отражения в них пространственных и территориальных аспектов и приведения в соответствие с целями и задачами, обозначенными в Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.

Далее рассмотрим особенности и проблемы реализации внутрирегиональной политики на материалах Вологодской области, в частности ключевые проблемы развития муниципальных образований.

Результаты опросов, ежегодно проводимых сотрудниками ФГБУН ВолНЦ РАН среди глав муниципальных образований области, показывают, что основными проблемами их развития на протяжении уже более 10-ти лет остаются:

недостаточность финансовых ресурсов (дефицит собственных доходных источников, недостаточность финансовой поддержки со стороны государства); несовершенство законодательства, касающегося вопросов функционирования и развития муниципальной власти; пассивность местного населения и отсутствие механизмов учёта баланса интересов бизнеса, власти и населения в процессе развития территории; недостаточно эффективное взаимодействие с органами государственной власти (зависимость от региональных органов управления, бюрократические проволочки, отсутствие согласованности программных документов по развитию территорий); ограниченность полномочий муниципалитета в сфере экономического развития.

Что касается ситуации с местными бюджетами, то, как можно отметить, во всех муниципальных районах и городских округах в 2017 г. по сравнению с 2006 г. выросла бюджетная обеспеченность (налоговые и неналоговые доходы их бюджетов в расчёте на 1 жителя), за исключением г. Вологды (рост в среднем по районам составил 4,2 раза; табл. 2).

Таблица 2. Бюджетная обеспеченность налоговыми и неналоговыми доходами бюджета района (городского округа) в расчёте на 1 жителя

Муниципальный район, городской округ	2006 г.		2009 г.		2017 г.		2017 г. к 2006 г.	
	Знач., тыс. руб.	Доля*, %	Знач., тыс. руб.	Доля*, %	Знач., тыс. руб.	Доля*, %	Знач., раз**	Доля*, п.п.
Нюксенский	2,4	16,4	3,5	17,6	20,0	50,2	8,23 (3,38)	33,8
Междуреченский	1,5	8,5	3,0	13,0	15,7	40,2	10,42 (4,27)	31,8
Тарногский	1,9	14,2	3,8	18,7	13,5	40,1	7,25 (2,98)	25,9
Сямженский	1,6	11,9	3,0	16,1	12,3	42,9	7,52 (3,08)	31,1
Вашкинский	1,9	12,4	2,4	11,9	12,0	32,8	6,43 (2,64)	20,4
Тотемский	2,5	19,5	3,4	21,5	11,6	41,1	4,60 (1,89)	21,7
Кирилловский	2,6	20,7	4,0	21,3	11,5	28,4	4,48 (1,84)	7,7
Верховажский	1,6	14,1	2,3	13,1	11,3	43,0	7,24 (2,97)	28,9
Череповецкий	2,4	23,9	3,5	23,0	11,2	49,1	4,75 (1,95)	25,2
Вытегорский	2,0	19,7	3,0	18,5	11,2	40,9	5,61 (2,30)	21,2
Кичменгско-Городецкий	1,4	12,8	2,2	13,0	9,8	31,4	6,80 (2,79)	18,6
Чагодощенский	2,4	16,9	3,7	20,6	9,7	38,1	4,12 (1,69)	21,2
Бабушкинский	1,3	11,3	6,2	26,2	9,1	28,0	6,82 (2,80)	16,7
Грязовецкий	2,3	22,8	3,7	22,6	9,0	41,5	3,96 (1,63)	18,7
Вологодский	2,0	20,4	2,8	19,3	9,0	50,2	4,44 (1,82)	29,8
Усть-Кубинский	2,3	10,7	6,5	20,0	9,0	29,9	3,83 (1,57)	19,3
Шекснинский	3,2	31,8	6,5	27,5	8,8	50,0	2,73 (1,12)	18,2
Бабаевский	2,6	21,5	7,3	31,4	8,5	35,5	3,26 (1,34)	14,0

Окончание таблицы 2

Муниципальный район, городской округ	2006 г.		2009 г.		2017 г.		2017 г. к 2006 г.	
	Знач., тыс. руб.	Доля*, %	Знач., тыс. руб.	Доля*, %	Знач., тыс. руб.	Доля*, %	Знач., раз**	Доля*, п.п.
Вожегодский	1,6	12,2	2,2	11,3	8,3	41,2	5,21 (2,14)	29,1
Кадуйский	2,6	19,8	3,9	19,1	7,8	36,2	3,02 (1,24)	16,4
Никольский	1,2	10,8	2,3	15,1	7,7	29,5	6,68 (2,74)	18,7
Сокольский	2,5	26,5	3,1	21,8	7,4	39,9	2,95 (1,21)	13,3
Харовский	1,7	15,1	2,3	10,7	7,4	30,0	4,23 (1,74)	15,0
Устюженский	1,3	9,1	3,1	15,9	6,9	30,3	5,47 (2,24)	21,2
Белозерский	2,9	21,7	2,7	15,4	6,9	29,6	2,39 (0,98)	7,9
Великоустюгский	2,5	22,4	3,3	19,6	6,3	22,9	2,49 (1,02)	0,5
г. Вологда	12,6	70,2	10,3	68,4	8,6	42,4	0,69 (0,28)	-27,8
г. Череповец	10,0	62,5	10,2	58,1	10,1	47,7	1,01 (0,41)	-14,8
По районам	2,2	18,9	3,6	19,9	9,2	37,4	4,21 (1,73)	18,5
По области	6,6	46,7	6,9	40,2	9,3	41,2	1,40 (0,57)	-5,5

* Доля налоговых и неналоговых доходов бюджета муниципального района (городского округа) в общем объеме доходов.
** В скобках представлен темп роста показателя в сопоставимых ценах (с учётом индекса потребительских цен по области).

Во многом это обусловлено закреплением за районами дополнительных нормативов отчислений от НДС, передачей в местные бюджеты транспортного налога и ряда акцизов. Вследствие этого во всех районах области увеличилась за указанный период доля собственных (налоговых и неналоговых) доходов в общем объёме доходов (в среднем по районам — на 18,5 п.п.). В то же время в Белозерском районе, в городах Вологде и Череповце бюджетная обе-

спеченность в сопоставимых ценах снизилась (темп роста доходов бюджета стал ниже темпов инфляции). Как в 2006-м, так и в 2017 г. во всех районах области доля собственных доходов бюджета не превышала и 50%. Причём наиболее существенно она сократилась в Вологде и Череповце (на 27,8 и 14,8 п.п. соответственно).

Остро стоит в регионе и проблема внутри-региональной социально-экономической дифференциации (табл. 3).

Таблица 3. Соотношение между максимальным и минимальным значениями ключевых показателей социально-экономического развития муниципальных районов Вологодской области, раз

Показатель	Год							
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016	2017
Объём производства промышленной продукции на 1 жителя	16,2	368,7	100,4	69,1	507,5	29,3*	33,5*	29,8*
Объём производства сельскохозяйственной продукции на 1 жителя	-	10,1**	9,2	18,1	19,8	18,1	19,8	18,9
Объём инвестиций в основной капитал на 1 жителя	7,1	7,3	7,8	40,9	50,4	52,1***	13,0***	389,5***
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	1,3	2,2	2,2	1,6	1,6	1,8	2,0	2,0
Оборот розничной торговли на 1 жителя	1,3	3,1	2,3	2,8	1,8	2,1	2,0	2,1
Обеспеченность населения врачами на 10 000 населения	2,3	2,7	3,0	3,5	3,0	2,5	2,7	3,2

* Данные об объёме производства промышленной продукции отсутствовали в официальной статистической отчётности за 2015–2017 гг., поэтому за эти годы представлены данные об объёме отгрузки товаров собственного производства, выполненных работ и услуг (без учета объема производства субъектов малого предпринимательства).
** Представлены данные за 1996 г.
*** Без субъектов малого предпринимательства.

Наибольшие различия между районами Вологодской области наблюдаются по объему производства (отгрузки) промышленной продукции в расчёте на 1 жителя. Практически в 2 раза увеличилась по сравнению с уровнем 1996 года дифференциация районов и по показателю объема сельскохозяйственного производства. Различия между ними по размеру среднемесячной заработной платы, достигшие в 2017 году двух раз, стали меньше величины различий в 2005 г. (в 2,8 раза). Сохраняются и заметные различия в обеспеченности населения врачами (2,7–3,2 раза). На основании проведенного нами анализа можно заключить, что в исследуемый период произошло углубление внутрирегиональной дифференциации – в ряде случаев до критических значений. Это обуславливает необходимость разработки и реализации в рамках внутрирегиональной политики механизма регулирования дифференциации [22].

Перейдём непосредственно к анализу эффективности реализации региональной политики по развитию муниципальных образований в Вологодской области, прежде всего – основных направлений деятельности органов государственной власти области по их поддержке и укреплению их финансово-экономической самостоятельности в 2012–2018 годах³.

1. В целях активизации развития региона в целом и муниципальных образований в частности и повышения их инвестиционной привлекательности в 2012 г. в Вологодской области была создана Корпорация развития.

Для развития инвестиционного потенциала муниципальных образований также создан Координационный совет, назначены инвестиционные уполномоченные районов и округов. В функции уполномоченных включены: анализ и прогнозирование развития территории конкретного муниципалитета, мониторинг и составление инвестиционных паспортов, оказание правовой, методической и практической помощи инвесторам в реализации проектов. В 2012–2013 гг. разработаны инвестиционные паспорта, инвестиционные и налоговые карты муниципальных районов и округов. Города

Красавино, Сокол и Череповец, а также поселок Сазоново включены в федеральный перечень моногородов, разработаны комплексные планы их модернизации с целью возможного привлечения средств из федерального бюджета. В августе 2017 г. город Череповец получил статус территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР).

2. При Департаменте финансов области сформированы межведомственная рабочая группа, целью которой является поиск возможных резервов по привлечению доходов в областной и местные бюджеты и межведомственные рабочие группы – с целью сокращения задолженности по заработной плате и её легализации. В части укрепления финансово-экономических основ муниципальных образований региона проводится замена части дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности дополнительными нормативами отчислений от налога на доходы физических лиц. Так, например, уже в 2015 г. взамен дотаций муниципальным образованиям было передано более 3,1 млрд. руб. НДФЛ. В результате этого половина районов вышли на бездотационный уровень. Реализуются также мероприятия по стимулированию роста доходного потенциала местных бюджетов области: их собственная доходная база уже в 2013 году превысила уровень докризисного 2008 года на 1321,4 млн. рублей или на 11,6 %.

3. В целях оперативного реагирования на социально-экономическую ситуацию в муниципалитетах за каждым городским округом и муниципальным районом области закреплён куратор от Правительства области.

4. В 2012 году была начата реализация проекта по оптимизации муниципально-территориальной структуры области (объединение сельских поселений в Кичменгско-Городецком, Никольском, Череповецком, Сокольском и Грязовецком и Вытегорском районах). Количество поселений в 2013 году сократилось: в Кичменгско-Городецком – на 10, в Никольском – на 3, в Грязовецком, Сокольском и Череповецком районах – на одно. В 2014–2018 гг. объединение поселений осуществлено и в других районах области. Департаментами внутренней политики и финансов разработаны карты муниципалитетов: инвестиционные (опреде-

³ Составлено на основе информации, представленной на Официальном портале Правительства Вологодской области (<https://vologda-oblast.ru/>).

лен перечень реализуемых и предлагаемых к реализации проектов) и налоговые (выполнена оценка налогового потенциала, определены крупнейшие налогоплательщики в местные бюджеты), подготовлены инвестиционные паспорта районов и городских округов.

5. Разработана подпрограмма «Развитие местного самоуправления на территории Вологодской области» Государственной программы «Экономическое развитие Вологодской области на 2014–2020 годы», в соответствии с которой предусматривается предоставление межбюджетных трансфертов победителям конкурса «Лучшее поселение Вологодской области», лучшим муниципалитетам по результатам оценки эффективности деятельности органов МСУ; поселениям, участвующим в процессах объединения; премии (гранты) победителям проектов «Команда Губернатора: муниципальный уровень» и «Лучший староста года».

6. На регулярной основе в области осуществляется ежегодный мониторинг эффективности деятельности органов местного самоуправления в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 года № 607 и выделяются гранты лучшим муниципалитетам. Проводится ежегодный конкурс на лучшее поселение Вологодской области, его победителям (по 5 в каждой из 4 номинаций) выделяются гранты на благоустройство территорий и укрепление материальной базы.

7. С 2013 по 2018 г. в области реализовывался проект «Команда Губернатора: Ваша оценка», суть которого состоит в том, что результаты деятельности руководителей органов государственной власти и глав муниципальных образований получают публичную оценку населения и экспертов. Главы муниципальных образований готовят отчеты о результатах деятельности за прошедший год, представляемые на суд общественности и экспертов. Публичная защита отчетов происходит при непосредственном участии губернатора области или его заместителей. Все отчеты размещаются на сайте губернатора области в открытом доступе. В каждом районе и городском округе организуется бланочная оценка работы глав (жители могут заполнить соответствующие бюллетени, которые размещаются в различных организациях

муниципалитета). Оценивают их деятельность по итогам публичных отчетов и экспертные комиссии, в состав которых входят представители различных общественных организаций, бизнеса, органов государственной власти и научных (образовательных) учреждений. На сайте губернатора размещаются результаты всех видов оценки, а также средняя оценка, на основе которых определяется рейтинг (ранг) глав. Защита публичного отчета и полученные оценки позволяют выявить недостатки в работе глав муниципальных образований и разработать детальный план по повышению эффективности их деятельности.

8. С 2018 года по инициативе Губернатора Вологодской области стал применяться новый формат взаимодействия с муниципалитетами – градостроительные советы, в рамках которых местные жители и органы власти обсуждают самые острые проблемы территорий. По итогам каждого такого совещания губернатором даются конкретные поручения по строительству, ремонту и реконструкции улично-дорожной сети, городской инфраструктуры, учреждений здравоохранения, образования и культуры. В 2018 – начале 2019 года градостроительные советы были проведены губернатором области во всех муниципальных районах и городских округах. Таким образом, формируется бюджет развития: в ближайшие три года более 30 миллиардов рублей будет направлено на строительство инфраструктуры (дорог, мостов, больниц, детских садов, объектов водоснабжения). Всего по итогам проведенных мероприятий выдано около тысячи поручений по таким направлениям, как капитальное строительство, ремонты, реконструкция, разработка проектно-сметной документации, экспертизы и обследования⁴.

В таблице 4 представлены основные результаты реализации поручений в рамках решений градостроительных советов.

Отметим, что на градостроительных советах были приняты решения по 367 крупным объектам строительства, реконструкции или модернизации социальной и инженерной инфраструктуры в районах и городских округах Вологодской области. Большинство работ по

⁴ Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru/>

Таблица 4. Количество и объём финансирования объектов развития инфраструктуры согласно решениям градостроительных советов в муниципальных районах и городских округах Вологодской области

Муниципальный район, городской округ	Количество объектов*	Из них, объектов улично-дорожной сети*	Количество выполненных объектов на конец августа 2019 г.*	Общий объём инвестиций в объекты Градсоветов*, млн. руб.	Объём инвестиций в объекты Градсоветов в расчёте на 1 жителя, тыс. руб.	Объём инвестиций в основной капитал**, млн. руб.
Бабаевский	14	7	4	1787,2	93,2	6639,2
Бабушкинский	14	4	4	1824,9	159,1	94,1
Белозерский	14	5	5	763,3	52,6	673,2
Вашкинский	12	2	7	141,4	21,4	199,6
Великоустюгский	6	0	1	2385,7	44,4	789,9
Верховажский	8	2	2	1158,5	90,9	185,5
Вожегодский	18	5	5	497,0	34,5	120,6
Вологодский	41	18	13	1247,6	23,9	7505,5
Вытегорский	12	3	5	1597,0	66,8	687,9
Грязовецкий	15	1	0	1232,9	38,3	7732,7
Кадуйский	15	4	5	1068,7	64,1	4647,8
Кирилловский	13	6	8	425,9	29,0	301,5
Кичменгско-Городецкий	11	5	2	681,2	44,3	184,9
Междуреченский	4	1	1	327,2	61,3	2138,2
Никольский	6	3	3	1104,5	56,4	117,4
Нюксенский	17	5	1	354,6	42,4	1318,4
Сокольский	10	2	1	1141,8	23,7	3101,4
Сямженский	11	5	3	144,1	18,0	84,4
Тарногский	9	3	3	235,5	21,0	76,4
Тотемский	12	7	5	182,2	8,2	8064,9
Усть-Кубинский	8	3	5	400,6	53,4	21,4
Устюженский	4	1	1	61,8	3,7	46,4
Харовский	9	2	4	971,7	70,7	401,7
Чагодощенский	13	4	4	440,6	37,4	57,3
Череповецкий	23	13	5	2277,9	59,1	5461,2
Шекснинский	15	2	4	1101,3	32,9	8216,0
Итого по районам	334	113	101	23555,1	44,3	58867,6
Город Вологда	23	4	4	12938,9	40,6	22429,0
Город Череповец	10	2	1	26935,3	85,1	38832,6
Итого по области	367	119	106	63429,3	54,3	120129,2
Источники: составлено по: * Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: http://vologda-oblast.ru/municipality/ ** Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: http://vologdastat.gks.ru						

этим объектам должны быть выполнены в 2019 году, по наиболее масштабным объектам – в 2020–2024 годах. Объём капиталовложений в данные объекты составит суммарно 63,4 млрд. руб., что больше половины суммарного объёма инвестиций в экономику области в 2018 г., а по некоторым районам объём инвестиций в рамках решений градсоветов в несколько раз превышает годовой объём инвестиций. В *таблице 5* показано отношение жителей Вологодской области к проведению градостроительных советов.

Большинство жителей Вологодской области (67%) не знакомы с деятельностью градостроительных советов. Однако те, кто что-то слышал о данной форме взаимодействия органов госу-

дарственной власти, местного самоуправления и населения, в целом указывают на эффективность градсоветов (50% ответивших), но подавляющее большинство (79%) не готово принять в них участие. Приоритетными, по мнению жителей области, вопросами, которые должны обсуждаться на градостроительных советах, является развитие сферы здравоохранения, ЖКХ, образования, дорожной и транспортной инфраструктуры.

Далее обратимся к основным итогам оценки эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований по результатам анкетных опросов, проведённых среди глав муниципалитетов Вологодской области.

Таблица 5. Отношение жителей Вологодской области к проведению в районах и городских округах в 2018 – начале 2019 г. градостроительных советов под руководством Губернатора Вологодской области

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
Знаете ли Вы о деятельности градостроительных советов, проходивших в Вашем населённом пункте (районе), по инициативе губернатора области О.А. Кувшинникова?				
Да, хорошо знаком(а) с ней	7,3	2,0	5,3	4,9
Что-то слышал(а)	28,3	23,1	29,8	27,6
Нет	63,8	74,4	64,0	66,7
Как Вы в целом оцениваете эффективность деятельности градостроительных советов, проходивших в Вашем городе (районе)? (в % от числа тех, кто знаком или что-то слышал)				
Эффективна и скорее эффективна	40,8	52,5	53,9	49,8
Неэффективна и скорее неэффективна	28,9	28,7	15,9	22,3
Затрудняюсь ответить	30,3	16,8	29,8	27,3
Готовы ли Вы принять участие в деятельности градостроительных советов?				
Да и скорее да, чем нет	11,3	6,0	8,0	8,3
Нет и скорее нет, чем да	78,0	84,8	76,8	79,3
Затрудняюсь ответить	10,8	9,2	15,2	12,4
Если Вы готовы принять участие в деятельности градостроительных советов, то какие вопросы инфраструктурного развития вашего города (района) Вы бы хотели на них обсудить? (в % от числа тех, кто готов принять участие)				
Здравоохранение	46,7	41,7	57,1	50,4
Жилищно-коммунальное хозяйство	44,4	25,0	48,2	42,4
Образование	46,7	37,5	25,0	35,2
Дороги и транспортная инфраструктура	24,4	29,2	35,7	30,4
Физическая культура и спорт	35,6	0,0	30,4	26,4
Культура	24,4	12,5	21,4	20,8
Связь и телекоммуникации	11,1	4,2	5,4	7,2
Другое	2,2	0,0	3,6	2,4
Примечание. Анкетный опрос жителей был проведён ФГБУН ВолНЦ РАН в 3 квартале 2019 г. в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском районах (метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов). Выборка квотная с соблюдением репрезентативности по полу и возрасту. Величина ошибки выборки не превышает 3%.				

Таблица 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, от кого в наибольшей степени зависит развитие Вашего муниципального образования?» (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные образования					
	муниципальные районы		городские поселения		сельские поселения	
	2006 г.	2017 г.	2006 г.	2017 г.	2006 г.	2017 г.
От органов государственной власти региона	62,5	75,0	58,3	80,0	44,9	69,9
От органов местного самоуправления	50,0	60,0	16,7	60,0	16,8	46,6
От частного бизнеса	12,5	50,0	16,7	20,0	12,1	21,9
От самих жителей	25,0	45,0	50,0	40,0	54,2	57,5
От федеральных органов власти	50,0	45,0	58,3	80,0	42,1	49,3
От главы муниципального образования	12,5	25,0	0,0	20,0	8,4	24,7

Как выявлено, наибольшее влияние на развитие муниципалитета оказывают региональные (на это указали 75% глав муниципальных районов, 80% – городских и 70% – сельских поселений) и федеральные власти (45, 80 и 49% соответственно), а также органы местного самоуправления (60, 60, 47%; табл. 6). Вместе с тем в 2017 г. по сравнению с 2006 г. выросла доля глав районов, указывающих на высокую роль населения в развитии муниципалитета. Но по-прежнему сохраняется парадоксальная ситуация: большинство глав не видят реальной своей роли и роли бизнеса в развитии территории; по-прежнему сохраняется зависимость от вышестоящих органов власти.

В ходе опроса главам задавался вопрос о результативности взаимодействия с региональными и федеральными органами власти. Большинство руководителей муниципалитетов в 2017 году оценили результаты сотрудничества с указанными структурами только как низкие и удовлетворительные. Исключение составили Департамент финансов области (75% глав районов,

50% глав городских и 19% – сельских поселений указали на высокую эффективность взаимодействия с ним), Департамент внутренней политики Правительства области (65, 40 и 25% соответственно), Государственно-правовой департамент (60, 40 и 39%), Департамент строительства (60, 44 и 6%). Следует отметить, что большинство глав поселений считают низким уровень взаимодействия с федеральными и региональными органами государственной власти области в связи с тем, что данные органы напрямую взаимодействуют лишь с районными администрациями.

В 2017 году по сравнению с 2009 годом улучшились оценки, даваемые главами городских и сельских поселений относительно действий органов государственной власти области в сфере поддержки муниципальных образований: доля негативных оценок (вариант ответа «помощь была неэффективной») сократилась соответственно на 27 и 13 п.п. Вместе с тем позитивные изменения в этой сфере деятельности власти по-прежнему отмечаются не более чем третью глав районов и сельских поселений (табл. 7).

Таблица 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете действия региональных органов власти, направленные на поддержку муниципальных образований в ... году?» (в % от числа ответивших)

Вариант ответа	Муниципальные образования								
	муниципальные районы			городские поселения			сельские поселения		
	2009 г.	2016 г.	2017 г.	2009 г.	2016 г.	2017 г.	2009 г.	2016 г.	2017 г.
Не было оказано никакой помощи	3,8	0,0	0,0	18,2	0,0	10,0	12,0	19,8	15,1
В целом помощь была неэффективной (разработанные мероприятия трудноосуществимы и не привели к улучшению ситуации)	19,2	16,7	0,0	27,3	0,0	0,0	21,5	14,3	8,2
Изменения произошли, но они незначительны	38,5	55,6	70,0	27,3	21,4	50,0	36,1	38,5	39,7
Осуществляемые действия привели к улучшению ситуации	23,1	22,2	30,0	18,2	57,1	40,0	12,0	14,3	16,4
Затрудняюсь ответить	15,4	5,6	0,0	9,1	21,4	0,0	18,4	13,2	20,5

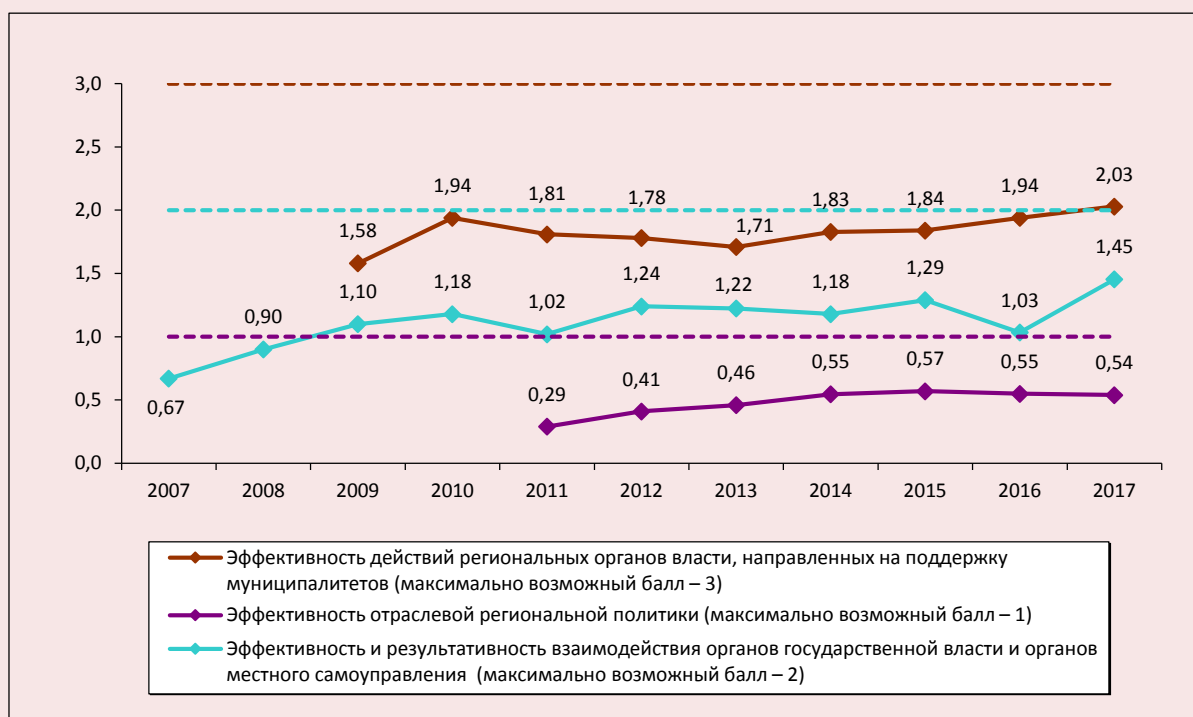
Судя по полученным данным, как неэффективные главами муниципалитетов Вологодской области оценивались действия органов государственной власти области по целому ряду направлений региональной социально-экономической политики (более трети всех респондентов; табл. 8): развитие сети автомобильных дорог местного значения; стимулирование привлечения инвестиций в экономику муниципального образования; модернизация образования и здравоохранения в области; снижение уровня безработицы; поддержка сельскохозяйственного производства; стимулирование создания и функционирования малого и среднего бизнеса; создание устойчивых внутрирегиональных кооперационных связей; оптимизация полномочий между региональными и муниципальными органами власти; стимулирование рынка жилья и жилищного строительства.

Основными причинами низкой эффективности взаимодействия всех органов публичной власти, по оценкам глав, являются: финансовая зависимость муниципальных органов (на это указали 85% руководителей муниципальных районов, 40% – городских и 74% – сельских поселений); отсутствие у органов государственной власти информации о реальной ситуации в муниципалитетах (55, 60 и 56% соответственно); противоречивость системы разграничения полномочий (50, 30 и 43%); отсутствие дифференцированной политики по отношению к территориям с разным уровнем социально-экономического развития (50, 50 и 32%). Главы городских и сельских поселений отмечают ориентацию органов государственной власти на взаимодействие с районами (57 и 33% ответивших), что приводит к невозможности своевременно реагировать на нужды поселений, искажает реальную ситуацию, ограничивает равенство прав муниципальных образований.

Таблица 8. Распределение ответов глав муниципальных образований на вопрос: «Как бы Вы оценили эффективность действий региональных органов власти, осуществляемых в рамках следующих направлений?» (в % от числа респондентов, выбравших вариант ответа «неэффективны»)

Направление оценки эффективности	Муниципальные образования		
	муниципальные районы	городские поселения	сельские поселения
Развитие сети автомобильных дорог местного значения	66,7	100,0	60,6
Стимулирование привлечения инвестиций в экономику муниципального образования	52,6	87,5	66,1
Модернизация образования и здравоохранения	50,0	66,7	69,8
Снижение уровня безработицы	47,4	77,8	76,7
Поддержка сельскохозяйственного производства	47,4	50,0	52,3
Стимулирование создания и функционирования малого и среднего бизнеса	44,4	50,0	45,2
Создание устойчивых внутрирегиональных кооперационных связей	44,4	50,0	70,4
Оптимизация полномочий между региональными и муниципальными органами власти	38,9	62,5	61,4
Стимулирование рынка жилья и жилищного строительства	36,8	66,7	52,5
Поощрение расширения внутреннего рынка продукции местных производителей	26,3	50,0	37,9
Пересмотр нормативов отчислений от региональных налогов в местные бюджеты	23,5	77,8	66,7
Развитие внутреннего и въездного туризма	22,2	44,4	25,0
Обеспечение нормативно-правовой поддержки муниципальных органов власти	22,2	37,5	38,3
Закрепление за каждым районом куратора от региональных органов власти	21,1	11,1	41,9
Формирование регионального дорожного фонда	16,7	55,6	48,5
Разграничение имущества между муниципальными образованиями	11,8	33,3	40,3
Развитие форм и механизмов поддержки и адресной целевой социальной помощи отдельным категориям населения	11,1	50,0	37,7
Экспертиза муниципальных нормативно-правовых актов	11,1	11,1	27,0

Оценка эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований (на примере Вологодской области)

Примечание. Эффективность отраслевой политики и эффективность действий региональных органов власти – балльная оценка в среднем по всем опрошенным муниципалитетам; эффективность и результативность взаимодействия – балльная оценка в отношении органов государственной власти области в среднем по опрошенным главам муниципальных районов. Оценка двух видов эффективности не представлена за те годы, в которых не задавался соответствующий вопрос. Прерывистыми линиями обозначены максимально возможные значения соответствующего вида эффективности.

На основе описанного выше методического инструментария была проведена балльная оценка эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований Вологодской области (рисунок).

Проведённые нами расчёты свидетельствуют о повышении эффективности действий региональных органов власти в сфере поддержки муниципалитетов: с 1,58 балла в 2009 году до 2,03 балла в 2017 году (высокий уровень). Увеличились эффективность и результативность взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления районов: с 0,67 балла в 2007 г. до 1,45 балла – в 2017 г. (высокий уровень). Уровень эффективности отраслевой региональной политики оценён главами муниципалитетов в 2014–2017 гг. как невысокий: 0,54–0,57 балла. Следует отметить, что главы

городских и сельских поселений более негативно, чем главы районов, оценивают эффективность внутрирегиональной политики в области. Объясняется это тем, что взаимодействие органов государственной власти региона осуществляется преимущественно с органами власти районов и городских округов.

Вместе с тем, несмотря на реализацию комплекса мероприятий, предпринимаемых органами государственной власти Вологодской области по развитию муниципальных образований, во внутрирегиональной политике по-прежнему сохраняется ряд проблем, и прежде всего недостаточный учет особенностей развития отдельных муниципалитетов, наличие бюрократических препятствий для взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, ограни-

ченность полномочий самих местных органов власти и др. Вследствие этого возникает необходимость корректировки Стратегии развития области на период до 2030 года с целью формирования системной региональной политики по развитию муниципальных образований. Кроме того, ключевыми направлениями её совершенствования могут быть: формирование на территории субъекта РФ управленческих округов; создание координационного совета по развитию муниципальных образований; стимулирование развития различных форм межмуниципального сотрудничества; формирование оптимального муниципально-территориального устройства, отвечающего современным реалиям экономического и социального развития территорий региона. Детальная проработка данных направлений и научное обоснование норматив-

но-правового, организационного, финансового и институционального обеспечения реализации внутрирегиональной политики являются задачами дальнейших исследований.

Таким образом, вклад нашего исследования, результаты которого представлены в статье, в развитие теоретической науки заключается в обосновании подхода к оценке эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований; вклад в развитие прикладной науки – в оценке степени отражения пространственных (территориальных) аспектов в стратегиях социально-экономического развития субъектов Северо-Западного федерального округа, оценке особенностей и проблем реализации внутрирегиональной политики на примере конкретного субъекта РФ (Вологодской области), что послужит основой для определения направлений её совершенствования.

Литература

1. *European Spatial Development Perspective. Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union.* Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/pdf/sum_en.pdf
2. *Territorial Agenda of the European Union 2020. Towards an Inclusive, Smart and Sustainable Europe of Diverse Regions.* Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/policy/what/territorial-cohesion/territorial_agenda_2020.pdf
3. Kutscherauer A. et al. *Regional Disparities in Regional Development of the Czech Republic: Their Occurrence, Identification and Elimination.* Ostrava: VŠB-Technical University of Ostrava, 2010. 120 p.
4. Porter M.E. *Regions and the New Economics of Competition: Global City-Regions: Trends, Theory, Policy.* Oxford: Oxford University Press, 2001.
5. *Grundwissen Kommunalpolitik.* Bonn: FES, 2011. 482 s. Available at: <http://library.fes.de/pdf-files/akademie/kommunal/08975>
6. Kauffmann A. Delineation of city regions based on commuting interrelations: the example of large cities in Germany. *IWH-Diskussionspapiere*, 2010, no. 4, pp. 1–31.
7. Saiensus M. Analysis of innovative sustainability of socio-economic systems. *Socioeconomic Research Bulletin*, 2014, no. 4 (55), pp. 109–114.
8. Новоселов А.С., Маршалова А.С., Ждан Г.В. Методологические проблемы и организационная структура управления пространственным развитием регионов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2017. № 1 (49). URL: <http://eee-region.ru/article/4908>
9. Клисторин В.В. Федеративные отношения, региональная политика и проблема деформации экономического пространства России // Регион: экономика и социология. 2013. № 3 (79). С. 79–95.
10. Бухвальд Е.М. Политика пространственного развития российской экономики // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 107–112.
11. Бухвальд Е.М. Муниципальное звено стратегического планирования: экономические и правовые проблемы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2016. № 4 (37). С. 41–52.
12. Швецов А.Н. Совершенствование региональной политики: концепции и практика. 2-е изд. М.: КРАСАНД, 2011. 320 с.

13. Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / А.Я. Троцковский, Л.В. Родионова, А.М. Сергиенко и др.; под ред. А.Я. Троцкого. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2017. 424 с.
14. Троцковский А.Я., Щетинин М.П. Концептуальные основы регулирования территориального развития на мезоуровне // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2 (66). Т. 2. С. 298–308.
15. Щетинин М.П. Механизм пространственного регулирования экономики региона на мезоуровне: определение и подход // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2008. № 10 (48). С. 71–73.
16. Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Региональная политика территориального развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 156 с.
17. Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
18. Ускова Т.В., Чекавинский А.Н. Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешенные вопросы (экспертная оценка) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 4 (34). С. 63–67. DOI: 10.15838/esc.2014.4.34.6
19. Жихаревич Б.С., Лебедева Н.А. Трансляция идей трансформации регионального пространства в документы стратегического планирования // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2015. № 4. С. 58–74.
20. Совершенствование партнерства: регионы и муниципалитеты в условиях реформирования управления и расширения их полномочий / МОНФ ; Администрация Самарской области ; ГУ ИМЭИ. М. : МОНФ, 2007. 491 с.
21. Ворошилов Н.В. Методический подход к оценке эффективности внутрирегиональной политики // Журнал экономических исследований. 2019. Т. 5. № 4. С. 94–111.
22. Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Дифференциация территорий и механизм ее снижения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 57–72. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4

Сведения об авторе

Николай Владимирович Ворошилов – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: niks789@yandex.ru)

Voroshilov N.V.

Regional Policy on the Development of Municipalities: Efficiency Assessment and Implementation Specifics in the Current Context

Abstract. After the adoption of the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation until 2025 in February 2019, special importance was attached to the issues concerning the formation of the coherent system of the RF entity's regional policy on the development of municipalities, which takes into account socio-economic and geographical features of different territories. In this regard, the goal of this article is to develop methodological tools for efficiency assessment and for analyzing the specifics of interregional policy in the RF entity (on the materials of the Vologda Oblast). Scientific novelty of the research consists, first, in the fact that it uses expert opinions, which were obtained during a questionnaire survey of the Vologda Oblast municipalities heads, and second, in the analysis based on our own criteria of spatial (territorial) aspects reflection in strategies for development of constituent entities within the Northwestern Federal District. The research uses methods such as analysis, synthesis, comparison, generalization, methodological tools based on economic and statistical, comparative analysis, and expert survey. We reveal that, despite the efforts of state authorities of the Vologda Oblast to develop municipalities, the number of problems, concerning interregional policy implementation, still exist. They are: insufficient

consideration of specifics and features of certain municipalities' development; bureaucratic obstacles in the cooperation between state and local authorities; limited powers of local authorities, etc. The results of the conducted research might be used in the activities of state authorities of the Russian Federation entities. Also, the research might serve as the foundation for further scientific studies on the ways to improve the forms, methods, and tools of the interregional policy implementation.

Key words: regional policy on municipalities' development, socio-economic development strategy, Northwestern Federal District, Vologda Oblast, questionnaire survey, assessment methodology.

Information about the Author

Nikolai V. Voroshilov – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: niks789@yandex.ru)

Статья поступила 04.09.2019.

Формирование цифрового пространства на муниципальном уровне: обзор сайтов поселений*

**Егор Александрович
ПРОКОПЬЕВ**

Институт экономики Карельского научного центра РАН
Петрозаводск, Российская Федерация, 185030, пр. А. Невского
E-mail: e_prokopiev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3350-3726; ResearcherID: J-4683-2018

**Анна Евгеньевна
КУРИЛО**

Институт экономики Карельского научного центра РАН
Петрозаводск, Российская Федерация, 185030, пр. А. Невского, д. 50
E-mail: akurilo@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7222-7832; ResearcherID: S-7213-2019

**Ольга Владимировна
ГУБИНА**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени академика Н.П. Лаверова РАН
Архангельск, Российская Федерация, 163000, наб. Северной Двины, д. 23
E-mail: welcomeforyou@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3678-3911; ResearcherID: W-2104-2017

* Статья подготовлена в рамках государственного задания ИЭ КарНЦ РАН, тема НИР – «Выявление синергетических закономерностей региональных социо-эколого-экономических систем и моделирование динамических процессов устойчивого развития в многокомпонентных системах различной природы».

Для цитирования: Прокопьев Е.А., Курило А.Е., Губина О.В. Формирование цифрового пространства на муниципальном уровне: обзор сайтов поселений // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 76–90. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.5

For citation: Prokop'ev E.A., Kurilo A.E., Gubina O.V. The formation of digital space at the municipal level: overview of settlements' websites. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 76–90. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.5

Аннотация. Формирование цифровой экономики и переход к электронному правительству предъявляют качественно иные требования к присутствию органов государственной власти в сети Интернет. Не являются исключением и органы местного самоуправления. Из-за скромных финансовых возможностей многих муниципалитетов их веб-ресурсы объективно не могут соответствовать уровню федеральных и региональных интернет-порталов. При этом необходимость соответствовать требованиям времени предполагает поиск приемлемых для себя способов присутствия в интернет-пространстве. В статье предпринята попытка определить текущее состояние пространственного распределения цифровой вовлечённости органов муниципальной власти на уровне поселений. Для этого выявлены способы присутствия поселений в сети Интернет, проверено наличие связей между муниципальными сайтами, проведён сбор информации, характеризующей раскрытие данных о динамике развития муниципального образования, определены дополнительные каналы интернет-коммуникации, построены картограммы. Исследование охватывает 313 городских и сельских поселений из Республики Карелия, Архангельской, Вологодской, Ленинградской и Мурманской областей. Результаты исследования свидетельствуют о том, что на рассматриваемой территории цифровое пространство на муниципальном уровне сформировано практически без белых пятен и отличается низкой степенью взаимной интеграции своих интернет-ресурсов. Показано, что наиболее популярный способ предоставления в сети Интернет информации о поселении – собственный сайт – не является наилучшим. Выявлено, что органы местного самоуправления мало задействуют социальные сети как вспомогательный или альтернативный собственному сайту канал интернет-коммуникации с местным населением. Отмечено, что для большинства поселений при создании и ведении интернет-страниц характерна ориентация на практику, сложившуюся в поселениях своего муниципального района, без заимствования опыта соседних районов и регионов. Результаты данного исследования могут быть использованы для улучшения качества присутствия муниципалитетов в сети Интернет и планирования мероприятий по формированию электронного правительства на региональном и муниципальном уровне.

Ключевые слова: цифровая экономика, электронное правительство, муниципалитеты, сайт, поселения.

Введение

Современный человек живёт в условиях стремительного проникновения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во все аспекты его повседневной жизни и профессиональной деятельности. Без «вездесущего» и мобильного интернета население, особенно в крупных городах, не сможет использовать многочисленные «умные» устройства, позволяющие справиться со всё более ускоряющимся темпом жизни. По мнению К. Шваба [1], мир стоит у истоков четвёртой промышленной революции, которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение. И именно ИКТ являются связующим элементом, благодаря которому новые технологии смогут на совершенно ином уровне удовлетворять запросы и потребности людей. Разумеется, на государственном уровне существует понимание того, что для обеспечения конкурентоспособности России в мире необходимо как развитие

самых технологий новой промышленной революции, так и создание требуемой инфраструктуры, поэтому руководством страны взят курс на цифровизацию и построение цифровой экономики.

Текущее состояние развития ИКТ позволяет собирать, обрабатывать, анализировать и хранить большие массивы данных, необходимых для принятия оптимальных управленческих решений. Технологии больших данных сегодня активно используются коммерческими предприятиями [2–4] и банковскими структурами [5, 6], развивается сфера образовательных [7, 8] и медицинских услуг [9]. Не является исключением и сфера государственного и муниципального управления, где использование больших данных позволяет существенно повышать качество и эффективность услуг [10], например оптимизировать городские автомобильные потоки [11], снижать затраты в сфере жилищно-коммунального хозяйства [12], повы-

шать точность прогнозирования и моделирования, планировать строительство необходимой инфраструктуры¹. Поэтому в рамках цифровой экономики значительное внимание уделяется развитию направления «электронное правительство» (e-government). Сам термин «электронное правительство» можно определить как конфигурацию системы государственных услуг, которая поддерживает решение административных задач и обеспечивает вовлечённость граждан в управление с помощью ИКТ [10].

В нашей стране с 2008 г. активно трансформируется институциональная среда развития цифровой экономики [13, 14]. К 2024 г. в течение пяти лет должна быть реализована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»², в результате выполнения которой цифровые технологии и платформенные решения станут максимально приближены к гражданам и субъектам предпринимательской деятельности. Это, в свою очередь, позволит расширить спектр муниципальных услуг, предоставляемых в электронном формате, и организовать бесперебойную работу государственных сервисов, обеспечивающих безопасность цифрового взаимодействия. На муниципальном уровне мероприятия, заявленные в национальном проекте, в большей степени касаются улучшения предоставления медицинских, образовательных и других муниципальных услуг.

Следует обратить внимание на то, что развитие практики перевода государственных услуг в электронный формат [15] способствует сбору больших объёмов информации незаметно и необременительно для бизнеса и населения. В России в 2018 г. через единую информационную систему в сфере закупок было заключено 3,59 млн. контрактов на общую сумму 6,85 трлн. рублей³, а через официальный интернет-портал

государственных услуг (Госуслуги) поступило 60 млн. заявлений⁴. Интеграция в рамках одной информационной системы подобного рода данных с показателями, собираемыми Росстатом, профильными министерствами и службами, региональными и местными органами власти, позволяет действительно увидеть Россию как единое экономическое пространство. Пока данные, накопленные органами государственной и муниципальной власти, используются в аналитической работе не в полной мере [16]. В этом отношении можно констатировать, что в направлении по созданию различных государственных информационных систем и их «бесшовной» интеграции предстоит ещё много работы.

Сегодня электронное правительство рассматривается как способ повышения доступности, обеспечения прозрачности, открытости и качества предоставляемых населению услуг органами государственного и муниципального управления, хотя изначально его предполагалось использовать в качестве способа сокращения затрат. В работе А. Муньос-Каньевате и П. Иполя [17] приведены следующие примеры, доказывающие преимущество перехода услуг в электронный вид: в Канаде было подсчитано, что оказание одной услуги в случае личного обращения гражданина обходится в 44 канадских доллара, по почте — 38 долларов, по телефону — 8 долларов, по интернету — менее 1 доллара; в обосновании Европейской комиссии «Инициативы i2010» было указано, что внедрение электронного администрирования по всему Европейскому союзу сократит расходы на 50 млрд. евро. Но в то же время не стоит забывать, что внедрение электронного правительства приводит к необходимости выделения финансирования на покупку оборудования, разработку специального программного обеспечения и его техническую поддержку, выполнение требований законодательства о защите персональных данных, обучение персонала [18]. Кроме того, формат предоставления услуг в электронном виде должен быть хорошо реализован и удобен пользователю. В противном случае из-за низкой эффективности и производительности

¹ Цифровая Россия: новая реальность. Июль 2017: отчёт McKinsey&Company. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx> (дата обращения: 20.04.2019).

² Цифровая экономика РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 23.09.2019).

³ Статистические показатели, характеризующие результаты осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд по итогам I–IV квартала 2018 года. URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/download/downloadDocument.html?id=30094> (дата обращения: 06.06.2019).

⁴ Подведены итоги работы портала госуслуг за 2018 год. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/38738/> (дата обращения: 15.05.2019).

электронное правительство не будет оправдывать ожидания людей со всем своим дорогостоящим внедрением и первоклассным оборудованием [19]. А это требует оценки текущего состояния информационно-коммуникационной инфраструктуры, кадровых, технических и финансовых возможностей органов государственной власти.

Говоря о степени готовности страны к построению цифровой экономики, нельзя не упомянуть международные индексы, оценивающие разные аспекты цифровизации. Согласно индексу развития ИКТ, публикуемому Международным союзом электросвязи в ежегодных отчётах «Измерение информационного общества»⁵, Россия (индекс 7,07) занимала 45 место в мире из 176 стран; на первом месте находилась Исландия (8,98), на последнем – Эритрея (0,96). Департаментом ООН по экономическим и социальным вопросам проводятся исследования уровня развития электронного правительства, для определения которого в том числе используются индексы телекоммуникационной инфраструктуры и онлайн-обслуживания. Кроме того, дополнительно рассчитывается индекс электронного участия, отражающий вопросы электронного информирования, вовлечения граждан в обсуждение и принятие решений. В 2018 г. Россия, занявшая 32 место из 193 стран мира по сводному индексу развития электронного правительства (0,7998), вошла в группу из 40 стран с очень высоким индексом. Крайние позиции в группе⁶ принадлежат Дании (0,9150) и Литве (0,7534). Россия имеет очень высокие значения по индексам онлайн-обслуживания (0,9167) и электронного участия (0,9213), при относительно невысоком индексе телекоммуникационной инфраструктуры (0,6219). Впрочем, здесь следует добавить, что за период с 2003 по 2018 г. Россия заметно приблизилась к странам-лидерам по перечисленным индексам.

Предпринимаются попытки рассчитывать подобные и более комплексные индексы для

⁵ Measuring the Information Society Report. V. 1. Geneva: International Telecommunication Union, 2017. P. 31.

⁶ Исследование ООН: электронное правительство 2018. Применение электронного правительства для формирования устойчивого и гибкого общества. Нью-Йорк: Организация объединенных наций, 2018. С. 89.

нашей страны на региональном уровне [20]. Тем не менее не представляется возможным построение электронного правительства без включения в него муниципального уровня, поскольку именно на этом уровне органы власти лучше всего ориентируются в потребностях населения. А учитывая проблемы формирования бюджетов муниципальных образований, вполне уместно задать вопрос: готовы ли органы муниципальной власти в России к решению государственных задач по строительству цифровой экономики?

Для ответа на него требуется оценить стартовые позиции электронного правительства даже не на уровне муниципальных районов, а на уровне администраций поселений. В Испании для этого использовались следующие показатели: 1) расходы на компьютеры и связь в разных административных органах; 2) процент компьютеров с доступом в интернет и интранет; 3) перечень актуальных услуг, которые оказывают администрации через свои сайты [17]. Применить данные показатели для нашего исследования не представляется возможным, поскольку первые две группы индикаторов отсутствуют в официальной статистике в открытом доступе и, в отличие от многих стран [21–23], в России большинство востребованных населением услуг оказываются через централизованный интернет-портал «Госуслуги», а не через сайты поселений. С другой стороны, наличие сайта у поселения, его наполнение и частота обновления является в определённой мере показателем, отражающим уровень развития ИКТ, внимание к данной сфере со стороны местных администраций и их финансовые возможности. Руководствуясь этим соображением, в качестве объекта исследования мы выбрали сайты городских и сельских поселений.

Сайт поселения – это его лицо в глобальном электронном мире. Он становится первым источником информации для большинства людей и компаний, заинтересованных в конкретном поселении [23]. Сайт поселения относится к категории правительственных порталов, в функцию которых входит предоставление информации и универсальных государственных услуг местным жителям, внешним инвесторам и путешественникам [24]. В России сайты городских и сельских поселений выполняют сугубо информационную функцию, в том числе обе-

спечивая доступность для граждан информации о деятельности местного самоуправления. Согласно отечественному законодательству не существует требования об обязательном наличии у поселения собственного сайта. Тем не менее стоит подчеркнуть тот факт, что эти сайты являются важным и современным каналом реализации информационной открытости и максимальной гласности местной власти [25–27], и полностью игнорировать возможности использования данного канала не следует.

Целью исследования является определение текущего состояния пространственного распределения цифровой вовлечённости органов муниципальной власти на уровне поселений. Несмотря на достаточную важность проблемы создания в России единого цифрового пространства, затрагивающей вопросы внедрения ИКТ в работу органов местного самоуправления и необходимость их присутствия в Интернете, не многие российские исследователи изучали данную тематику на примере сайтов муниципальных образований. Они концентрировали своё внимание на сайтах муниципальных районов [26–31] или городов [32, 33]. В аналогичных работах за рубежом основной акцент делается на крупных муниципалитетах [34–37], т.к. они имеют финансовые возможности разрабатывать сложные сайты, предлагать больший перечень услуг и содержать более квалифицированный персонал. Поскольку более вероятно, что жители городских территорий потребуют более передовые интернет-услуги и инфраструктуру, чем жители сельских районов [22], зарубежные исследователи отдают предпочтение изучению городских сайтов [21, 22, 38, 39], отбирая для этого в большинстве случаев населённые пункты с численностью населения более 20 тыс. человек. Такой подход исключает из исследования малые населённые пункты, обходя стороной проблему «цифрового неравенства», особенно остро проявляющаяся в сельской местности [40], и тем самым не позволяет увидеть всю территорию как единое цифровое пространство, одним из важнейших столпов которого является взаимная интеграция интернет-ресурсов [41].

В отличие от перечисленных исследований наш подход предполагает сплошной охват сайтов муниципальных районов, городских и сельских поселений на исследуемой территории,

которая не ограничивается рамками одного региона, включая прилегающие к границе муниципальные районы соседних субъектов РФ. Это позволяет выявить не обладающие собственными интернет-ресурсами поселения, отразить связи между официальными сайтами муниципальных образований, а также показать существующую практику представления информации о поселении в Интернете и обмен опытом между муниципалитетами в данной сфере. Последнее имеет большое значение для малых поселений, поскольку в силу недостатка финансовых и кадровых ресурсов им нужно искать приемлемые для себя способы присутствия в интернет-пространстве, что и предопределило значимость исследования в практическом плане.

Данные и методы

В исследование было включено 313 поселений из 41 муниципального района и городского округа Республики Карелия⁷, Архангельской, Вологодской, Ленинградской и Мурманской областей. Кроме прилегающих к границе Республики Карелия муниципальных районов соседних областей были охвачены муниципальные районы Архангельской, Вологодской и Ленинградской областей, граничащие друг с другом. Алгоритм проведённой работы включал следующие этапы: 1) определение способа предоставления информации о поселении в Интернете; 2) анализ взаимной интеграции интернет-ресурсов; 3) поиск на официальном сайте информации о динамике развития поселения; 4) определение дополнительных каналов интернет-коммуникации, используемых администрацией поселения; 5) сбор информации о разработчике сайта; 6) построение картограмм.

В первую очередь, для каждого поселения с помощью сайтов муниципальных районов и поисковых систем определялся способ предоставления официальной информации о поселении в сети Интернет: 1) собственный сайт; 2) сайт на базе сайта муниципального района (домен второго уровня); 3) страница на сайте муниципального района; 4) информация не представлена.

Далее анализировалась взаимная интеграция отобранных интернет-ресурсов. Преимуществом выбора сайтов в качестве объекта ис-

⁷ Республика Карелия охвачена полностью.

следования является то, что на них относительно просто проверить вопрос связей между интернет-ресурсами, т.е. необходимо проверить наличие на сайте поселения ссылок на другие сайты и их корректное обновление в случае изменения электронного адреса у внешнего сайта [42]. По идее сайты поселения, муниципального района и субъекта должны быть связаны друг с другом с помощью ссылок. Например, с сайта поселения должна быть возможность перехода на сайт муниципального района и субъекта РФ, а на сайте муниципального района должны быть ссылки на все входящие в него поселения и на сайт субъекта РФ. Наличие или отсутствие таких переходов демонстрирует отношение местных органов самоуправления к вопросам интеграции своих интернет-ресурсов. Для каждого независимого сайта поселения (способ 1) фиксировалось наличие ссылок на сайт своего муниципального района и сайт своего субъекта РФ⁸. На сайте муниципального района выявлялось наличие ссылок на сайт поселения. В случае отображения нерабочей или некорректной ссылки, она приравнивалась к отсутствующей.

Помимо ранжирования поселений по способу предоставления информации о себе в сети Интернет и определения связей между ресурсами было принято решение собрать дополнительную информацию, характеризующую раскрытие данных о динамике развития поселения и использования дополнительных каналов интернет-коммуникации.

В качестве первой могут выступать публичные доклады и отчёты о результатах деятельности главы муниципального образования или отчёты о социально-экономическом развитии муниципального образования, выложенные в открытом доступе. Выбор в пользу данных документов обусловлен следующими соображениями: 1) наличие статистической информации по разным сферам деятельности; 2) содержат наиболее актуальные для поселения проблемы и значимые события; 3) представляют интерес как для граждан поселения, так и для внешних инвесторов; 4) они не обязательны к публикации на сайте. Нельзя оставить без внимания и своевременность загружаемых на сайт данных.

⁸ Под сайтом региона понимается официальный правительственный портал или портал законодательного органа субъекта РФ.

Поскольку сбор данных по сайтам поселений осуществлялся в январе 2019 г., учитывались только доклады и отчёты за 2017 год⁹, доклады и отчёты за более ранние годы не рассматривались из-за низкой актуальности представленной информации.

В качестве дополнительного канала интернет-коммуникаций рассматривались социальные сети [34, 38]. Поселения проверялись на наличие официальных групп в социальных сетях, которые признавались таковыми при условии присутствия ссылки на группу на сайте поселения или странице поселения на сайте муниципального района [34].

Очевидно, что предлагаемая к сбору информация не является достаточной для комплексной оценки сайтов муниципалитетов [27, 30], но с её помощью можно оценить и страницы поселений на сайтах муниципальных районов. Вместе с тем, осуществление поиска конкретных документов на интернет-ресурсе поселения позволяет увидеть разнообразие применённых подходов к размещению информации и оценить простоту использования самого ресурса.

Акцент на межрегиональных границах позволяет увидеть наличие или отсутствие применения вариантов размещения официальной информации о поселении в Интернете, используемых в соседнем регионе. Иными словами, это позволяет ответить на вопрос: ориентируются ли власти «приграничных» муниципальных образований исключительно на практику, принятую внутри региона, или перенимают опыт у соседних регионов? Само размещение информации в Интернете, где практически отсутствуют границы и барьеры, позволяет ознакомиться с ней максимально возможному широкому кругу лиц, в том числе и тем, кому предстоит решать аналогичную задачу. В этом плане опыт соседних муниципалитетов находится на виду — его можно оценить со стороны и проконсультроваться у них по вопросам удобства пользования выбранным вариантом размещения, а также цены, сроков реализации, характеристики разработчика, качества обслуживания, наличия проблем и т.п. Поэто-

⁹ На момент сбора материалов отчёты и доклады по итогам 2018 г. были ещё не доступны, поскольку для большинства муниципалитетов характерна практика утверждения отчётов за предыдущий год в марте текущего с последующей публикацией.

му дополнительно по кругу поселений с собственным сайтом (способ 1) была собрана информация о наименовании разработчика. Кроме компаний-разработчиков учитывались также конструкторы сайтов, использование которых в какой-то мере характеризует стремление местных органов власти создать сайт с минимальными затратами.

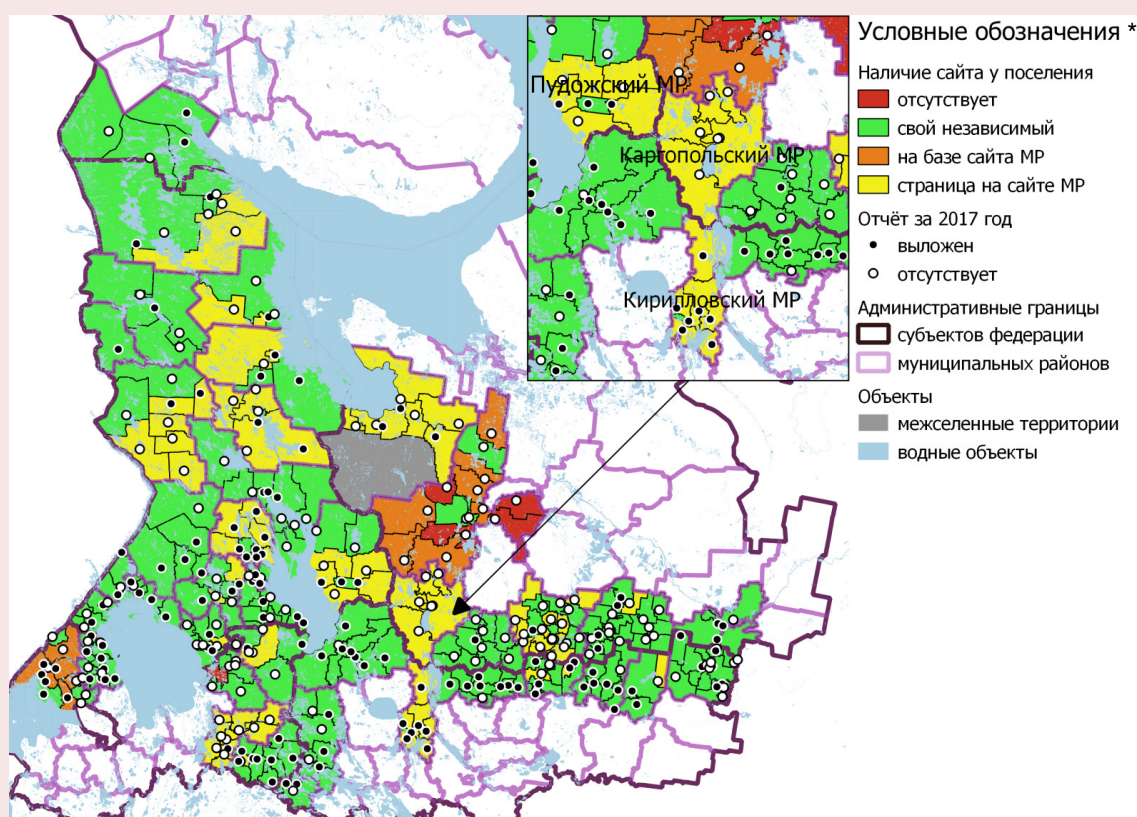
На базе собранных данных были построены картограммы в географической информационной системе QGIS 3.4 Madeira. В качестве картографической основы использовались векторные карты с административными границами регионов с сервиса NextGIS.

Результаты

Наиболее популярным способом представления в Интернете официальной информации о поселении является её размещение на собственном сайте: из 313 поселений своим независимым сайтом обладают 214. Вторым по распространённости оказался способ разме-

щения информации о поселении на отдельной странице сайта муниципального района (80 поселений). Сайтами, сделанными на базе сайта муниципального района, пользуются 13 поселений, такой способ представления информации встретился только в Ленинградской и Архангельской областях. В этих же областях в нашу выборку попали 6 поселений, информация о которых ни по одному из указанных выше способов не была представлена (рис. 1). По двум поселениям Ленинградской области основная причина отсутствия данных кроется в полной (г. Выборг) и частичной (г. Приозерск) передаче полномочий администрации в муниципальный район. По четырем поселениям Плесецкого муниципального района Архангельской области были только контактные данные глав администраций, а этого недостаточно для отнесения указанных муниципальных образований к группе поселений со страницей на сайте муниципального района.

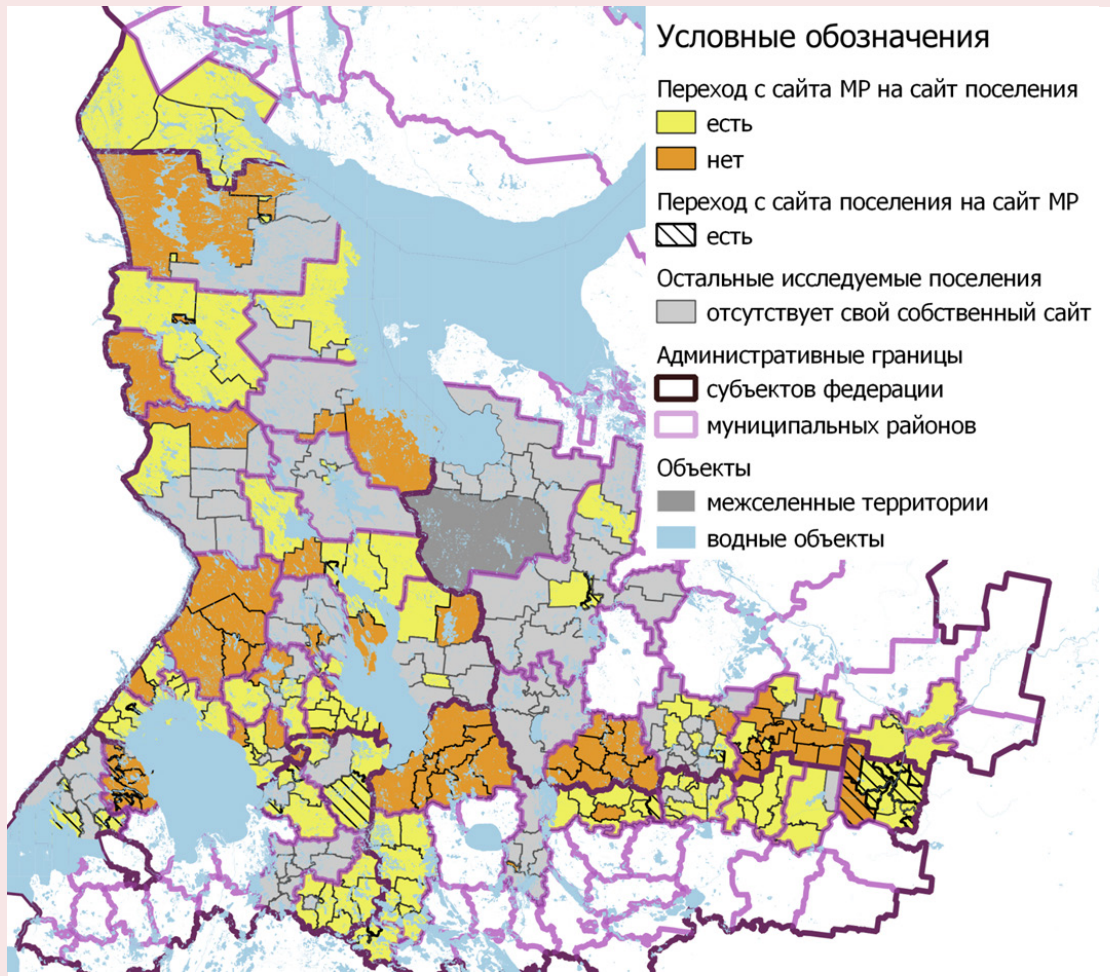
Рис. 1. Способы представления официальной информации о поселении в сети Интернет

* МР – муниципальный район

Источник: составлено авторским коллективом.

Рис. 2. Взаимосвязи между сайтами поселений и муниципальных районов

Источник: составлено авторским коллективом.

Анализ степени интеграции сайтов муниципальных образований показывает отсутствие переходов с собственного сайта поселения на сайт муниципального района в 85% случаев. Ситуация с размещением на сайте поселения ссылок на правительственные интернет-порталы регионов немного лучше: переходами на данные ресурсы обладают 92 из 214 поселений. При этом на сайты 2/3 поселений можно перейти по ссылкам, указанным на сайтах муниципальных районов (рис. 2). На некоторых из исследуемых веб-ресурсов переход был невозможен из-за указания адресов старых версий сайтов поселений и районов. Впрочем, есть пример более широкой интеграции ресурсов: на сайте Винницкого сель-

ского поселения Подпорожского района Ленинградской области размещены ссылки на интернет-ресурсы других поселений данного муниципального района¹⁰.

Отчёты и доклады с информацией о социально-экономическом развитии (часто эти данные включены в отчёт о результатах деятельности главы поселения) за 2017 г. доступны для ознакомления на интернет-ресурсах 141 из 313 исследуемых поселений. Если к этому добавить отчёты за более ранние годы, то количество поселений увеличится до 216. Нельзя оставить без

¹⁰ Ссылки хорошо заметны – расположены внизу главной страницы официального сайта администрации поселения. URL: <http://винницы.рф/> (дата обращения: 12.08.2019).

внимания сложности при поиске и сборе данных документов. В первую очередь, они могут быть размещены в разных разделах сайта: «Документы»; «Тексты выступлений»; «Доклады и отчёты»; «Администрация»; «Глава поселения»; «Новости»; «Решения совета» и т.п. Другой проблемой является неудобная навигация, из-за которой требуется пройти слишком большое количество страниц, чтобы добраться до нужной¹¹. Кроме того, данные доклады могут быть прикреплены в качестве приложения к решению совета поселения об отчёте главы, при этом имя размещаемого файла зачастую содержит только дату и номер решения. Заметим, что в ряде поселений, где не выложены отчёты о деятельности главы, на сайте по ним публикуются только решения совета.

Органы местного самоуправления практически не пользуются возможностями социальных сетей: ссылки на группы «ВКонтакте»¹² есть только в 15 поселениях, одиннадцать из которых входят в состав Вельского муниципального района Архангельской области. Учитывая, что по 9 из 11 поселений официальная информация представлена только на странице Вельского муниципального района в достаточно небольшом объёме, наличие групп «ВКонтакте» является бесплатной альтернативой официальному сайту для информирования граждан об актуальных событиях и для объявлений¹³.

Сбор данных о компаниях-разработчиках по группе поселений с собственным сайтом показал, что для представления официальной информации в сети Интернет органы местного самоуправления воспользовались услугами 29 разных компаний и задействовали 6 разных

конструкторов сайтов. У 43 сайтов разработчик указан не был. На *рисунке 3* представлены наиболее часто встречающиеся компании-разработчики¹⁴.

Наибольшее количество сайтов поселений в нашей выборке создано компаниями «МедиаВеб» и РЦИТ (34 и 33 сайта соответственно). Если первая компания, петрозаводская, представлена сайтами поселений только в Республике Карелия, является разработчиком сайтов по широкому кругу направлений, то вторая является разработчиком, специализирующимся именно на сайтах муниципальных образований, с географией работ по всей стране. Большинство указанных на карте разработчиков специализируются на создании сайтов для государственных структур и зарегистрированы в других субъектах РФ. Стоимость их услуг начинается от 20 тыс. рублей.

Сравнение сайтов поселений по разные стороны региональных границ показало, что «приграничные» поселения в большей степени ориентируются на опыт поселений своего района при выборе разработчика сайта. Вызывает интерес организация представления информации в Интернете о поселениях на границе регионов в Пудожском, Каргопольском и Кирилловском муниципальных районах (см. рис. 1), где подавляющее большинство поселений не имеют своих сайтов, но вся необходимая информация в большом объёме выложена на интернет-ресурсах этих районов¹⁵. При этом в соседних муниципальных районах поселения имеют свои собственные сайты или сайты на основе интернет-портала района.

Обсуждение

На исследуемой территории практически не осталось поселений, не представленных в сети Интернет. Большинство из них обладают собственными сайтами, что даёт основание говорить о наличии благоприятных стартовых условий для развития электронного правительства (одного из составных элементов цифровой экономики) на муниципальном уровне. Впрочем,

¹¹ Например, для Кааламского сельского поселения Сортавальского муниципального района Республики Карелия этот путь выглядит следующим образом: Главная / Органы местного самоуправления и учреждения / Структура / Органы местного самоуправления Кааламского сельского поселения / Администрация Кааламского сельского поселения / Планы работ и отчёты. URL: <http://admkaalamskoe.ru/msu/structure/organyi-mestnogoupravleniya-kaalamskogo-selskogo-poseleniya/administratsiya-kaalamskogo-selskogo-poseleniya/planyi-rabot-i-otchety/> (дата обращения: 10.02.2019).

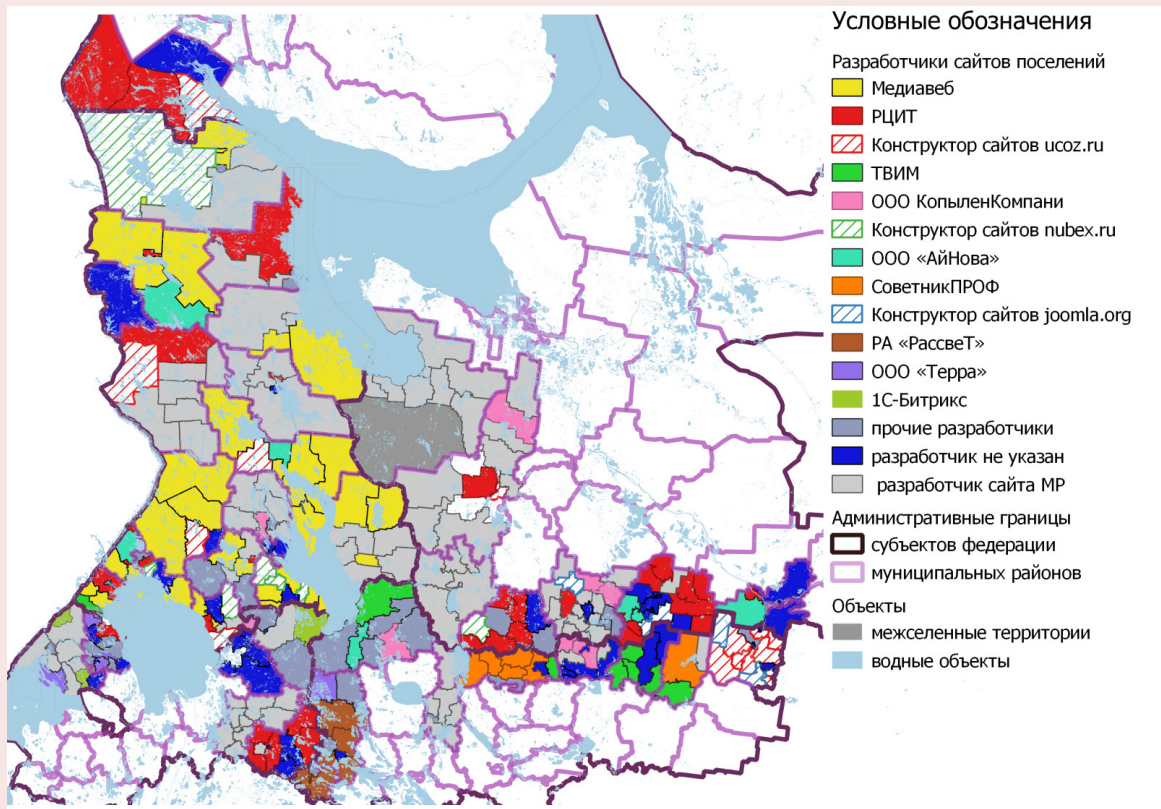
¹² В Северо-Западном федеральном округе данная социальная сеть намного популярнее «Одноклассников».

¹³ В качестве примера можно привести официальную группу администрации муниципального образования «Пежемское». URL: <https://vk.com/mopezhma> (дата обращения: 12.08.2019).

¹⁴ Разработчики, встречающиеся менее 3 раз, были отнесены к группе прочих разработчиков.

¹⁵ Например, информация об Алешинском сельском поселении на сайте Кирилловского района Вологодской области доступна в виде простого перечня из 32 разделов. URL: <http://kirillov-adm.ru/poselenia/aleshinsk/> (дата обращения: 12.08.2019).

Рис. 3. География компаний-разработчиков сайтов

Источник: составлено авторским коллективом.

обработка информации о поселениях, представленной как на собственных сайтах, так и на веб-ресурсах муниципальных районов, показала, что эта деятельность для ряда муниципалитетов носит формальный характер: зачастую информация плохо структурирована, не обновляется, часть разделов сайтов остаются незаполненными. Возможно, данная проблема связана с нехваткой технических специалистов из-за невыделения финансирования и с отсутствием необходимых компетенций у сотрудников администраций. Следует также признать, что информационное наполнение интернет-ресурсов для органов муниципальной власти не является задачей первостепенной важности, поэтому развитие данного направления осуществляется по остаточному принципу для соблюдения формальных требований.

Отсюда возникает проблема слабой интеграции муниципальных интернет-ресурсов, препятствующая формированию единого циф-

рового пространства. Особенно показательна ситуация с переходами с независимых сайтов поселений на районные порталы. Хотя по формальным требованиям наличие такой ссылки не обязательно, но, на наш взгляд, с точки зрения логики государственного управления она должна быть. Другим сугубо практическим аспектом решения данной проблемы является улучшение идентификации поселения пользователями сайта (например, туристами, инвесторами): довольно часто на нём упускается наименование района, указывается только регион, а иногда упускается и наименование региона. Это особенно актуально в случае не уникальности названия поселения. Так только в исследуемых регионах насчитывается 24 подобных совпадения. Наиболее часто (8 раз) встречаются поселения под названием Никольское, четыре из которых находятся в Вологодской области, по 2 – в Архангельской и Ленинградской областях.

Дискуссионным остаётся вопрос о лучшем способе представления информации о поселении (в большей степени о сельском) в сети Интернет. Полученные результаты заставляют усомниться в том, что этим способом является собственный сайт. В отечественных и зарубежных работах [23, 30] наличие независимого сайта муниципалитета называют преимуществом, поскольку, обладая доменным именем первого уровня, он лучше индексируется в поисковых системах, следовательно, и легче находится необходимая информация о поселении. Кроме того, прямой доступ к сайту обеспечивает оперативную загрузку нужной информации. С другой стороны, затраты на создание собственного сайта, плату за хостинг, за техническое обслуживание, а также на заработную плату администратора сайта несёт поселение.

Делая выбор в пользу собственного сайта при достаточно скромных финансовых возможностях, власти поселения будут ориентироваться на самые дешёвые варианты: заказ типового сайта поселения или использование конструктора сайта. Если первый, скорее всего, будет обладать более-менее четкой структурой [21], минимально необходимым набором функционала без отражения местной специфики, то во втором случае можно получить более индивидуальный продукт с непродуманной навигацией и некорректно работающими элементами¹⁶. При этом даже первый вариант не гарантирует качественного выполнения обязательств со стороны компании-разработчика как с наличием перечисленных выше недостатков, так и с размещением самого ресурса¹⁷.

Вместе с тем не следует забывать, что роль сайта муниципального образования в РФ сугубо информационная. С учетом того что в нашей выборке мода количества поселений в районе равна 4 (медиана — 7), в масштабах типичного района только на создание сайтов для обе-

спечения информационной открытости может уходить более 100 тыс. рублей¹⁸. В связи с этим, на наш взгляд, наиболее рациональной формой представления в Интернете информации о поселении является вариант со страницей на сайте муниципального района. Опыт итальянских периферийных территорий по внедрению электронного правительства показывает, что только объединение усилий маленьких муниципалитетов и концентрация их ресурсов позволяют добиваться требуемого уровня качества услуг за счёт эффекта масштаба [18]. Вместо распыления финансовых ресурсов по поселениям при бюджете до 100 тыс. рублей можно получить достаточно хорошо проработанный интернет-портал муниципального района, на базе которого могут быть созданы сайты поселений в едином дизайне [29] и размещена и структурирована вся необходимая информация о поселении в соответствующем разделе. Разумеется, и издержки на обслуживание и поддержание одного веб-ресурса вместо нескольких будут меньше.

Это совершенно не означает, что власти поселения должны полностью устраниваться от работы по информированию граждан в сети Интернет, передав эту деятельность в ведение района. В их задачу будет входить сбор всех официальных документов, которые будут загружаться на сайт района: бюджет поселения; сведения о доходах; постановления и распоряжения администрации поселения; решения сессий совета поселения и т.п. В дополнение к странице поселения на веб-ресурсе района должна быть создана группа поселения в наиболее популярной на территории социальной сети, где уже органы власти поселения будут распространять востребованную местными жителями информацию: объявления об общественных слушаниях, субботниках, вывозе мусора, запретах выхода на лёд; расписание автобуса; изменения действующего законодательства и т.д. В настоящее время в муниципальных образованиях потенциал социальных сетей практически не задействован, хотя они являются достаточно простым и понятным способом коммуникации, особенно для аудитории молодого возраста. К дополнительным преимуществам данного способа информирования

¹⁶ Типичный случай, когда у надстройки, обеспечивающей работу версии для слабовидящих, закончился пробный бесплатный период и без внесения абонентской платы для сайта эта функция становится недоступной.

¹⁷ Например, сайт Вытегорского муниципального района Вологодской области обладает доменным именем второго уровня (<http://vytegra.munrus.ru>), а доменное имя первого уровня (<http://munrus.ru>) принадлежит селу Угут Сургутского муниципального района Ханты-Мансийского автономного округа.

¹⁸ 4 сайта поселения и 1 сайт муниципального района.

населения можно отнести относительную бесплатность (учитывается только труд сотрудников) по сравнению с разработкой и содержанием сайта, а также простоту освоения.

Вызывает опасение отсутствие диффузии положительного опыта ведения страниц поселений между соседними муниципальными образованиями граничащих субъектов РФ: не используются социальные сети, не заимствуются удачные решения размещения информации, формы и содержание отчётов. Вопреки утверждению об отсутствии барьеров в Интернете, административные границы в силу отсутствия единых национальных стандартов в цифровом информационном пространстве, формируемом органами муниципальной власти, чётко различаются и не размываются.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, что, несмотря на все имеющиеся проблемы, цифровое пространство на муниципальном уровне сформировано практически без белых пятен и отличается низкой степенью взаимной интеграции своих ресурсов. Отсутствие детально проработанных национальных стандартов на представление официальной информации

о поселениях в сети Интернет делает сложившуюся практику неэффективной. Вместе с тем предложенный подход даёт ключи к улучшению данного направления деятельности, поскольку позволяет выявить лучшие работающие практики в схожих поселениях за пределами «домашнего» региона.

Будущие направления исследований связаны с более подробным изучением цифрового развития муниципалитетов и детальным анализом сайтов муниципальных органов власти. Лучшее понимание межмуниципального сотрудничества способно помочь при формировании моделей организации и трансформации муниципального электронного правительства.

Несмотря на указанные выше ограничения, результаты данного исследования могут быть использованы для планирования цифровой политики и принятия решений на региональном и муниципальном уровне. Их можно применять также для географического анализа цифрового пространственного развития, сбора релевантной социологической информации о проблемах, возникающих в жизни поселения, и учитывать для активизации внедрения ИКТ на уровне муниципальных органов власти.

Литература

1. Шваб К. Четвёртая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
2. Deursen A., Rompay T. Accepting the Internet-of-Things in our homes: The role of user skills. *Telematics and Informatics*, 2019, vol. 36, pp. 147–156. DOI: 10.1016/j.tele.2018.12.004
3. Garin-Munoz T., Lopez R., Perez-Amaral T., Herguera I., Valarezo A. Models for individual adoption of eCommerce, eBanking and eGovernment in Spain. *Telecommunications Policy*, 2019, vol. 43, pp. 100–111. DOI: 10.1016/j.telpol.2018.01.002
4. Tapeh A.G., Rahgozar M. A knowledge-based question answering system for B2C eCommerce. *Knowledge-Based Systems*, 2008, vol. 21, pp. 946–950. DOI: 10.1016/j.knosys.2008.04.005
5. Rodrigues L.F., Oliveira A., Costa C. Does ease-of-use contributes to the perception of enjoyment? A case of gamification in e-banking. *Computers in Human Behavior*, 2016, vol. 61, pp. 114–121. DOI: 10.1016/j.chb.2016.03.015
6. Soukal I., Hedvicakova M. Retail core banking services e-banking client cluster identification. *Procedia Computer Science*, 2011, vol. 3, pp. 1205–1210. DOI: 10.1016/j.procs.2010.12.195
7. Rodrigues H., Almeida F., Figueiredo V., Lopes S. Tracking e-learning through published papers: A systematic review. *Computers & Education*, 2019, vol. 136, pp. 87–98. DOI: 10.1016/j.compedu.2019.03.007
8. Cakmak E., Yilmaz S.M. E-learning from the Perspective of Right to Education. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 116, pp. 426–430. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.01.234
9. Om A. E-Medicine: What It Means for Patients. *The American Journal of Medicine*, 2015, vol. 128, pp. 1268–1269. DOI: 10.1016/j.amjmed.2015.06.029
10. Jun C.N., Chung C.J. Big data analysis of local government 3.0: Focusing on Gyeongsangbuk-do in Korea. *Technological Forecasting and Social Change*, 2016, vol. 110, pp. 3–12. DOI: 10.1016/j.techfore.2015.11.007

11. Селиверстов Я.А., Селиверстов С.А. Классификационный анализ транспортных потоков на графоаналитической модели городской транспортной сети // Вестник транспорта Поволжья. 2017. № 6. С. 83–97.
12. Ларионова Ю.В. Основные направления государственной политики в сфере ЖКХ // Недвижимость: экономика и управление. 2018. № 3. С. 18–22.
13. Курило А.Е., Прокопьев Е.А. Развитие цифровых технологий в системе государственного и муниципального управления // Проблемы рыночной экономики. 2019. № 2. С. 35–44. DOI: 10.33051/2500-2325-2019-2-35-44
14. Возможности применения информационных технологий в муниципальном управлении в Северо-Западном федеральном округе / А.Е. Курило, Е.А. Прокопьев, Т.В. Сачук, Е.Е. Ивашко // Экономический анализ: теория и практика. 2018. Т. 17. № 12 (483). С. 1325–1339. DOI: 10.24891/ea.17.12.1325
15. Twizeyimana J.D., Andersson A. The public value of E-Government – A literature review. *Government Information Quarterly*, 2019, vol. 36, no. 2, pp. 167–178. DOI: 10.1016/j.giq.2019.01.001
16. Губарева Т.В., Луковникова Е.И. Особенности применения новых информационных технологий больших данных // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2015. № 2. С. 24–31.
17. Mu oz-Ca avate A., H pola P. Electronic administration in Spain: From its beginnings to the present. *Government Information Quarterly*, 2011, vol. 28, no. 1, pp. 74–90. DOI: 10.1016/j.giq.2010.05.008
18. Ferro E., Sorrentino M. Can intermunicipal collaboration help the diffusion of E-Government in peripheral areas? Evidence from Italy. *Government Information Quarterly*, 2010, vol. 27, no. 1, pp. 17–25. DOI: 10.1016/j.giq.2009.07.005
19. Wu J., Guo D. Measuring E-government performance of provincial government website in China with slacks-based efficiency measurement. *Technological Forecasting and Social Change*, 2015, vol. 96, pp. 25–31. DOI: 10.1016/j.techfore.2015.01.007
20. Stepanova V.V., Ukhanova A.V., Grigorishchin A.V., Yakhyaev D.B. Evaluating digital ecosystems in Russia's regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 73–90. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.4
21. Feeney M.K., Brown A. Are small cities online? Content, ranking, and variation of U.S. municipal websites. *Government Information Quarterly*, 2017, vol. 34, no. 1, pp. 62–74. DOI: 10.1016/j.giq.2016.10.005
22. Arduini D., Denni M., Lucchese M., Nurra A., Zanfei A. The role of technology, organization and contextual factors in the development of e-Government services: An empirical analysis on Italian Local Public Administrations. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2013, vol. 27, pp. 177–189. DOI: 10.1016/j.strueco.2013.06.007
23. Youngblood N.E., Mackiewicz J. A usability analysis of municipal government website home pages in Alabama. // *Government Information Quarterly*, 2012, vol. 29, no. 4, pp. 582–588. DOI: 10.1016/j.giq.2011.12.010
24. Wang F. Explaining the low utilization of government websites: Using a grounded theory approach. *Government Information Quarterly*, 2014, vol. 31, no. 4, pp. 610–621 DOI: 10.1016/j.giq.2014.04.004
25. Вавилов Н.С. Проблемы реализации электронной демократии на местном уровне // Вопросы экономики и права. 2015. № 4. С. 7–10.
26. Газизова Л.И. Формирование образа муниципальной власти в электронных средствах массовой коммуникации (на примере Республики Башкортостан) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 3. С. 37–47.
27. Тоглоева Д.П. Анализ информационной открытости деятельности органов местного самоуправления Республики Бурятия // Управленец. 2012. № 1–2. С. 36–41.
28. Сидорова А.В., Барчукова Т.А. Информационная открытость органов государственной власти: анализ использования информационно-телекоммуникационных технологий на муниципальном уровне // Экономика. Инновации. Управление качеством. 2017. № 4. С. 22–26.
29. Коврикова О.И., Стефановская Н.А. Электронное правительство как политико-коммуникативная инфраструктура муниципалитетов // Вестник Тамбовского университета. Серия: «Гуманитарные науки». 2015. № 8. С. 22–29.
30. Гайсинский И.Е., Никоненко Н.Д., Перова М.В. Исследование некоторых аспектов повышения эффективности интернет-сайтов муниципальных образований // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 4. С. 75–81.

31. Реутов Е.В., Брусенская Р.А. Механизмы формирования обратной связи в региональном и муниципальном управлении // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: «История. Политология». 2010. № 7. С. 222–228.
32. Калимуллина Г.Д., Жилин Д.А., Целищева Е.Ф. Анализ практики создания открытого бюджета на муниципальном уровне // Города и местные сообщества. 2017. Т. 2. С. 64–76.
33. Пясецкая Е.Н. Информационно-коммуникационные процессы управления городом: опыт исследования // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 6. С. 148–154.
34. Bons n E., Royo S., Ratkai M. Citizens' engagement on local governments' Facebook sites. An empirical analysis: The impact of different media and content types in Western Europe. *Government Information Quarterly*, 2015, vol. 32, no. 1, pp. 52–62. DOI: 10.1016/j.giq.2014.11.001
35. Galera A.N., Berjillos A., Lozano M.R., Valencia P.T. Transparency of sustainability information in local governments: English-speaking and Nordic cross-country analysis. *Journal of Cleaner Production*, 2014, vol. 64, pp. 495–504. DOI: 10.1016/j.jclepro.2013.07.038
36. Karkin N., Janssen M. Evaluating websites from a public value perspective: A review of Turkish local government websites. *International Journal of Information Management*, 2014, vol. 34, no. 3, pp. 351–363. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2013.11.004
37. Elling S., Lentz L., de Jong M., van den Bergh H. Measuring the quality of governmental websites in a controlled versus an online setting with the 'Website Evaluation Questionnaire'. *Government Information Quarterly*, 2012, vol. 29, no. 3, pp. 383–393. DOI: 10.1016/j.giq.2011.11.004
38. Lev-On A., Steinfeld N. Local engagement online: Municipal Facebook pages as hubs of interaction. *Government Information Quarterly*, 2015, vol. 32, no. 3, pp. 299–307. DOI: 10.1016/j.giq.2015.05.007
39. Cegarra-Navarro J.-G., Pachón J.R.C., Cegarra J.L.M. E-government and citizen's engagement with local affairs through e-websites: The case of Spanish municipalities. *International Journal of Information Management*, 2012, vol. 32, no. 5, pp. 469–478. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2012.02.008
40. Санникова Т.Д. Цифровое неравенство как негативный фактор для благополучия сельского населения // Вестник науки. 2018. № 6. Т.1. С. 21-27.
41. Fietkiewicz K.J., Mainka A., Stock W.G. eGovernment in cities of the knowledge society. An empirical investigation of Smart Cities' governmental websites. *Government Information Quarterly*, 2017, vol. 34, no. 1, pp. 75–83. DOI: 10.1016/j.giq.2016.08.003
42. Papadomichelaki X., Mentzas G. e-GovQual: A multiple-item scale for assessing e-government service quality. *Government Information Quarterly*, 2012, vol. 29, no. 1, pp. 98–109. DOI: 10.1016/j.giq.2011.08.011

Сведения об авторах

Егор Александрович Прокопьев – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра Российской академии наук (ИЭ КарНЦ РАН) (185030, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50, каб. 315; e-mail: e_prokopiev@mail.ru)

Анна Евгеньевна Курило – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра Российской академии наук (ИЭ КарНЦ РАН) (185030, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50, каб. 315; e-mail: akurilo@mail.ru)

Ольга Владимировна Губина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова Российской академии наук (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: welcomeforyou@yandex.ru)

Prokop'ev E.A., Kurilo A.E., Gubina O.V.

The Formation of Digital Space at the Municipal Level: Overview of Settlements' Websites

Abstract. The formation of digital economy and transition to electronic government impose qualitatively different demands to authorities' presence on the Internet. Local authorities are not an exception here. Due to modest financial capabilities of many municipalities, their websites, objectively, cannot match the level of federal and regional web portals. The necessity to meet modern requirements implies the search for acceptable ways to be present online. The article attempts to determine the current state of spatial distribution of municipal authorities' digital involvement on the settlement level. To achieve it, we revealed the ways of being present on the Internet, checked the availability of connections between websites of municipalities, gathered information characterizing disclosure of information about dynamics of municipal institution development, identified additional Internet communication channels, and built cartograms. The research includes 313 urban and rural settlements in the Republic of Karelia, the Arkhangelsk, Vologda, Leningrad, and Murmansk oblasts. The results of the study indicate that the digital space of this territory at the municipal level is almost completely formed and has a low degree of mutual integration of its Internet resources. It is shown that the most popular way of providing information about the settlement on the Internet – website – is not the best. It is revealed that local governments rarely use social media as an auxiliary or alternative channel of Internet communication with local residents. It is noted that the majority of settlements orientate toward practices used in settlements of their municipal district, while creating and maintaining webpages without borrowing the experience of neighboring districts and regions. The results of this study might be used for qualitative improvement of municipalities' activities conducted online and formation of e-government on regional and municipal levels.

Key words: digital economy, electronic government, municipalities, website, settlements.

Information about the Authors

Egor A. Prokop'ev – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Centre RAS (50, Alexander Nevsky Avenue, Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; e-mail: e_prokopiev@mail.ru)

Anna E. Kurilo – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Centre RAS (50, Alexander Nevsky Avenue, Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; e-mail: akurilo@mail.ru)

Ol'ga V. Gubina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of RAS (23, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: welcomeforyou@yandex.ru)

Статья поступила 17.06.2019.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.6

УДК 338.342.44, ББК 65.23

© Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Козинская К.М.

Финансовые инструменты развития социального предпринимательства

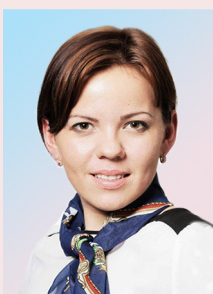
Евгений Васильевич ПОПОВ

Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация, 620002, ул. Мира, д. 19
E-mail: eropov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5513-5020; ResearcherID: H-3358-2015

Анна Юрьевна ВЕРЕТЕННИКОВА

Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация, 620002, ул. Мира, д. 19
E-mail: vay_uiec@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1808-7856; ResearcherID: N-4275-2016

Ксения Михайловна КОЗИНСКАЯ

Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Ленина, д. 136
E-mail: ksush1@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9131-7342; ResearcherID: P-7068-2017

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-00-00665.

Для цитирования: Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Козинская К.М. Финансовые инструменты развития социального предпринимательства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 91–108. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.6

For citation: Popov E.V., Veretennikova A.Yu., Kozinskaya K.M. Financial tools to develop social entrepreneurship. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 91–108. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.6

Аннотация. Социальное предпринимательство, выступая сравнительно новым видом деятельности для российской экономики, требует разработки условий и механизмов поддержки, что не только позволяет решить социальные проблемы в обществе, но и стимулирует гражданскую активность в данном вопросе. В данной статье проведены систематизация и анализ доступности финансовых инструментов развития социального предпринимательства, которые распределены по типам инвесторов, предъявляющих различные финансовые требования. Особо отмечены мезонинное финансирование, облигации социального воздействия, импакт-инвестирование, гибридное финансирование. С целью определения доступности финансовых инструментов развития социального предпринимательства, используемых в российской практике, проведен анализ финансовой отчетности социальных предпринимателей, включенных в каталог, формируемый фондом «Наше будущее». В ходе анализа были использованы коэффициент автономии, текущей ликвидности, прибыли (ЕВИТ) и темпа ее роста в 2017 году. Авторами выявлено, что лишь 9 из рассмотренных организаций, что составляет менее 22%, удовлетворяют заявляемым требованиям и могут претендовать на получение кредитов и займов. Таким образом, показана необходимость развития инструментов инвестирования с заниженными финансовыми требованиями. Теоретическая значимость полученных результатов состоит в расширении теоретико-методологических положений исследования социального предпринимательства в части систематизации финансовых инструментов, используемых в международной практике. Практическая значимость результатов исследования состоит в выявлении низкой доступности финансовых инструментов, применяемых в российской практике. Полученные данные могут быть использованы при разработке стратегии развития данного вида деятельности на различных уровнях хозяйствования.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, финансовые инструменты, импакт-инвестирование, облигации социального воздействия, доступность.

1. Введение

Социальное предпринимательство, выступая сравнительно новым видом деятельности для российской экономики, требует пристального внимания как со стороны ученых, так и со стороны практиков. Ряд противоречий, вызванных совмещением личных и общественных выгод, экономических и неэкономических целей социальных предпринимателей, дискурсом о принадлежности данного вида деятельности к малому предпринимательству или некоммерческому сектору, отличием институциональных условий развития бизнеса в российской экономике от западных, откуда в своем большинстве заимствован опыт по развитию данного вида деятельности а также отсутствие специального правового регулирования данного вида деятельности существенно ограничивают экономическое поведение социальных предпринимателей. Обозначенные противоречия создают ограничения в вопросе получения необходимых ресурсов. Отсюда следует, что поиск финансовой поддержки яв-

ляется одним из ключевых вопросов, который необходимо решить разработчику социально-предпринимательского проекта.

В стремлении достичь экономической и социальной цели социальные предприятия вынуждены находиться под влиянием различных ценностей [1] и институциональных правил. Для объяснения этих процессов в исследованиях, посвященных социальному предпринимательству, используется термин «бриколаж», введенный Леви-Строссом и обозначающий инкапсуляцию процессов культурной гибридации. Данная концепция получила свое развитие в работах Штрауса, определившего процесс бриколажа как «умение обходиться тем, что под рукой» [2]. Исследователь Ди Доменико считает отличительной особенностью социального предпринимательства его способность функционировать в областях с недостаточно развитыми частными рынками, и поэтому оно вынуждено развиваться в ограниченных условиях. Таким образом, нехватка ресурсов заставляет

социальных предпринимателей использовать все доступные средства для создания социальных ценностей и решения социальных проблем общества [3]. Кроме того, существенное значение имеет институциональная среда, не предназначенная для стимулирования социально ориентированной деятельности. Социальные предприниматели сталкиваются не только с проблемами легитимизации, но и непреодолимыми жесткими критериями отбора, что приводит к тому, что большинство стартапов в социальной сфере вынуждены прекращать свою деятельность [4].

Обращаясь к зарубежному опыту развития данного вида деятельности, следует отметить, что успех социальных предприятий, поддерживаемых такими стипендиальными ассоциациями, как Фонд социального предпринимательства Шваба или Ашока, вызывает интерес со стороны государственных органов и фондов. Развитие поддержки социальных предприятий способствовало развитию «рынка социального капитала», а также ряда финансовых учреждений, ориентированных на взаимодействие с данной категорией предпринимателей. Однако в российской практике инструменты поддержки социального предпринимательства находятся на этапе своего раннего развития.

Целью данного исследования является систематизация и анализ доступности финансовых инструментов развития социального предпринимательства. Для достижения данной цели были выявлены финансовые инструменты, используемые в международной и отечественной практике; на основе анализа финансовой отчетности определен ряд показателей, характеризующих финансовое состояние социальных предпринимателей в российской экономике, сделаны выводы о недостаточной доступности существующих инструментов.

2. Финансовые инструменты развития социального предпринимательства и их систематизация

Социальное предпринимательство как особый вид экономической деятельности начал свое формирование в 70-х годах XX века и получил развитие прежде всего в США и Западной Европе. Анализ научной литера-

туры по данной тематике позволил идентифицировать четыре ключевые исследовательские школы, раскрывающие суть данного феномена: это социально-инновационная (Дж. Томпсон, С. Элворд, Дж. Маир и И. Марти [5]); социально-предпринимательская (Дж. Кримминс и М. Киль [6], Дж. Эмерсон, Ф. Тверский); EMES (У. Стефан, Л. Уланер, Р. Спир, И. Видал [7]) и английская школа развития социального предпринимательства [8, 9]. В рамках американского подхода, к которому относят две первые школы, социальное предпринимательство рассматривается прежде всего как рыночная экономическая деятельность, которая служит социальной цели независимо от сектора деятельности и организационно-правовой структуры [10]. Европейский подход, к которому относятся третья и четвертая школы, основывается на развитии третьего сектора экономики, функционирующего в тех сферах, где наблюдался недостаток в количестве предоставляемых государственных услуг. В Западной Европе это привело к созданию субъектами гражданского общества новых социальных предприятий, тогда как в США социальную деятельность осуществляли уже действовавшие организации [9]. В европейских странах социальные предприятия рассматриваются государством как пример инклюзивного, устойчивого развития, способного поддержать государственный сектор в решении социальных проблем общества. Таким образом, на сегодняшний день отсутствует единая концепция трактовки самого термина социального предпринимательства, что в значительной степени затрудняет эффективность дискуссий о целях, задачах и направлениях развития данного вида деятельности [9].

Российский опыт развития социального предпринимательства вобрал в себя как американскую, так и европейскую традиции. В связи с этим к организациям, являющимся социальными предприятиями, относятся как малый и микробизнес, так и социально ориентированные некоммерческие организации. Данный феномен стал причиной использования в статье таких терминов, как социальное предприятие, социальный предприниматель,

социально ориентированные предприятия, стартап в социальной сфере (жизненный цикл организаций в РФ в данной сфере зачастую не превышает 3–5 лет), социально-предпринимательская деятельность, социальные проекты и инициативы в качестве синонимичных форм, описывающих субъекты и формы реализации социального предпринимательства.

При определении социального предпринимательства будем опираться на подход, транслируемый фондом «Наше будущее», что обусловлено использованием в рамках данного исследования каталога социальных предпринимателей, формируемого данной организацией. Таким образом, социальное предпринимательство трактуется как новаторская деятельность, направленная на решение или смягчение социальных проблем общества на условиях самокупаемости и финансовой устойчивости. Следует отметить, что данные требования возникают в связи с двойственностью целей социальных предпринимателей, которые, наравне с общественными, включают и коммерческие цели, реализация которых позволяет получать и привлекать дополнительные ресурсы [11].

Наличие положительных внешних эффектов данного вида деятельности обуславливает необходимость вовлечения как государственных и муниципальных, так и частных ресурсов, что подтверждается и широким опытом поддержки социального предпринимательства в различных странах [12]. Поддержка социального предпринимательства заключается в расширении соответствующих нормативно-правовых рамок, создании институтов, стимулирующих деятельность граждан в данной сфере, предоставлении консультационных, информационных, образовательных услуг, а также непосредственно в развитии финансовых инструментов, позволяющих получить дополнительные средства для реализации разрабатываемой идеи.

Совмещение социальных и коммерческих целей при реализации данного вида деятельности расширяет перечень финансовых инструментов социальных предпринимателей. Являясь поставщиком социальных услуг, предприниматели могут претендовать на получение

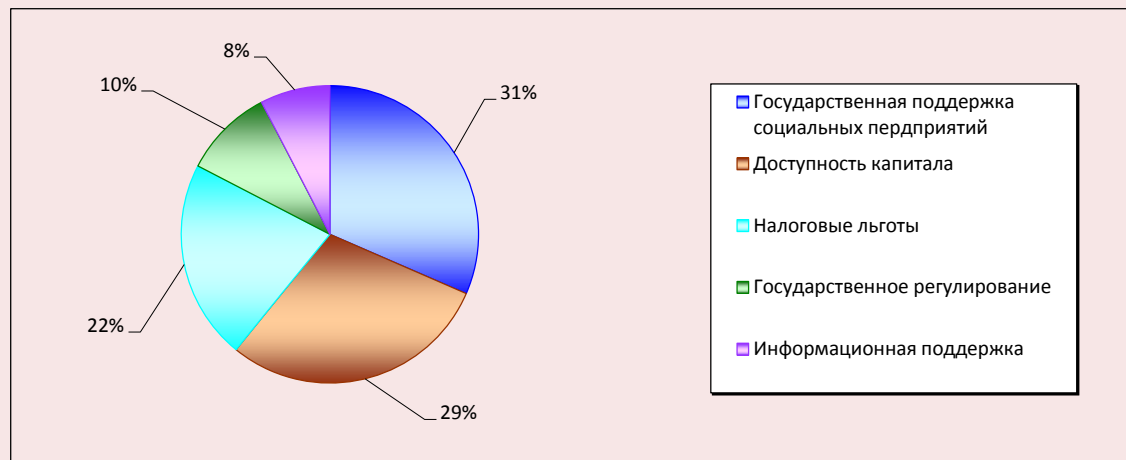
субсидий для реализации данного вида деятельности; обратиться в кредитные учреждения; привлечь инвестора, став участников государственно-частного партнерства; участвовать в программах, проводимых различными фондами поддержки; привлечь средства инициативных граждан. Однако на практике социальные предприниматели, в связи с особым характером данного вида деятельности, сталкиваются с рядом ограничений, которые делают перечисленные инструменты слабодоступными.

По данным Банка Великобритании, недоступность финансовой поддержки является наиболее важным препятствием на пути развития социального предпринимательства. Исследование, проведенное в 2013 г. в Великобритании, показывает, что 40% социальных предприятий видят отсутствие доступа к финансам существенным барьером для стартапа в социальной сфере, поскольку социально ориентированные организации вынуждены не только покрывать расходы от управленческой деятельности, но и, так называемые, «затраты на социальное воздействие», включающие в себя расходы, связанные с низким уровнем производительности, поддержание связи с государственными службами, что также порождает трудности при обеспечении финансовых требований.

Согласно отчетам исследовательского консорциума SEFORIS, опрос социальных предпринимателей в России за 2015–2016 гг. показал, что наиболее востребованными мерами по поддержке социально-предпринимательской деятельности является сохранение федеральной программы поддержки НКО (28%) и обеспечение доступности капитала (27%) (рис. 1).

В части систематизации финансовых инструментов развития данного вида деятельности целесообразно выделять внешние и внутренние источники финансовой поддержки. Внешнее финансирование представлено в форме уставного, заемного капитала или пожертвований. Данные вложения могут быть использованы предпринимателями как в качестве долгосрочных инвестиций, так и покрытия отрицательных операционных денежных потоков.

Рис. 1. Востребованность мер государственного регулирования социального предпринимательства в России

Источник: составлено авторами по данным SEFORIS. Cross-Country report. 2016. URL: https://static1.squarespace.com/static/56d2eebbb654f9329ddb20e/t/58078c90414fb506d0e5ff33/1476889747238/Cross-country+report_6.pdf

Средства предоставляются инвесторами и дифференцируются в зависимости от финансовых требований этих инвесторов. Внутреннее финансирование состоит из денежных потоков, полученных социальными предпринимателями в процессе предпринимательской деятельности. В зависимости от специфики деятельности социально ориентированных организаций и финансовых возможностей целевых групп, эти товары или услуги оплачиваются либо самой целевой группой, либо третьими лицами – государственными или частными организациями.

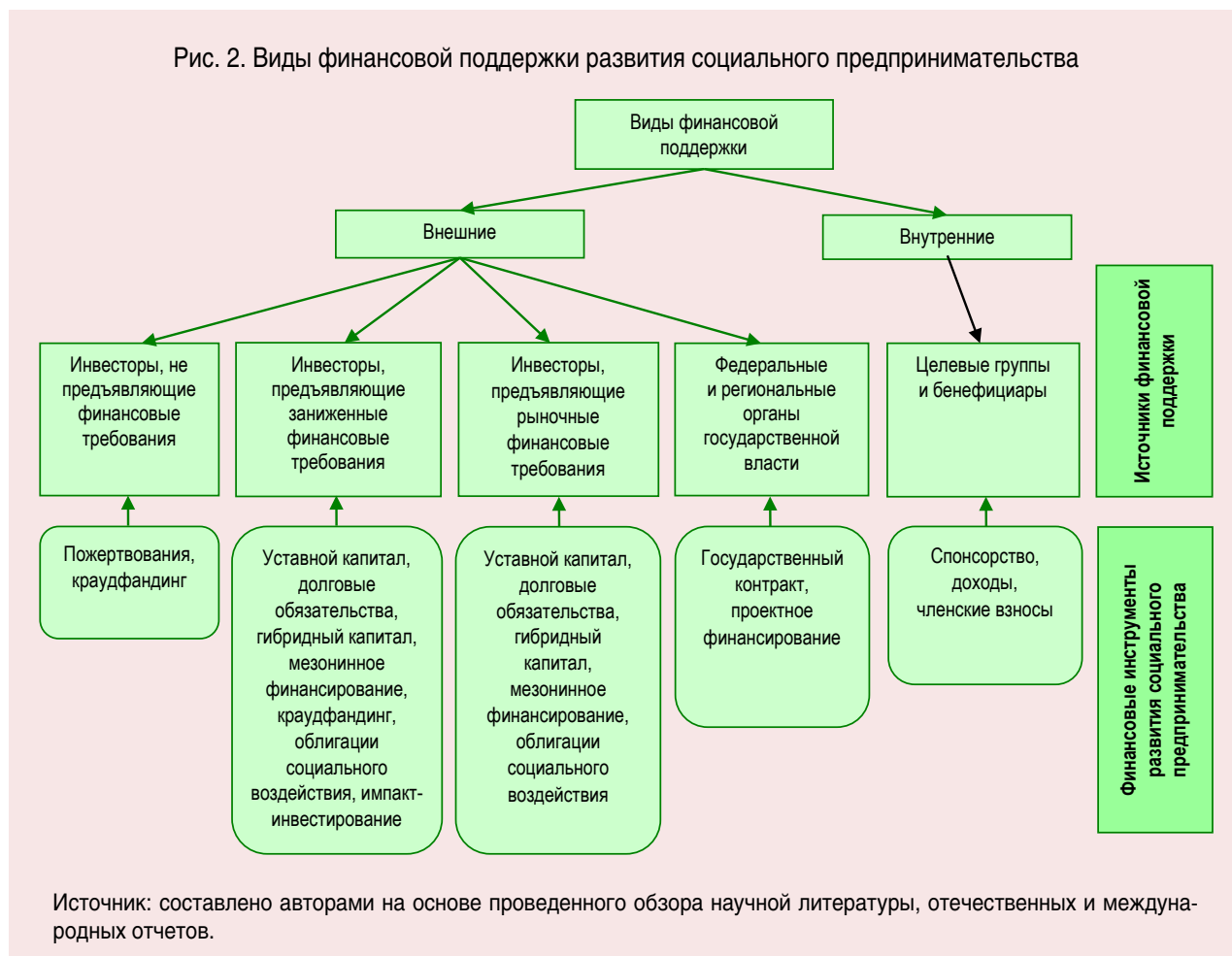
На рисунке 2 представлены результаты систематизации финансовых инструментов по типам инвесторов и их требованиям.

Инвесторами, которые не ожидают финансовой отдачи от своих вложений, могут выступать фонды или спонсоры. Дж. Андреони предполагает несколько возможных причин мотивации филантропического поведения: подобные организации получают огласку и имеют привилегированный доступ к ресурсам из-за высокого репутационного статуса спонсоров [17]. Пожертвования, как правило, предоставляются фондами или частными лицами, не получающими при этом контроля или долю компании, а также не подлежат возврату. Однако данный вид финансирования доступен лишь определенному типу проектов. Ученые обычно рас-

сматривают пожертвования как отдельный инструмент финансирования, поскольку он соответствует стандартам бухгалтерского учета, а также экономическим реалиям социальных предпринимателей, не закладывающих, как правило, это в бизнес-модель, но получающих пожертвования от классических или венчурных фондов. Поскольку пожертвования носят добровольный характер и не требуют выполнения обязательств, этот инструмент является доступным для социальных предпринимателей. Таким образом, пожертвования могут поступать от фондов поддержки социальных предпринимателей, различных организаций, частных лиц, а также как результат краудфандинга.

Краудфандинг возник как отдельная форма поддержки социальных проектов с целью развития творческих проектов в сфере кино, театра, музыки. Однако за последнее десятилетие появилось множество интернет-платформ, на которых размещаются и другие социальные инициативы, в том числе проекты по социальному предпринимательству. По мнению Massolution, существует четыре типа краудфандинга: на основе собственного капитала, кредитования, вознаграждений и пожертвований. В краудфандинге, основанном на акционерном капитале, спонсоры получают долю в капитале компании, в которую инвестируют. В слу-

Рис. 2. Виды финансовой поддержки развития социального предпринимательства

чае краудфандинга, основанного на кредитовании, инвесторы предоставляют займ и имеют возможность возврата инвестиций с процентами. В краудфандинге, основанном на наградах, спонсоры получают товары или услуги в обмен на свои инвестиции. Эти вознаграждения могут быть представлены в различных формах, таких как публичное признание, предпродажная подготовка продукта или ограниченная серия продукта. Краудфандинг, основанный на пожертвованиях, относится к инвестициям в проекты или фирмы с социальными целями. Доноры не получают ни денежного, ни материального вознаграждения за свои инвестиции¹. Таким образом, данный тип краудфандинга не дает возврата, что побуждает Дж. Кокс классифицировать этот тип краудфандинга как форму цифровой благотворительности [15].

¹ Massolution. Massolution Crowdfunding Industry 2015 Report. URL: <http://reports.crowdsourcing.org/index>(accessed on 7 November 2018).

Вторая группа инвесторов (инвесторы, предъявляющие заниженные финансовые требования), снижая свои ожидания от финансовой отдачи, балансирует между финансовой и социальной отдачей, также известной как «смешанное ценностное предложение» [18]. Таким образом, филантропо-капиталисты используют финансовые инструменты для поддержания предпринимательской ориентации социального предпринимательства [19]. Данный подход к инвестированию берет свое начало в организации венчурных фондов, использующих методы венчурного капитала для поддержки социального предпринимательства [20].

Займы могут быть использованы социальными предпринимателями для финансирования долгосрочных инвестиций или покрытия потребностей в оборотном капитале. Заемный капитал, с одной стороны, дает предпринимателям гибкость, но с другой — ограничивает инновационность и рискованность, поскольку

финансовые обязательства предполагают наличие бизнес-модели с низким уровнем риска [21].

Вклады в уставной капитал, как и займы, используются для финансирования долгосрочных инвестиций и потребностей в оборотном капитале, и не предполагают погашения, однако влекут за собой предоставление права голоса и части прибыли инвестору. Среди последователей социального предпринимательства существуют различные точки зрения на распределение прибыли. Так, М. Юнус отрицает выплату дивидендов [22], в то время как ряд исследователей допускают ограниченное распределение прибыли [23]. К данной группе также были отнесены импакт-инвестирование, мезонинное финансирование, гибридное финансирование и облигации социального воздействия.

К импакт-инвестированию (или инвестированию воздействия) относятся инвестиции, содействующие социальным изменениям. Сам термин был введен в 2007 году на встрече Фонда Рокфеллера, цель которой состояла в поиске способа создания глобальной индустрии, ориентированной на инвестиции с положительным социальным и экологическим воздействием [13]. При этом приоритетом данных инвестиций является создание измеримого социального воздействия, а финансовая отдача рассматривается инвесторами как дополнительная и может составлять от 0% (от суммы долга) до доходности по рыночной ставке с поправкой на риск [14]. Однако по данным опроса импакт-инвесторов из европейских стран, США и Канады за 2019 г., около двух третей опрошенных (66%) ориентируются на доходность от инвестирования по рыночным ставкам, а оставшаяся треть делится между теми, кто ориентируется на доход ближе к рыночной ставке (19%), и теми, кто преследует цель сохранения капитала (15%)². Основными участниками рынка импакт-инвестирования со стороны доноров являются частные лица, пенсионные фонды и венчурная филантропия. В различных странах мира эта инициатива поддерживается государством. Так, в 2013 г. премьер-министром Великобритании Д. Кэмероном создана группа импакт-инвестирования из представителей стран

² Annual impact investor survey. 2019. URL: <https://theigiin.org/research/publication/impinv-survey-2019>

большой восьмерки, сотрудничающая с ОЭСР в целях стимулирования импакт-инвестирования во всех странах, входящих в данную группу. Кроме того, в Великобритании существует программа «Большой общественный капитал», а правительство Франции реализует программу «90-10», обязывающую предприятия инвестировать 10% от сбережений сотрудников в признанные государством общества солидарности или фонды распределения доходов. В 2013 году Европейская комиссия приняла «Положение о европейских фондах социального предпринимательства» и создала собственный финансовый инструмент поддержки, названный «Ускоритель социального воздействия» (Social Impact Accelerator). По данным опроса 2019 г., респонденты управляют активами в размере 239 млрд. долларов, вложенными в импакт-инвестирование.

Социальные облигации (или облигации социального воздействия – SIB) – частные инвестиции под гарантии государства на предоставление социальных услуг конкретной целевой группе³. SIB представляет собой ценную бумагу, которая содержит в себе договор займа, основанный на определенных взаимовыгодных условиях взаимодействия нескольких организаций разного профиля деятельности, но стремящихся достигнуть определенного социального значимого результата. В своей простой изначальной форме SIB представляет собой облигационный заем, который организован инвестиционным банком и направлен на привлечение благотворительных средств. Деньги, которые будут получены в ходе этого займа, должны быть направлены на финансирование проектов. Важным участником этого договора является государство, которое берет на себя обязательства компенсировать инвесторам их затраты, а также выплатить премию в том случае, если финансируемая программа будет успешно реализована. Однако если результаты достигнуты не будут, то и возврат средств не предусмотрен. Поэтому SIB-облигации имеют также название «плата за успех» (payforsuccess) [14].

³ Социальные финансы: от венчурной филантропии до импакт-инвестиций // Мир социального предпринимательства. 2018. № 9. URL: <https://www.hse.ru/data/2018/11/18/1140955055/Issue%209%202018.pdf>

В зарубежной практике финансирования социального предпринимательства встречается и понятие мезонинного капитала. Данный вид инвестирования представляет собой сочетание собственного и заемного капитала с фиксированными процентными ставками и обязательствами по погашению. Мезонинный капитал гибко структурирован и дает право инвестору на получение прибыли в случае финансового успеха, однако, как и получение займов, предполагает устойчивую финансовую бизнес-модель и низкие риски.

Существуют также специализированные инструменты финансирования социального предпринимательства в форме гибридного капитала, сочетающего элементы собственного или заемного капитала с пожертвованиями. К данному виду финансирования относятся возмещаемые гранты, необязательные для возврата займы.

Третья группа инвесторов ожидает финансовых результатов от инвестирования социального предпринимательства на рыночном уровне. По данным анализа, большая часть социальных предпринимателей относятся к микробизнесу со средним количеством работников 1–2 человека, что накладывает ограничения в вопросе привлечения инвестиций⁴. Эта же причина является барьером для участия организаций в государственных контрактах.

С юридической точки зрения социальные предприниматели имеют доступ ко всем финансовым инструментам финансирования коммерческого сектора, таким как вклады в уставной капитал, заемный и мезонинный капитал, а также некоммерческого сектора, включая займы и пожертвования⁵. Однако на практике финансовое положение социальных предпринимателей и их непродолжительный срок функционирования, что подтверждается существующей статистикой, не позволяет получать ресурсы на рыночных условиях.

⁴ Seforis. Cross-Country report. 2016. URL: https://static1.squarespace.com/static/56d2eebbb654f9329ddb20e/t/58078c90414fb506d0e5ff33/1476889747238/Cross-country-report_6.pdf

⁵ Achleitner A., Heinecke A., Noble A., Schöning M., Spiess-Knafl W. Social Investment Manual, 2011. URL: <http://ssrn.com/abstract=1884338>.

В целом между финансированием коммерческих и социально ориентированных предприятий можно выделить два основных отличия. В коммерческом секторе существует четкая корреляция между процентной ставкой по кредиту и рискованностью вложений, однако в отношении финансирования социального предприятия данное правило может не действовать, поскольку инвесторы готовы снизить свои финансовые требования для получения социального результата. В связи с этим беспроцентные или с пониженной процентной ставкой кредиты и займы не обусловлены рисками социального предпринимательства. Кроме того, коммерческие предприниматели, как правило, отдадут предпочтение акционерному капиталу и внутреннему финансированию в отличие от социальных предпринимателей, вынужденных искать возможности субсидирования или пожертвований [24]. При этом потенциальные инвесторы имеют ограниченные возможности получения прибыли, поскольку ее распределение участникам либо запрещено, либо строго ограничено [25].

Одной из форм поддержки социального предпринимательства является выполнение услуг по государственному контракту. В России по данной схеме функционирует Санкт-Петербургская организация «Ночлежка», реализующая проект «Транзит» по отправке домой бездомных из других регионов страны. Частично финансирование идет за счет средств городской программы «Комплексные меры по профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге». Однако финансирование данной программы осуществляется только с февраля по ноябрь.

В российской практике основным источником финансирования социального предпринимательства является доход от продажи товаров и услуг (60%). На втором и третьем месте располагается поддержка в виде грантов и пожертвований – 23 и 12% соответственно. Поддержка инвесторами и займы не превышают 4 и 1% соответственно. Для сравнения следует отметить, что в странах с развитой социально-предпринимательской деятельностью – Швеции и Великобритании – гранты составляют 36 и 30% соответственно, а займы – 4 и 1% соответственно.

В целом размер грантов в социальное предпринимательство в России один из самых низких среди исследуемых стран Европы. Использование займов для развития данного вида деятельности не является распространенным методом привлечения средств, данная величина не превышает 4% от общей доли финансирования социально ориентированных организаций.

Для эффективного развития бизнеса социальным предпринимателям требуется разработать стратегию финансирования, покрывающую не только текущие расходы, но и способствующую масштабированию. Текущие операционные расходы, как правило, покрываются внутренним финансированием (регулярными поступлениями доходов), тогда как для масштабирования привлекаются внешние источники [16].

Поскольку в России не установлено правовых рамок для данного вида деятельности, социальные предприниматели в основном используют три юридические формы: ИП, ООО и НКО. Часть социальных предпринимателей принадлежит малому и среднему бизнесу и регулируется соответствующими законодательными актами, в частности ФЗ №209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Другая часть представлена некоммерческими организациями.

В настоящее время развитие социального предпринимательства в России предусмотрено несколькими нормативными документами. Во-первых, инфраструктурная поддержка обозначена в Дорожной карте «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере», утвержденной Правительством РФ 08.06.2016 №1144-р. «Дорожной картой» в том числе предусмотрено:

- увеличение доли негосударственных организаций при оказании услуг в социальной сфере;
- создание условий для повышения качества услуг в социальной сфере;
- развитие системы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и организаций социального предпринимательства;
- развитие механизмов государственно-частного партнерства в социальной сфере.

В рамках данного проекта были созданы центры инноваций социальной сферы (ЦИСС) в субъектах РФ, основными компетенциями которых являются:

- подготовка социальных предпринимателей посредством организации Школы социального предпринимательства;
- проведение аналитических исследований о состоянии социальной сферы;
- организация коммуникаций между бизнесом и органами власти по поводу разработки и внедрения социальных инноваций;
- консультации с законодательными органами власти по поводу внесения изменений в нормативные акты, закрепляющие на системном уровне использование социальных инноваций.

На базе ЦИСС функционируют 4 основные площадки для социального предпринимательства:

- школы социальных инноваций;
- инкубатор социальных проектов и инициатив;
- площадка агрегации лучших практик;
- площадка ресурсного обеспечения.

Так, в Свердловской области площадка ресурсного обеспечения функционирует через привлечение инвестиций из Свердловского венчурного фонда и Свердловского фонда инвестиций. При этом, Свердловский венчурный фонд предъявляет следующие требования к инвестиционным проектам: минимальный размер инвестиций 1,5 млн руб.; доходность Фонда от участия в проекте не менее 12% в год и срок проекта не более 5 лет, что является довольно высокими требованиями к социальным предпринимателям, находящимся на стадии стартапа или становления. Кроме фондов ЦИСС в России действуют фонд «Наше будущее» и Фонд поддержки социального предпринимательства (ФПСП), предоставляющие льготные кредиты для социального предпринимательства. Вместе с тем поддержка социального предпринимательства может быть реализована при поддержке крупных корпораций (табл. 1).

Одним из самых крупных фондов, предоставляющих займы и гранты для социальных предпринимателей на территории РФ, является фонд «Наше будущее». Согласно официальному положению о конкурсе проектов по

Таблица 1. Примеры программ поддержки социального предпринимательства в России

Фонд	Название программы/конкурса	Вид поддержки	Сумма	Условия
Фонд поддержки социального предпринимательства		Займ	Определяется индивидуально	Не более чем на 3 года 6,5%
«Наше будущее»	Премия «Импульс добра»	Премия	2,5 млн руб.	На условиях конкурса
«Наше будущее»	Конкурс «Социальный предприниматель»	Беспроцентный займ	От 2 млн до 40 млн руб.	Беспроцентный займ
Компания SAP	Конкурс социальных проектов	Премия	450 000 руб.	На условиях конкурса
Источник: составлено авторами.				

предоставлению беспроцентных займов «Социальный предприниматель», к участникам предъявляются следующие требования:

- 1) наличие измеримого социально-преобразующего воздействия на население региона или группы регионов;
- 2) воздействие от проекта должно охватывать не менее 1 000 человек в год;
- 3) наличие подтвержденных показателей социально-преобразующего воздействия за время работы компании;
- 4) апробированная устойчивая бизнес-модель проекта;
- 5) не менее 2 лет прибыльной операционной деятельности заявителя, реализующего проект;
- 6) направление инвестиций в развитие компании⁶.

Кроме того, существенным условием для предоставления беспроцентного займа является предоставление залогового обеспечения и/или поручительства третьих лиц. При этом общая стоимость залогового обеспечения должна превышать сумму запрашиваемого финансирования минимум на 10% (не включая НДС). Обозначенные требования являются довольно высокими и ограничивают деятельность социальных предпринимателей.

3. Методология исследования

Методология данного исследования представлена следующим образом. На основе анализа финансовой отчетности 42 социальных предприятий, действующих в различных экономических субъектах, определена доступность финансовых инструментов развития социального предпринимательства в российской

практике. Для получения денежных средств социальные предприниматели вынуждены показать свою экономическую состоятельность и финансовую устойчивость, что указано в требованиях к конкурсам и грантам. В связи с этим в ходе дальнейшего анализа нами был использован коэффициент автономии как индикатор финансовой устойчивости, рассчитанный как отношение собственного капитала к общей сумме капитала; для анализа прибыльности использованы значения прибыли ЕВІТ (прибыль до вычета налогов и процентов) и темпов ее прироста в 2017 году в сравнении с предыдущим годом. Это позволило отследить не только фактические значения прибыли в рассматриваемый период, но и учесть динамику ее изменения. Кроме того, при анализе социальных предпринимателей также был учтен показатель текущей ликвидности, рассчитанный как отношение текущих активов к краткосрочным обязательствам и показывающий платежеспособность рассматриваемой организации. Важность показателей ликвидности объясняется интересом кредиторов к способности компании погасить задолженность в ближайшем будущем.

При анализе кредитоспособности организаций мы опирались на методику Сбербанка России (утв. Комитетом Сбербанка России по предоставлению кредитов и инвестиций от 30 июня 2006 г. № 285-5-р), а также требования, предъявляемые фондом «Наше будущее».

Информационной базой исследования выступил каталог социальных предпринимателей фонда «Наше Будущее» за 2017 г., как практически единственный источник информации о социальных предпринимателях, включающий организации, расположенные на территории Российской Федерации в различных экономических субъектах. Фонд не выставляет требо-

⁶ Положение о конкурсе проектов «Социальный предприниматель» от 05. 02.2019 г. URL: <http://konkurs.nb-fund.ru/documents/>

ваний к организационно-правовым формам социальных предпринимателей, поэтому в данной выборке встречаются как индивидуальные предприниматели, так и юридические лица в форме ООО, ЗАО, АНО, МБОО и т.д. Данные о финансовой отчетности (форма 1 и 2) этих предприятий были предоставлены информационной системой «Контур-Фокус». Анализ данных непосредственно 2017 года обусловлен как ограничениями этой информационной системы, так и времени формирования каталога социальных предпринимателей.

Отметим, что данные организации были систематизированы по следующим сферам: медицина и медтехника, культура и искусство, содействие самозанятости, образование, уход за пожилыми и детьми, экология, трудоустройство людей с ограниченными возможностями.

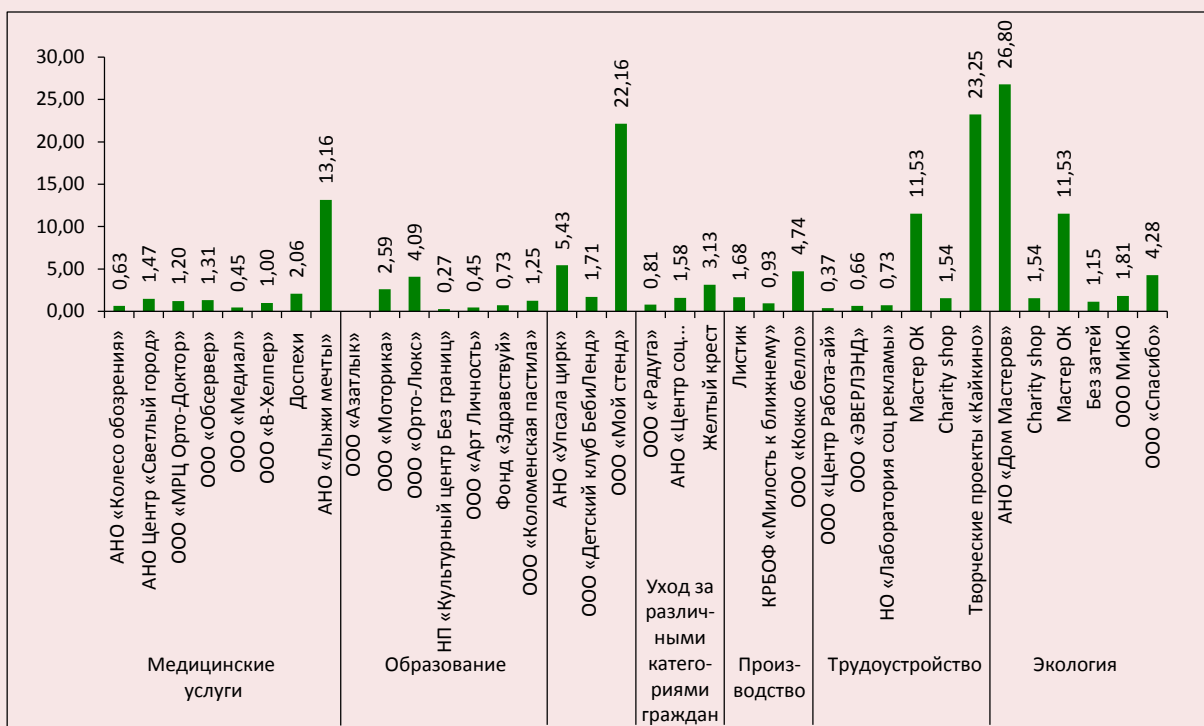
4. Результаты исследования

При анализе финансовой отчетности были рассмотрены такие показатели, как коэффициент текущей ликвидности, прибыль ЕВИТ, темп роста прибыли и коэффициент автономии. Проведенный анализ продемонстрировал вы-

сокие показатели текущей ликвидности в таком виде деятельности, как оказание услуг в сфере трудоустройства незащищенных слоев населения, что, вероятнее всего, обусловлено отсутствием заемных средств, поскольку данный вид деятельности не предполагает крупных вложений. Следует отметить, что для более наглядного представления полученных результатов из анализа были исключены МБОО «Ночлежка» и проект «Доспехи» (рис. 3), значения которых существенно превышают норму. Нормативное значение по данному показателю составляет 2; его достижение характерно лишь для 15 организаций.

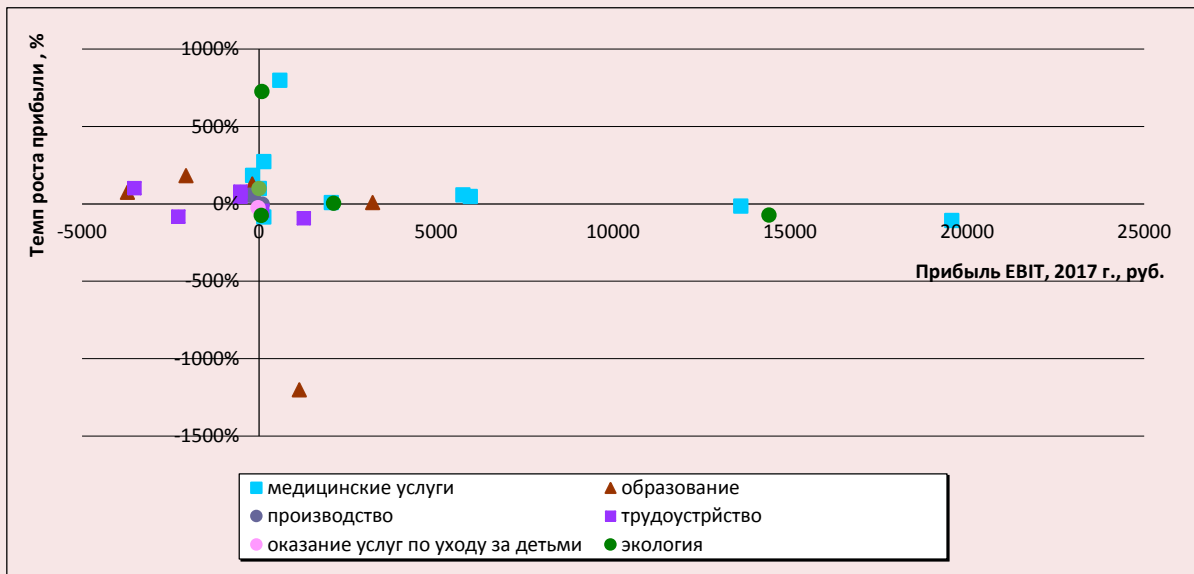
Из анализа прибыльности, представленной на рисунке 4, где каждый из типов маркеров характеризует отдельную сферу деятельности, следует, что наиболее стабильное развитие наблюдается в сфере медицинских услуг (квадратный маркер). Данный вывод сделан исходя из положения соответствующих точек в первом квадрате. Следует добавить, что по оси Ох представлены значения прибыли ЕВИТ, в то время как по оси Оу – темп прироста прибыли.

Рис. 3. Значения показателей текущей ликвидности социальных предприятий

Источник: составлено авторами на основе данных финансовой отчетности.

Рис. 4. Соотношение прибыли ЕВИТ и темпа ее прироста для социального предпринимательства в различных сферах деятельности

Источник: составлено авторами на основе данных финансовой отчетности.

Рис. 5. Значения коэффициентов автономии социальных предприятий

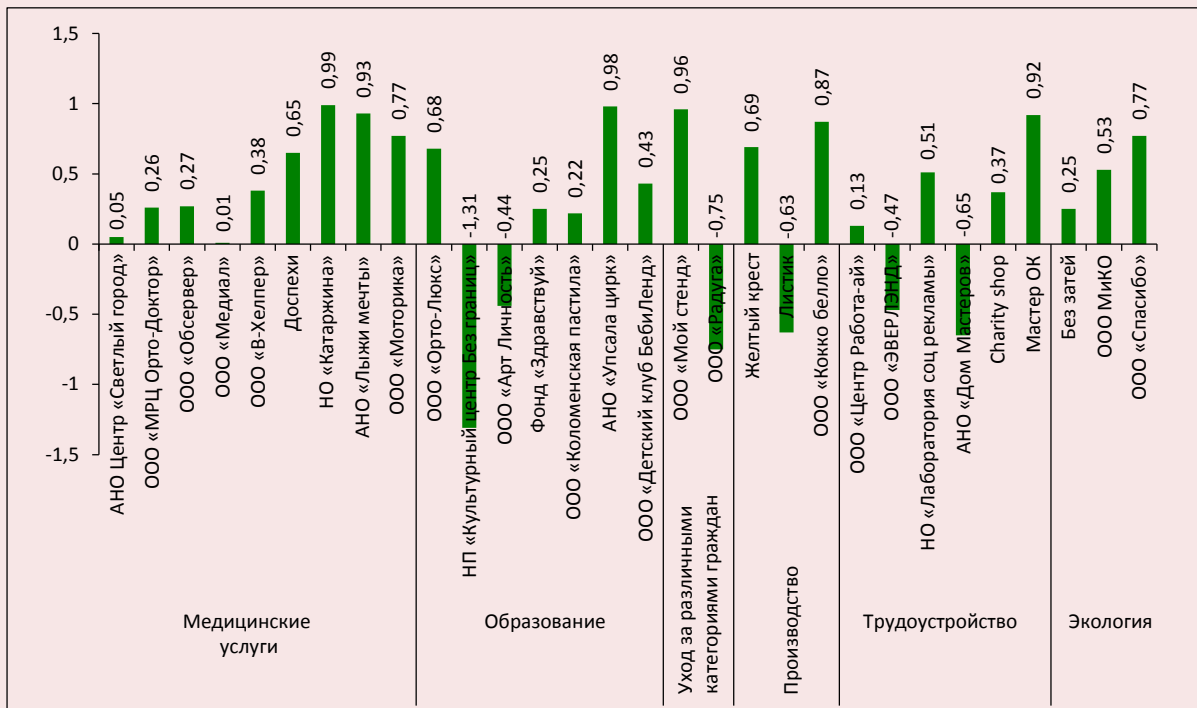

Рисунок 5 показывает значения коэффициентов автономии в различных сферах деятельности.

Нормативное значение для данного показателя составляет 0,55 (для образования – 0,45). Таким образом, среди данных организаций финансово устойчивыми являются лишь 11.

Как было отмечено выше, при анализе кредитоспособности организаций мы опирались на методику Сбербанка России (утв. Комитетом Сбербанка России по предоставлению кредитов и инвестиций от 30 июня 2006 г. № 285-5-р). Данная методика учитывает несколько показателей, ранжированных по весу. Наиболее весомый показатель у коэффициента текущей ликвидности (0,4), а менее весомый – у коэффициента абсолютной ликвидности (0,05). Согласно проведенному анализу, все организации, имеющие текущую ликвидность выше 2, обладают высокими шансами получить кредит и по методике Сбербанка. Так, согласно рисунку 3, наиболее высокие показатели у организаций, оказывающих услуги по трудоустройству, медицинские услуги, а также услуги в сфере образования. Однако по данной методике только 5 предприятий из анализируемых имеют высокие шансы получить банковский кредит. Таким образом, остальные организации вынуждены искать финансирование в других источниках.

Фонд «Наше будущее» выдвигает к социальным предпринимателям требование о наличии финансовой устойчивости и безубыточности деятельности за последние два года. Финансовый анализ на основе коэффициента автономии, темпа прироста и прибыльности за 2016 и 2017 гг. показал, что этим требованиям соответствуют лишь девять организаций из 42-х, причем три из 9-ти соответствуют и требованиям банка. Отсюда можно сделать вывод, что большинству социально ориентированных организаций не доступны кредиты даже на льготных условиях. В данном случае социальные предприниматели могут воспользоваться специальными мерами поддержки, в частности грантами, субсидиями и др. Однако на практике неспособность социального предпринимателя соответствовать заявленным требованиям делает и эти меры поддержки труднодоступными.

5. Обсуждение результатов

Как проведенный теоретический обзор, позволивший выделить финансовые инструменты развития социального предпринимательства в международной практике, так и анализ финансово-хозяйственной деятельности отечественных социальных предприятий, свидетельствуют о необходимости рассмотрения и обсуждения возможности распространения в российской

практике развития источников финансирования с заниженными финансовыми требованиями.

Социальные предприниматели, по данным исследования ЦИРКОН за 2018 г. отмечают в качестве мотивов создания социально ориентированной организации желание реализовать определенную идею (71%) и стремление к самостоятельности и независимости (71%). Поскольку социальные предприниматели вынуждены действовать в рыночных условиях, им необходимо поддерживать конкурентные преимущества, вступать в борьбу за ресурсы спонсоров и грантодателей.

Мобилизация ресурсов играет важную роль в формировании предпринимательской деятельности как на этапе её становления, так и развития, но, поскольку большинство предпринимателей не имеют возможности финансировать организации из собственных сбережений, доступ к финансовым ресурсам является одним из наиболее острых вопросов, требующих решения [2].

Для организаций, функционирующих в общественных интересах, проблема доступа к ресурсам еще сильнее усугубляется их ограниченностью и слабым развитием институциональных механизмов, что особенно находит отражение в развивающихся странах [26]. Социальная миссия не позволяет организациям устанавливать рыночные цены на свои товары и услуги, кроме того, ограничения на распределение прибыли (отсутствие дивидендов и акций) уменьшают возможности доступа социальных предпринимателей к финансовым ресурсам. Таким образом, дуальность целей социальных предпринимателей ограничивает ресурсный пул финансовых инструментов.

Поскольку в качестве требования к социально ориентированным предприятиям выдвигается срок прибыльной операционной деятельности не менее двух лет, стартапы не могут претендовать на данный способ поддержки. В числе доступных для социальных предпринимателей источников финансирования гранты, пожертвования, краудфандинг. В отношении фондов, предоставляющих беспроцентные займы, следует отметить также наличие высоких требований, что снижает их доступность для большей части исследуемых организаций.

Таблица 2. Достоинства, недостатки, ограничения и доступность финансовых инструментов развития социальных предпринимателей в России

Источник финансирования	Финансовый инструмент	Достоинства	Недостатки	Ограничения	Доступность
Инвесторы, не предъявляющие финансовые требования	Пожертвования, краудфандинг	Безвозвратные финансовые средства	Высокие издержки поиска	Официальные ограничения отсутствуют	Доступны
Инвесторы, предъявляющие ограниченные требования	Долговые обязательства, беспроцентные займы	Нулевые или сниженные ставки	Необходимость соответствия определенным требованиям	Требования устойчивой бизнес-модели, прибыльной операционной деятельности	Доступны с ограничениями
Инвесторы, предъявляющие рыночные требования	Займы по рыночной стоимости, вклады в уставной капитал, венчурное инвестирование	Большое количество предложений	Высокие процентные ставки	Высокие требования	Практически не доступны вследствие высоких требований
Государственные средства	Оплата за услуги, проектное финансирование	Получение субсидий / грантов	Ограниченное предложение	Наличие конкурса	Низкая степень доступности ввиду ограниченности предложения
Целевые группы и бенефициары	Спонсорство, доходы, членские взносы	Привлечение дополнительных средств	Высокие издержки поиска/привлечения	Определяется уровнем доверия	Ограниченное предложение ввиду отсутствия выстроенных институтов

Источник: составлено авторами на основе проведенного анализа.

Результаты анализа доступности финансовых инструментов развития социального предпринимательства, их достоинства и недостатки, приведены в *таблице 2*.

В настоящее время социальным предпринимателям оказывается довольно большой объем поддержки в виде консультационных услуг и обучения. При этом финансовая поддержка не становится менее значимой. В России наблюдается обратная пропорция доступности кредитов и обучения. Перечень организаций, предоставляющих доступные займы, кредиты, субсидии и другие средства, крайне ограничен. В России также отсутствуют государственные или частные агентства социальных инвестиций, социальные банки, недостаточно институтов социально ориентированного микрокредитования⁷.

⁷ Социальные финансы: от венчурной филантропии до импакт-инвестиции // Мир социального предпринимательства. 2018. № 9. URL: <https://www.hse.ru/data/2018/11/18/1140955055/Issue%209%202018.pdf>

Одним из направлений развития финансовых инструментов является ориентация на международный опыт, в частности внедрение импакт-инвестиции, облигаций социального воздействия, мезонинного инвестирования и распространение краудфандинга. Однако реализация таких инструментов, как SIB (облигации социального воздействия) и импакт-инвестирование, могут столкнуться с рядом ограничений. В случае с облигациями необходимо государственное регулирование, а именно разработка и внедрение правового обеспечения, что замедляет процесс внедрения данного инструмента.

Кроме того, ввиду сложности применения, данный финансовый инструмент имеет большие риски не быть реализованным в достаточном объеме. Импакт-инвестирование является более приемлемым инструментом, поскольку не подразумевает государственное участие. Для использования данного инструмента достаточно инициативы крупного бизнеса и частных инвесторов, имеющих желание и возможности

поддерживать социально значимые проекты. В данном случае эффективное взаимодействие будет определяться институциональными соглашениями или качеством неформальных институтов при отсутствии последних.

Второе направление развития социального предпринимательства видится в распространении и популяризации краудфандинга как новой модели развития и финансирования проектов, а также в привлечении средств бенефициаров своих услуг.

Таким образом, проблема финансирования и устойчивого развития социального предпринимательства является крайне значимой, что подтверждается необходимостью для предпринимателей находить источники финансовой поддержки и одновременно реализовывать свою социальную миссию. К настоящему времени в России ограничены возможности финансирования социально ориентированных проектов, то есть поддержка сверху, и само финансовое состояние организаций не позволяет использовать внешние финансовые инструменты.

Заключение

В данной статье с целью систематизации и анализа доступности финансовых инструментов развития социального предпринимательства были получены следующие результаты.

Во-первых, финансовые инструменты развития социального предпринимательства были распределены по типам инвесторов, предъявляющих различные требования. Показано, что драйвером развития социального предпринимательства могут являться инструменты, в настоящее время не используемые в российской практике. Среди данных инструментов – мезонинное финансирование и облигации социального воздействия. Их применение свидетельствует о вовлеченности в развитие данного вида деятельности не только инициативных граждан, столкнувшихся с социальной проблемой, что является наиболее распространенной практикой, но и органов власти на различных уровнях хозяйствования. Поддержка и стимулирование данной категории предпринимателей при условии развития институтов доверия выступит существенным катализатором решения социальных проблем в обществе.

Во-вторых, на основе анализа финансовой отчетности социальных предпринимателей, поддержанных фондом «Наше будущее», показана низкая доступность таких инструментов, как кредиты и займы. Данный вывод сделан в результате анализа коэффициентов автономии, текущей ликвидности и прибыльности социального предпринимателя. Наиболее высокие показатели характерны для организаций, оказывающих услуги по трудоустройству, медицинские услуги, а также услуги в сфере образования.

В-третьих, проведен анализ доступности финансовых инструментов развития социальных предпринимателей в российской экономике. В ходе анализа выявлено, что из рассматриваемого перечня социальных предпринимателей лишь 7% могут удовлетворить требованиям, предъявляемым Сбербанком России, а 22% имеют шанс получить займ в фонде «Наше будущее». Всё вышесказанное свидетельствует об острой потребности в разработке доступных финансовых инструментов социального предпринимательства, которые в рамках данной статьи обозначены как финансовые инструменты с заниженными требованиями.

Авторский подход к анализу финансовых инструментов развития социального предпринимательства позволил продемонстрировать низкую доступность существующих мер финансовой поддержки социальных предпринимателей и обосновать возможность внедрения новых механизмов, успешно используемых в международной практике.

Теоретическая значимость полученных результатов состоит в систематизации инструментов финансовой поддержки социальных предпринимателей, используемых в международной практике. Практическая значимость данного исследования состоит в выявлении низкой доступности применяемых в российской практике финансовых инструментов развития социального предпринимательства. Полученные данные могут быть использованы при разработке стратегии развития данного вида деятельности на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В частности, принятие решения о развитии социального предприни-

мательства путем повышения доступности существующих финансовых инструментов и развития новых будет способствовать развитию специальных механизмов поддержки и позволит вовлечь различные категории граждан и инвесторов в данный вид деятельности. Гибридность целей социальных предпринимателей,

что обосновывает возникающие ограничения в получении ресурсов для реализации проектов, требует активного вовлечения гражданского общества. Выстраивание новых механизмов взаимодействия также позволит сформировать новое видение удовлетворения социальных потребностей в обществе.

Литература

1. Неформальная институциональная среда социального предпринимательства / Е.В. Попов, А.Ю. Веретенникова, И.В. Наумов, К.М. Козинская // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 217–234. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.14
2. Desa G., Basu S. Optimization or bricolage? Overcoming resource constraints in global social entrepreneurship. *Strategic entrepreneurship journal*, 2013, no. 7, pp. 26–49.
3. Di Domenico M., Haugh H., Tracey P. Social Bricolage: Theorizing Social Value Creation in Social Enterprises. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2010, vol. 34, no. 4, pp. 681–703.
4. Aldrich H., Kenworthy A. The accidental entrepreneur: Campbellian antinomies and organizational foundings, in Baum, J. and McKelvey, B. (Eds), *Variations in Organization Science: In Honour of Donald T. Campbell*, Sage, Newbury Park, CA, 2005.
5. Mair J., Martí I. Social entrepreneurship research: a source of explanation, prediction, and delight. *Journal of World Business*, 2006, № 41 (1), pp. 36–44. DOI: 10.1016/j.jwb.2005.09.002
6. Crimmins J., Kiel M. *Enterprise in the Nonprofit Sector*. Washington, DC: Partners for Livable Places, 1983.
7. Spear R., Defourny J., Favreau L., Laville J.-L. *Tackling social exclusion in Europe. The contribution of the social economy*. Aldershot: Ashgate, 2001.
8. Dees J., Anderson B. Framing a theory of entrepreneurship: building on two schools of practice and thought”. *ARNOVA Occasional Paper Series: Research on Social Entrepreneurship: Understanding and Contributing to an Emerging Field*, 2006, vol. 1, № 3, pp. 39–66.
9. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Козинская К.М. Мировое научные школы исследования социального предпринимательства // Вестник Тюменского государственного университет. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5. № 1. С. 157–177.
10. Nyssens M. (ed.) *Social Enterprise: At the Crossroads of Markets, Public Policies and Civil Society*. London: Routledge, Taylor Francis Group, 2006. DOI: 10.4324/9780203946909
11. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Козинская К.М. Социальное предпринимательство как объект институционального анализа // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2017. Т. 12. № 3. С. 360–374.
12. Баринова В. Зарубежный опыт развития социального предпринимательства в возможность его применения в России, М.: Ин-т экономической политики имени Е.Т. Гайдара, 2018. С. 100.
13. Harji, K., & Jackson, E. T. *Accelerating impact: Achievements, challenges and what’s next in building the impact investing industry*. New York, NY: The Rockefeller Foundation, 2012.
14. Гладилин А.А., Плотова И.И., Томилина Е.П. Социальные облигации как инструмент финансирования высшего образования // KANT. 2017. № 2. С. 118–123.
15. Cox J., Nguyen T., Thorpe A., Ishizaka A., Chakhar S., Meech L., Being Seen to Care: The Relationship between Self-Presentation and Contributions to Online pro-Social Crowdfunding Campaigns, *Computers in Human Behavior*, 2018, vol., 83, pp. 45–55.
16. Achleitner A., Spiess-Knafl W., Financing of social entrepreneurship. In *Social Entrepreneurship & Social Business*, eds. C. Volkmann, K. Tokarski, and K. Ernst, Wiesbaden: Gabler, 2012, pp. 157–173. Wiesbaden: Gabler.
17. Andreoni J. Impure altruism and donations to public goods: A theory of warm-glow giving. *The Economic Journal*, 1990, vol. 100, no. 2, pp. 464–477.
18. Emerson J. The blended value proposition: Integrating social and financial returns, *California Management Review*, 2003, vol. 45, no. 4, pp. 35–51.

19. Bishop M., Green M. *Philanthropocapitalism*. London: A&C Black, 2008.
20. Letts C., Ryan W., Grossman A. Virtuous capital: What foundations can learn from venture capitalists, *Harvard Business Review*, 1997, vol. 75, no. 2, pp. 36–44.
21. Milligan K., Schönig M. Taking a realistic approach to impact investing: Observations from the World Economic Forum's Global Agenda Council on social innovation. *Innovations*, 2011, vol. 6, no. 3, pp. 155–166.
22. Yunus M. Social business entrepreneurs are the solution. In *Social entrepreneurship: New models of sustainable social change*, ed. A. Nicholls. Oxford: Oxford University Press. 2006.
23. Defourny J., Nyssens M. Social enterprise in Europe: Recent trends and developments, *Social Enterprise Journal*. 2008. Vol. 4, pp. 202–228.
24. Harris R., Raviv A. The theory of capital structure. *The Journal of Finance*, 1991, vol. XLVI, no. 1, pp. 297–355.
25. Hoogendorn B., Pennings E., Thurik R., What do we know about social entrepreneurship? An analysis of empirical research. *International Review of Entrepreneurship*, 2010, vol. 8, no. 2, pp. 1–42.
26. Collier P. *The Bottom Billion: Why the Poorest Countries are Failing and What Can be Done about It*. New York: Oxford University Press, 2007.

Сведения об авторах

Евгений Васильевич Попов – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, руководитель Центра экономической теории, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: eropov@mail.ru), профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19)

Анна Юрьевна Веретенникова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: vay_uies@mail.ru), доцент кафедры, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19)

Ксения Михайловна Козинская – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: ksush1@yandex.ru), аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Ленина, д. 136)

Popov E.V., Veretennikova A.Yu., Kozinskaya K.M.

Financial Tools to Develop Social Entrepreneurship

Abstract. Social entrepreneurship, being a relatively new activity for the Russian economy, requires the development of conditions and support mechanisms; this helps address social issues in society and also stimulates civic activity in this regard. Our paper classifies financial tools according to types of investors with different financial requirements, and analyzes the availability of these tools for the development of social entrepreneurship. We place special emphasis on mezzanine financing, social impact bonds, impact investing, and hybrid financing. In order to determine the availability of financial tools that are used to develop social entrepreneurship in Russia, we analyze financial statements of social entrepreneurs included in the catalog, formed by the Fund “Our Future”. The analysis used the coefficients of autonomy, current liquidity, profit (EBIT) and its growth rate in 2017. We have revealed that only nine of the considered organizations, which is less than 22%, meet the stated requirements and can apply for loans. Thus, we show that it is necessary to develop investment tools with lower financial requirements. Theoretical

importance of our research findings consists in the fact that they expand theoretical and methodological provisions for studying social entrepreneurship in terms of systematization of financial tools used in international practice. The findings of our research are relevant in the practical aspect as well, because they help identify low availability of financial tools used in the Russian practice. The obtained data can be used to elaborate a strategy for development of this type of activity at different levels of management.

Key words: social entrepreneurship, financial tools, impact investing, social impact bonds, accessibility.

Information about the Authors

Evgenii V. Popov – Doctor of Sciences (Economics), RAS Corresponding Member, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: epopov@mail.ru), Professor, Ural Federal University Named After the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation)

Anna Yu. Veretennikova – Candidate of Sciences (Economics), Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: vay_uiec@mail.ru), Associate Professor, Ural Federal University Named After the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation)

Kseniya M. Kozinskaya – Candidate of Sciences (Economics), Junior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: ksush1@yandex.ru), Graduate Student, Ural Federal University Named After the First President of Russia B.N. Yeltsin (13B, Lenin Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation)

Статья поступила 30.07.2019.

Часы работы в России: модели занятости и факторы выбора*

**Вячеслав Николаевич
БОБКОВ**

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32

E-mail: bobkovvn@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7364-5297; ResearcherID: U-6527-2019

**Олеся Васильевна
ВЕРЕДЮК**

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034, Университетская наб., д. 7–9

E-mail: o.veredyuk@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-9862-633X; ResearcherID: K-7044-2013

Аннотация. В статье классифицированы и исследованы режимы часов работы на предмет выявления структуры их распределения и детерминант распространения в России. Оценка фактической картины режимов рабочего времени актуальна в условиях существования нестандартной занятости при поиске путей повышения производительности труда. Статья дополняет известные публикации, которые, сосредоточив анализ на часах работы, упускают тот важный момент, что одно и то же количество часов может быть реализовано при разных режимах рабочего времени, из чего следуют, например, разные варианты регулирования и защиты прав работников. Авторами сконструирована условно-стандартная модель занятости в России на основе рассмотрения частоты, с которой встречается каждый из трех временных параметров занятости (количество часов работы в неделю и день, а также количество рабочих дней в неделю). Такой оказа-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Структурные изменения в экономике России: роль человеческого капитала и инвестиций» № 18-010-01185.

Для цитирования: Бобков В.Н., Вередюк О.В. Часы работы в России: модели занятости и факторы выбора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 109–123. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.7

For citation: Bobkov V.N., Veredyuk O.V. Working hours in Russia: employment models and choice factors. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 109–123. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.7

лась работа 40 часов в неделю по 8 часов в день в течение пяти дней. В результате регрессионного анализа микроданных РМЭЗ-ВШЭ определены факторы, повышающие вероятность занятости на условиях данной модели, а именно: наличие трудового договора, работа в компаниях с государственным участием, занятость в органах управления. При сохраняющейся неоднородности региональных тенденций условно-стандартная модель продолжает распространяться, но пока не стала преобладающим режимом часов работы. Показано, что за ростом сбалансированности в использовании часов работы стоят, однако, процессы, не вполне благоприятные для конкурентоспособности экономики, равномерности регионального развития и качества человеческого потенциала в России. Полученные результаты обогащают знания о реально используемых моделях организации режимов труда в России и могут служить основанием для принятия взвешенных решений по выявлению резервов использования рабочего времени, а также для выработки путей его оптимизации. Продолжить исследования можно в направлении анализа качества занятости при разных режимах часов работы.

Ключевые слова: часы работы, продолжительность времени работы, модели занятости, рынок труда, качество занятости, РМЭЗ-ВШЭ, политика занятости, Россия.

Введение

Сокращение продолжительности времени работы — давно наблюдаемая тенденция в мире [1, с. 14]. Так, среднее рабочее время в странах, данные по которым собирает Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в расчете на одного занятого в год составило в 1970 г. 1960 часов, в 1992 г. — 1851 час и в 2017 г. — 1746 часов¹. Такая тенденция, являясь одним из следствий экономического роста, в первую очередь характерна для стран Запада. В России, напротив, этот показатель имел тенденцию к росту, а после кризиса 2008—2009 гг. наблюдаются его незначительные колебания около уровня 1751 час в год², что соответствует примерно 38 часам работы в неделю³.

В целом динамика продолжительности времени работы обусловлена рядом институциональных факторов. Применительно к России можно отметить некоторые из них. Например, начиная с 1991 г., была законодательно сокращена продолжительность стандартной рабочей

недели (с 41 до 40 часов⁴), увеличена минимальная продолжительность ежегодных оплачиваемых отпусков (с 18 до 24 рабочих дней), появились общенациональные праздничные дни (в начале января и в начале мая), расширен круг работников с льготными режимами рабочего времени (включая неполный рабочий день), добавились административные отпуска и вынужденные переводы на неполное рабочее время [3, с. 16-17]. Помимо перечисленных институциональных факторов фактически часы работы также зависят от экономических и индивидуальных факторов [4, с. 22].

Тематика, связанная с часами работы, имеет особую актуальность в условиях активного обсуждения проблем перехода на 4-дневную рабочую неделю, повышения производительности труда, использования гибких форм занятости. Так, в известных публикациях по рынку труда России исследуются часы работы в расчете на одного занятого в годовом выражении [5; 6; 7]. Часы работы в месяц фигурируют как индикаторы предложения труда при оценке его эластичности по заработной плате [8]. Ряд

¹ OECD, Hours worked (indicator). doi: 10.1787/47be1c78-en (accessed 30.04.2019).

² Там же.

³ Данные ОЭСР по России представляют собой нормативные (а не фактические) часы, отработанные в среднем одним занятым за год (подр. см.: [2]). Расчеты авторов исходят из 46 рабочих недель в год (46 недель = [250 рабочих дней в год — 20 дней оплачиваемого отпуска в году, т. е. 28 дней отпуска — 8 дней, приходящихся на выходные] / 5-дневную рабочую неделю).

⁴ Принцип работы 40 часов в неделю рекомендован МОТ. См. Конвенцию МОТ № 47 «О сорокачасовой рабочей неделе»; Рекомендацию №116 Международной организации труда «О сокращении продолжительности рабочего времени». Движение в сторону 40 часов официально установленной рабочей недели отмечается в большинстве стран мира [Lee et all (eds), 2007].

исследований рынка труда в России исходят из допущения о преобладании в отечественной экономике рабочей недели, соответствующей установленной трудовым законодательством верхней ее границе в 40 часов⁵ [9]. Однако важно понимать фактически складывающуюся ситуацию с часами работы.

В большинстве известных публикаций, в том числе приведенных выше, авторы, как правило, сосредотачиваются на анализе количества рабочих часов. Но одно и то же количество часов можно реализовать при разных режимах рабочего времени, а из этого вытекают, например, разные варианты регулирования и защиты прав работников. Отмеченная лакуна в научных исследованиях определяет новизну данной работы, посвященной именно режимам рабочего времени, включающим одновременно несколько временных параметров занятости (количество часов работы в неделю и день, а также количество рабочих дней в неделю).

Цель статьи состоит в исследовании режимов часов работы на предмет выявления структуры их распределения и детерминант распространения в России. Знания о реально используемых моделях организации режимов труда могут служить основанием для принятия оптимальных решений по выявлению резервов использования рабочего времени и для трансформации понимания критериев стандартной и нестандартной занятости в современных условиях.

В отличие от структуры распределения и детерминант распространения режимов часов работы более изученными оказываются последствия как сверхурочной работы, так и работы с низкой продолжительностью рабочего времени. В исследованиях уже показана их широкая палитра и на микро-, и на макроуровне. Например, для *индивида* оказаться в состоянии неполной занятости означает отсутствие гарантий даже минимальной заработной платы, так как для ее получения необходимо полностью отработать норму рабочего времени⁶. Когда часы работы отклоняются вопреки желанию работника (например, работника отправляют в вынужденный административный отпуск или он не

может найти занятость на полное рабочее время), его занятость ассоциируется с прекарной, для которой характерны низкий уровень социальных прав и гарантий, снижение заработной платы, высокая обеспокоенность вероятностью потерять работу, неудовлетворенность работой в целом [10, с. 9-30]. Присутствие работников с прекаризованной занятостью оказывает влияние на других занятых на предприятии из-за переноса руководящих/обучающих обязанностей на последних или прямой конкуренции за работу между двумя группами [11, с. 24].

С другой стороны, сверхурочные часы работы для индивида сопряжены с проблемами для здоровья (синдром эмоционального выгорания, набор веса, рост потребления алкоголя и курение), рисками травматизма, снижением производительности труда, ростом числа ошибок [12; 13; 14; 15]. Некоторые исследования говорят о проблемах с психическим здоровьем, наступающих при работе свыше 39 часов в неделю [16] и имеющих гендерную специфику [17].

Для *индивида* решение об использовании времени занимает центральное место среди решений, которые он принимает на протяжении всей своей жизни [18, с. 1]. Возможно, именно поэтому низкая удовлетворенность работой как в случае с низкой продолжительностью рабочего времени, так и в случае со сверхурочными часами работы снижает удовлетворенность жизнью в целом [19].

Для *фирмы* продолжительность рабочего времени имеет значение с точки зрения производительности труда, вовлеченности работников и проблем текучести кадров [20]. Например, выпуск продукции не обязательно увеличивается при увеличении часов работы, а во многих отраслях промышленности, напротив, более короткие часы связаны с более высокими показателями производительности в расчете на час [21].

Для *экономики* в целом сокращение рабочего времени во время рецессии является одним из инструментов сдерживания роста безработицы. Наряду с этим, оно оказывается одним из факторов уменьшения валового выпуска продукции. Снижение рабочего времени может свидетельствовать о росте сбалансированности часов работы в экономике, с одной стороны, и о меньшей гибкости адаптационных механизмов рынка труда, с другой стороны.

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации. Ст. 91.

⁶ Там же. Ст. 133.

Высокая значимость часов работы в целом послужила поводом на международном уровне к расширению концепции Достойного труда (Decent work), впервые представленной Международной организацией труда (МОТ) в 1999 г. и реализуемой в том числе в нашей стране. В нее был включен концепт достойного рабочего времени, подразумевающего безопасность для здоровья; баланс «работа - семья»; гендерное равенство; рост производительности труда и возможность работников влиять на их рабочее время⁷ [22].

Указанные выше последствия как сверхурочной работы, так и работы с низкой продолжительностью рабочего времени повышают актуальность предлагаемого исследования структуры распределения и детерминант распространения режимов часов работы.

В следующем разделе приводится статистика, описывающая структуру распределения групп занятых с разной продолжительностью часов работы, а также динамику их распространения. Третий раздел посвящен выявлению на основе регрессионного анализа факторов, оказывающих влияние на вероятность занятости в режиме часов работы, определенном в данной работе в качестве условно-стандартной модели. В четвертом разделе обсуждаются полученные результаты эмпирического исследования. Завершают работу общие выводы и рекомендации.

Общие закономерности распределения занятых по количеству часов работы в России

Сразу оговоримся, что речь пойдет о занятости по основному месту работы. Начнем с *количества фактических часов работы в неделю*. Согласно Российскому мониторингу экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (РМЭЗ-ВШЭ)⁸ — основной для данного исследования репрезентативной базы

⁷ Анализ режимов часов работы в контексте особенностей реализации Концепции в России заслуживает отдельного внимания исследователей.

⁸ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Режим доступа: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>.

микроданных⁹ — наиболее распространенной (типичной) моделью занятости в отечественной экономике является занятость 40 часов в неделю. В 2017 г. она была характерна для 44% всех занятых, в 2001 году¹⁰ — для 37%. Такая динамика свидетельствует о распространении модели занятости с количеством фактических часов работы в неделю, соответствующим принятому на законодательном уровне стандарту.

Для более полного представления о существующей модели занятости по времени работы отметим еще две характеристики занятости, а именно обычную продолжительность рабочего дня и количество дней работы в неделю. Так, согласно данным РМЭЗ-ВШЭ, в 2017 г. для 50% занятых обычным являлся 8-часовой *рабочий день*, который с 2001 г. (46%) стал более распространен. При этом для большинства занятых (56% в 2017 г. и 51% в 2001 г.) была характерна пятидневная *рабочая неделя*¹¹. Этот показатель занятости также продемонстрировал рост¹².

Результаты проведенного корреляционного анализа по данным за 2017 г. демонстрируют сильную положительную связь между количеством фактических часов работы в неделю и обычной продолжительностью рабочего дня ($r = 0,720, p < 0,1$); слабую положительную связь между количеством фактических часов работы в неделю и количеством дней работы в неделю ($r = 0,156, p < 0,1$); умеренную отрицательную связь между обычной продолжительностью рабочего дня и количеством дней работы в неделю ($r = -0,420, p < 0,1$).

⁹ Использование более представительной базы микроданных выборочного обследования рабочей силы Росстата было менее предпочтительно, в том числе из-за длины рядов сопоставимых данных.

¹⁰ Выбор 2001 года в качестве точки отсчета в данном исследовании обусловлен требованиями сопоставимости используемых данных РМЭЗ-ВШЭ.

¹¹ Количество фактических дней работы в неделю рассчитано на основе данных РМЭЗ-ВШЭ по каждому респонденту путем деления средних часов его работы в неделю на среднюю продолжительность его рабочего дня. Способ нахождения данного параметра позволяет в дальнейшем исключить его из анализа модели занятости без критических потерь для результатов данного исследования.

¹² Доля занятых, чья рабочая неделя длится более четырех дней, в 2017 г. составила 79% (в 2001 г. — 83%). Этот показатель представляет повышенный интерес в условиях инициированного Правительством РФ обсуждения проблем возможного перехода на четырехдневную рабочую неделю (<http://government.ru/news/36975/>).

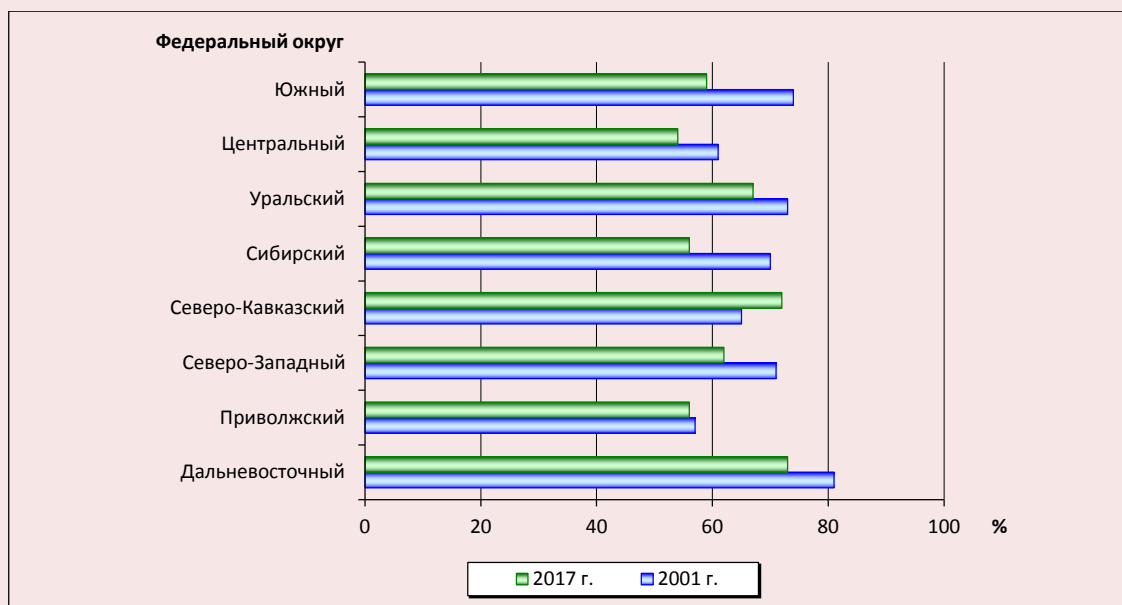
Собранные воедино рассмотренные три параметра позволяют на основе времени работы сконструировать *условно-стандартную модель занятости* в России. Такой оказывается работа 40 часов в неделю в режиме 8-часового рабочего дня в течение пяти дней. Всем параметрам данной модели в полной мере удовлетворяла занятость 41% всех работников в 2017 г., однако занятость большинства (59%) им не соответствовала в той или иной степени.

В региональном срезе ситуация с отклонением от указанного стандарта продолжительности рабочего времени неоднородна (*рисунок*). С 2001 по 2017 г. доля занятых, чей режим работы отклонялся так или иначе от стандарта, снизилась во всех федеральных округах (ФО), за исключением Северо-Кавказского, где эта доля выросла. При этом сократился (с 24 до 19 п.п.), но остался заметным разброс значений этого показателя между округами. Минимальное значение устойчиво фиксируется в Центральном и Приволжском ФО, максимальное – в Дальневосточном ФО.

Для дальнейшего анализа выделим три модели занятости с разными режимами рабочего времени: стандартную, переходную и нестандартную. *Стандартный режим*, напомним, подразумевает 8-часовой день и 40-часовую неделю. *Переходный режим* допускает несоответствие одному из указанных параметров стандарта. К *нестандартному режиму* отнесена занятость, отличающаяся в большую или меньшую сторону от 8-часового рабочего дня и 40-часовой недели.

Динамика распространения в России трех указанных моделей занятости с разными режимами часов работы представлена в *таблице 1*. В течение наблюдаемого временного периода на условиях нестандартного режима было занято больше человек, чем на условиях стандартного. Несмотря на общий вектор распространения стандартной модели, доля занятых на условиях нестандартного режима часов работы остается более высокой. Перераспределение занятых между стандартной и нестандартной моделями происходит на фоне постепенного сворачивания переходного режима часов работы.

Доля занятых с режимом продолжительности рабочего времени, отклоняющимся от стандарта (% от общей численности занятых в федеральном округе)

Источник: составлено по: РМЭЗ НИУ ВШЭ. URL: www.hse.ru/rf/ms/ (дата доступа: 14.05.2019).

Таблица 1. Занятые с разными режимами часов работы, Россия (% от общей численности занятых)

Год	Режим часов работы				Итого
	Стандартный*	Переходный**		Нестандартный***	
		40 часов в неделю	8 часов в день		
2017	41,3	2,8	9,3	46,6	100
2013	40,1	1,9	9,7	48,3	100
2009	36,2	2,3	10,6	51,5	100
2005	38,2	1,8	10,8	49,2	100
2001	34,1	2,6	12,3	50,9	100

Составлено по: РМЭЗ НИУ ВШЭ. URL: www.hse.ru/rlms/ (дата доступа: 14.05.2019).

* Занятость 40 часов в неделю и 8 часов в день.
 ** Занятость либо 40 часов в неделю, либо 8 часов в день.
 *** Занятость больше/меньше 40 часов в неделю в режиме больше/меньше 8 часов в день.

Таблица 2. Структура распределения работников по комбинации фактических часов работы в день и неделю, 2017 г. (% от общей численности занятых)

Количество фактических часов работы в неделю	Количество фактических часов работы в день				
	1–5 часов	6–7 часов	8 часов (стандарт)	9–11 часов	12+ часов
	1–30 часов	4,2	2,0	0,4	0,3
31–39 часов	0,1	7,1	1,1	0,4	2,0
40 часов (стандарт)	0,0	0,4	41,3	1,1	1,3
41–50 часов	0,0	1,2	6,8	6,1	10,6
51–70 часов	0,0	0,0	1,0	3,8	3,3
71+ часов	0,0	0,0	0,0	0,5	4,6

Источник: составлено по: РМЭЗ НИУ ВШЭ. URL: www.hse.ru/rlms/ (дата доступа: 14.05.2019).

Из базы РМЭЗ-ВШЭ следует, что, например, в 2017 г. средняя продолжительность рабочего дня составила 9,5 часа, а рабочей недели – 43,8 часа. Известно, что за средними показателями может скрываться большой разброс значений. В нашем случае это означало бы сильное расслоение групп работников по продолжительности рабочего времени. Для того чтобы продемонстрировать действительную ситуацию, прибегнем к более детальной (по сравнению с выше приведенной) структуре распределения всех работников по комбинациям фактических часов работы в неделю и обычной продолжительности рабочего дня. Такая структура для 2017 г. представлена в *таблице 2*.

К наиболее важным выводам, вытекающим из анализа приведенных в *таблице 2* данных, можно отнести следующие. Во-первых, среди занятых, имеющих отклонения режима рабочего времени от стандартных 8 часов в день и 40 часов в неделю, преобладает группа лиц, у которых продолжительность и рабочего дня, и рабочей недели *превышает* указанный стандарт.

Доля такой укрупненной группы в 2017 г. составила около 30% от общей численности занятых. Отдельное внимание на себя обращает наиболее многочисленная ее подгруппа, а именно занятые с небольшим количеством сверхурочных часов работы в неделю (41–50 часов) и высокой переработкой в день (12 и более часов). Размер этой группы превышает 10% от общей численности занятых. Эту группу формируют примерно в равных пропорциях женщины и мужчины, средний возраст которых чуть больше 40 лет.

Во-вторых, следующая по численности укрупненная группа (13% в общей структуре занятых) – это занятые с отклонениями режима рабочего времени от стандартного *в меньшую сторону*. Представители этой группы работают не более 7 часов в день, а их рабочая неделя длится менее 40 часов. В-третьих, на долю групп с *наименее* (до 5 часов в день и до 30 часов работы в неделю) и *наиболее* (12+ часов в день и 71+ часов работы в неделю) интенсивными режимами рабочего времени приходится около 4,5% в каждом случае. Первую группу

формируют частично занятые¹³, вторую – занятые с высокой переработкой. Эти две группы принципиально отличаются друг от друга по социально-демографическим характеристикам. Типичным представителем первой из них являлись женщины, средний возраст которых около 50 лет. Что касается второй группы, то характерный ее представитель – мужчина, достигший 44 лет.

Дополнительно к приведенному анализу структуры занятых нами проведен анализ *динамики* данной структуры за период 2001–2017 гг., основанный на данных соответствующих волн РМЭЗ-ВШЭ. Следуя общей логике предыдущего блока, отметим ряд ключевых моментов. Во-первых, в части тех занятых, чья продолжительность и рабочего дня, и рабочей недели *превышала* указанный стандарт. Доля этой укрупненной группы в течение 2001–2017 гг. была достаточно стабильной (около 30% от общей численности занятых). Это дает возможность отнести данную группу к устойчивому ядру нестандартной модели занятости.

Наиболее многочисленная ее подгруппа, которой уже было уделено особое внимание, – занятые с небольшим количеством сверхурочных часов работы в неделю (41–50 часов) и высокой переработкой в день (12 и более часов) – расширилась с 8% в 2001 г. до 11% в 2017 г.

Во-вторых, доля занятых с отклонениями одновременно по двум параметрам режима рабочего времени от стандартного *в меньшую сторону* за рассматриваемый период снизилась с 16 до 13%. В-третьих, доли групп с *наименее* (до 5 часов в день и до 30 часов работы в неделю) и *наиболее* (12+ часов в день и 71+ часов работы в неделю) интенсивными режимами рабочего времени едва изменились за рассматриваемый период.

¹³ Статистические, а также юридические подходы к определению частичной (неполной) занятости часто различаются. Согласно данным МОТ, для целей сравнительной статистики к неполной занятости обычно относят работу менее 30 часов или 35 часов в неделю. Юридический подход основывается на Конвенции МОТ №175 «О работе на условиях неполного рабочего времени» (ратифицирована в России в 2016 г.). При этом в ряде стран для неполной занятости установлена верхняя граница в 25 часов или 2/3 от нормального количества часов работы в неделю. См. https://www.ilo.org/global/topics/non-standard-employment/WCMS_534825/lang--en/index.htm (дата обращения: 24.05.19).

Говоря о динамике предложенной в таблице 2 структуры занятых, отметим ее реакцию на кризис 2008–2009 гг. В этот период было зафиксировано снижение распространенности стандартного режима занятости на фоне роста занятости на условиях нестандартного режима часов работы. В последнем случае речь главным образом идет о таком режиме рабочего времени, при котором количество часов работы и в день, и в неделю было ниже стандартного уровня (т.е. 8 часов и 40 часов соответственно). Этот факт является результатом широкого использования в тот период в отечественной экономике таких механизмов адаптации, как административные отпуска, массовые переводы работников на неполное время¹⁴, приводящие к неполной занятости.

Описанные выше общие закономерности распределения занятых по количеству часов работы в России свидетельствуют о высокой диверсификации их структуры. Какие факторы порождают различия в часах работы? Ответ на этот вопрос должен помочь лучше понять, какие факторы важны для формирования общего рабочего времени в экономике.

Показанная неоднородность структуры занятых и ее динамизм диктуют необходимость расстановки исследовательских приоритетов. С этого момента сконцентрируем анализ на получающем все большее распространение стандартном режиме часов работы. Далее будут изучены факторы, которые могут оказывать влияние на вероятность занятости на условиях такого режима часов работы. Целью исследования является подтверждение эмпирическим путем связи работы на условиях 8-часового дня 40 часов в неделю и выборочных факторов. Основная гипотеза состоит в том, что занятость на условиях стандартной модели наиболее вероятна в сферах, где экономическая деятельность осуществляется в рамках нормативно-правового регулирования, в которых легко провести границы и осуществить учет рабочего времени.

Данные, методы и результаты эмпирического исследования

Основной эмпирической базой исследования стали данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья насе-

¹⁴ Более подробно о механизмах адаптации рынка труда в России к кризису 2008–2009 гг. см. [23; 24].

ления НИУ-ВШЭ. Это серия национальных репрезентативных обследований, предназначенных для мониторинга последствий российских реформ на здоровье и благосостояние домашних хозяйств и физических лиц в России. Сведения содержат информацию о занятых и месте их основной работы, достаточную для целей исследования. Для характеристики ситуации на региональных рынках труда привлечены соответствующие показатели по уровню безработицы, публикуемые Федеральной службой государственной статистики (Росстат).

Оценки, основанные на микроданных, дают возможность провести анализ ситуации не только в целом, но и по отдельным группам. Это позволит выявить группы с наибольшей вероятностью занятости на условиях стандартного режима работы (8-часового дня и 40-часовой недели). Выборка РМЭЗ-ВШЭ репрезентативна, что позволяет распространить полученные результаты на генеральную совокупность населения России.

Для анализа взяты последние опубликованные репрезентативные данные 26 волны, собранные в октябре 2017 – феврале 2018 г. Была сформирована выборка из респондентов с признаками занятости в возрасте 15+, которые положительно ответили на вопрос о том, «работают ли они сейчас». Выборка содержит данные по 5071 индивиду.

Цель анализа – выявить связь между выборочными характеристиками (объясняющими переменными) каждого индивида и вероятностью его занятости на условиях стандартного режима часов работы (т.е. 8-часового рабочего дня 40 часов в неделю) по сравнению с контрольной группой.

Для этого использована популярная для подобного рода исследований логит-регрессия¹⁵ зависимости фиктивной качественной переменной y , отражающей состояние занятости (где 1 соответствует занятости на условиях стан-

¹⁵ Для исследований на большой выборке, в которых искомая величина является бинарной, как в нашем случае, использование моделей (логит или пробит) двоичного выбора имеет ряд преимуществ. Например, эти модели лишены недостатка линейной модели, в которой вероятность события может быть больше 1 (что логически неверно). Результаты оценки логит- и пробит-модели расходятся незначительно, что позволяет рассматривать их как альтернативные.

дартного режима часов работы и 0 – занятости на условиях иных режимов часов работы), а также β -коэффициенты, определяющие вклад каждого из выбранных факторов в вероятность оказаться в состоянии занятости в стандартном режиме часов работы.

Помимо основных характеристик, обычно применяемых в традиционных экономических моделях предложения труда, учитывается влияние характеристик со стороны спроса на труд. Будем исходить из того, что решение об участии в рынке труда и решение о количестве рабочих часов являются отдельными не только по логике, но и по времени [25, с. 8]. Объясняющие переменные разделены на три группы: характеристики респондентов, места работы и места проживания (для контроля региональных экономических факторов). Все переменные в модели являются фиктивными и принимают значение 1 или 0.

В итоговый перечень вошли характеристики, отобранные нами с учетом существующей литературы, а также персональных исследовательских интересов. Так, к *индивидуальным* характеристикам респондента отнесены: пол; возраст; национальность; семейное положение; наличие детей до 18 лет; переезд в другую местность за последние четыре года; уровень образования (общее, среднее профессиональное и высшее); профессиональная группа¹⁶ (неквалифицированные рабочие – НКР, квалифицированные рабочие ручного труда – КРРТ, квалифицированные рабочие неручного труда – КРНРТ, работники сферы услуг – РСУ, офисные служащие и по обслуживанию клиентов – ОС, специалисты среднего уровня квалификации и чиновники – ССК, специалисты высшего уровня квалификации – СВК, законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена – ЗЧР; трудовой стаж на текущем месте работы; наличие двух и более мест работы; получение пенсии.

Характеристики *места работы* представлены сектором экономики, размером компании по численности сотрудников, формой собственности, наличием трудового договора.

¹⁶ В соответствии с Международной стандартной классификацией профессий (ISCO-88). URL: <https://www.ilo.org/public/english/bureau/stat/isco/isco88/major.htm> (дата обращения: 20.05.2019).

В группу характеристик *места проживания* включены: регион проживания (Центральный федеральный округ – ЦФО, Северо-Западный – СЗФО, Приволжский – ПФО, Дальневосточный – ДФО, Южный – ЮФО, Уральский – УФО, Сибирский – СФО и Северо-Кавказский – СКФО); численность жителей в населенном пункте и уровень безработицы в регионе проживания респондента по данным Росстата.

Оцениваемая логит-регрессия имеет вид:

$$(\text{logit}(p_{ij}) \equiv \ln(\frac{p_{ij}(y=1)}{1-p_{ij}(y=1)})) = \alpha + \beta X_i, \quad (1)$$

где β – вектор оцениваемых коэффициентов, рассчитанных с использованием метода максимального правдоподобия; p_{ij} – вероятность индивида i с набором характеристик X_j (объясняющих переменных) оказаться в состоянии j (т.е. занятости на условиях стандартного режима часов работы).

Вероятность занятости на условиях стандартного режима часов работы может быть определена следующим образом:

$$p_{ij}(y=1) = \frac{1}{1 + e^{-(\alpha + \beta X_i)}} = \frac{1}{1 + \exp(-(\alpha + \beta X_i))}. \quad (2)$$

Предельное влияние каждой переменной на вероятность занятости на условиях стандартного режима часов работы находится по формуле:

$$\frac{dp_{ij}(y=1)}{dX_i} = p_{ij}(1 - p_{ij})\beta. \quad (3)$$

В *таблице 3* представлены результаты логит-регрессии, с помощью которой была проведена оценка вероятности оказаться занятым на условиях стандартного режима часов работы по сравнению с занятостью на других условиях.

Таблица 3. Факторы занятости на условиях стандартного режима часов работы, 2017 г. (логит-регрессия)

Фактор занятости (объясняющая переменная)	Значение фактора	
	Среднее	Расчетное
Пол		
(1 – женщины)	0,516	0,039
Возраст, лет		
15–19	0,004	п.е.
20–24	0,056	-0,731*
25–34	0,239	-0,272
50–64	0,277	-0,215
65–72	0,027	-0,180
73+	0,007	-2,219**
Национальность		
(1 – нерусский по национальности)	0,104	-0,293**
Семейное положение		
(1 – холост / не замужем)	0,422	-0,103
Наличие детей		
(1 – есть дети младше 18 лет)	0,400	0,009*
Переезд в другую местность		
(1 – да, за последние 4 года)	0,015	-0,447
Уровень образования		
Профессиональное	0,532	-0,012
Высшее	0,339	0,259*
Профессиональная группа		
КРРТ	0,262	0,262
КРНРТ	0,181	-0,708***
РСУ	0,057	0,361*
ОС	0,193	0,212
ССК	0,172	0,270
СВК	0,060	0,322*
ЗЧР	0,003	п.е.
Специфический трудовой стаж		
Менее года	0,138	-0,154
2–5 лет	0,329	-0,139
6–15 лет	0,331	-0,069
26+	0,076	-0,179

Окончание таблицы 3

Фактор занятости (объясняющая переменная)	Значение фактора	
	Среднее	Расчетное
Работа в двух и более местах		
(1 – есть вторая работа)	0,039	-0,281*
Наличие пенсии		
(1 – есть)	0,195	-0,112
Сектор экономики		
Обрабатывающая промышленность	0,158	0,475***
Строительство	0,074	0,638***
Сельское хозяйство	0,041	0,078
Органы управления	0,022	0,928***
Образование, наука, здравоохранение	0,201	-0,276*
Армия, МВД, органы безопасности	0,050	-0,391*
Финансы	0,022	0,706***
Энергетическая промышленность	0,019	0,879***
ЖКХ	0,038	0,869***
Иное	0,063	0,325*
Размер компании		
Микробизнес (не более 15 чел.)	0,285	-0,115
Малый бизнес (16–100 чел.)	0,419	-0,021
Крупный бизнес (более 250 чел.)	0,203	-0,011
Форма собственности		
с государственным участием	0,427	0,250**
иностранная	0,028	-0,261
иная	0,009	-0,877*
Наличие трудового договора		
(1 – есть)	0,918	0,937***
Регион проживания		
СЗФО	0,106	-0,611***
ПФО	0,220	-0,107
ДФО	0,048	-0,856***
ЮФО	0,119	0,023
УФО	0,069	-0,670***
СФО	0,125	0,073
СКФО	0,038	-0,712***
Населенный пункт, численность населения		
Свыше 3 500, но менее 1 000 000	0,587	0,422***
свыше 1 000 000 (кроме Москвы и Санкт-Петербурга)	0,081	0,508**
Москва или Санкт-Петербург	0,108	0,584***
Уровень безработицы в регионе		
(1 – выше среднего по РФ)	0,464	-0,056
Количество наблюдений		3014
Зависимая переменная	0,413	
Точка пересечения		0,393

Источник: рассчитано по: РМЭЗ НИУ ВШЭ. URL: www.hse.ru/rims/ (дата доступа: 14.05.2019).

Примечание: 1. Логит-регрессия рассчитана при условии, что 1 = занятость на условиях стандартного режима часов работы (8-часового рабочего дня 40 часов в неделю), 0 = занятость на условиях иных режимов часов работы;

2. Все переменные являются фиктивными (dummy). Оценки сделаны по отношению к базовому уровню: для женщин сравнение происходит относительно мужчин; для возрастных групп – группа в возрасте 35–49 лет; для холостых/незамужних – женатые/замужние; для имеющих детей в возрасте до 18 лет – лица без совершеннолетних детей; для не русских – русский по национальности; для переехавших на другой место жительства – те, чье место жительства оставалось прежним последние четыре года; для уровня образования – общее образование; для профессиональных групп – неквалифицированные рабочие; для специфического трудового стажа – 16–25 лет; для количества мест работы – работа на одном месте; для получающих пенсию – те, кто не получает никакой пенсии; для сектора экономики – транспорт, связь, торговля; для размера компании – средний бизнес (101–250 чел.); для формы собственности – частная; для трудового договора – его отсутствие; для региона проживания – Центральный федеральный округ; для населенного пункта – пункт, с количеством жителей не более 3500 чел. (т.е. сельская местность); для уровня безработицы в регионе – равный или ниже среднего по стране.

* Обозначает статистическую значимость на уровне p-value $\leq 0,1$; ** – $\leq 0,05$; *** – $\leq 0,01$.

Результаты логистического регрессионного анализа, представленные в таблице 3, можно интерпретировать следующим образом. Среди общих моментов укажем на то, что, во-первых, положительная (отрицательная) расчетная оценка коэффициента при переменной свидетельствует о том, что индивид с соответствующей характеристикой с большей (меньшей) вероятностью оказывается занятым на условиях стандартного режима часов работы по сравнению с тем, у кого данная характеристика отсутствует, и при прочих равных. Во-вторых, более высокий (низкий) расчетный коэффициент при переменной указывает на ее относительно более высокий (низкий) вклад в вероятность индивида оказаться занятым на условиях стандартного режима часов работы. При этом сопоставления расчетных оценок коэффициентов корректны только внутри групп факторов. Что касается содержательной интерпретации расчетных коэффициентов при переменных, то в данном случае она не имеет смысла.

В части содержательной интерпретации результатов регрессионного анализа, представленных в таблице 3, отметим следующее. Начнем с факторов, относящихся к индивидуальным характеристикам респондентов. Так, среди *возрастных групп* вероятность занятости на условиях стандартного режима часов работы максимальна для группы 35–49 лет. Однако более низкие шансы иметь подобную занятость значимы только для групп 20–24 лет и 73+ лет. *Национальная принадлежность* также оказывается значимым фактором. Среди занятых на условиях стандартного режима чаще встречаются русские. Высшее образование снижает риски работы на условиях, отличающихся от стандартного режима часов работы. Факт *квалификации* в целом повышает вероятность иметь работу, соответствующую стандартной модели. Это утверждение в первую очередь справедливо для специалистов высшего уровня квалификации и работников сферы услуг. Заметным исключением здесь являются квалифицированные рабочие неручного труда, имеющие меньше шансов на такую занятость, чем неквалифицированные рабочие.

Теперь рассмотрим результаты, связанные с группой факторов, характеризующих место работы. Наименьшая вероятность работы в усло-

виях стандартного режима отмечается у занятых в бюджетном *секторе экономики* — образовании, науке, здравоохранении, а также в армии и органах безопасности; наибольшая — в органах управления. С точки зрения *формы собственности* риски занятости на условиях нестандартного режима часов работы ниже в компаниях с государственным участием. Наличие *трудового договора* напрямую коррелирует с занятостью в режиме 8-часового дня и 40-часовой недели.

Наконец, представим оценки статистической связи вероятности занятости на условиях стандартного режима часов работы с характеристиками *места проживания*. Так, работа в сельской местности (т.е. населенных пунктах с численностью жителей менее 3500 человек) резко снижает возможности такой занятости, а работа в Москве и Санкт-Петербурге, наоборот, их повышает. Последнее справедливо для работы в Центральном федеральном округе. При напряженной ситуации на региональном рынке труда, сигналом чего, в частности, выступает *уровень безработицы*, превышающий среднее для отечественной экономики значение, возрастают риски работы в условиях, отличающихся от модели занятости со стандартным режимом часов работы. Однако коэффициент при данной переменной оказывается незначимым.

Далее перейдем к обсуждению только что представленных результатов эмпирического исследования.

Обсуждение результатов эмпирического исследования

С позиции изменений, происходящих в экономике в целом и в сфере трудовых отношений в частности, имеет смысл подробнее остановиться на основных факторах занятости на условиях стандартного режима часов работы, оказавшихся значимыми в проведенном регрессионном анализе.

Так, отмечающийся рост занятости населения в компаниях с государственным участием (КГУ) [26, с. 81] повышает вероятность распространения занятости на условиях стандартного режима часов работы. Однако с точки зрения производительности труда такая тенденция скорее снижает конкурентоспособность национальной экономики, поскольку производительность труда в частных компаниях, как правило, выше, чем в КГУ [26, с. 81].

В то же время работа в сферах образования, науки, здравоохранения отрицательно влияет на вероятность занятости на условиях стандартного режима часов работы. Специфика труда в этих сферах образования, науки, здравоохранения проявляется в сложности учета фактически отработанного времени. На фоне отсутствия в трудовом законодательстве четкого регламента в отношении ненормированного рабочего дня это приводит к распространению практик постоянных переработок. Как отмечается в исследованиях, с начала 2010 г. из-за оптимизации (сокращений) наблюдается отток занятых из сфер образования, науки и здравоохранения [27, с. 176-178]. Но что в таком случае скрыто за возможным ростом сбалансированности в использовании часов работы в экономике?

Распространению занятости на условиях стандартного режима часов работы может способствовать общий отрицательный миграционный прирост (иначе, отток) в сельской местности. Регионы, в которых традиционно происходит отток сельского населения, — это Дальневосточный, Сибирский, Северо-Кавказский и Уральский федеральные округа. Наоборот, в европейской части России сельские территории имеют положительный коэффициент миграционного прироста. Это такие федеральные округа, как Северо-Западный, Центральный и Южный¹⁷. То, что хорошо с точки зрения сбалансированности в использовании часов работы, наносит урон потенциалу равномерности развития территории страны.

Как было показано выше, с занятостью в режиме 8-часового дня и 40-часовой недели напрямую коррелирует наличие трудового договора. Другими словами, наличие трудового договора повышает вероятность занятости на условиях стандартного режима часов работы. Анализ фактических данных о распространенности трудовых договоров в России выявляет тенденцию к росту доли работающих без трудового договора [28, с. 38]. Такие работники классифицируются официальной статистикой как неформально занятые. К негативным эффектам

¹⁷ О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2016 году: ежегодный доклад по результатам мониторинга: науч. изд. М.: Росинформгрупп, 2018. Вып. 4. С. 66. URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/6b7/6b7f34d43ecf21d7ff997df5fe956ef0.pdf> (дата обращения: 10.05.2019).

неформальной занятости относится целый комплекс последствий, начиная со снижения определенности в трудовых отношениях и заканчивая ростом дифференции доходов населения¹⁸. Отмеченное распространение неформальной занятости снижает потенциал распространения занятости на условиях рассматриваемого стандартного режима часов работы. Не способствует распространению и сохраняющаяся на высоком уровне дифференциация регионов нашей страны по масштабам распространения неформальной занятости.

Таким образом, рассмотренные результаты исследования в целом подтверждают основную гипотезу исследования о том, что занятость на условиях рассматриваемой стандартной модели наиболее вероятна в сферах, где экономическая деятельность осуществляется в рамках нормативно-правового регулирования, в которых легко провести границы и осуществлять учет рабочего времени.

Для того чтобы проверить устойчивость полученных результатов, необходимо воспроизвести предложенный нами анализ на данных за более длительный временной период. В этой работе такая задача не стояла, однако ее можно попытаться реализовать в дальнейших исследованиях.

Выводы

В статье проведено исследование фактической ситуации, складывающейся с часами работы в России. На основе рассмотрения частоты, с которой встречается каждый из трех временных параметров занятости (количество часов работы в неделю и день, а также количество рабочих дней в неделю) среди работников, сконструирована условно-стандартная модель занятости в России. Такой оказывается работа 40 часов в неделю по 8 часов в день в течение пяти дней.

При сохраняющейся неоднородности региональных тенденций условно-стандартная модель продолжает распространяться, но пока не стала преобладающим режимом часов работы. Доля занятых с отклонениями от стандарта минимальна в Центральном и Приволжском федеральных округах, максимальна — в Дальневосточном.

¹⁸ Подробно о рисках и последствиях неформальной занятости см. [28].

Если говорить о циклической динамике модели занятости со стандартным режимом часов работы, то масштабы ее распространения в экономике во время кризисов скорее снижаются (что показано на примере кризиса 2008–2009 гг. в России).

На основе регрессионного анализа микро-данных РМЭЗ-ВШЭ определены факторы, повышающие вероятность занятости на условиях рассматриваемого стандартного режима часов работы. Установлено, в частности, что вероятность такой занятости выше в случае наличия трудового договора, в компаниях с государственным участием, для жителей несельской местности, для занятых в органах управления. Такая вероятность оказывается ниже в секторах (в том числе в образовании, науке, здравоохранении), где существуют сложности установления границ и учета фактически отработанного времени. Как следствие, в этих секторах широко не используется почасовая оплата труда.

Распространение модели занятости со стандартным режимом часов работы противоречиво по своим последствиям. С одной стороны, оно

говорит о росте сбалансированности в использовании часов работы, за которым, однако, стоят процессы, не вполне благоприятные для конкурентоспособности экономики, равномерности регионального развития и качества человеческого капитала.

Полученные результаты обогащают знания о реально используемых моделях организации режимов труда в России для исследователей и практиков. Они могут служить основанием для принятия взвешенных решений по выявлению резервов использования рабочего времени, а также для выработки путей его оптимизации (за счет или сокращения количества рабочих часов в день, или сокращения количества рабочих дней в неделю, или за счет гибких режимов рабочей недели и рабочего времени).

В целом статья показывает, что стандартная занятость, о разрушении которой часто говорят, сохраняется, а полученные результаты могут быть основанием для трансформации понимания критериев стандартной и нестандартной занятости в современных условиях и закрепления их в нормативных актах.

Литература

1. Boulin J.-Y., Lallement M., Messenger J.C., Michon F. (Eds.). *Decent Working Time: New Trends, New Issues*. Geneva, International Labour Office, 2006. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_071859.pdf (accessed: 10.05.2019).
2. Зайцев А.А. Межстрановой анализ отраслевой производительности труда в 1991–2008 годах. М.: Институт экономики РАН, 2014. URL: https://inecon.org/docs/Zaytsev_paper_20140424.pdf (дата обращения: 15.05.2019).
3. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда: препринт WP3/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с. URL: https://www.hse.ru/data/2010/05/04/1216408139/WP3_2005_05.pdf (дата обращения: 10.05.2019).
4. Lee S., McCann D., Messenger J.C. *Working Time Around the World: Trends in Working Hours, Laws and Policies in a Global Comparative Perspective*. Routledge, 2007. 220 p.
5. *OECD Reviews of Labour Market and Social Policies. Russian Federation 2011*. OECD Publishing. Available at: <http://www.oecd.org/pensions/public-pensions/oecdreviewsoflabourmarketandsocialpoliciesrussianfederation.htm> (accessed: 20.02.2018).
6. Benczúr P., Rátfai A. Economic fluctuations in Central and Eastern Europe: the facts. *Applied Economics*, 2010, vol. 42, no. 25, pp. 3279–3292.
7. Gimpelson V., Kapeliushnikov R. Labor market adjustment: is Russia different? In: Alexeev M., Weber Sh. (Eds.). *The Oxford Handbook of the Russian Economy*. 2013. Available at: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199759927.001.0001/oxfordhb-9780199759927-e-012> (accessed: 14.03.2019).
8. Клепикова Е. А. Эластичность предложения на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2016. № 9. С. 111–128.
9. Ларин А.В., Максимов А.Г., Чернова Д.В. Эластичность предложения труда по заработной плате в России // Прикладная эконометрика. 2016. № 41. С. 47–61.
10. Занятость и социальная прекарнизация в России: введение в анализ: монография / В.Н. Бобков, О.В. Вередюк, Р.П. Колосова, Т.О. Разумова. М.: ТЕИС, 2014. 96 с.

11. Quinlan M. Precarity and workplace well-being: a general review. In: Nichols T., Walters D. (Eds.). *Safety or Profit? International Studies in Governance, Change and the Work Environment*. Routledge, 2017.
12. *Workplace Stress: A Collective Challenge*. ILO, 2016. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---safework/documents/publication/wcms_466547.pdf (accessed: 14.03.2019).
13. Salminen S. Shift work and extended working hours as risk factors for occupational injury. *The Ergonomics Open Journal*, 2010, no. 3, pp. 14–18.
14. Collewet M., Sauermann J. *Working Hours and Productivity. IZA Discussion Paper №10722*. 2017. Available at: <https://newsroom.iza.org/en/archive/research/do-longer-working-hours-decrease-performance/> (accessed: 14.03.2019).
15. *Overtime and Extended Work Shifts: Recent Findings on Illnesses, Injuries, and Health Behaviors. DHHS (NIOSH) Publication No. 2004-143*. U.S. Department of Health and Human Services. Available at: <https://www.cdc.gov/niosh/docs/2004-143/pdfs/2004-143.pdf> (accessed: 14.03.2019).
16. Dinh H., Strazdins L., Welsh J. Hour-glass ceilings: work-hour thresholds, gendered health inequities. *Social Science and Medicine*, 2017, vol. 176, pp. 42–51.
17. Otterbach S., Wooden M., Fok Y.K. *Working-Time Mismatches and Mental Health. IZA Discussion Paper No. 9818, March 2016*. Available at: <http://ftp.iza.org/dp9818.pdf> (accessed: 14.04.2019).
18. Hamermesh D.S. *Workdays, Workhours, and Work Schedules: Evidence for the United States and Germany*. Kalamazoo, Michigan: W.E. Upjohn Institute for Employment Research, 1996. 173 p.
19. Вередюк О. В. Качество занятости молодежи в России: анализ оценок удовлетворенности работой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 306–323. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.16.
20. Kodz J. et al. *Working Long Hours: A Review of the Evidence. Volume 1 – Main report. Employment Relation research series No. 16, 2003*. Available at: https://www.employment-studies.co.uk/system/files/resources/files/errs16_main.pdf (accessed: 14.04.2019).
21. Golden L. *The Effects of Working Time on Productivity and Firm Performance: a Research Synthesis Paper*. Geneva: ILO, 2012. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_187307.pdf (accessed: 14.05.2019).
22. Messenger J.C. (Ed.). *Working Time and Workers' Preferences in Industrialized Countries: Finding the Balance*. London and New York, Routledge, 2004. 231 p.
23. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения: доклад Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и Лаборатории исследований рынка труда (ЛИРТ) НИУ ВШЭ / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшников, С. Рошина. М., 2017. 148 с.
24. Варшавская Е.Я. Российский рынок труда и экономический кризис 2008–2009 гг.: время упущенных возможностей? // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2012. № 3. С. 91–96.
25. Killingsworth M. R. *Labor Supply*. Cambridge University Press, New York, 1983. 493 p.
26. Абрамов А., Радыгин А., Чернова М. Компании с государственным участием на российском рынке: структура собственности и роль в экономике // Вопросы экономики. 2016. № 12. С. 61–87.
27. Рой О. М. Об основных тенденциях занятости в бюджетном секторе Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2018. № 1 (61). С. 173–181. DOI: 10.25513/1812-3988.2018.1.173-181.
28. Вередюк О. В. Неформальная занятость: структура и факторы риска в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2016. Вып. 4. С. 33–48. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.402.

Сведения об авторах

Вячеслав Николаевич Бобков – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: bobkovvn@mail.ru)

Олеся Васильевна Вередюк – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; e-mail: o.veredyuk@spbu.ru)

Bobkov V.N., Veredyuk O.V.

Working Hours in Russia: Employment Models and Choice Factors

Abstract. The paper classifies and investigates working hours in order to identify the structure of their distribution and factors determining their distribution in Russia. Assessment of the situation regarding working time is relevant in conditions of non-standard employment when it is necessary to search for ways to improve productivity. Our article adds to well-known publications that focus on the analysis of working hours and miss the important point that the same number of working hours can be implemented under different working time schemes, which entails, for example, different options for regulation and protection of employees' rights. We design a conventional standard model of employment in Russia based on the frequency of occurrence of each of the three time parameters of employment (the number of working hours per week and per day, and the number of working days per week). We find out that this model represents a 40-hour work week with 5 working days and 8 working hours per day. According to the regression analysis of the microdata of the Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE), we identify factors that increase the probability of employment under this model, namely: availability of an employment contract, work in companies with state participation, employment in management bodies. While regional trends remain heterogeneous, the conventional standard model continues to spread, but it has not yet become the predominant model of working hours. We show that the growth of balance in the use of working hours is accompanied by processes that do not contribute to economic competitiveness, evenness of regional development and the quality of human potential in Russia. The results we obtain enrich the knowledge about the actual working time schemes used in Russia and can serve as a basis for making substantiated decisions to identify the reserves of working time and find ways to optimize it. Further research can analyze the quality of employment under different working hours.

Key words: working hours, working time, employment models, labor market, quality of employment, RLMS-HSE, employment policy, Russia.

Information about the Authors

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of laboratory, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: bobkovvn@mail.ru)

Olesya V. Veredyuk – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor at department, Saint Petersburg State University (7–9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: o.veredyuk@spbu.ru)

Статья поступила 07.08.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.8

УДК 316.346.32-053.9, ББК 60.542.18

© Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О.

Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения

**Ирина Андреевна
ГРИГОРЬЕВА**

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191024, Смольный проезд, д. 1/3
E-mail: soc28@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8348-2954; ResearcherID: N-2772-2013

**Юлия Викторовна
УХАНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ukhanova4@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7307-9520; ResearcherID: Q-7225-2017

**Елена Олеговна
СМОЛЕВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: riolenas@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-6452-1441; ResearcherID: I-8343-2016

Для цитирования: Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 124–140. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.8

For citation: Grigor'eva I.A., Ukhanova Yu.V., Smoleva E.O. Transformation of social policy in Russia in the context of population ageing. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 124–140. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.8

Аннотация. В статье изложена точка зрения авторов на состояние современной социальной политики в России, формирующейся под влиянием процессов старения населения. Актуальность исследования связана с неизбежными изменениями демографической ситуации и возрастанием роли пожилых в социально-экономической жизни. Целью работы является изучение особенностей социальной политики в России в контексте старения населения. Новизна работы заключается в осмыслении возможностей социальной группы «пожилые» как ресурса общества. Основными методами стали анализ нормативно-правовых актов различного уровня, статистических и демографических данных, результатов социологических опросов ВолНЦ РАН, контент-анализ материалов вебсайтов. Исследование проводилось как на общероссийском уровне, так и на региональном (на примере Вологодской области). Выявлены тенденции переориентации социальной политики в России в сторону более широкой трактовки старения и применения концепции активного долголетия. Однако значения индексов активного долголетия для РФ по сравнению с европейскими странами низкие. По данным социологических опросов, пожилое население региона, к которому отнесены граждане старше 60 лет, характеризуется сохранением ценностей активной, деятельной жизни, а состояние здоровья не является для многих сегодняшних пенсионеров препятствием для продолжения трудовой деятельности. Показано развитие взаимодействия между государством, гражданским обществом и гражданами в современной социальной политике. Установлена территориальная неравномерность развития сектора деятельности НКО, нацеленного на решение социальных проблем граждан старшего возраста. Представлены авторские предложения по обновлению социальной политики в стране в условиях старения населения.

Ключевые слова: старение, активное долголетие, занятость, социальное обслуживание пожилых, межсекторное взаимодействие.

Введение

В последние десятилетия в России в условиях глубоких социально-экономических, политических и идеологических трансформаций актуализируются вопросы совершенствования управления социальными процессами. В этой связи возникает необходимость переосмысления существующей социальной политики. По мнению исследователей, одним из приоритетных направлений её развития в российском обществе является переход от социально-демократической модели, для которой характерны развитая система социальных услуг и служб для различных групп населения, к либерализации социальной сферы с попытками внедрения адресной формы поддержки малообеспеченных.

В рамках интегрального подхода под «социальной политикой» понимается взаимодействие государства, бизнеса и гражданского общества по согласованию интересов различных социальных групп и регионов для достижения социального мира [1]. Другие авторы также подчеркивают деятельность различных общественных институтов в сфере здравоохранения,

образования, социального обеспечения и защиты по согласованию интересов различных социальных групп при распределении ресурсов [2, 3, 4]. Таким образом, во-первых, социальную политику необходимо рассматривать сквозь призму разрешения противоречий как между социальными интересами общества в целом, так и его отдельными группами и разными регионами. Во-вторых, акторами современной социальной политики выступают не только государство, но и бизнес и структуры гражданского общества. Следует заключить, что идет переход от советской, патерналистской, монополюльно-государственной модели к трехсекторной (государство, бизнес и гражданское общество), предложенной когда-то В. Корпи и развитой в популярной книге Г. Эспин-Андерсена [5].

Взаимодействие перечисленных акторов рассматривается в контексте «межсекторного социального партнерства» как конструктивного сотрудничества при решении социальных проблем двух или трех секторов (государство, бизнес, общественный сектор – НКО), выгод-

ного населению территорий и каждой из сторон в связи с объединением ресурсов [6, 7]. Стронники различных теоретических концептов («общественно-государственного партнерства» [8], «непрямого государственного управления» [9], «сопроизводства» [10]) приходят к единому мнению, что участие общества в качестве партнера государства в создании социальных благ и услуг привлекает для реализации социальной политики дополнительные ресурсы и одновременно дает возможность населению для самореализации. Однако следует признать, что на практике государству и общественным институтам (а именно НКО) зачастую не хватает взаимного доверия, готовности к системному сотрудничеству. Монополия на ресурсы создает неравную конкуренцию между государственными/муниципальными учреждениями и некоммерческими организациями при производстве социальных услуг за счет бюджетных средств.

Целью работы является изучение общих особенностей социальной политики в России в контексте старения населения. При этом на данном этапе исследование ограничивается рассмотрением двух важнейших акторов в обозначенной сфере — государства и структур гражданского общества.

Методология исследования

В изучении социальной политики (social policy study) неизбежно присутствует межстрановое и внутристрановое межрегиональное сравнение как основной метод анализа. Мы используем сравнительно-правовой и другие варианты сравнительного подхода, поскольку эмпирическая основа исследования включает как вторичный анализ демографических и социологических данных из различных источников, так и результаты исследования, непосредственно проведенного в Вологодской области.

Информационная база исследования — нормативно-правовые акты различного уровня, статистические данные Федеральной службы государственной статистики, материалы веб-сайта Фонда президентских грантов, а также аккаунтов некоммерческих организаций в социальных сетях. Важным источником информации послужили результаты социологических опросов Вологодского научного центра РАН (далее ВолНЦ РАН). Репрезентативность получаемой социологической информации обе-

спечивается использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения. Ошибка выборки не превышает 3%. Метод измерения: анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности: 1500 человек в возрасте от 18 лет и старше. Техническая обработка информации произведена в программе SPSS.

Старение: теории, факты, прогнозы

В понятие «старение населения» исследователями чаще всего вкладывается демографический смысл: увеличение численности пожилого населения [11], сдвиг возрастной структуры к старшим возрастам [12], а также повышение среднего и медианного возрастов [13, 14].

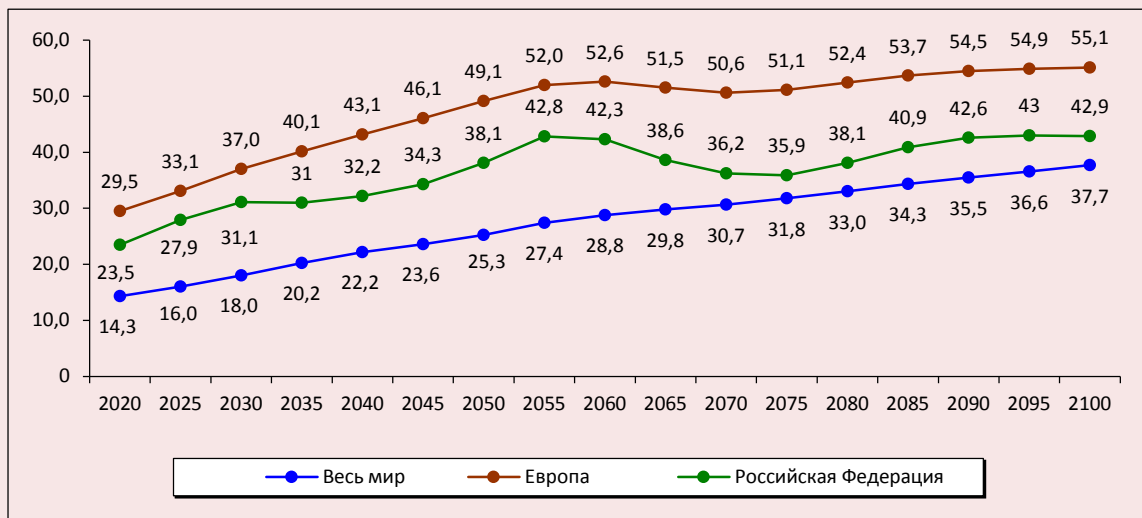
Как уже отмечалось, фундаментальной причиной старения населения является взаимодействие двух вековых трендов — возрастающей продолжительности жизни (вследствие снижающейся смертности) и падающей рождаемости. Вклад снижающейся рождаемости и снижающейся смертности в процесс старения населения не одинаков, как не одинаковы и возможности компенсации негативных эффектов, которые они могут породить.

За 50 лет (с 1950 по 2000 г.) численность пожилого населения в мире увеличилась практически втрое (с 205 до 600 млн. чел.). Если взгляды на границы пожилого возраста не изменятся, то за следующие 50 лет она вновь утроится и составит к 2050 г. 2 млрд. человек. Медианный возраст населения мира в середине прошлого века не достигал 24 лет, в 2020 г. он составит 31 год, к 2050 г. поднимется до 36, а к концу века (2100 г.) — до 42 лет. В 1950 г. медианный возраст для населения России практически совпадал с общемировыми данными — 24,3 года. Однако по демографическим прогнозам процессы старения в стране пойдут более быстрыми темпами: медианный возраст изменится от 40 лет в 2020 г. до 42 к 2050 году; в 2100 году он составит 44,5 года¹.

Прогноз изменения коэффициента зависимости от старости (отношение численности населения в возрасте 65+ к численности населения в возрасте 15–64) для России хотя и более благоприятен с точки зрения темпов старения,

¹ Данные World Population Prospects за 2019 год. Мы использовали данные среднего сценария демографического прогноза ООН. URL: <https://population.un.org/wpp/>

Рис. 1. Прогноз изменения коэффициента зависимости от старости (возраст 65+ / возраст 15–64)

Источник: [World Population Prospects, 2019], средний вариант прогноза.

чем для Европы, но в то же время опережает общемировые темпы (рис. 1).

Однако неправильно было бы ограничивать рассмотрение старения населения рамками статистических данных и демографическим подходом. Ведь, как будет показано далее, сдвиг институциональных границ пожилого возраста может изменить демографическую картину, созданную при помощи коэффициентов зависимости/поддержки. В современной статистике граница между детством и взрослостью варьируется, составляя или 15, или 20 лет, а граница между зрелостью и старостью – 60 или 65 лет.

Приоритетное значение имеют возрастные рамки, установленные пенсионным законодательством каждой страны. Данные российских социологических исследований обозначали границы пожилого возраста в соответствии с пенсионным законодательством: 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. В то же время реализация концепции активного долголетия может подвинуть возрастные границы старости и за пределы 65 лет. С этим мнением согласны и медики, и экономисты: шкалы, разработанные в 1950-х годах для интерпретации коэффициента старения населения (наиболее распространенные – шкала Ж. Боже-Гарнье–Э. Россета и шкала ООН), требуют ревизии. Проведенные В.А. Черешневым, Е.В. Чистовой по авторской

методике расчеты демографического старения населения России в региональном разрезе с учетом уровня, глубины, факторов и скорости старения показали, что лишь 60% субъектов Российской Федерации имеют старое и глубоко старое население [12, с. 2208–2210]. Если проводить региональные замеры по шкале ООН, то население в 93% субъектов относится к старому.

Чтобы понять границы возраста реальной старости, необходимо объединить сведения о биологическом, психологическом и социальном аспектах процесса старения. Мы подробно рассмотрим социологические теории старения, дополнив их данными психологических и экономических концепций.

Первую группу теорий объединяет отношение к старению как к процессам разобщения и отчуждения. По мнению сторонников теории социального освобождения (от англ. disengagement), процесс старения характеризуется разрывом между личностью и обществом, ухудшением качества социальных связей, которое происходит по причине уменьшения биологических и психологических ресурсов человека. Отчуждение происходит на качественном уровне путем принудительного выхода на пенсию, снижения социальной активности, смерти ровесников, сепарации детей и т. п., и этот процесс неизбежен [15, с. 211]. Поэтому к старе-

нию (читай — отчуждению) должен готовиться и сам человек, и общество, чтобы его функционирование сохраняло стабильность. Поддерживают данный подход и психологические концепции старения, в которых стадия жизненного пути, связанная с пожилым возрастом, характеризуется утратой жизненно важных целей, препровождением времени (теория интенциональности Ш. Бюлер), стремлением к уединению, переживанием потерь, сокращением жизненного пространства, интегративной оценкой всей прожитой жизни (эпигенетическая теория Э. Эриксона). Данный подход подвергался критике за формирование политики безразличия к проблемам пожилых людей, так как человека, стремящегося к уединению, нет необходимости интегрировать обратно в общество.

Стремлением отделить пожилых людей от остального общества также отличаются концепции маргинальности и субкультуры старости, возрастной стратификации. По мнению сторонников данных теорий, старые люди пассивны, маргинальны, социально и психологически зависимы, а развитие сети социальных услуг, предоставляемых престарелым, усиливает тенденцию к формированию из них субкультурных групп [16]. Поэтому социальное государство должно разрабатывать специальные программы для оказания поддержки и заполнения досуга старых людей, тем самым поддерживая чувства неуверенности и неполноценности. Действия общества и государства в отношении престарелых носят негативно-превентивный характер: профилактика болезней, смягчение изоляции и т.п.

Вторая группа теорий отталкивается от необходимости и возможностей сохранения в пожилом возрасте активной жизненной позиции и значимой для общества социальной роли, ответственности за собственную личность, физическое и психическое здоровье. Считается, что социальная активность пожилых людей замедляет процесс старения и улучшает качество жизни [17; 18]. Однако сторонники этой теории допускали высказывания, свидетельствующие о действии стратификационных и отчуждающих процессов в отношении пожилых людей: «необходимость интеграции в общество», «не поддаваться возрастным стереотипам». Тем самым косвенно подтверждалось, что социальная активность в старости скорее исключение, чем

правило. Соответственно социальная политика уже будет иметь вектор создания возможностей для проявления активности пожилого человека в жизни общества. Насколько концепция активной и успешной старости реализуется сегодня в российском обществе, нам еще предстоит исследовать.

Третье направление в теоретической геронтологии представлено концепцией непрерывности нормального старения, которая гласит, что пожилые люди обычно будут поддерживать ту же активность, поведение, отношения, что и в ранние годы жизни, адаптируя стратегии, связанные с их прошлым опытом [19].

Отдельная группа концепций старения затрагивает проблемы распределения ресурсов и социальных услуг [14]. У пожилых людей ограничен доступ к большинству социальных ресурсов, особенно если они имеют невысокие доходы. С точки зрения экономических подходов к проблеме старения, как отмечает Р. Капелюшников, внимание исследователей сосредоточено в основном на узкопрагматических аспектах этого процесса (повышение пенсионного возраста, дефицит средств ПФР и т. п.). Вместе с тем применяемые в анализе коэффициенты демографической зависимости (или поддержки), измеряющие величину экономического бремени, налагаемого на работающую часть населения, не являются действительным отражением данных процессов. В поле зрения ученых должны попадать коэффициенты не только демографической, но и экономической зависимости [14, с. 53]. Тем более что пожилое население становится и более многочисленным, и заметно более здоровым: люди начинают сталкиваться с серьезными заболеваниями, во-первых, позже и, во-вторых, с меньшим их числом [20], тем самым дольше сохраняя социальную и в том числе трудовую активность.

Важно подчеркнуть, что общество нуждается в подтверждении того, что старение не риск и не кризис, а гуманитарная победа. А пессимизм в отношении собственного старения и занятости скорее всего укорачивает жизнь [21].

Социальная политика и активное долголетие

Концептуальным документом в России, определяющим обновление философии и практики ухода за пожилыми и помощи им, следует назвать «Стратегию действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федера-

ции до 2025 года»². Пожилые названы в Стратегии «старшим поколением», без привычных рассуждений об их нужде и слабости; увеличена возрастная граница начала «старшего возраста», который согласно документу начинается с 60 лет как для женщин, так и для мужчин (в соответствии с начавшейся Пенсионной реформой эта граница отодвинется к 2028 году для мужчин до 65 лет)³.

Тем самым в стратегических целях предусмотрено уменьшение возрастной и устранение гендерной дискриминации, что, однако, не характерно для последующих документов. Свое продолжение тема старшего поколения получила в Указе Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁴ и, как следствие, в Национальном проекте «Демография»⁵. Две из девяти поставленных Указом №204 национальных целей развития на период до 2024 г. в той или иной степени касаются качества жизни старшего поколения: (1) повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 г. — до 80 лет); (2) обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции.

Кроме национальных целей развития, обозначенных в данном Указе Президента, важно отметить ряд целевых показателей второго уровня, зафиксированных в национальном проекте «Демография» и прямо характеризую-

щих динамику потенциала активного долголетия: (1) увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) до 67 лет; (2) снижение смертности населения старше трудоспособного возраста до 361 чел. на 10 тыс. чел. населения соответствующего возраста; (3) повышение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 55,0%.

Вместе с тем остается неочевидным, что данные показатели могут быть достигнуты, поскольку и ожидаемая продолжительность здоровой жизни, и снижение смертности — это высокоинерционные процессы. В условиях нестабильности в сфере занятости населения, низкой зарплаты и низкой пенсии, а также неэффективной медицины ожидать улучшения данных показателей утопично, хотя официальный курс российского правительства нацелен на выявление дополнительных возможностей для активной и полноценной жизни после выхода на пенсию.

Происходит переориентация социальной политики в сторону более широкой трактовки старения и комплексной оценки его возможных последствий, заложенных в концепции активного долголетия (active ageing). Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) «активное долголетие» — это оптимизация возможностей в области здоровья, социального участия в жизни общества и безопасности для улучшения качества жизни людей в процессе старения⁶. Активное долголетие подразумевает более полное использование потенциала пожилых людей, особенно квалификационного (трудового) и потенциала социального участия.

В мировой исследовательской практике одним из инструментов выявления проблем старения выступает индекс активного долголетия (ИАД), с помощью которого измеряется неиспользованный потенциал пожилых людей для активного и здорового долголетия по странам [22]. Выявлено, что в 2010–2012 гг. Россия занимала 18-е место из 28 стран ЕС (плюс Россия) в рейтинге по значению ИАД, т.е. находилась в его середине, опережая большинство восточноевропейских стран и отдельные страны Южной

² Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р; О плане мероприятий на 2016–2020 годы по реализации первого этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 05.11.2016 № 2539-р.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 01.07.2019).

⁴ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038>. (дата обращения: 01.07.2019).

⁵ Национальный проект «Демография». Паспорт. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 01.07.2019).

⁶ Active Ageing: A Policy Framework. WHO, 2002. URL: http://www.who.int/ageing/active_ageing/en/

Европы. С 2014 г. Россия находится в последней пятерке данного рейтинга. При сравнении показателя ИАД для России и стран ЕС исследователи делают вывод, что одной из ключевых проблем активного долголетия в России являются низкая продолжительность жизни и плохое состояние здоровья, в том числе психологического. Кроме того, к негативным сторонам активного долголетия в России относят низкую общественную активность и слабые социальные связи [23].

В целом следует отметить, что снижение значения ИАД в России говорит об ухудшении реализации потенциала для активного долголетия пожилых людей, что свидетельствует о необходимости применения новых инструментов социальной политики. Вместе с тем активное долголетие предполагает не только развитие социальной политики, но и заинтересованное участие самих пожилых в построении своих жизненных планов.

В этой связи интерес представляет рассмотрение ценностей, которые имеют наибольшую значимость для старшего населения.

Как показывают данные социологических измерений ВолНЦ РАН, в пожилом возрасте сохраняются основные ценности, а именно здо-

ровье, благополучие семьи, высокое материальное положение, любовь, личное благополучие. Однако первые две категории имеют ценность для значительно большего числа людей независимо от возраста, хотя ценность здоровья с возрастом увеличивается (на 12 пп. по сравнению с общей выборкой; табл. 1). В старших пожилых группах снижается ценность семейного благополучия и высокого материального положения, но возрастает значение в жизни духовности (на 5 пп. по сравнению с общей выборкой).

Следует подчеркнуть, что для людей предпенсионного и пенсионного возраста активная, деятельная жизнь занимает среди значимых ценностей достаточно высокое место в рейтинге (не ниже, чем для всего населения региона). При этом ценность «служения людям» весьма низка как у пожилых, так и у населения в целом, т.е. активная жизнь направлена на индивидуальные и, возможно, семейные цели и ценности, а не на социальное служение.

Запросы граждан в отношении государства постоянно растут. Это связано как с риторикой самого российского социального государства, так и с информационной открытостью современной России. В этой ситуации население и социальные службы упражняются в изобре-

Таблица 1. Ценности населения Вологодской области (в % от числа опрошенных, N=1500)

Показатели	50–59 лет		Старше 60		Население Вологодской области	
	%	рейтинг	%	рейтинг	%	рейтинг
Здоровье (физическое и психическое)	75	1	76	1	63	1
Благополучие семьи	68	2	58	2	62	2
Высокое материальное положение	31	3	25	4	35	3
Любовь	22	5	23	5	34	4
Личное благополучие	24	4	26	3	29	5
Наличие хороших и верных друзей	11	7–8	18	6	16	6
Активная, деятельная жизнь (интересная и творческая работа, эмоциональная насыщенность жизни)	15	6	15	7	12	7
Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)	11	7–8	8	9	9	8
Духовность	10	9–10	13	8	8	9–10
Высокий общественный статус	7	11	6	11–12	8	9–10
Понимание со стороны окружающих	10	9–10	7	10	7	11
Самостоятельность, независимость в суждениях и поступках	6	12	6	11–12	6	12
Приятное и необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей	3	13	5	13	3	13
Безвозмездное служение людям	1	14	2	14	1	14

Источник: социологический опрос ВолНЦ РАН, 2018 г.

нии позитивно-дискриминирующих характеристик, дающих определенные права и снимающих вопросы о взаимных обязательствах или ответственности граждан любого социального статуса за самих себя.

Но все большую роль в организации жизни общества может играть человек-институт, т.е. незаурядная и масштабная личность с собственным взглядом на мир и экономически относительно независимая от государства. Однако российская социальная политика, преемница советской, не учитывает сложившиеся новые формы социальной жизни [1]. В новых реалиях запросы человека и общества в целом к государству при производстве социальных благ и услуг меняются: граждане всё отчётливее осознают себя налогоплательщиками, которые финансируют государство, чтобы оно удовлетворяло их нужды, и всё чаще видят в нём не очень добросовестного исполнителя своих запросов [6].

Пенсионная реформа как мера современной социальной политики

Процессы старения и рост числа пожилых неразрывно связаны с вопросом, кто и как будет их содержать, когда они уже не смогут или не захотят работать. Причем этот вопрос стоит не только в России, но в самых успешных социальных государствах [24]. В условиях старения населения рано или поздно возникает острая необходимость либо в повышении пенсионного возраста, чтобы искусственно увеличить численность занятых в экономике, либо в повышении ставки страховых взносов [25]. Однако в России значительная часть экономики находится «в тени», т.е. социальные отчисления с «теневых» предприятий не собираются. В такой ситуации повышать ставку взносов бесполезно, важнее «отбелить» ушедшие «в тень» предприятия. Но для этого нужно повысить доверие к государству, которое само не дает для этого ос-

нований. Поэтому одним из самых популярных способов адаптации социальной политики к старению населения в большинстве стран является изменение параметров пенсионной системы (а именно увеличение трудового стажа или возраста выхода на пенсию).

При проведении пенсионной реформы наиболее актуальны проблемы состояния здоровья населения пенсионного возраста, а также обеспечения рабочими местами представителей старшего поколения.

Ряд исследователей отмечает, что российское население характеризуется плохим состоянием здоровья и с достижением пенсионного возраста происходит утрата его работоспособности [26; 27]. Другие авторы, напротив, доказывают, что реальный мотив негативного отношения населения к повышению пенсионного возраста — не состояние здоровья и усталость, а возможность раннего начала периода «двойных выплат» — пенсии и заработной платы одновременно [28].

Данные опросов подтверждают ухудшение субъективных оценок собственного здоровья в пожилом возрасте. Если в период с 50 по 59 лет каждый шестой житель Вологодской области оценивает свое здоровье как плохое или очень плохое, то среди лиц старше 60 лет подобного мнения придерживается уже каждый четвертый (табл. 2).

Представители старших возрастных групп чаще говорят о своих болезнях и недомоганиях. Но насколько это влияет на сохранение способности к трудовой деятельности, значимы ли при этом различия с населением региона? Недомогания в виде травм, головных болей, общей слабости, обострения хронических болезней, быстро проходящие под воздействием массажа, лекарств или без лечения, испытывают ежемесячно 34% пожилых в воз-

Таблица 2. Субъективные оценки состояния здоровья населения Вологодской области (в % от числа опрошенных, N=1500)

Показатели	50–59 лет	Старше 60 лет	В целом население области
1. Очень хорошее	6	5	7
2. Довольно хорошее	16	18	31
3. Удовлетворительное	62	52	50
4. Плохое	15	24	12
5. Очень плохое	1	1	0

Источник: социологический опрос ВолНЦ РАН, 2018 г.

расте от 50 до 59 лет (для сравнения данные по населению области – 28%; табл. 3). Ежемесячно 5% пожилых возрастной группы 50–59 лет, как и всё население региона, подвержено болезням, приводящим к потере способности работать на производстве, но не лишаящим возможности заниматься самообслуживанием, делать домашние дела, готовить пищу. В более старших возрастных группах эта цифра увеличивается до 14%. Полученные данные показывают, что более половины пожилых могут продолжать трудиться после 60 лет, уходя на больничный раз в год или реже. В «младших» возрастных группах доля таковых еще выше – 68%.

Таким образом, состояние здоровья не является для многих сегодняшних пенсионеров препятствием для продолжения трудовой деятельности. Напротив, все больше исследований подтверждают, что уход на пенсию оказывается вреден для здоровья и приближает смерть [29; 30]. Отмечается также ухудшение когнитивных функций пожилых после ухода на пенсию [31], правда, в России сопостави-

мых исследований нет, слишком велика уверенность, что старение равно неизлечимой болезни.

Второй важнейший аспект повышения пенсионного возраста связан с актуальностью роста экономической активности пожилых. В Стратегии 2016 г. отмечается, что, исходя из общей тенденции старения населения в России и сокращения трудовых ресурсов, с каждым годом будет нарастать потребность экономики в использовании труда граждан старшего поколения. Вместе с тем проблема обеспечения их занятости до конца не решена, в том числе в части наличия негативных стереотипов в отношении трудоустройства указанной категории граждан среди работодателей и в обществе в целом.

Кроме того, нельзя не учитывать, что повышение пенсионного возраста совсем не обязательно приведет к увеличению занятости. Те, кто хочет работать, продолжают работать независимо ни от каких решений государства в реформировании пенсионной системы. Например, по данным социологического опроса

Таблица 3. Субъективные оценки тяжести и продолжительности заболеваний населения Вологодской области (в % от числа опрошенных, N=1500)

Вид заболевания (недомогания)	50–59 лет	Старше 60 лет	Население области
<i>1. Недомогания (головные боли, общая слабость, обострения хронических болезней, травм, ран и т.д.), быстро проходящие под воздействием массажа, лекарств или сами по себе</i>			
– Почти ежемесячно	34	44	28
– Несколько раз в год	36	31	33
– Раз в год и реже	27	17	28
– Никогда	7	9	11
<i>2. Недомогания, снижающие возможность нормально работать, однако не требующие больничного листа</i>			
– Почти ежемесячно	23	28	16
– Несколько раз в год	41	38	32
– Раз в год и реже	27	22	31
– Никогда	9	12	21
<i>3. Болезни, приводящие к потере способности работать на производстве, учиться и т.д., но не лишаящие возможности заниматься самообслуживанием, делать домашние дела, готовить пищу и т.д.</i>			
– Почти ежемесячно	5	14	5
– Несколько раз в год	28	29	19
– Раз в год и реже	42	30	34
– Никогда	26	27	42
<i>4. Болезни, приковывающие к домашней постели, приводящие к полной потере способности ухода за собой; требуется обслуживание со стороны других людей, лечение в стационаре</i>			
– Почти ежемесячно	3	2	2
– Несколько раз в год	8	14	5
– Раз в год и реже	24	27	34
– Никогда	65	55	42
Источник: социологический опрос ВолНЦ РАН, 2018 г.			

Таблица 4. Мнение населения Вологодской области о продолжении трудовой деятельности после выхода на пенсию (в % от числа опрошенных, N=1500)

Возрастные группы	Ответ на вопрос «Если бы это зависело только от Вас, то Вы бы прекратили или продолжили работать по достижении пенсионного возраста?»		
	Продолжил(а) бы работать	Прекратил(а) бы работать	Затрудняюсь ответить
18...29	19,5	28,2	52,3
30...39	24,0	34,7	41,3
40...49	24,6	40,7	34,7
50...59	29,1	45,7	25,2
60 лет и старше	27,5	43,7	28,9
Область	25,1	38,7	36,3

Источник: данные социологического измерения ВолНЦ РАН, 2018 г.

ВолНЦ РАН, четверть респондентов (25%) отметили, что, если бы это зависло от них, продолжили бы работать по достижении пенсионного возраста, доля противоположных ответов составила 39%; немалой является и доля тех, кто затруднились с ответом – 36% (табл. 4). Примечательно, что почти 30% респондентов старшей возрастной группы (60 лет и более) готовы продолжить трудовую деятельность.

В то же время для людей предпенсионного возраста главным мотивом работать на пенсии выступает «потребность в дополнительном заработке» (84%), а наиболее актуальная проблема нынешних пенсионеров – «малый размер пенсий» (68%) [32]. Но следует ли из вышесказанного, что относительно высокий уровень занятости старшего поколения часто определяется экономическими мотивами или это самый простой и привычный аргумент? Верно ли утверждение, что среди работающих пенсионеров высока доля «вынужденно» работающих из-за низкого уровня пенсий, или работа дает пожилым еще какие-то смыслы, о которых надо спрашивать подробнее?

При сопоставлении мнений людей, уже достигших или ещё не достигших пенсионного возраста, можно также заметить, что «вынужденность» заметно спрямляет мотивы продолжения занятости. Пока люди не столкнулись с нарастающим социальным исключением пенсионеров, не обнаружили, что им зачастую нечем себя занять, им представляется, что главная проблема – низкая пенсия. Если дети и внуки уехали в большие города, это особенно травматично. Окажется, что «времени больше, чем жизни», особенно если нет привычки читать книги, ходить в библиотеку и, в конце концов, нет навыков владения компьютером и интерне-

том, которые всегда есть в библиотеках. Ведь пожилые люди привыкли работать на одном месте, в одном коллективе, к тому, что их друзья – это сослуживцы и соседи и т.п. Занятость обеспечивала не только доход, но и общение, дружбу, взаимопомощь.

Социальное обслуживание пожилых людей

Пенсионный возраст сам по себе не означает, что достигший его человек стал пожилым, а не только имеющим право на пенсионную выплату. В мире социально-экономических, а не медицинских индикаторов старения остается вопрос о том, что именно показывает начало старения: отказ от занятости или от сексуальной жизни, снижение интереса к окружающим или безразличие к самому себе? Уход за собой для многих пожилых не осознается как «инвестиция, которая всегда себя окупит»⁷. Поэтому многие пожилые, даже женщины, перестают следить за собой, регулярно мыться, одеваться аккуратно и со вкусом, исходя из того что «мне это уже не нужно», «кому я могу быть интересна?» У молодежи часто вызывает отторжение именно неопрятность, появление «запаха старости» [33].

В законах о социальном обслуживании положение пожилых связывалось в первую очередь с неспособностью к самостоятельному выходу из «трудной жизненной ситуации», к самообеспечению и самообслуживанию. Акцент на других потребностях и проблемах пожилых людей не делался, хотя можно видеть, что многие из них (социальная эксклюзия,

⁷ Уход за собой – это инвестиция, которая всегда себя окупит. URL: <http://www.forbes.ru/brandvoice/emc/349297-uhod-za-soboy-eto-investiciya-kotoryaya-vsegda-sebya-okupit>. (дата обращения: 28.10.2018).

одинокость, малообеспеченность и т.д.) могут ухудшать положение пожилого человека. При этом способность/неспособность к самообслуживанию так и не нашла отражения в системе индикаторов оценки для необходимого обслуживания, осталась обобщенной характеристикой всей совокупности пожилых. По отношению к людям 60 лет признание любой неспособности выглядит дискриминационно. Даже обслуживание людей 80+ нуждается в оценке степени утраты их способности к самообслуживанию.

Неправомерно приравнивать способность к самообслуживанию к способности к самообеспечению, через установление возраста права на обслуживание одинакового с пенсионным. Несмотря на существующие разработки, индикаторы оценки степени утраты способности к самообслуживанию так и не были приняты. Важно отметить, что декларированная ФЗ № 442 необходимость восприятия пожилых клиентов социальных служб как покупателей и потребителей меняет логику социального обслуживания⁸. С одной стороны, номинация «клиент» подчеркивает зависимый от государственной помощи статус получателя, его пассивную роль в этом процессе. Сами клиенты видели в социальной работе только обязанности по отношению к ним, тогда как вопрос ответственности за свое положение и за получаемую помощь даже не ставился. Развитие рынка услуг, с другой стороны, заставляет поставщиков навязывать определенные услуги, хотя и внесенные в Перечень услуг, но не всегда нужные опытному покупателю и потребителю.

Закон также ведет к отказу от государственной монополии в производстве и финансировании услуг [34]. В «Стратегии действий в отношении...» указывается на нарастание необходимости привлечения общественности к организации различных форм заботы о гражданах старшего поколения. Как справедливо заметили И.В. Мерсиянова и Л.И. Яковсон, на практике лидерство НКО наблюдается в тех секторах, где особенно затруднен внешний формальный контроль и приходится полагаться

⁸ Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 19.05.2019)

на совесть людей, их личную преданность делу [6]. Как раз к такому сектору относится уход за пожилыми людьми. Важнейшим инструментом ресурсного обеспечения НКО в решении социальных проблем, в том числе и в отношении пенсионеров, со стороны государства выступают грантовая поддержка или государственные субсидии. Для этого в законодательстве появилось понятие «социально ориентированных НКО»⁹, которые рассматриваются как приоритетные адресаты государственных субсидий и Президентских грантов НКО [35].

В результате контент-анализа материалов вебсайта Фонда президентских грантов (который выступает ключевым источником финансирования социальных проектов НКО) выявлено, что по итогам второго конкурса 2018 г. по направлению «Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан» всего по стране было выделено свыше 580 млн руб., из них только 9% направлено на реализацию проектов в отношении пожилых граждан (табл. 5). Проекты по решению проблем пожилых людей, поддержанные Фондом, представлены в большей степени в Северо-Западном федеральном округе (15% от общей суммы одобренных проектов), в наименьшей – в Приволжском федеральном округе (5%); в Северо-Кавказском федеральном округе подобные проекты-победители отсутствуют. Таким образом, обозначена как территориальная неравномерность развития сектора деятельности НКО, нацеленного на решение социальных проблем граждан старшего возраста, так и диспропорциональность поддержки, когда доля пожилых в структуре всего населения составляет 25%, а число поддержанных проектов для пожилых – 9%.

По данным второго конкурса 2018 г. Фонда президентских грантов, в среднем по стране сумма поддержанных проектов в отношении пожилых составила 1 309 руб. на тысячу человек старше трудоспособного возраста. Лидером по показателю является СЗФО (4 092,9 руб.), аутсайдерами – Приволжский и Южный федеральные округа (561,5 и 811,2 руб. соответственно; рис. 2). Очевидно, что в России развитие

⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: Федеральный закон от 05.04.2010 г. № 40-ФЗ.

Таблица 5. Государственная поддержка Фондом президентских грантов некоммерческих организаций по направлению «Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан» (проекты-победители по итогам второго конкурса 2018 г.)

Федеральный округ	Всего проектов, руб.	Из них проектов в отношении пожилых людей, руб.	Доля проектов в отношении пожилых людей в общем числе поддержанных заявок, в %
Центральный	233 002 662,4	14 234 090,0	6,1
Северо-Западный	102 159 329,6	15 187 622,1	14,9
Южный	31 832 622,8	3 553 634,8	11,2
Северо-Кавказский	-	-	-
Приволжский	95 353 512,3	4 354 432,0	4,6
Уральский	38 433 204,5	4 768 252,7	12,4
Сибирский	64 456 036,3	7 021 049,8	10,9
Дальневосточный	17 375 063,3	1 838 330,0	10,6
РФ	582 612 431,3	50 957 411,4	8,7

Источники: Вебсайт Фонда президентских грантов. – URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/home/about> (дата обращения: 03.06. 2019 г.); рассчитано авторами.

Рис. 2. Проекты-победители НКО по итогам второго конкурса 2018 г. Фонда президентских грантов по направлению «Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита пожилых граждан» (в руб. на 1000 лиц старше трудоспособного возраста)

социальных проектов НКО, целевой группой которых являются люди старшего возраста, несмотря на свою актуальность и востребованность, находится на недостаточном уровне и требует совместных усилий со стороны государства и некоммерческого сектора.

Анализ данных о проектах-победителях Фонда президентских грантов, а также официальных групп некоммерческих организаций в социальной сети «В контакте» позволил выявить основные направления деятельности общественного сектора в решении проблем населения пенсионного возраста:

- организация активного досуга пожилых граждан (культурно-развлекательные мероприятия, творческая самодеятельность, туротерия — туристские и экскурсионные виды деятельности);

- формирование у пожилых здорового образа жизни (консультации по правильному питанию; занятия физкультурой и спортом, рекомендации визажиста, стилиста и косметолога);

- развитие навыков и знаний в области информационных технологий (компьютерная и финансовая грамотность), обучение ручному мастерству (кройка и шитье, плетение, вязание и др.);

- поддержание основ безопасности жизнедеятельности людей старшего возраста (например, профилактика мошенничества);

- адаптация и социокультурная реабилитации пожилых людей, находящихся на попечении социальных учреждений.

В ходе исследования выявлена отличительная черта большей части проектов — это не только организация разнообразных форм социально-культурных мероприятий для людей пожилого возраста, но и привлечение волонтеров из числа добровольцев «серебряного возраста», например для сопровождения инвалидов, социальной активизации маломобильных пожилых, участия в мероприятиях по социализации детей-сирот и т.д. Однако серьезной аналитики результатов «привлечения пожилых волонтеров» пока что нет.

Таким образом, деятельность НКО и инициативных групп направлена как на досуг, так и на создание условий для занятости и самозанятости старшего поколения, повышение его

общественной активности путем вовлечения в социально значимую деятельность, формирование позитивного образа пенсионера как активного члена общества. В связи с этим следует отметить, что, несмотря на недостаточный уровень развития в России социальных проектов НКО в решении проблем пожилых, о чем свидетельствуют, в том числе, низкие оценки населения [36, с. 29-38], — важно видеть и успешные практики, которых на сегодняшний день не так уж и мало. В современных российских реалиях необходимо дальнейшее развитие конструктивного взаимодействия государства и общественности при реализации социальной политики в условиях старения населения.

Заключение

Обновление социальной политики в условиях старения населения чрезвычайно важно, поскольку речь идет о внедрении принципа самоответственности, максимального сохранения финансовой независимости, самостоятельности и способности к самообслуживанию пожилых людей. В определении перспектив развития страны динамику роста численности пожилых нужно соотносить не со снижением рождаемости, а с состоянием и тенденциями рынка труда и занятости населения. Но мотивация самих пожилых на отсроченное старение не менее важна, чем забота о них. Однако для России такой подход — это всё ещё далекое будущее. Патернализм и надежды на государство сохраняются, поскольку в сегодняшних условиях не происходит компенсаторный рост мелкого бизнеса, самозанятости и негосударственного сектора социальных услуг.

В целом пенсионная реформа, новые формы занятости, предиктивная забота о здоровье и реабилитационная медицина сделают более определенным ответ на вопросы о необходимости повышения пенсионного возраста и качестве жизни пожилых в России. Активное долголетие предполагает не только усилия государства по улучшению здоровья или качества жизни, но и заинтересованное участие самих пожилых в построении своих жизненных траекторий.

Как установки общества, так и его граждан пока сохраняют оттенок привычного тезиса: «Пенсия — время отдыха», когда за качество

жизни пенсионеров отвечает государство, общество, близкие люди, но не сами пожилые. В то же время исследования показывают, что сегодня среди тех, кто старше 60 лет, достаточно много людей, которые могут быть вовлечены в общественно значимую деятельность, которым состояние здоровья позволяет быть активными членами общества, его «ресурсом». Как выявили исследования, российские пенсионеры обладают огромными временными ресурсами, но эту энергию необходимо деликатно направлять в нужное русло.

Итак, в условиях старения населения нами видятся следующие направления в обновлении социальной политики:

1. Государство должно более взвешенно осматривать в СМИ перспективы развития страны. Динамику роста числа пожилых нужно соотносить не только со снижением рождаемости, а с состоянием и тенденциями рынка труда и занятости населения.

2. Использовать возможности государственного телевидения для мотивации продолжения занятости гражданами, достигшими пенсионного возраста, увеличения занятости за счет неполных, гибких, дистанционных форм, самозанятости и т.п. Стремление самих пожилых к отсроченному старению не менее важно, чем забота государства о них.

3. Вместо введения санкций для работодателей за увольнение предпенсионеров и пенсионеров, государству стоит подумать над налого-

выми льготами для них в случае сохранения занятости пенсионеров. Не нужно также преследовать неформально занятых и пытаться обложить их налогами. Любое самообеспечение пожилых, разумеется, кроме криминального, необходимо поддерживать.

4. Следует объяснять всем возрастным группам, начиная с молодежи, что за качество жизни в значительной мере люди отвечают сами. Особенно же активное долголетие предполагает не только усилия по улучшению здоровья или качества жизни, но и заинтересованное участие самих пожилых в построении своих жизненных траекторий и сохранении независимости.

5. Государственная монополия на производство социальных услуг должна смениться активным участием бизнеса и НКО в различных формах обслуживания с участием самих пожилых как волонтеров. Если пожилые не будут вовлечены в решение хотя бы собственных проблем или проблем мест своего проживания, все разговоры о них как о ресурсе будут впускать, и ресурс не будет использован.

6. Нужно развивать разные формы кооперации пожилых — с другими организациями, церковными общинами, государственными ведомствами, властями. Это будет способствовать созданию активного социального поля, оживлению в области альтернативной социальной работы, психологической ревитализации пожилых.

Литература

1. Григорьева И.А. 100 лет социальной политики в России // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 4. С. 497–515. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-497-514>
2. Баркер Р. Словарь социальной работы: пер. с англ. М.: Институт социальной работы, 1994. 645 с.
3. Тихонова Н.Е. Социальные вызовы в современной России: новые системные вызовы // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 5–18. DOI 10.31857/S086904990004334-9
4. Шкаратан О.И., Тихонова Н.Е. Социальная политика: есть ли альтернатива // Государственная социальная политика и стратегия выживания домохозяйств. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 443–461.
5. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton University Press, 1990. 260 p.
6. Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 2. С. 5–25.
7. Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство (государство — бизнес — некоммерческие организации). М.: ГУУ, 2002. 80 с.

8. Василенок Н.А., Полищук Л.И., Шагалов И.Л. Общественно-государственное партнерство: теория и российские практики // *Общественные науки и современность*. 2019. № 2. С. 35–42. DOI 10.31857/S086904990004392-3
9. Salamon L.M., Toepler S. Government–nonprofit cooperation: anomaly or necessity? *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2015, vol. 26, no. 6, pp. 2155–2177.
10. Ostrom E., Parks R., Whitaker G. *Patterns of Metropolitan Policing*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1978.
11. Зеликова Ю.А. *Стареющая Европа: демография, политика, социология*. – СПб.: Норма, 2014. 224 с.
12. Черешнев В.А., Чистова Е.В. Выявление региональных особенностей старения населения России // *Экономический анализ: теория и практика*. 2017. Т. 16. № 12. С. 2206–2223.
13. Пономарева Н.Н. Процесс демографического старения: сущность, особенности и последствия в странах мира // *Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета»*. 2013. № 6 (16).
14. Капелюшников Р. Феномен старения населения: экономические эффекты // *Экономическая политика*. 2019. Т. 14. № 2. С. 8–63. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-8-63
15. Cumming E., Henry W. *Growing Old*. New York: Basic Books, 1961. 293 p.
16. Rose A.M. The subculture of the aging: A framework for research in social gerontology. In A.M. Rose & S.S. Robin (Eds.). *Older people and their social worlds*. Philadelphia: F.A. Davis Company, 1965. pp. 3–16.
17. Havighurst R.J. Successful aging. *The Gerontologist*, 1961, vol. 1 (1), pp. 8–13. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/1.1.8>
18. Lemon B.W., Bengtson V.L., Petersen J.A. An exploration of the activity theory of aging: activity types and life expectation among in-movers to a retirement community. *Journal of Gerontology*, 1972, vol. 27(4), pp. 511–523. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronj/27.4.511>
19. Atchley R.C. A continuity theory of normal aging. *The Gerontologist*, 1989, vol. 29 (2), pp. 183–190. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/29.2.183>
20. Eggleston K.N., Fuchs V.R. The new demographic transition: most gains in life expectancy now realized late in life. *Journal of Economic Perspectives*, 2012, vol. 26, no. 3, pp. 137–156.
21. Григорьева И.А., Сизова И.Л., Москвина А.Ю. Социальное обслуживание пожилых: реализация Федерального закона № 442 и дальнейшие перспективы // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 4. С. 125–144. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.09>.
22. Zaidi A., Gasior K., Hofmarcher M., Lelkes O., Marin B., Rodrigues R., Schmidt A., Vanhuysse P., Zolyomi E. *Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology and Final Results, Project: Active Ageing Index (AAI)*. European Centre Vienna, 2013. Available at: www.euro.centre.org/data/aai/1253897823_70974.pdf.
23. Варламова М.А., Ермолина А.А., Синявская О.В. Индекс активного долголетия как инструмент оценки политики в отношении пожилых в России // *Материалы совместного научно-практического семинара «Активное долголетие в контексте социальной политики: проблемы измерения»*, 2015. URL: <https://social.hse.ru/news/145390232.html> (дата обращения: 05.02.2017).
24. Velladics K., Henkens K., van Dalen H.P. Do different welfare states engender different policy preferences? Opinions on pension reforms in Eastern and Western Europe. *Ageing and Society*, 2006, vol. 26 (3), pp. 495–521.
25. Барсуков В.Н. К вопросу о повышении пенсионного возраста в России // *Проблемы развития территории*. 2015. № 5 (79). С. 111–124.
26. Аганбегян А. О продолжительности здоровой жизни в пенсионном возрасте // *ЭКО*. 2015. № 9. С. 144–157.
27. Вишневецкий А., Васин С., Рамонов А. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // *Вопросы экономики*. 2012. № 9. С. 88–109.
28. Горлина Ю.М., Ляшок В.Ю., Малевой Т.М. Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски // *Экономическая политика*. 2018. № 1. С. 148–178.

29. Brockmann H., Muller R., Helmert U. Time to retire – time to die? A prospective cohort study of the effects of early retirement on long-term survival. *Social Science & Medicine*, 2009, vol. 69, pp. 160–164;
30. Vamia C., Trichopoulou A., Trichopoulos D. Age at retirement and mortality in a general population sample: the Greek EPIC study. *American Journal of Epidemiology*, 2008, vol. 167 (5), pp. 561–569.
31. Eibich P. Understanding the effect of retirement on health using regression discontinuity design. *SOEP Paper*, 2014, no. 669. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2463240>
32. Ильин В.А., Морев М.В. Пенсионная реформа и нарастающие проблемы легитимности власти // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 9–34. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.1
33. Рогозин Д.М. Что делать со стареющим телом? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 2. С. 133–164.
34. Климова С.Г. Смыслы и практики разгосударствления социальных услуг // Социологические исследования. 2017. № 2 (394). С. 48–56.
35. Ivashinenko N., Varyzgina A. Socially oriented NGOs and local communities in a Russian region: ways to build up their relationship. *Laboratorium*, 2017, vol. 3, pp. 82–103.
36. Уханова Ю.В., Косыгина К.Е. Некоммерческий сектор в оценках населения региона: социально-демографический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: экономика и управление. 2019. № 2. С. 29–38.
37. Григорьева И.А., Сизова И.Л. Траектории старения женщин в современной России // Мир России. 2018. Т. 27. № 2. С. 109–135. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135

Сведения об авторах

Ирина Андреевна Григорьева – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры, Санкт-Петербургский государственный университет (191024, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Смольный проезд, д. 1/3; e-mail: soc28@yandex.ru)

Юлия Викторовна Уханова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ukhanova4@rambler.ru)

Елена Олеговна Смолева – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Grigor'eva I.A., Ukhanova Yu.V., Smoleva E.O.

Transformation of Social Policy in Russia in the Context of Population Ageing

Abstract. Modern social policy in Russia is formed under the influence of population ageing. The paper presents our point of view on the current state of Russia's social policy. The relevance of the study is due to the fact that the demographic situation is undergoing inevitable changes and the role of the elderly in socio-economic life is becoming increasingly important. The goal of our work is to investigate the specifics of social policy in Russia in the context of population ageing. The novelty of the work consists in the fact that it dwells upon the capabilities of the social group "elderly" as a social resource. We mainly use the following research methods: analysis of laws and regulations at various levels, analysis of statistical and demographic data and results of sociological surveys conducted by VolRC RAS, and content analysis of website materials. The study was carried out both at the national and regional levels (on the example of the Vologda Oblast). We reveal trends in reorienting Russia's social policy toward a broader interpretation of ageing and application of the concept of active longevity. However, the values of active longevity indices in Russia are low in comparison with European countries. According to sociological surveys, the elderly

population of the region, which includes citizens over 60 years of age, preserves the values of active life, and many today's pensioners do not think their state of health can interfere with their ability to work. We show how interaction between the state, civil society and citizens is developing in modern social policy. We reveal territorial unevenness in the development of the non-profit sector that addresses social problems of older citizens. In the end, we put forward proposals on updating social policy in the country in the context of population ageing.

Key words: ageing, active longevity, employment, social services for the elderly, intersectoral interaction.

Information about the Authors

Irina A. Grigor'eva – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, professor at department, Saint Petersburg State University (1/3, Smolny Proezd, Saint Petersburg, 191024, Russian Federation; e-mail: soc28@yandex.ru)

Yuliya V. Ukhanova – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ukhanova4@rambler.ru)

Elena O. Smoleva – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: riolenas@ramber.ru)

Статья поступила 24.07.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.9

УДК 316.35, ББК 60.54

© Маркин В.В., Силин А.Н., Воронов В.В.

Образовательные траектории молодежи коренных малочисленных народов Севера: социально-пространственный дискурс

Валерий Васильевич

МАРКИН

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: markin@isras.ru

ResearcherID: B-5161-2016

Анатолий Николаевич

СИЛИН

Западно-Сибирский филиал Института социологии ФНИСЦ РАН

Тюмень, Российская Федерация, 625003, ул. Ленина, 16

Тюменский индустриальный университет

Тюмень, Российская Федерация, 625000, ул. Володарского, 38

E-mail: sm-2004@rambler.ru

Виктор Васильевич

ВОРОНОВ

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: viktor.voronov@du.lv

ORCID: 0000-0002-1022-3692; ResearcherID: V-9903-2018

Для цитирования: Маркин В.В., Силин А.Н., Воронов В.В. Образовательные траектории молодежи коренных малочисленных народов Севера: социально-пространственный дискурс // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 141–154. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.9

For citation: Markin V.V., Silin A.N., Voronov V.V. Educational opportunities for young people of indigenous minorities of the North: social and spatial discourse. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 141–154. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.9

Аннотация. Актуальность рассматриваемой в статье проблемы обусловлена необходимостью обеспечения квалифицированными кадрами инвестиционных мегапроектов в арктическом регионе, при сохранении традиционной культуры, языка, ценностей жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера. В статье применены качественные и количественные методы социологических исследований, проведенных авторами в 2016–2017 годах на территории Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменского региона России: массовые опросы северян, с выделением среди них коренных малочисленных народов Севера, глубинные интервью экспертов и другие. Анализ научной отечественной и зарубежной литературы по теме исследования, в том числе изучение российских и зарубежных практик образования разного уровня в арктических регионах, позволил оценить существующий уровень подготовки квалифицированных кадров для Арктики. Обоснованы возможные направления совершенствования системы этнорегионального образования, дана оценка удовлетворенности представителей аборигенных этносов системой общего и профессионального образования, ее соответствия желаемому будущему для своих детей. По результатам исследования сделаны следующие выводы. Общее и профессиональное этнорегиональное образование разного уровня Арктической зоны России нуждается в долгосрочной государственной и негосударственной поддержке, в том числе корпоративной и общественной, связанной с перспективной модернизацией всей его системы. Необходимо усилить взаимодействие вузов и других образовательных организаций с компаниями, которые участвуют в неоиндустриальном освоении Заполярья, в том числе с целью расширения подготовки специалистов по отраслям, связанным с традиционной жизнедеятельностью коренных северных этносов. Этнорегиональное образование в арктическом регионе следует рассматривать, опираясь на стандарты, принятые ЮНЕСКО для миноритарных групп населения, как инклюзивное образование, имеющее статус, отличный от других образовательных организаций, учитывая и малокомплектность большинства школ арктических поселений и кочевий. В то же время необходимо расширить диапазон образовательных траекторий молодежи коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: Арктика; коренные малочисленные народы Севера; профессиональное и этнорегиональное образование; уровни образования; традиции; социальные изменения; социологическая диагностика.

Введение

Социологическая диагностика наиболее значимого элемента человеческого капитала и потенциала — образовательной системы, реализуемая нами для циркумполярного арктического региона на примере Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), входящего в Тюменскую область Российской Федерации, потребовала обратить наибольшее внимание на две ее подсистемы: профессиональное среднее и высшее образование для освоения крупнейших углеводородных (нефтегазовых) ресурсов и этнорегиональное дошкольное, начальное, среднее общее образование детей коренных северных народов. В данной работе авторы опираются на классификацию 8-ми уровней российской системы образования в формате международной стандартной классификации образования ЮНЕСКО [1]. Содержательно анализируются 0–7 уровни ISCED 2013.

Основная цель представленного исследования

— обоснование возможных направлений повышения качества образования разного уровня для коренных малочисленных народов Севера, оценка удовлетворенности представителей аборигенных этносов системой общего и профессионального образования, ее соответствия желаемому будущему для своих детей.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена, с одной стороны, необходимостью обеспечения квалифицированными кадрами намеченных в этом арктическом регионе инвестиционных мегапроектов, с другой — создания условий для сохранения традиционной культуры, языка, ценностей жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера (КМНС) и в то же время необходимостью расширения диапазона образовательных траекторий для молодежи этих народов.

До 2014 года нефтегазовые компании, участвующие в арктических проектах, массово привлекали зарубежных специалистов, готовых поработать в экзотических для них условиях Крайнего Севера за высокую зарплату, дополнительный социальный пакет при низких налоговых отчислениях. Однако после принятия международных санкций большинство из них было вынуждено покинуть Россию. Актуализировалась задача подготовки собственных специалистов. Одновременно усилилась значимость получения качественного начального, основного, среднего общего и профессионального среднего и высшего образования коренными северянами при сохранении ими культуры и языка своих этносов. Авторы проанализировали зарубежные и российские практики образования разного уровня в арктических регионах, провели полевые социологические исследования в ЯНАО, что позволило сформировать банк эмпирической информации, необходимой для решения этой проблемы, провести ее социологическую диагностику и предложить некоторые рекомендации для властных структур ЯНАО и других стейкхолдеров, которые могут представлять интерес также для других арктических регионов.

Следует отметить, что все уровни образования открыты для представителей КМНС. Однако их практическая реализация в необходимых для региона масштабах упирается в ряд объективных и субъективных барьеров. Среди объективных можно назвать следующие: привязанность КМНС к своему традиционному образу жизни; слабая ориентация у представителей этих народов на овладение промышленными профессиями, занятие предпринимательством и другое; компании, занимающиеся в Арктике добычей сырьевых ресурсов, слабо участвуют в профессиональной ориентации (в индустриальном аспекте) КМНС. Среди субъективных барьеров основной – КМНС в старших поколениях хотят сохранить свою самобытность, поэтому не всегда с желанием отпускают своих детей в новые сферы труда и занятости («большой мир профессий»), потому что они часто уже не возвращаются в свои семьи, в «малый мир» своего народа.

Обзор литературы

Имеющиеся по заявленной проблеме научные публикации в основном посвящены анали-

зу зарубежных практик дошкольного, начального и общего образования детей из числа коренных малочисленных северных этносов. В последние годы появился ряд серьёзных работ по различным аспектам этнорегионального образования в условиях промышленного освоения Российской Арктики, в том числе важному направлению образования КМНС – формированию компетентности в сфере действенного самоуправления коренных народов как перспективного и важного фактора стратегии развития арктических территорий [2–6]. Анализ показывает, что зарубежные образовательные практики во многом идентичны российским практикам. При этом имеющийся опыт реализации отдельных образовательных и социальных технологий может быть полезен в реалиях Российской Арктики.

Мировое сообщество признает за коренными народами Севера, помимо общих прав на получение образования, гарантированных конституциями арктических государств, также и дополнительные, в соответствии с Декларацией о правах коренных народов, принятой ООН в 2007 году, и в частности:

- право создавать и контролировать свои системы образования и учебные заведения, обеспечивающие образование на родном языке;
- право на сохранение, контроль и развитие своего культурного наследия и традиционных знаний;
- право не подвергаться принудительной ассимиляции и воздействию в целях уничтожения этнической культуры [7].

Данная Декларация не является документом обязательной юридической силы, это не международный договор, и Россия не стала подписывать указанный документ. Вместе с тем для Российской Федерации, в связи с актуализацией проблем КМНС, важно произвести полную имплементацию положений Декларации. Для этого можно использовать ст. 27 «Международного пакта о гражданских и политических правах» о том, что в странах, где существуют этнические меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, языком [8].

Отмеченные проблемы как столкновение культур и обучающих практик индустриальных и архаичных обществ содержательно рас-

смаstrиваются в исследованиях П. Бергера и его коллег [9].

Анализ практической реализации этих прав и особенностей сложившихся в разных арктических государствах систем образования детей арктических регионов показал, что проблемы здесь во многом схожи, однако технологии их решения имеют значимые отличия [10; 11]. Так, в Финляндии преподавание саамского языка и других предметов на нем ведется с начала 70-х годов прошлого века в ряде муниципалитетов административных районов саами. Однако сегодня 75% саамских детей уже живут за пределами этих районов и могут изучать свой язык лишь два часа в неделю. Основной проблемой здесь считают отсутствие учебных материалов на языке саами [12]. Между тем в саамском районе имеется Институт образования саами, дающий степень бакалавра как по современным (промышленная инженерия, информационные и коммуникационные технологии, ресторанный бизнес и кейтеринг, туризм и др.), так и традиционным для северян отраслям (оленоводство, саамский язык и культура, предпринимательство в народных промыслах саами и др.) [13].

В Норвегии обучение на саамском языке ведется в значительно больших масштабах. Уже в рамках дошкольного образования в муниципальных саамских детских садах оно полностью на родном языке, а в норвежских садах проводится несколько часов в неделю приходившим учителем. Педагогические кадры для саамских школ готовят в Саамском педагогическом колледже, Центре изучения коренных народов, Институте северных стран, Центре коренных народов Севера. Так, в Саамском педагогическом колледже есть факультеты саамской музыки, дошкольной педагогики, саамского школьного образования, саамского языка и литературы, оленеводства, прикладного ремесла, традиционных знаний, социальных наук, журналистики [14].

В Гренландии инуиты составляют более 90% всего населения острова и обязательное в возрасте от 7 до 16 лет образование ведется на инуитском языке. Высшее образование можно получить как в самой Гренландии, так и в Дании бесплатно с получением стипендии. Основной проблемой гренландского образования признана двойственность в требованиях к структуре

учебного процесса. С одной стороны, программа должна базироваться на усиленном изучении инуитского языка и культуры, с другой — ученик должен получить достаточный уровень знаний для возможности продолжить обучение в вузах Дании [15]. Усиление внимания к традиционной инуитской культуре снижает уровень конкурентоспособности выпускников-инуитов в сравнении с их датскими сверстниками за получение высшего образования и трудоустройства. Наиболее острыми проблемами в Гренландии считают то, что многие образованные гренландцы не владеют родным языком, а другие, получив высшее образование в Дании, не возвращаются домой.

Правительство Канады не вмешивалось в образование инуитов до 1955 года, когда было заключено соглашение о его федеральном управлении и частичном финансировании. Преодоление политики ассимиляции со стороны Оттавы в сфере образования, признание инуктикута государственным языком в Нунавуте позволило сохранить значительную часть инуитов, владеющих родным языком. Вместе с тем сохраняются социальные проблемы инуитов (безработица, удорожание жизни в условиях Арктики), препятствующие возможности получения ими качественного образования. Так, по данным Государственного статистического управления Канады, 71% инуитов в возрасте от 25 до 64 лет не имеют среднего образования, тогда как лишь 15% представителей других народов Канады в таком же возрастном диапазоне не имеют среднего образования. Если в среднем по Канаде 20,8% населения старше 15 лет имеют диплом уровня бакалавра и выше, то для инуитов этот показатель составляет всего 3,6% [16]. Фактически единственным вузом в канадской Арктике является Арктический колледж Нунавута (Nunavut Arctic College). Разработку стратегии образования инуитов, включая высшее образование, взял на себя Университет Арктики [17]. Одно из последних его исследований, в частности, показало, что обучение традиционному языку с младших классов способствует его сохранению, но усложняет переход к общению на английском языке в старших классах [18]. Так, переход с родного на английский язык в 3 классе оказался связан со значительным снижением личной самооценки [19].

Коренная проблема образования аборигенов Арктики в том, что не существует учебной программы, которая бы удовлетворяла все желания коренных жителей Севера, одновременно готовила успешных выпускников с уровнем знаний, как в общеобразовательных школах, и уделяла достаточное количество часов для обучения и сохранения традиционных навыков и культуры. В любом случае нужно делать выбор и, следовательно, чем-то жертвовать. Эта ситуация выбора присутствует не только в момент определения родителями или учащимися места обучения или программы образования, но и при составлении образовательных программ методистами и преподавателями [20]. Понятно стремление национальных сообществ сохранить самобытность, традиционные знания, среду обитания и народные промыслы. Однако нельзя отбирать возможность у членов этих сообществ делать собственный выбор в пользу развития и возможностей полноценной реализации их человеческого и социального потенциалов.

Интересен опыт Аляски, где правительство штата приняло и реализовало решение об обеспечении всех сельских поселений средними учебными заведениями с билингвальным образованием [21]. При этом Университет Аляски в г. Фэрбэнкс осуществляет 6 образовательных программ и 9 отдельных курсов по языкам коренных народов Аляски. Большинство аборигенных языков и их диалекты относятся к эскимосско-алеутской и атабаскско-эякско-тлинкитской языковым макросемьям. При этом на английском языке говорит дома и общается вне его более 2/3 коренных народов Аляски. Показательно, что в 2014 году парламент Аляски одобрил Билль о коренных языках Аляски, в соответствии с которым 20 языков коренных народов Аляски приобрели статус государственных, наряду с английским [22].

Впоследствии, правда, этот закон был отменен в судебном порядке на федеральном уровне. При этом следует отметить, что 17 из 20 языков этносов Аляски насчитывают менее 1 тысячи носителей [23]. Основной проблемой образовательной системы Аляски здесь считают низкую успеваемость представителей аборигенных этносов и, в результате, их значительно

более частое отчисление из школ и колледжей в сравнении с другими обучаемыми. Хотя в последние годы стипендии от корпораций и фондов позволили несколько улучшить ситуацию [24].

В России подготовку высококвалифицированных национальных кадров из числа КМНС с изучением их языков и культуры осуществляет Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), Федеральный государственный Северо-Восточный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск), Арктический государственный институт искусств и культуры (г. Архангельск), Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск) и другие [25]. По мнению экспертов, опрошенных нами в ходе научных экспедиций 2017 и 2018 годов, существующая в нашей стране система арктического этнорегионального образования нуждается в перспективной модернизации по следующим основным направлениям:

- осуществление государственной поддержки образования КМНС;
- ее кадрового обеспечения;
- совершенствование учебных программ и образовательных технологий, ориентированных на северные реалии;
- развитие инклюзивности образования с учетом стандартов ЮНЕСКО для меньшинств;
- проведение комплексных междисциплинарных научных исследований образовательного пространства Российской Арктики, а также мониторинга изучения языков и культуры северных этносов.

Материалы и методы

Исследование особенностей и направлений перемен образования в арктическом регионе рассматривалось нами в дискурсе методологии П. Бурдьё как социально-пространственное образование [26]. Идентифицировались в первую очередь позиции и диспозиции социальных групп, выступающих в качестве акторов – носителей различных образовательных практик и видов деятельности, нуждающихся в профессионалах. Для получения необходимой эмпирической информации нами был реализован качественный и количественный социологический инструментарий: массовые опросы се-

рян, с выделением КМНС (табл. 1), глубинные интервью экспертов, проведение фокус-групп, контент-анализ СМИ и социальных сетей. Опросы и другие исследования проводились квалифицированными интервьюерами: аспирантами и преподавателями Тюменского индустриального университета, сотрудниками Западно-Сибирского филиала Федерального научного исследовательского центра Российской академии наук при грантовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований.

Методический инструментарий разрабатывался нами и при некоторых корректировках в основном сохранялся, что позволило анализировать как динамику, так и территориальные факторы происходящих изменений.

Таблица 1. Социально-демографическая структура респондентов, представляющих КМНС, в % от числа опрошенных, (N=1340 чел.), 2018 г.

Показатели	Районы ЯНАО	
	Красноселькупский	Пуровский
1. Национальность		
Ненец	6,5	89,6
Ханты	1,8	2,0
Селькуп	90,5	7,3
Другие из числа КМНС	1,2	1,1
2. Пол		
Мужской	32,9	37,5
Женский	67,1	62,5
3. Возраст		
До 20 лет	1,9	5,3
21–30	20,9	25,3
31–40	32,9	35,8
41–50	25,9	27,4
51–60	13,3	4,2
Старше 60	5,1	2,1
4. Сфера деятельности		
Оленеводство	5,4	4,2
Рыболовство	3,6	7,3
Звероводство, охота	6,0	4,2
Нефтегазодобыча	6,0	7,9
Сфера обслуживания	7,1	3,1
Образование	19,0	26,0
Сфера культуры	13,1	10,4
Здравоохранение	10,1	11,3
Органы власти	1,2	6,3
Строительство	1,2	2,1
Народные промыслы	1,8	1,5
Коммерция	2,4	1,0
Транспорт, связь и др.	14,9	8,4
Безработный	19,0	6,3

Анализ результатов опроса фиксировался по четырем основным социальным группам респондентов: 1) старожилы северного региона (русские, татары и другие); 2) представители аборигенных этносов, коренных малочисленных народов Севера; 3) новоселы (прожившие в Арктике менее 5 лет); 4) вахтовики. При этом наибольшие сложности возникали с опросом кочевого населения из числа КМНС. Для этого нами привлекались представители общественных аборигенных организаций (в первую очередь «Ямал – потомкам») и местной интеллигенции.

Здесь требуется одно уточнение. В литературе дискутируется вопрос о том, кого относить к «старожилам» Севера. При определении этой категории мы руководствовались тремя обстоятельствами. Во-первых, в законодательстве, в отличие от КМНС, нет этой дефиниции. Попытки некоторых региональных legislatures не увенчались успехом, т. к. были узко ориентированы, например на «русских арктических старожилов Якутии» [27: 151-152]. Во-вторых, вопрос о том, считать ли старожилами тех, кто в числе местных жителей проживает на данной территории длительное время (поколение и больше), пока является дискуссионным из-за роста этнического самосознания аборигенов Севера. В-третьих, экстремальные природно-климатические условия жизни позволяют отнести к этой категории всех постоянных жителей (не «вахтовиков» и не новосёлов), проживших в местном сообществе более пяти лет, что является достаточным периодом для адаптации и дальнейших перспектив проживания в данном регионе. Поэтому мы относим к старожилам в ЯНАО проживающих там продолжительное время (более пяти лет) не только русских, но и татар, украинцев, представителей других этнокультурных групп.

Результаты исследования

В работе, в разной степени, рассматриваются 0–7 уровни образования согласно Международной стандартной классификации образования МСКО 2013 (ISCED 2013), в которых представлены КМНС [28]. Укажем на особенности получения образования при прохождении того или иного из его уровней.

Для дошкольного образования (ISCED уровень 0) – это нахождение детей в тундре, в отрыве от стационарных дошкольных учреждений. Социализация детей, подготовка их к школе практически является заботой семьи, и главным образом матери ребёнка в качестве «работницы чума». В настоящее время при подготовке детей КМНС к школе стала распространённой практика подготовительных классов в школах-интернатах, когда ребёнка привозят из тундры в ближайший посёлок, где есть такая школа для детей КМНС и где он получает необходимую подготовку, чтобы успешно осваивать программы начального и среднего общего школьного образования.

Школьное образование (ISCED уровни 1, 2, 3) для детей КМНС также имеет особенности. Оно функционирует в двух формах: во-первых, как стационарное получение начального, основного и среднего общего образования, когда дети учатся и живут в процессе обучения в школе-интернате. Во-вторых, как получение начального образования в кочевых условиях [29; 6]. В последнем случае детей КМНС помещают в тундровые школы, когда ряд семей аборигенов, находящихся в совместной кочевке («каслании») с оленями в тундре, организуют кочевую школу 1–2 уровней образования, где детей учат специально подготовленные учительницы начальных и основных классов, как правило, члены объединившихся семей. Таких учителей готовят в педучилищах Тюменской области (г. Тюмень, г. Тобольск, посёлок Голышманово и другие), а также в Ямальском многопрофильном колледже (г. Салехард), с филиалом в г. Лабытнанги.

Профессиональное среднее и высшее образование (ISCED уровни 4–5, 6–7) для детей КМНС не носит массового характера.

Особенно это касается уровней 6–7 (бакалавриат, специалитет, магистратура). Для двух последних уровней среди детей КМНС распространена дистанционная форма обучения. При этом девушки предпочитают педагогические и медицинские специальности, а юноши – аграрные специальности (зоотехники и зооветеринары) или экономические. Национальные политические, управленческие кадры для КМНС в основном готовят Тюменский государственный университет, Тюменский индустриальный университет, а также вузы близлежащих регионов [30].

Наше исследование выявило образовательные траектории и привлекательность сфер деятельности в дискурсе уровня образования (табл. 2).

Как следует из данных таблицы 2, на 1-м месте у КМНС с образованием уровня 0–5 остаются традиционные промыслы, что объясняется достаточностью этих полученных уровней образования для занятий оленеводством, охотой, рыбалкой и т.д. Вместе с тем всё более весомым становится тренд привлекательности для КМНС занятости в нефтегазовом секторе экономики региона и соответствующем уровне образования. Весьма слабо выражена ориентация на коммерческо-предпринимательскую деятельность, особенно с повышением уровня образования (считается, что здесь достаточно простой грамотности). В органы управления стремится лишь небольшая часть КМНС, это связано с нежелательностью отрыва от традиционного образа жизни.

Ранее нами также изучалось качество высшего профессионального образования для нефтегазовой отрасли арктического региона. Было опрошено 670 студентов старших курсов, 560 преподавателей профильных дис-

Таблица 2. Привлекательность различных сфер деятельности для КМНС ЯНАО в зависимости от уровня образования респондентов, % от числа опрошенных (N= 1340 чел.), 2017 г.

Сферы деятельности	Уровень образования				
	ISCED 0	ISCED 1	ISCED 2-3	ISCED 4-5	ISCED 6-7
1. Традиционные промыслы	50,0	55,0	56,1	42,0	25,6
2. Нефтегазовая промышленность	8,3	25,0	21,5	33,3	30,8
3. Коммерция и предпринимательство	25,0	10,0	8,4	7,2	12,8
4. Органы управления	-	5,0	7,5	5,8	23,1
5. Другая	16,7	5,0	6,5	11,6	7,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 3. Оценка качества подготовки региональными российскими вузами высококвалифицированных профессиональных кадров нефтегазового профиля для Арктики, в % от числа опрошенных (N=1425 чел.), 2017 г.

Оценка	Студенты	Преподаватели	Работодатели
Отлично	18,3	10,1	2,4
Хорошо	29,1	49,3	20,1
Удовлетворительно	36,9	25,4	35,0
Неудовлетворительно	3,1	13,2	39,1
Затрудняюсь ответить	12,6	2,0	3,4
Итого	100,0	100,0	100,0

циplin и 195 руководителей разного уровня, представляющих нефтегазовые компании, дислоцированные на территории ЯНАО. Подготовку специалистов-нефтяников в России осуществляют четыре университета: Московский имени Губкина, Тюменский индустриальный, Уфимский нефтяной технический и Ухтинский технический. Некоторые результаты проведенного исследования приведены в табл. 3 и в [5].

Эксперты высказали мнение о недостаточности владения молодыми специалистами иностранными языками, информационными технологиями, знаниями о специфике арктических регионов и практическими навыками по своей специальности. Особенно важной, по их мнению, является улучшение взаимодействия вузов с предприятиями и организациями для формирования и реализации ориентированных для Арктики образовательных программ, учитывающих уже начатые и перспективные мегапроекты в высокоширотных регионах.

Невысокие в сравнении с оценками преподавателей и студентов оценки представителей профильных предприятий сопровождались конкретными предложениями по изменению структуры и содержания учебного процесса.

Главный же вывод, сделанный в ходе этого исследования, заключается в том, что опорный региональный университет, эффективно взаимодействующий с властью, бизнесом, гражданским обществом, должен стать главным интегратором инновационного неиндустриального освоения арктического региона. Должен выступить координатором формирования новых партнерских структур (бизнес-инкубаторов, технопарков и др.), полигоном отработки эффективных технологий и бизнес-процессов и в итоге — одним из основных акторов устой-

чивого социально-экономического и социокультурного развития территории Российской Арктики.

Кроме специалистов нефтегазового профиля, которых готовят для Арктики упомянутые выше университеты, считают эксперты, нужно расширить или начать подготовку по отраслям, связанным с традиционной жизнедеятельностью КМНС. Речь идет об оленеводстве и глубокой переработке оленины, рыболовстве и переработке рыбы, аквакультуре, туризму, биотехнологиям, художественному изготовлению сувениров, северной логистике, арктической экологии, северному городскому хозяйству, а также инженерно-техническим, медицинским, педагогическим, управленческим специальностям и другим, востребованным в условиях циркумполярного региона.

Более детально специфика, проблемы и возможности их решения в сфере северного образования и подготовки кадров для неиндустриального освоения Арктики изучались нами в ходе двух последних экспедиций. Первая состоялась в сентябре 2017 г.: в городах Салехард и Новый Уренгой и на территории Ямальского района ЯНАО (поселок Яр-Сале и другие) были проведены глубинные интервью экспертов, так или иначе связанных с образованием юных северян и формированием трудовых ресурсов для циркумполярного региона. Было опрошено 140 экспертов: это директора школ и руководители департаментов образования, представители исполнительной власти ЯНАО и муниципальных образований округа, депутаты Законодательного собрания ЯНАО, районных, городских и поселковых законодательных органов, представители работодателей, национально-культурных организаций, средств массовой информации и другие.

Для изучения реальной ситуации в сфере образования КМНС нами был выбран один из северных этносов, по которому до сих пор не проводилось специальных исследований. Согласно переписи 2010 г. в России проживали 3,6 тыс. селькупов, в том числе 2 тыс. в ЯНАО, 1,2 тыс. в Томской области, 0,3 тыс. в Красноярском крае.

В мае 2018 года нами была проведена научная экспедиция на территории компактного проживания большей части этноса селькупов – Красноселькупском районе ЯНАО. Его центр – село Красноселькуп, где проживают 769 селькупов, что составляет 19,7% среднегодовой численности постоянных жителей этого поселения. В селе оказалась прекрасная школа, не уступающая по материально-технической оснащённости и некоторым московским, однако селькупский язык в ней не преподают. Местные органы власти объяснили это отсутствием педагогов и малой востребованностью у детей, которые привыкли общаться на русском. Преподается селькупский язык в начальных классах школ двух поселений этого района: селения Ратта, где живут 195 селькупов (87,7% населения), и селения Толькинское, где 629 человек – селькупы, составляющие 34% всего населения. Основные занятия в районе – рыболовство, охота, сбор и переработка дикоросов, оленеводство. При этом лишь четверть селькупов ещё сохраняет знание родного языка. Следует отметить характерную особенность востребованности обучения родному языку в арктическом регионе. Современное поколение молодёжи КМНС во многом являются «пассивными носителями» языка, так как прервана языковая связь поколений, зачастую нет внутрисемейного общения на родном языке, родители часто сами не поддерживают его изучение, ибо видят смысл и перспективу для детей в изучении государственного и/или языка международного общения (например, английского). В этой связи, по данным некоторых СМИ, Министерство просвещения России намерено планировать сокращение обучения северных этносов родному языку по всем субъектам Арктической зоны России с 3 до 1 часа в неделю, что нельзя признать социально обоснованным и оправданным.

Подготовкой квалифицированных учителей селькупского языка в России занимаются два вуза: Институт народов Севера в составе Российского государственного педагогическо-

го университета им. А.И. Герцена и Томский государственный педуниверситет. В самом ЯНАО специалистов в области родных языков и культуры КМНС готовит лишь одно учреждение среднего профессионального образования – Ямальский многопрофильный колледж в г. Салехарде, с филиалом в г. Лабытнанги. Этнорегиональное образование в регионе пока находится в начальной стадии перспективной модернизации и нуждается в долгосрочной государственной и корпоративной поддержке, которую оно отчасти уже получает. Например, в ЯНАО, в рамках национального проекта «Образование», до 2024 года направят более 32,2 млрд. рублей. На эти средства планируется построить 27 школ на 14 тысяч 925 мест, создать три детских технопарка «Кванториум» в Салехарде, Новом Уренгое и Ноябрьске, открыть центр опережающей профессиональной подготовки на базе Ноябрьского колледжа профессиональных и информационных технологий и другое. Предусмотрено активное участие в реализации проекта представителей реального сектора экономики, ведущих научных деятелей, изобретателей и предпринимателей [31]. Под этнорегиональным образованием мы понимаем образовательную систему, интегрирующую поликультурность и полиэтничность арктического региона с учётом конкретного этноса, чтобы обеспечить гармоничную образовательную среду с опорой на исторические и национально-культурные традиции, духовно-нравственные ценности. Должны быть выражены как особенности менталитета и жизнеустройства аборигенных этносов, так и необходимость сохранения единства и целостности культурно-образовательного пространства России в духе приверженности движению по Болонскому процессу. Центральной проблемой при этом оказывается формирование и интеграция этнической и общероссийской идентичности. Осознание себя причастным к духовно-нравственному наследию своих предков, наследником и носителем языка, культуры, духовных традиций своего этноса и одновременно гражданином многонациональной России, органичной частью культуры которой является и культура разных, в том числе и северных, этносов, – смысл идентификации, являющейся ценностным основанием для формирования и развития этнорегионального образования. Полевые

исследования, проведенные нами в 2017 и 2018 гг. на территории ЯНАО, показали, что своеобразным интегратором гражданской и этнической идентичности нередко становится этнорегиональная идентичность. При изучении самоосознания жителей удаленных от центра поселений ЯНАО оказалось, что доля ощущающих себя «северянином» и «ямальцем» выше общероссийской и этнической идентичности («россиянин», «славянин», «русский», «ненец», «селькуп» и др.) и локальной («салехардец», «новоуренгоец» и другое). Это подтверждает результаты исследования социально-пространственной трансформации территории Арктического макрорегиона, сделанные нами ранее [32]. Ниже приведены некоторые результаты опроса представителей КМНС, проведенного нами по репрезентативным выборкам в Красноселькупском и Пуровском районах ЯНАО в мае 2018 года. В Пуровском районе (поселок Тарко-Сале, N=519, р±3,1%) уже длительное время ведется добыча природного газа, в Красноселькупском (поселки Красноселькуп, Толька, Ратта, N=821, р±2,9%) лишь начато его индустриальное освоение. При этом выборка была репрезентативная не только для периферийных районов ЯНАО в целом, но и для каждого вышеуказанного района.

В блоке анкеты, направленном на выявление волнующих северян проблем, опрашивалось, в какой степени они озабочены образованием и воспитанием детей. Выяснилось, что эта проблема для представителей аборигенных этносов весьма актуальна. При выяснении уровня удовлетворенности различными элементами жизнедеятельности КМНС спрашивалось, насколько важна проблема получения образования и уровень удовлетворенности респондентов образованием детей (табл. 4).

Очевидны как высокая значимость проблемы образования, так и невысокий уровень удовлетворенности этим аспектом своей жизни коренных жителей Пуровского района, что подтверждает отнесение ими этой проблемы в число первоочередных.

Респондентам был также задан вопрос: «Какой судьбы Вы хотели бы для своих детей?». Результаты высказанных мнений приведены в таблице 5.

Следует отметить, что Пуровский район ЯНАО с начала 70-х годов XX века включён в процесс индустриального развития, в то время как Красноселькупский район и его коренные жители столкнулись с опытом «цивилизации» сравнительно недавно, с начала 2000-х годов. Коренные малочисленные народы Севера Пу-

Таблица 4. Значимость проблемы образования детей и уровень удовлетворённости её решением в оценке КМНС, в % от числа опрошенных, (N=1340 чел.), 2018 г.

А. Степень актуальности проблемы	Район ЯНАО	
	Красноселькупский	Пуровский
1. Волнует в первую очередь	86,1	82,1
2. Волнует во вторую очередь	13,9	17,9
Б. Уровень удовлетворенности образованием своих детей		
1. Удовлетворён полностью	54,7	16,1
2. Частично удовлетворён	30,9	52,7
3. Не удовлетворен	14,4	31,2

Таблица 5. Желаемая жизненная перспектива для своих детей по оценкам респондентов, представителей КМНС ЯНАО, в % от числа опрошенных, (N=1340 чел.), 2018 г.

Варианты будущего для детей КМНС, определяющие стратегию образования	Район ЯНАО	
	Красноселькупский	Пуровский
1. Пользоваться всеми благами современной цивилизации за счет ухода от традиционных форм жизни	28,0	31,8
2. Сохранить традиционный образ жизни даже за счет отказа от каких-то благ цивилизации	22,6	41,2
3. Дети должны сами выбирать свой жизненный путь	49,4	27,0

ровского района имеют большой, многолетний опыт взаимодействия с индустриальной цивилизацией, поэтому они более критично, чем коренные жители Красноселькупского района, относятся ко всему новому и активнее выступают за сохранение и развитие традиционного образа жизни.

Обсуждение и заключение

Резюмируя полученные в ходе социологических исследований результаты, можно констатировать, что как общее, так профессиональное этнорегиональное образование разного уровня Арктической зоны Российской Федерации нуждается в долгосрочной государственной и негосударственной поддержке, в том числе корпоративной и общественной, связанной с перспективной модернизацией всей его системы. Необходимо дополнить учебные программы курсами, позволяющими получить знания о специфике арктического региона, усилить взаимодействие вузов с компаниями, участвующими в неоиндустриальном освоении Заполярья, в том числе с целью расширения подготовки специалистов по отраслям, связанным с традиционной жизнедеятельностью коренных северных этносов. Образовательные организации, ведущие профессиональную подготовку, должны учитывать необходимость расширения образовательных траекторий для КМНС: не только по традиционно профилируемым специальностям, но и по новым, социально значимым (медицинским навыкам, социальной работе, педагогической подготовке, управленческим компетентностям, ИТ-технологиям и другим). Необходимо наладить механизмы целевого направления и квотирования для поступления молодёжи КМНС в вузы, другие образовательные организации Тюмени, Югры, Москвы и Санкт-Петербурга, с дополнительным обсуждением заинтересованными сторонами правовой и финансовой основ таких механизмов. Например, в отношении предоставления молодёжи КМНС на законодательном уровне права получать преференции в виде баллов при поступлении в вузы и другие образовательные организации, при успешной сдаче экзамена или спонсорской стипендии от заинтересованных в квалифицированных национальных кадрах корпораций «Газпром», «Роснефть», «Новатэк» и других.

Сегодня родные языки коренных малочисленных народов Севера России не являются

языками обучения, преподаются лишь в начальных классах от 1 до 3 часов в неделю либо факультативно от 1 до 2 часов в неделю. Фактически отсутствуют учебно-методические пособия, профессионально подготовленные кадры учителей. Реальная педагогическая практика также нередко оказывается не обеспеченной необходимыми правовыми, научно-методическими, организационными и материальными условиями осуществления этнокультурного образования, в том числе из-за отсутствия единого алфавита в отдельных языках (например, в хантыйском). Созданные в ЯНАО кочевые малокомплектные школы нуждаются в серьезной материально-технической поддержке, в первую очередь, со стороны региональных и муниципальных властных структур. В современных условиях изменилась и образовательная парадигма, и смысловое наполнение понятия «кочевая школа». Потребовалось согласовать ее положения с Федеральными образовательными стандартами, создать информатизированную образовательную среду и т.д. Сегодня учебный процесс в кочевой школе продолжается круглый год: обучение сменяется каникулами, на смену урокам приходит практика на сезонном кочевье. Кочевые школы открываются как в стационарном варианте, на базе факторий, родовых общин, перевалочных баз, так и в мобильном — кочуют вместе с оленеводческим стадом.

Образовательный проект «Кочевая школа» получил в ЯНАО нормативное закрепление с 2012 года, началась подготовка для него специализированных кадров в Ямальском многопрофильном колледже. Здесь подготовлены новые учебные курсы этнопедагогики, этнопсихологии, литературного краеведения, этнологии, культуры народов Ямала; в учебные планы включены такие базовые дисциплины, как «Оленеводство», «Хозяйка чума», «Рыболовство», «Малая техника Севера», «Основы национального шитья», «Национальная кухня», «Народная медицина»; в учебных мастерских стали учить изготовлению меховой одежды и обуви, бисероплетению, резьбе по кости. На уроках физкультуры апробируется образовательная программа «Северное многоборье». Получив необходимые теоретические знания в период очных выездных сессий, студенты Ямальского многопрофильного кол-

леджа значительную часть учебного времени находят в кочевых школах, на практике закрепляя полученные знания.

Специального исследования заслуживает вопрос о пользе (разносторонняя социализация детей) и недостатках (отрыв от семьи и традиционного уклада жизни) деятельности школ-интернатов в системе общего образования КМНС.

Очевидно, что этнорегиональное образование в арктическом регионе следует рассматривать, опираясь на стандарты, принятые ЮНЕСКО для миноритарных групп населения, как инклюзивное образование, имеющее статус, отличный от других образовательных учреждений, учитывая и малокомплектность большинства школ арктических поселений и кочевий.

Литература

1. Уровни образования в России. URL: <http://273-фз.рф> / (дата обращения: 16.07.2019). Области образования и профессиональной подготовки 2013 (МСКО-0 2013) / Институт статистики ЮНЕСКО. Монреаль: UNESCO, 2014. 23 с.
2. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / под. ред. В.А. Тишкова; авторский коллектив: В.А. Тишков, О.П. Коломиец, Е.П. Мартынова, Н.И. Новикова, Е.А. Пивнева, А.Н. Терехина; Ин-т этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М; СПб.: Нестор-История, 2016. 272 с.
3. Любимова Е.А. Этнорегиональное образование как социальный институт: особенности функционирования в Сибири // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 4. С. 50–63. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-4-50-63
4. Егоров В.Н. Малокомплектная кочевая школа как социально-педагогическая закономерность в развитии школьной сети в условиях Севера: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / НИИ национальных школ Республики Саха (Якутия). Якутск, 1999. 21с.
5. Контуры будущего российской Арктики: опыт построения комплексных сценариев развития арктической зоны России до 2050 г. / А.Н. Петров, М.С. Розанова, Е.М. Ключникова и др. // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2018. № 53. С. 156–171.
6. Кочевая школа: инновационные проекты / Г.И. Вануйто и др. Салехард: ГАОУ ДПО ЯНАО «Риро», 2015. 83 с.
7. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов (2007). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 18.08.2019).
8. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 15.09.2019).
9. Berger P., Epp J. R., Møller H. The predictable influences of culture clash, current practice, and colonialism on punctuality, attendance, and achievement in Nunavut schools. *Canadian Journal of Native Education*, 2006, vol. 29, no. 2, pp. 182–205.
10. Kanu Y. Teachers' perceptions of the integration of Aboriginal culture into the high school curriculum. *Alberta Journal of Education Research*, 2005, vol. 51, no. 1, pp. 50–68.
11. Oskineegish M. Developing culturally responsive teaching practices in First Nations communities: learning Anishnaabemowin and land-based teachings. *Alberta Journal of Education Research*, 2015, vol. 60, no. 3, pp. 508–521.
12. Aikio-Puoskari U. The ethnic revival, language and education of the Sami, an indigenous people, in three Nordic countries: Norway, Finland and Sweden. In: *Social Justice through Multilingual Education*. 2009. Pp. 238–262.
13. Лемпинен П. Системы финского образования и квалификации // Образование и наука. 2014. № 5 (114). С. 125–138.
14. Научно-образовательное пространство Арктики: Норвегия / К.С. Зайков, М.Р. Калинина, Е.А. Шепелев и др. // Арктика и Север, 2016. № 23. С. 144–170.
15. The Danish Education System. The Ministry of Higher Education and Science, The Ministry for Children, Education and Gender Equality and The Ministry of Culture. Available at: <https://ufm.dk/en/publications/2016/the-danish-education-system> (accessed: 12.04.2019).
16. Statistics Canada. Available at: <http://www12.ststcan.gc.ca/nhs-enm/2011/dp-pd/dt-td> (accessed: 12.04.2019).

17. Aylward L.M. Discourses of cultural relevance in Nunavut schooling. *Journal of Research in Rural Education*, 2007, vol. 22, no. 7, pp. 1–9.
18. Alaska Native Language Center // UAF. Available at: <http://www.uaf.edu/anlc/classes> (accessed: 15.07.2019).
19. Cherubini L., Hodson J. Ontario Ministry of Education Policy and Aboriginal Learners' epistemologies: a fundamental disconnect. *Canadian Journal of Educational Administration and Policy*, 2008, no. 79, pp. 1–33.
20. Lewthwaite B., Owen T., Doiron A., McMillan B., Renaud R. Our stories about teaching and learning: a pedagogy of consequence for Yukon first nation settings. *Interchange: A Quarterly Review of Education*, 2013, vol. 44, no. 1–2, pp. 105–128.
21. Barnhardt R., Kawagley A.O. Indigenous knowledge systems and Alaska: native ways of knowing. *Anthropology and Education Quarterly*, 2005, no. 36 (1), pp. 8–23.
22. Смирнова О.О., Смирнов О.А. Эволюция образовательного процесса коренного населения в сельских школах Аляски // Педагогический журнал, 2016. № 3. С. 222–230; Аляска / Alaska. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аляска> (дата обращения: 21.09.2019).
23. Такасами Н.Ч. Особенности среднего образования на Аляске на рубеже XX–XXI веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 12 (81). С. 282–289.
24. Швайцер П. Коренные народы и урбанизация на Аляске и на Канадском Севере // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 10–22.
25. Маркин В.В., Силин А.Н. Человеческий и социальный потенциал неоиндустриального освоения Арктики: социологический анализ, моделирование, регулирование. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 75–88. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.5
26. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб: Алетейя, 2007. 388 с.
27. Боякова С.И. Правовой статус и этническая идентичность русских арктических старожилов Якутии // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2016. № 4 (10). С. 145–153.
28. Glossary: International standard classification of education (ISCED). Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php/glossary:international_standard_classification_of_education (accessed: 10.08.2019).
29. Цимбалистенко Н.В. Кочевое образование: перспективы развития экспериментальной деятельности по созданию школы нравственного развития // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2016. Вып. 3 (92). С. 34–38.
30. Маркин В.В., Силин А.Н. Циркумпольный регион в контурах социально-пространственной трансформации территории (на примере Ямала) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2016. № 6 (48). С. 28–52. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.2
31. В ЯНАО на нацпроект «Образование» до 2024 года направят более 32,2 млрд рублей. URL: <http://www.edu.ru/news/nacionalnyy-proekt-obrazovanie/v-ya-nao-na-nacproekt-obrazovanie-do-2024-goda-napr/> (дата обращения: 18.08.2019).
32. Silin A.N., Tkacheva N.A. Formation of human resources in the process of circumpolar region development. *International Journal of Economic and Financial Issues*, 2015, no. 5, pp. 121–127.

Сведения об авторах

Валерий Васильевич Маркин – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; e-mail: markin@isras.ru)

Анатолий Николаевич Силин – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал Института социологии ФНИСЦ РАН (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Ленина, 16); Тюменский индустриальный университет (625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38; e-mail: sm-2004@rambler.ru)

Виктор Васильевич Воронов – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; e-mail: viktor.voronov@du.lv)

Markin V.V., Silin A.N., Voronov V.V.

Educational Opportunities for Young People of Indigenous Minorities of the North: Social and Spatial Discourse

Abstract. The relevance of the problem considered in this article is due to the need to provide qualified personnel for investment megaprojects in the Arctic region, while preserving the traditional culture, language, and life values of indigenous peoples of the North. We use qualitative and quantitative methods of the sociological research we conducted in 2016–2017 on the territory of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug of the Tyumen region of Russia: mass surveys of northerners, highlighting among them the indigenous peoples of the North, in-depth interviews of experts and so on. The analysis of scientific domestic and foreign literature on the subject of the study, including the study of Russian and foreign educational practices of different levels in the Arctic regions, allows us to assess the current level of training of qualified personnel for the Arctic. We substantiate possible ways to improve the system of ethno-regional education, assess the satisfaction of representatives of aboriginal ethnic groups with the system of general and professional education and its compliance with the desired future for their children. According to the results of the study, we make the following conclusions. General and professional ethno-regional education for different levels of the Arctic Zone of Russia needs long-term state and non-state support, including corporate and non-governmental support associated with the prospective modernization of its entire system. It is necessary to strengthen the interaction of universities and other educational organizations with companies that participate in neo-industrial development of the Arctic with the aim of expanding the training of specialists in the industries related to the traditional life of indigenous Northern ethnic groups. Ethno-regional education in the Arctic region should be considered on the basis of the standards adopted by UNESCO for minority groups as an inclusive education having a status different from other educational organizations, taking into account the smallness of the majority of schools in Arctic settlements and nomad camps. At the same time, it is necessary to expand the range of educational opportunities for young people who belong to the indigenous peoples of the North.

Key words: Arctic, indigenous peoples of the North, professional and ethno-regional education, levels of education, traditions, social changes, sociological diagnostics.

Information about the Authors

Valerii V. Markin – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS (24/35, Krzhizhanovsky Street, building 5, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: markin@isras.ru)

Anatolii N. Silin – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Chief Researcher, West Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation); Tyumen Industrial University (38, Volodarsky Street, Tyumen, 625000, Russian Federation; e-mail: sm-2004@rambler.ru)

Viktor V. Voronov – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Leading Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS (24/35, Krzhizhanovsky Street, building 5, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: viktor.voronov@du.lv)

Статья поступила 13.09.2019.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

К читателям

На международном семинаре по вопросам доверия, проходившем в Токио (Университет Риккио, октябрь 2018 года) с участием японских и российских ученых, сотрудники Вологодского научного центра РАН представили результаты своих исследований в области институционального доверия и социально-экономического неравенства.

Кроме того, состоялась презентация журнала ВолНЦ РАН «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз».

Как показали итоги работы семинара, в основе ряда японских и российских исследований социальных проблем, несмотря на наличие специфики, лежат сходные методики. Именно поэтому родилась идея познакомить читателей нашего журнала с исследованиями японских коллег. В этом номере мы публикуем три статьи, подготовленные авторскими коллективами из Японии, предваряемые материалом Дайширо Номия, профессора университета Чуо, посвященным краткой истории японской социологии.

Дорогие читатели! Будем благодарны вам за отклики на эти публикации.

С уважением

директор ВолНЦ РАН д.э.н.

А.А. Шабунова

DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.10

УДК 316(520), ББК 60.5(5Япо)

© Дайширо Номия

Краткая история японской социологии: ее историческое наследие и перспективы

Дайширо Номия

Университет Чуо

742-1, Higashi-Nakano, Nachioji-city, Tokyo, 192-0393, Japan

E-mail: dainom@tamacc.chuo-u.ac.jp

ORCID: 0000-0001-9467-5188

Среди стран за пределами Западного мира Япония одной из первых приняла социологию в качестве учебной дисциплины. После Рестав-

рации Мэйдзи в 1868 году, перевернувшей страницу феодального прошлого страны и проложившей путь к её новой модернизации по

Для цитирования: Номия Д. Краткая история японской социологии: ее историческое наследие и перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 155–157. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.10

For citation: Nomiyama D. A short history of Japanese sociology: its historical legacies and future dreams. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 155–157. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.10

западному образцу, проживавшие здесь иностранные ученые представили японской научной общественности труды по социологии, и прежде всего основоположников социологии, таких как Г. Спенсер и О. Конт. Идеи Спенсера, например, были хорошо встречены японской интеллигенцией. Его теория эволюции общества была положительно воспринята как в научных кругах, так и среди политических и промышленных лидеров, которые твердо верили, что страна скоро догонит западные государства и станет ведущей военной и научной державой. Таким образом, социология в Японии XIX века функционировала как интеллектуальный механизм признания необходимости проведения правительственной политики по модернизации страны по западному образцу [1].

Вступив в XX век, японская наука расширила круг своих знаний, познакомившись с новыми разнообразными социологическими течениями, пришедшими из-за рубежа, в частности с трудами таких ученых, как Г. Зиммель (G. Simmel), Ф. Тённис (F. Tönnies) и Р.М. Макивер (R.M. MacIver), открывших японским ученым направление, которое мы сегодня называем формальной социологией. В этот период в стране началась также координация деятельности социологов: в 1913 году была создана Японская социологическая академия — предшественница нынешнего Японского социологического общества [2, с. 237].

Далее, в первой половине XX века, формальная социология начала подвергаться критике за абстрактный характер, что предоставило марксистским социологам и сторонникам немецкой культурной социологии возможность продолжать изучение государства и классов в более конкретных условиях. Вместе с тем в изучении социологии произошла новая стратегическая перемена: состоялось знакомство с эмпирической и позитивистской социологией. Это был период полного расцвета исследований в области семьи, а также сельского и городского общества, которые базировались на эмпирических данных. Эти исследования заложили основу современной социологии семьи, социологии города и села в Японии. Дальнейшему развитию социологии в стране в это период, возможно, способствовало знакомство её научного сообщества с трудами Э. Дюркгейма,

особенно с его духом эмпирической строгости [2, с. 238–239].

После Второй мировой войны Япония стала свидетельницей очередного витка развития социологии как академической дисциплины: дальнейшее развитие получила ее организационная структура. Толчком для этого послужили создание в 1950 году Японского социологического общества, а также публикация научной литературы по социологии, обусловленная быстрым расширением числа курсов по этой дисциплине во многих университетах страны. Это стало результатом не только институциональной экспансии, охватившей послевоенную Японию. Стремительное в то время социально-экономическое развитие подтолкнуло японских социологов к изучению социального развития и связанных с ним общественных изменений и социальных проблем. Активное заимствование идей американской социологии вызвало расцвет таких подотраслей этой науки, как теория модернизации, теория социальной стратификации, экономическая социология, теория коммуникации, социальная психология и др. Благодаря этому социология рассматривалась как наука, объединяющая множество областей. Вводились также одна за другой социологические теории: функционализм, теория конфликта, теория обмена, символическое взаимодействие, феноменологическая социология, критическая теория, этнометодология, обеспечившие основу для дальнейших социологических исследований. В целом всё это привело к формированию современной японской социологии [2, с. 243–245].

Действительно, японская социология началась с заимствования идей западной социологии. Однако, как было показано выше, японские социологи изучили целый ряд социологических теорий и практик. Включение различных социологических традиций заложило основу развития японской социологии, особенно в ее стремлении обогатить социологические идеи и представления через связывание многочисленных течений и точек зрения. Подобная практика зачастую наблюдается в научной жизни Японии, например в таких областях, как социология семьи, сельского общества, социальная стратификация и социальные движения.

Эта черта японской социологии также помогла нам сотрудничать и расширять диалог с зарубежными социологами. Японское социологическое общество было одним из основателей Международной социологической ассоциации, созданной в 1948 году. А в 1973 году Япония организовала научное движение по формированию Азиатского социологического общества, которое просуществовало до 1996 года.

Вступая в XXI век, японская социология продолжает играть свою особую роль, содействуя дальнейшему развитию сотрудничества социологов в глобальном масштабе. В 2014 году в Японии прошел Всемирный конгресс Международной социологической ассоциации. В 2019 году Япония принимала конгресс Восточноази-

атской социологической ассоциации (EASA). EASA появилась в результате многолетних усилий социологов из стран Восточной Азии по развитию академического сотрудничества между ними.

Становление японской социологии произошло во многом благодаря тому, что она перенимала научный опыт западных стран. Теперь настала ее очередь представить свои теоретические изыскания и накопленные эмпирические знания социологам всего мира, которые стремятся работать вместе и сотрудничать с японскими учеными. Мы верим, что наши усилия по объединению социологов из разных обществ в конечном счете будут способствовать развитию стран и мира в целом.

Литература

1. Shinmei M. *General Introduction of the History of Sociology*. Iwanami Publisher, 1954.
2. Sakuma T. *History of Modern Sociology*. Soufuu-sha, 1990.
3. Yazawa S. Five meanings of 18th World Congress of Sociology: from historical perspective. *Shakaigaku-Hyoron*, 2014, no. 65(3), pp. 317-326.
4. Nomiya D. *Building a New Academic Horizon: a Challenge from East Asia*. 19th World Congress of Sociology, Toronto, Canada, 2018.

Сведения об авторе

Дайширо Номия — Ph.D. (социология), профессор, руководитель Программы мировой социологии, факультет социологии, университет Чюо (742-1, Higashi-Nakano, Hachioji-city, Tokyo, 192-0393, Japan; e-mail: dainom@tamacc.chuo-u.ac.jp)

Daishiro Nomiya

A Short History of Japanese Sociology: Its Historical Legacies and Future Dreams

Daishiro Nomiya — Ph.D. in Sociology, Professor, Director, Global Sociology Program, Department of Sociology, Chuo University (742-1, Higashi-Nakano, Hachioji-city, Tokyo, 192-0393, Japan; e-mail: dainom@tamacc.chuo-u.ac.jp)

Материал поступил 16.09.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.11

УДК 061, ББК 66.7

© Дайширо Номия, Исаму Сугино, Риса Мурасе

**Общественные движения как смысловые сети:
построение ментальной карты кампании антиядерного
движения 2012 года в Японии***

Дайширо Номия

Университет Чуо

Токио, Япония, 742-1, Хигаси Накано, Хатиодзи, 192-0393

E-mail: dainom@tamacc.chuo-u.ac.jp

ORCID: 0000-0001-9467-5188

Исаму Сугино

Университет Отяномидзу

Токио, Япония, 2-1-1, Оцука, Бункё, 112-8610

E-mail: sugino.isamu@ocha.ac.jp

ORCID: 0000-0001-8636-0995

Риса Мурасе

Университет Северной Каролины в Чапел-Хилл

Чапел-Хилл, США, 254, Гамильтон-Холл, СВ 3210, Северная Каролина,
27599-3210

E-mail: risa@live.unc.edu

ORCID: 0000-0002-1114-5593

* Исследование выполнено при поддержке гранта JSPS KAKENHI № 18K02040. Автор, ответственный за переписку: Daishiro Nomiya (dainom@tamacc.chuo-u.ac.jp).

Для цитирования: Номия Д., Сугино И., Мурасе Р. Общественные движения как смысловые сети: построение ментальной карты кампании антиядерного движения 2012 года в Японии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 158–174. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.11

For citation: Nomiya D., Sugino I., Murase R. Social movements as networks of meanings: constructing a mental map of the 2012 antinuclear movement campaign in Japan. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 158–174. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.11

Аннотация. Общественное движение — это поле битвы смыслов; кампания в поддержку общественного движения содержит кластер разнообразных смыслов, носителями которых являются её участники. Используя понятие «смысловая сеть» [1; 2], ученые попытались описать процесс атрибуции коллективного смысла и появляющиеся в результате данного процесса смысловые кластеры, а также центральные/доминирующие и периферийные смыслы в кампаниях общественных движений. Тем не менее до настоящего времени исследования таких смысловых кластеров в рамках реальных общественных движений еще не проводились. Настоящая статья представляет собой попытку создания так называемой «ментальной карты», отображающей кластер смыслов, которые несет в себе кампания общественного движения. С помощью метода сетевого анализа нами был создан сетевой график, отражающий кластер значений, присутствующих в кампании общественного движения. Исследовательской площадкой для сбора эмпирических данных выступила кампания антиядерного движения 2012 г. в Японии. Анализ сетевого графика 2012 г. четко выделяет центральные смыслы, которые считаются доминирующими в этой кампании, и кластер смыслов, которые составляют подмножество во всей сети смыслов. Для того чтобы обеспечить возможность нашей исследовательской методики дифференцировать смысловые кластеры одной кампании общественного движения от другой, мы сравнили кампанию 2012 г. с кампанией 1954 г. Различия оказались разительными: в кампании 2012 г. значительную роль сыграли материнские чувства и необходимость защиты детей, а также беспокойство по поводу состояния местной окружающей среды; в то время как кампания 1954 г. преимущественно основывалась на коллективной памяти о событиях в Хиросиме и Нагасаки и опасениях в отношении безопасности пищевых продуктов. Подход на основе построения ментальных карт позволяет понять причины кампании движения еще с одной точки зрения и изменения в менталитете и процессах атрибуции смысла в общественных движениях, поскольку, учитывая имеющиеся данные, он может быть применен и к прошлым кампаниям.

Ключевые слова: ментальная карта, общественное движение, кампания общественного движения, смысл, сетевой анализ, сеть смыслов, Япония.

Введение

11 марта 2011 года в Японии произошло сильное землетрясение, за которым последовало гигантское цунами. Города и деревни были сметены с лица земли, в северных тихоокеанских прибрежных районах главного острова погибло около двадцати тысяч человек, была парализована работа атомной электростанции в Фукусиме. Во второй половине следующего дня произошел взрыв на первом энергоблоке, а затем последовали взрывы на втором и третьем энергоблоках. После этого японское правительство отдало приказ об эвакуации жителей, проживавших в радиусе 20 километров от места расположения АЭС.

Авария на АЭС «Фукусима-1» и ее последствия вызвали волну общественных движений. 27 марта 2011 г. более тысячи протестующих вышли на улицы Токио, образовав первую антиядерную демонстрацию после событий 11 марта 2011 г. Как сообщает газета «Asahi» от 4 апреля, в Киото 3 апреля состоялась еще одна демонстрация, в которой приняли участие

около 500 человек. С тех пор волна антиядерных кампаний прокатилась по всей Японии.

К середине апреля антиядерные кампании получили широкое распространение. Последовательно во многих населенных пунктах прошла серия антиядерных демонстраций, бесед, собраний и форумов. Прошли также крупные агитационные мероприятия. 11 июня была организована огромная национальная кампания: в мероприятиях, охвативших всю страну, приняли активное участие более трех тысяч гражданских организаций. Еще одно крупное мероприятие было организовано 11 сентября. И снова требования о денуклеаризации зазвучали примерно в сорока различных населенных пунктах.

В новейшей истории японцы нечасто становились свидетелями акции протеста, которая продолжалась бы в течение столь длительного периода времени. За первые шесть месяцев этой акции почти непрерывно проходили кампании и мероприятия, включая переговоры и

форумы, в различных частях страны. В календаре событий, посвященных денуклеаризации в Японии [3], практически ежедневно в период с 1 мая по 31 августа 2011 г. наблюдалось несколько антиядерных кампаний.

В связи с возрождением антиядерного движения были опубликованы исследования, направленные на изучение характера акций протеста после событий 11 марта 2011 г. Данные работы рассматривали такие проблемы, как: экологические риски, безопасность пищевых продуктов, восстановление населенных пунктов и защита человеческой жизни. Во всех этих исследованиях выделяется отличительная особенность: для того чтобы понять природу общественного движения, они в основном полагаются на объективно наблюдаемые события и фактическую информацию. При этом делается акцент на измеримых фактах и наблюдаемых аспектах, наряду с другими особенностями общественного движения, важными для его понимания. Например, одно исследование показывает большой объем участия и более высокие показатели вовлеченности молодых и неопытных как отличительную особенность современных антиядерных движений [4].

Основываясь на изучении аспектов, наблюдаемых извне, можно выявить важные особенности гражданской деятельности, и, таким образом, это становится неотъемлемой частью усилий, направленных на понимание современных антиядерных движений. Однако такой подход, если не применять его с большой осторожностью, может привести к неверным умозаключениям. В частности, он рискует объединить заведомо различные кампании общественного движения. Например, пытаясь понять характер движения против войны в Ираке в 2002–2004 гг., наблюдатели отметили, что важной чертой этой кампании стал широкий охват молодых и неопытных людей [5]. Данная характеристика оставляет нам мало возможностей для понимания сущности движения против войны в Ираке десятилетней давности и сегодняшнего антиядерного движения в Японии.

Антиядерное движение в нынешней Японии нужно рассматривать отдельно. Эффективный путь для его альтернативного понимания предлагает культурный подход. Обусловленный контекстом, он подчеркивает традиции, образ жизни, мысли и восприятие, а также дру-

гие свойства, присутствующие в сознании людей в конкретной культурной среде. Она дает нам инструмент, с помощью которого можно глубоко проникнуть в тонкости общественного движения, и это должно привести нас к его восторженному пониманию.

Литература по антиядерному движению, начавшемуся после событий 11 марта 2011 г.

На сегодняшний день предпринималось несколько попыток понять современное антиядерное движение в Японии с точки зрения культурных элементов. Такие попытки неизменно заглядывают в мысли и сознание, считающиеся доминирующими в движении. Например, Suga интерпретирует сегодняшнее антиядерное движение как кульминационный результат общественных движений в предыдущие десятилетия [6, с. 9-11]. Он утверждает, что требования движения в значительной степени сформированы мыслями и духом времени, которые в свою очередь обусловлены их предшественниками в предыдущие периоды. По мнению исследователя, общественное движение, вызванное событиями 11 марта 2011 г., является прямым продолжением духовных движений 1980-х годов, характеризовавшихся веселым настроением и неполитическими ориентациями в субкультурных группах¹ [6, с. 273-328]. Такой исторический подход ученого отличается от остальных подходов тем, что он выдвигает историческое развитие духовности в качестве фундаментальной силы, определяющей характер движения.

В соответствии с интерпретацией Suga, Kawamura предлагает послевоенную историю идей, касающихся ядерной энергии. В своей работе исследователь утверждает, что интерпретации и восприятие «ядерной тематики» в умах обычных людей резко изменились и что направление изменений было в значительной степени обусловлено критическими событиями того времени. Таким образом, по словам Kawamura, правительственные кампании 1950-х гг., направленные на развитие ядерной энергетики, и антиядерные движения в зарубежных странах в 1980-х годах либо поощряли общественные движения, либо препятство-

¹ В своих исследованиях Suga часто ссылается на такие группы как «Shiroto no ran» (протест обывателей) и «Dame-ren (беспольное сборище)» и другие группы «новой волны».

вали им в соответствующие исторические периоды и таким образом определяли характеристики движения [7, с. 107-110, с. 179-188]. Kawamiga характеризует общественное движение после событий 11 марта 2011 г. как духовное выражение озабоченности судьбой человечества [7, с. 173].

Какими бы привлекательными и наглядными ни были аргументы ученых, они не являются полностью убедительными. Попытки объяснить социальные движения, используя такие понятия, как духовность, мысли и идеи того времени, могли бы увлечь их современников общим опытом. Однако в немногих случаях их аргументы строятся на логических умозаключениях; они делают это, читая «настроение времени», и, следовательно, их утверждения выражают их личное мнение. Чтобы дать более осмысленную оценку общественного движения, последовавшего за событиями 11 марта 2011 г., нам нужно понимание, построенное на эмпирических доказательствах и обоснованных выводах о восприятии тех, кто действительно участвует в деятельности движения.

Исследования общественного движения выявили различные культурные компоненты, входящие в его состав: фреймы, коллективная идентичность, эмоции, в дополнение к нормам и идеологиям [1; 2; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. Среди этих культурных ценностей основное внимание в нашей статье мы уделяем смыслу действия. Человеческое действие не происходит в вакууме — оно обязательно влечет за собой намерение, которое субъект придает своему собственному акту действия или бездействия. Поскольку действие в общественном движении направлено на предъявление претензии, оно несет в себе субъективное приписывание смысла рассматриваемому явлению и последующее действие по изменению статуса-кво.

Общественное движение влечет за собой интерпретации. Участие в нем можно рассматривать как результат мыслительных процессов, которые включают оценку объекта, считающегося проблематичным, и связанные с этим интерпретации, чтобы осмыслить тот факт, что объект существует как он есть, вместе с определяющими причинами его проблематичности. Движение объединяет и множество субъектов, и субъективные интерпретации и смыслы, взаимосвязанные или противоречивые, приписы-

ваемые как проблемным обстоятельствам «на месте», так и последующему акту протеста. По сути, общественное движение — это совокупность смыслов, проецируемых субъектами движения на доминирующие смыслы, имеющие общечеловеческое понимание в общественном пространстве. При более широком рассмотрении общественное движение порождает «войны интерпретаций» [15, с. 385], в которых альтернативная концептуализация противостоит смыслу, который является в тот момент доминирующим.

Важность понимания функционирования общественного движения с точки зрения атрибуции смысла давно признана исследователями общественных движений. В своем стремлении дифференцировать различные аспекты культуры Sewell [16] указывает, что один из способов понять культуру — это рассматривать ее как систему смыслов. В этом ракурсе основной задачей культурологического анализа выступает обобщение содержательных аспектов человеческой жизни. Таким образом, одним из центральных компонентов культурного анализа становится анализ приобретения и создания смыслов субъектами, стремящимися к определению и переопределению ситуаций в пользу собственных действий.

Подобная концептуализация культуры и последующее важное значение, придаваемое анализу смысла, находит более конкретное выражение в работе Melucci. Ссылаясь на процесс формирования коллективной идентичности, исследователь утверждает, что малые группы являются рассадником антидоминантной культуры, где создаются новые культурные коды и альтернативные рамки для смысла. Согласно Melucci, общественное движение можно рассматривать как комплексную сеть смыслов общественного действия. Таким образом, сеть служит местом, где рождается и сохраняется смысл анти-доминирования [1; 2; 14; 17].

Другие ученые также обращаются к различным аспектам приписывания смысла общественному движению. Одни акцентируют внимание на процессе возникновения смысла как важном акте созидания [18; 19]; другие подчеркивают значение социокультурного пространства и опыта, из которых общественное движение извлекает множественные смыслы для действия [20; 21; 22; 23; 24].

Несмотря на важность роли, которую играет смысл в функционировании общественного движения, само содержание смысла не было подробно раскрыто в исследованиях, посвященных анализу действия конкретного общественного движения. Например, какие смыслы приписывают субъекты движения рассматриваемому явлению и своему собственному действию, направленному на данное явление? Приписываемый смысл служит продуктом человеческой способности к ассоциации, вновь ассоциированный смысл извлекается из существующих социокультурных контекстов и затем прикрепляется к рассматриваемому объекту [16, с. 51]. Повторение данного процесса, который Gamson и Modigliani [21, с. 3] называют «прибыльным» (value-added), порождает множество смыслов. Кроме того, приписываемые смыслы должны отличаться по содержанию у разных субъектов. Как же тогда смыслы, составляющие множество, связаны друг с другом и как они проявляются в качестве коллективной совокупности? Если общественное движение можно рассматривать как сеть смыслов, то в идеальном эмпирическом случае мы можем идентифицировать каждый смысл как составной элемент совокупности. Таким образом, следующим шагом становится определение сети смыслов или схемы интерпретации в конкретных условиях, то есть нам необходимо визуализировать сеть смыслов.

Наглядное представление сети смыслов наделяет нас дополнительным инструментом для анализа культуры общественного движения — обнаружением в нем основных и периферийных смыслов. Мы часто задаемся вопросом о том, какие центральные идеи лежат в основе функционирования общественных движений. Чтобы ответить на него, мы полагались на гипотезу, основанную на наших экспертных знаниях. Как было упомянуто выше, данная практика не имеет надежных эмпирических оснований. Эмпирическая база, опираясь на которую можно расшифровать доминирующие и периферийные смыслы, также должна помочь нам более глубоко понять культуру общественного движения.

Главная цель нашей статьи — охарактеризовать антиядерное движение в Японии после событий 11 марта 2011 г. через наши наблюдения смыслов, приписываемых взрывам на АЭС и последующим акциям протеста. Чтобы выде-

лить главные черты общественного движения, вызванного событиями 11 марта 2011 г., мы рассмотрим для сравнения другую антиядерную кампанию, которая прошла в стране в 1954 г. Учитывая, что наш подход достаточно чувствителен, чтобы уловить смыслы действия, мы можем наблюдать различные наборы смыслов в этих двух кампаниях. Несмотря на то что их часто объединяют под названием «антиядерное движение», они должны строиться на различных предпосылках, с различным социокультурным фоном и ментальной структурой участников. Таким образом, в настоящей статье мы анализируем как кампанию 1954 г., так и кампанию, вызванную в 2012 г. событиями 11 марта 2011 г., чтобы сопоставить сети смыслов, обнаруженных в этих движениях.

Две антиядерные кампании: 1954 и 2012 гг.

I. Кампания против атомной/водородной бомбы 1954 г.

Первое десятилетие после Второй мировой войны характеризовалось гонкой ядерных вооружений между США и Советским Союзом. Именно США первыми разработали атомную бомбу (1945 г.). Через месяц после экспериментального запуска атомные бомбы были сброшены на японские города Хиросиму и Нагасаки и унесли жизни более 200 000 человек. В 1949 г. Советский Союз провел собственный эксперимент по созданию атомной бомбы. Затем в 1952 г. США разработали водородную бомбу; здесь Советский Союз снова стал вторым. В этом историческом контексте США провели еще одно испытание водородной бомбы, названной «Кастл Браво» (Castle Bravo), на атолле Бикини 1 марта 1954 г. По данным, взрыв обладал в 1000 раз большей взрывной силой, чем тот, что произошел в Хиросиме [25, с. 199–210].

Японское рыболовецкое судно «Фукурюмару» (Daigo Fukuryu Maru), занимавшееся ловлей тунца неподалеку от атолла Бикини в момент взрывов, было осыпано радиоактивными осадками. 14 марта судно вернулось в свой родной порт Яидзу с грузом рыбы, зараженной радиоактивными веществами. К моменту прибытия судна у 23 членов экипажа уже появились симптомы лучевой болезни. Среди них был Айкики Кубояма, который умер в сентябре 1954 г., двое других членов экипажа в тяжелом состоянии были доставлены в университетскую больницу в Токио.

Этот инцидент привел к массовым волнениям по всей Японии, т.к. в 1950-х гг. рыба была незаменимым продуктом в рационе её жителей. Подозрение о том, что выставленная на продажу рыба может оказаться радиоактивно зараженной, мгновенно вызвало у них тревогу, что создало паническую ситуацию. Поэтому власти Токио распорядились об измерении степени радиоактивного загрязнения рыбы, выгружаемой в порту с рыболовецких судов. Соответственно отреагировали продовольственные рынки: к концу марта рыночная цена на рыбу резко упала (на 20–30%). Местные торговцы рыбой и работники рыбных рынков, пострадавшие от резкого падения продаж, начали требовать возмещения ущерба, причиненного радиоактивным загрязнением. Муниципальное собрание Токио совместно с Собранием префектуры Сидзуока выдвинуло требование национальному правительству о выплате компенсации. Волнение в обществе становилось все сильнее, поскольку никто, включая правительство Японии, не мог найти способ устранения в повседневной жизни продовольственных рисков.

Вскоре общественность стала рассматривать инцидент на атолле Бикини в более широком контексте. В конце марта 1954 г. в муниципалитете Сэтагая состоялось заседание ассамблеи, на котором была принята резолюция, призывающая к безоговорочному запрещению во всем мире ядерного оружия, наносящего ущерб потомкам. На заседании прозвучало также напоминание о том, что японский народ подвергся воздействию ядерной радиации уже в третий² раз [25, с. 263–268].

На фоне этих событий началась масштабная кампания по сбору подписей в поддержку данной резолюции. В мае 1954 г. в токийском районе Сугинами состоялось заседание Совета женщин, заслушавших рассказ торговца рыбой, которому пришлось закрыть магазин, и принявших решение заняться проблемами, обусловленными инцидентом на атолле Бикини. Была принята Петиция Сугинами о запрете атомной и водородной бомбы (Suginami Petition Drive to Ban the Atomic and Hydrogen Bomb), а через ме-

сяц было опубликовано Обращение Сугинами (Suginami Appeal). В обращении, трактующем инцидент у атолла Бикини как создание жизненных трудностей работникам рыбного рынка и торговцам рыбой и повседневных тревог потребителям в целом, провозглашалась защита жизни и счастья человеческого рода. Обращение Сугинами ознаменовало начало кампании по сбору подписей. Изначально её целью был сбор 100 000 подписей за месяц, однако эта отметка была быстро превышена. По мере того как кампания перерастала в общенациональную, число собранных подписей к октябрю увеличилось до 1,1 миллиона, а к январю 1955 г. — более чем вдвое. К августу число подписей возросло более чем до 32 миллионов [25, с. 274–299; 26, с. 122; 27, с. 172–173].

II. Антиядерная кампания 2012 г.

11 марта 2011 года сильное землетрясение и гигантское цунами обрушились на северную часть Японии. Цунами уничтожило города, деревни, разрушив общины, семьи и среду обитания, которую люди создавали в течение длительного периода времени. Цунами также вывело из строя аварийную энергосистему АЭС в Фукусиме, что привело к взрывам на электростанции в последующие дни. Авария на АЭС и последующее радиоактивное загрязнение вынудили местных жителей покинуть район, в котором они жили и работали в непосредственной близости от АЭС. Жилые районы превратились в города-призраки, где можно было найти только бродячих домашних животных и скот.

События 11 марта 2011 г. привели к всплеску гражданской активности. После 27 марта, когда в Токио состоялась первая антиядерная демонстрация с участием около 1200 человек, вся Япония оказалась охваченной антиядерными кампаниями [2, с. 66].

В середине апреля движение стало активно набирать обороты. Из дня в день одна спонтанная акция сменялась другой. Хронологический календарь событий, связанных с денуклеаризацией, показывает, что начиная с 9 апреля последовательно проводилась серия антиядерных кампаний (беседы, собрания и форумы), причем до середины августа не было зафиксировано ни одного дня без гражданских акций в этой сфере [3]. В истории общественных движений Японии редко случалось, чтобы кампании ежедневно привлекали новых участников.

² Первый случай — сброс атомной бомбы на Хиросиму 6 августа 1945 года, второй — сброс атомной бомбы на Нагасаки 9 августа 1945 года.

Этот последовательный рост числа спонтанных акций был отмечен несколькими памятными случаями. 11 июня 2011 г., через три месяца после событий 3 марта, была организована большая национальная кампания, с участием более трех тысяч гражданских организаций со всех Японских островов, которыми было проведено примерно 80 различных гражданских акций [28]. В ходе них антиядерные активности, экологи, профсоюзные деятели, педагоги, продовольственные коллективы, а также простые люди, включая родителей и детей, вышли на улицы, требуя денуклеаризации электростанций по всей Японии. Гражданские акции в Токио, организованные более чем в десяти различных местах города, собрали в общей сложности около десяти тысяч участников. Еще одно большое мероприятие прошло 11 сентября, в частности в память о терактах 11 сентября 2001 г. И снова примерно сорок различных районов Японии были охвачены движением с требованием денуклеаризации. Хотя к концу сентября гражданские акции в основном постепенно утихли, но в нескольких местах страны они продолжались и в течение 2011 года.

Еще одно крупное событие состоялось 14–15 января 2012 года, когда неправительственные организации (НПО) и группы общественных движений провели в Йокогаме первый Всемирный конгресс по денуклеаризации. При участии шести организаций в руководящем комитете и около 150 НПО и групп общественного движения в составе организационного комитета, а также с учетом 100 иностранных гостей из 30 стран, за два дня конгресс собрал около 20 000 человек. Место его проведения было заполнено сотнями стендов и столов различных гражданских групп; были организованы переговоры и форумы, проходившие почти без перерыва в комнатах и залах здания. В это же время снаружи проходили демонстрации и небольшие собрания. Можно сказать, что конгресс стал одним из самых ярких событий за всю кампанию денуклеаризации после марта 2011 г.

К числу характеристик антиядерного движения, вызванного событиями 11 марта 2011 г., относятся его длительность во времени и географическая распространенность. Из восьмидесяти кампаний, прошедших 11 июня, например, пять были организованы на Хоккайдо,

самом северном острове, и четыре на Кюсю и Окинаве, самых южных островах Японии. В течение июня в среднем 42 кампании были проведены в выходные дни, и это свидетельствует о том, что они состоялись не только в небольшом числе крупных городов. Одной из причин распространения антиядерных кампаний является тот факт, что на Японских островах расположены 54 АЭС и что акции протеста обычно организуются в населенных пунктах вокруг атомных станций³.

Кампании антиядерного движения, начавшиеся после 11 марта 2011 г., продолжают по сей день, хотя и происходит их постепенное сокращение, после того как в марте 2012 г. в стране отметили годовщину со дня трагических событий. Подобного движения такого масштаба, с широким географическим распространением и продолжительностью, Япония не наблюдала со времен студенческого движения шестидесятых годов прошлого века.

В следующем разделе мы обсудим данные и методы, используемые в нашем анализе. В качестве основного случая, который будет проанализирован в нашей статье, мы рассмотрим организованную в январе 2012 г. кампанию денуклеаризации, чтобы изучить совокупность ее смыслов, которая выявляется в результате процессов атрибуции смысла участниками. При этом мы также рассматриваем кампанию против атомной/водородной бомбы как еще один пример для анализа. Можно утверждать, что все кампании общественного движения уникально различны по совокупностям смыслов. Это связано с тем, что каждая кампания имеет свой исторический контекст, культурный фон и собственный набор участников. Схожесть кампаний 1954 и 2012 гг. — в их требованиях о денуклеаризации Японии, однако между ними более 60 лет разницы во времени, в течение которых резко изменилась политика японского правительства в области ядерной энергетики и существенно увеличилось число атомных электростанций в Японии. Таким образом, если наши теоретические посылки и аналитический метод верны, то мы сможем увидеть совершенно разные смысловые констелляции в этих двух случаях.

³ По состоянию на 26 сентября 2011 года в Японии было 54 АЭС.

Данные и методы

Наша цель в этой статье состоит в том, чтобы очертить конфигурацию смыслов, которые составляли бы субъективную совокупность кампании общественного движения. Под термином «смысл» мы понимаем совокупность понятий или интерпретаций, которые субъект приписывает инцидентам ядерного взрыва и акту участия в общественной кампании.

Мы используем сетевой анализ в качестве метода изучения сферы смысла в кампании общественного движения. Опираясь на существующую литературу по социальным сетям [29], мы используем как качественный, так и количественный подходы: первый — при извлечении субъективных смыслов, приписываемых акту участия в кампании, а второй — при анализе данных с использованием методов сетевого анализа после сортировки массива значений таким образом, чтобы их можно было измерить численно.

Смысл субъективно создается сначала из индивидуального психического процесса ассоциации, результат которого в дальнейшем будет являться мотивационным источником действия индивида. Например, для отдельного субъекта инцидент может быть связан с понятиями «Хиросима и Нагасаки», «черный дождь», «радиоактивное загрязнение» и «смерть невинных людей». Эти четыре определения в буквальном смысле являются результатами процессов ассоциации; они представляют собой субъективные смыслы, приписываемые инциденту. В то же время эти смыслы составляют мотивацию субъекта к действию, поскольку они являются потенциальными и воображаемыми результатами, которых субъект стремится избежать. Поскольку у нас есть множество субъектов в кампании, нам нужно получить от её участников множество приписываемых смыслов. Наблюдая взаимосвязь между несколькими значениями и интегрируя их в субъективную совокупность, которая представляла бы всю кампанию, мы можем увидеть в ней конфигурацию смыслов.

Кто является предметом изучения? Здесь мы должны были принять решение. Было бы идеально опросить всех участников кампании, чтобы выделить смыслы, которые каждый из них придает ядерным взрывам и акциям протеста. Однако это невозможно. Затем мы решили сосредоточиться на «сильных» участниках кам-

пании. Это те, кто охотно участвует в кампании через открытое выражение своих идей, мнений и интерпретаций рассматриваемого явления; к «слабым» же участникам относятся те, кто либо молчит, либо участвует в кампании довольно пассивно. Учитывая, что мотивационные и идеологические наклонности, а также общие ориентации кампании, как правило, определяются мнениями и высказываниями тех, кто выступает с такими заявлениями, мы решили сосредоточиться на идеях и мнениях, высказанных сильными участниками. Здесь возникла еще одна проблема: как определить сильных участников. В принципе, невозможно узнать, кто является таким участником, пока мы не выслушаем всех участников. Чтобы обойти эту проблему, мы предположили, что опубликованные документы, выдаваемые на месте проведения кампании, будут представлять их интерпретации о предмете, который они считают проблемным, и об их действиях. Кроме того, тот факт, что они опубликовали документы, будет означать их активное участие в акции протеста.

Это решение во многом определило наши источники данных. В общественных движениях после событий 11 марта 2011 г. наилучшей возможностью для сбора данных стал Всемирный конгресс по денуклеаризации. Он привлек гражданские группы и активистов с самых северных островов на самые южные острова Японии, на нем собрались как активисты общественных движений, так и группы НПО. Таким образом, мы предположили, что хорошая репрезентативность будет достигнута за счет использования документов Всемирного конгресса по денуклеаризации. В течение всей кампании мы собирали брошюры, местные газеты, плакаты и любые другие раздаточные материалы, которые доставлялись и раздавались участникам кампании. Эти текстовые материалы послужили источниками, из которых мы путем логического умозаключения извлекли субъективные смыслы.

В некотором смысле изучение набора документов, раздаваемых в ходе кампании, представляет нам аналитическое преимущество перед использованием методов интервью. Использование текста, взятого из интервью, ограничивает область исследования, поскольку при интервьюировании сбор данных приходится осуществлять только на месте проведе-

ния кампании; в то время как использование документов в качестве источников данных позволяет нам исследовать аналогичный случай в прошлом, пока соответствующие документы хранятся и доступны для использования. Это дополнение исторической глубины в исследовании позволяет нам изучить несколько случаев, которые имели место в разные исторические периоды времени.

В данной статье мы рассмотрим две масштабные антиядерные кампании в Японии: антиядерную/антиводородную кампанию 1954 г. и антиядерную кампанию 2012 года. В 2012 г. мы самостоятельно собрали источники данных, установив два критерия при их выборе: были ли они розданы на месте проведения акции или были изготовлены участниками движения либо участвующими организациями. Мы рассортировали все собранные документы и исключили избыточные. В итоге нашим требованиям удовлетворил 191 документ, что и составило совокупность источников данных для кампании 2012 г. Для кампании 1954 г. мы полностью полагались на архивные данные⁴, которые включают заявления, обращения, брошюры и плакаты. После выполнения тех же процедур в качестве источников данных было отобрано 34 документа.

На первом этапе создания набора данных мы используем качественный подход, фокусируясь на извлечении смыслов, которые субъект приписывает инциденту ядерного взрыва. Естественно, что сами по себе словосочетания «ядерный взрыв» или «ядерный синтез» — это термины, обозначающие только физико-химические явления. В жизни человека, через ассоциативный процесс, данные термины приобретают конкретные значения и интерпретируются как оказывающие многостороннее влияние на жизнь индивида. Читая текст в собранных документах, мы стараемся заглянуть в субъективные интерпретационные процессы. В частности, мы делаем вывод о намерениях, восприятии, понимании и объяснениях тех, кто составил и записал текст; мы рассматриваем метафоры, крылатые фразы, визуальные образы, призывы и символические представления [30]. Другими

⁴ Все архивные данные были взяты из Национальной парламентской библиотеки и Исторического музея Сугинами.

словами, мы пытаемся расшифровать смысловую работу тех, кто составлял тексты и визуальные образы в документах, и извлечь смыслы, приписываемые инциденту, и реакции людей.

На втором этапе создания набора данных мы количественно оцениваем смыслы, извлеченные из различных источников данных на первом этапе. В каждом году мы часто сталкиваемся с несколькими документами, которые имеют один и тот же смысл. Например, в 2012 г. «Фукусима» и «радиоактивный» оказались среди наиболее часто ассоциируемых смыслов в нескольких документах. Каждому термину мы присваиваем номер, отражающий частоту его употребления, в соответствии с количеством документов, в которых данный термин имеет один и тот же смысл. Эта процедура позволяет нам получить список смыслов с различными показателями частотности: 41 смысл, с частотностью от 1 до 78, для кампании 2012 г. и 23 смысла, с частотностью от 1 до 17, для кампании 1954 года.

Мы предполагаем, что эти смыслы взаимосвязаны и иерархичны. Один смысл может быть связан с другим, который, в свою очередь, связан с третьим и т.д. Это происходит вследствие того, что с термином «ядерный взрыв» обычно ассоциируется целый ряд смыслов. Таким образом, весь набор смыслов образует паутину, или сеть, смыслов. Однако не все смыслы равны по своей относительной значимости в сети смыслов. В крайнем случае, один смысл может доминировать над остальными, играя центральную роль в сети. Такой случай представлен обстоятельством, когда существует один сильный смысл, который все участники кампании связывают с ядерным взрывом. С другой стороны, может существовать множество смыслов, которые одинаково важны для создания сети смыслов. Следовательно, важной задачей в анализе данных является конфигурация сети смыслов, в которой смыслы так или иначе связаны между собой.

Это требует от нас использования программного обеспечения для сетевого анализа, что дает возможность выполнять численную обработку данных⁵. Это объясняется тем, что в настоящей работе [31] исследуются вопросы

⁵ Для анализа мы использовали UCINET 6 для Windows (32).

централизации и сегментации в сети смыслов. Это также полезный инструмент, помогающий избежать поверхностной оценки роли каждого смысла во всей сети смыслов. Сетевой анализ позволяет нам систематически выявлять центр и подсети всей сети смыслов в кампании общественного движения.

Проблемы с данными могут появиться при работе с документами 1954 г. Количество документов, которые мы используем для исследования кампании 1954 г., намного меньше, чем для кампании 2012 г. Это может свидетельствовать о недостаточном объеме собранных источников данных. Более проблематична возможность получения необъективных данных. Мы извлекли документы из архивных коллекций исторических материалов. Некоторые исторические документы, вероятно, сохранились лучше, чем другие, когда были собраны в книги и буклеты.

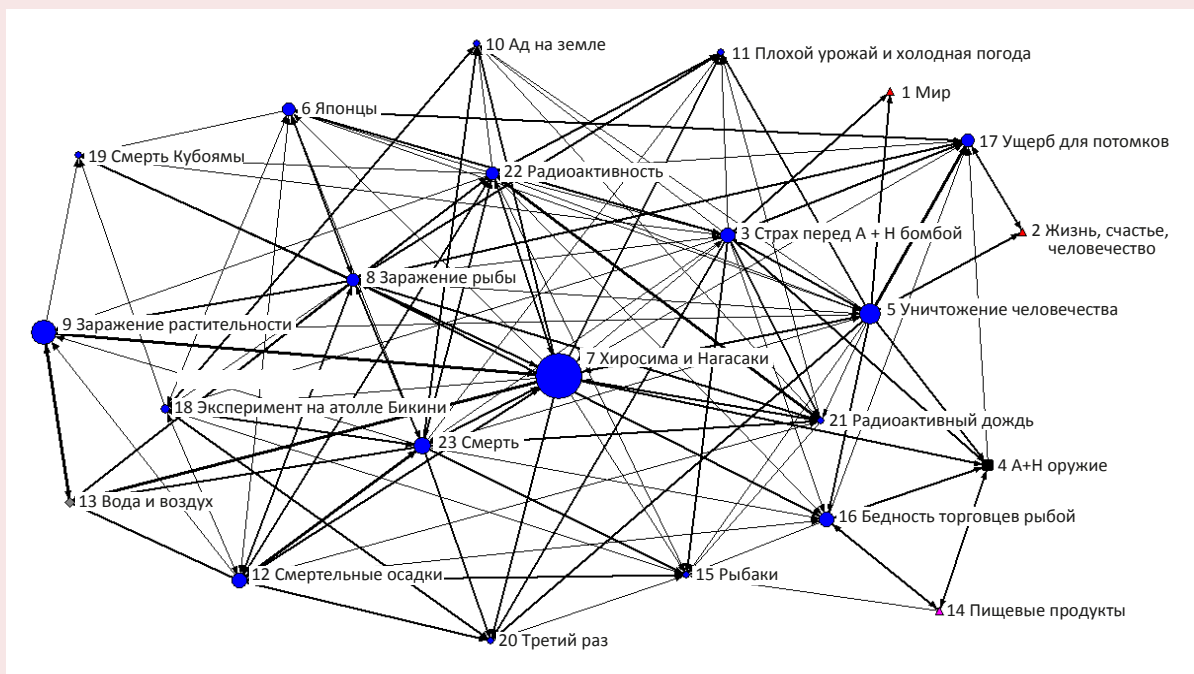
Признавая возможное существование таких потенциальных проблем, мы все же решили

использовать данные 1954 г. Они являются не только важными историческими ресурсами, но и незаменимыми материалами, с которыми мы проводим историческое сравнение. Фактически, после сравнительного анализа качественных отчетов о кампании 1954 г., взятых из другой научной литературы и результатов нашего сетевого анализа, мы чувствуем себя достаточно уверенными в том, что нам удалось воспроизвести существенную часть поля смыслов, существовавшего в кампании 1954 г. Тем не менее мы рассматриваем данную кампанию как пример, на который можно ссылаться, и не придаем ему слишком большого веса в нашем окончательном анализе данных.

Анализ и результаты

Сетевой график дает возможность расширить наше понимание взаимосвязи между смыслами и их относительной важности в создании всей сети смыслов⁶. На графике (рис. 1) показана сеть смыслов, выделенных в результате анализа данных 1954 г.

Рис. 1. Сеть смыслов, 1954 год*

* Составлено с использованием данных об антиядерной кампании 1954 г., Япония.

⁶ Для определения существования связи между узлами в сетевом графике мы использовали коэффициент совпадения 0,4 в качестве точки отсечения.

Мы используем измерения центральности для оценки относительной важности каждого смысла в создании всей сети смыслов⁷. Двенадцать смыслов с высокими баллами центральности были выделены и классифицированы по четырем областям смыслов: мгновенная реакция на водородную бомбу (страх перед А+Н бомбой, радиоактивностью), историческая память Японии (японцы, Хиросима и Нагасаки, смертельные осадки, смерть), тревога и трудности повседневной жизни (загрязнение рыбы, растительности, бедность торговцев рыбой) и тревога за будущее (А+Н оружие, уничтожение человечества, ущерб, наносимый потомкам)⁸. Эти четыре области можно рассматривать как ментальные поля, сыгравшие важную роль в создании сети смыслов в кампании 1954 г.

Кроме того, сетевой график позволяет определить степень значимости каждой из четырех областей смыслов. В этом отношении центральным смыслом явно обладают Хиросима и Нагасаки; остальные одиннадцать смыслов несколько отступают на задний план⁹. Изучение связи между Хиросимой и Нагасаки, и другими узлами показывает, что этот смысловой узел сильно связан с другими узлами, характерными для опыта японцев 1945 г.: «третий раз», «ад на земле», «радиоактивный дождь» и «смертельные осадки». Очевидно, что сброс атомных бомб США на города Хиросима и Нагасаки и последовавшие за этим катастрофы беспрецедентного масштаба остались в сознании многих как ад на земле, повлекший гибель невин-

⁷ Для измерения центральности мы главным образом использовали метод определения центральности по посредничеству, поскольку мы придаем большое значение соединительной функции каждого узла. При необходимости мы определяли центральность по степени; разница не была достаточно существенной, чтобы заставить нас изменить первоначальное суждение.

⁸ В сетевом графике степень централизации для каждого узла показана формой и размером узла. Круг (○) обозначает самую высокую степень центральности, за которой следуют ромб (◇), квадрат (□) и треугольник (△). В пределах той же формы узел большего размера показывает более высокую степень централизации, чем узел меньшего размера.

⁹ Центральность по посредничеству для Хиросимы и Нагасаки составляет 49,46, а для загрязнения растительности — 21,70. Исследование с измерением полустепени исхода также указывает на тот же самый вывод; Хиросима и Нагасаки по-прежнему занимают самую центральную позицию в графике.

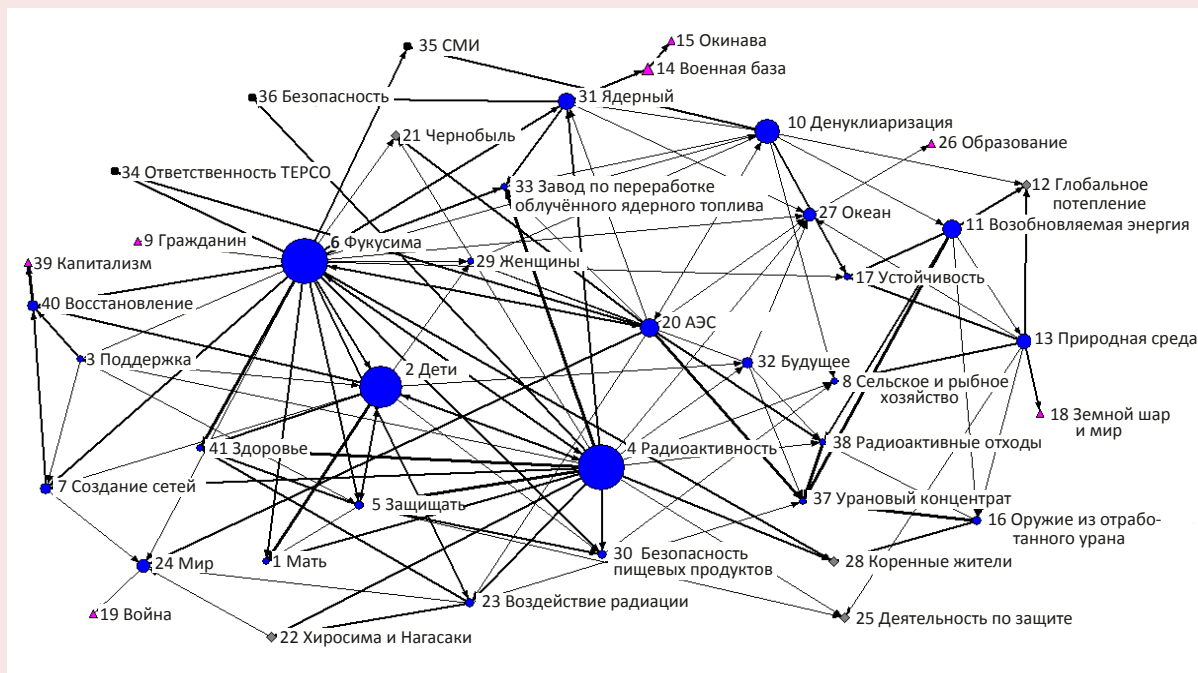
ных людей в результате радиоактивных дождей и смертельных осадков. Эта коллективная память стала ментальной базой, на основе которой извлекались смыслы, связанные с экспериментами с водородной бомбой в 1945 г. Термин «третий раз» демонстрирует этот мысленный ассоциативный процесс, протекавший во время антиядерной кампании 1954 г., для участников которой инцидент 1954 г. стал третьим случаем, когда японцы стали жертвами ядерного взрыва, последовавшего за трагедией Хиросимы и Нагасаки.

Загрязнение растительности занимает второе место по степени центральности на графике. Оно связано со смыслами, обозначающими тревогу по поводу ежедневного рациона (вода и воздух, загрязнение рыбы, бедность торговцев рыбой), смерть и бедствие (смерть, смерть Кубоямы, выпадение смертельных осадков, уничтожение человечества). Этот набор смыслов, сосредоточенных вокруг узлового смысла «загрязнение растительности», интерпретируется как представляющий собой человеческие страхи, связанные с тем, что потребление радиоактивно загрязненной рыбы, воды и воздуха может привести к смерти.

В целом те, кто участвовал в кампании против атомной/водородной бомбы в 1954 г., восприняли эксперименты на атолле Бикини и вызванное ими облучение японских рыбаков как угрозу их повседневному рациону питания, что в свою очередь привело к тревоге за настоящее и будущие поколения, включая ущерб для потомков и страх за будущее человечества. Историческая память о трагедиях 1945 г. в Хиросиме и Нагасаки сыграла центральную роль в создании сети смыслов 1954 г.

На графике (рис. 2) показан результат сетевого анализа кампании общественного движения 2012 г., наш основной случай, проанализированный в данной статье. На графике выделяются три смысла, имеющие самые высокие баллы центральности: «дети», «Фукусима» и «радиоактивность». Есть и другие смыслы, которые также обладают более высокими баллами центральности, чем остальные. Проклассифицировав эти смыслы, мы получили пять областей смыслов: Фукусима, прямой ответ на взрывы на АЭС (радиоактивность, радиоактивное воздействие, атомная электростанция, ядерный), защита детей (дети, защищать, буду-

Рис. 2. Сеть смыслов, 2012 год*

* Составлено с использованием данных по антиядерной кампании 2012 г., Япония.

ще), денуклеаризация (денуклеаризация, строительство сетей) и обеспокоенность, вызванная состоянием окружающей среды (возобновляемая энергия, природная среда, океан). Понятие «Фукусима» стало всеобъемлющим: оно включает в себя множество смыслов – от непосредственных физических результатов взрывов на АЭС до чувства риска и тревоги за будущее, а также скорби и горя тех, кто пострадал от инцидента. Так же, как на сетевом графике 1954 г., мы находим набор прямых ментальных реакций на инцидент 2011 г. Естественно, что в этой области понятия «ядерный» и «радиоактивность» являются центральными смыслами инцидента.

Набор смыслов, который представляет собой ментальную ориентацию на защиту детей, явно входит в число наиболее заметных характеристик кампании 2012 г. В сетевом графике понятие «дети» связано с понятиями «защита», «ядерная энергия», «здоровье», «поддержка», «женщины», «будущее» и «безопасность пищевых продуктов», а также «Фукусима» и «восстановление». Эта подсеть смыслов может быть интерпретирована как имеющая свое происхождение в менталитете материнства, на-

правленном на защиту ребенка в будущем. Это отражается на фактическом действии общественного движения. Значительную часть его участников составили молодые мамы, многие из которых пришли с детьми. Следовательно, общественное движение, последовавшее за событиями 11 марта 2011 г., можно рассматривать как движение матерей.

Последние две области смыслов – денуклеаризация и обеспокоенность, вызванная состоянием окружающей среды, – взаимосвязаны, поскольку попытка остановить политику в области развития ядерной энергетики, которая рассматривалась как источник загрязнения природных сред: почвы, деревьев и океанов – после событий 11 марта 2011 г., обязательно влечет за собой восстановление природы и сохранение природных сред, избежавших загрязнения.

Необходимо отметить, что обеспокоенность, вызванная состоянием окружающей среды, не похожа на ту, которая обычно бывает отражена в глобальных общественных движениях. Понятия «земной шар и мир» и «глобальное потепление», как оказалось, занимают лишь мар-

гинальные позиции в сетевом графике. Таким образом, эта обеспокоенность является локально ориентированной, тесно связанной с повседневной жизнью людей. Глобальные проблемы не играют центральной роли в создании совокупности смыслов кампании 2012 г.

Другие сильные характеристики сетевого графика 2012 г. можно найти в его периферийных областях. Во-первых, в отличие от выводов, которые мы получили исходя из данных 1954 г., в 2012 г. Хиросима и Нагасаки не занимают центрального положения. Скорее они играют второстепенную роль в создании сети смыслов. Как упоминалось ранее, это можно интерпретировать следующим образом: после событий 11 марта 2011 г. понятие «Фукусима» приобрело статус синонима «Хиросимы и Нагасаки», и поэтому участникам кампании не нужно было прибегать к коллективной памяти японского народа так часто, как в 1954 г. Во-вторых, в периферийных областях расположены понятия «милитаризм», «военная база», «Окинава» и «капитализм». Это указывает на то, что опасения, которые мы обычно находим в антиглобалистских движениях, такие как антикапитализм и антимиитаризм, не являются существенной основой для создания смысла в кампании 2012 г. Наконец, Токийская энергетическая компания (ТЕРСО), владелец взорвавшихся АЭС в Фукусиме, также не выступает центральным предметом опасений участников кампании. Это может быть связано с тем, что в ходе кампании обвинения в адрес ТЕРСО как виновника взрывов и последующих страданий людей звучали довольно слабо.

Таким образом, похоже, что кампания 2012 года не является ни глобальным движением, ни движением, которое решительно выступает против ТЕРСО. Эта кампания сосредоточена вокруг заботы о защите детей и окружающей среды.

Обсуждения и последствия

Целью данной статьи являлось исследование ментальных аспектов антиядерных движений в Японии после событий 11 марта 2011 г. Для достижения этой цели мы рассмотрели те смыслы, которые участники кампании придают инциденту с ядерными взрывами и последующим действиям по продвижению денуклеаризации. Наш подход основан на предположении, что участник действует на основе смыслов, ко-

торые он приписывает рассматриваемому объекту, и что множественность участников движения создает массив смыслов, в котором множественные смыслы взаимосвязаны, так что их совокупность создает сеть смыслов.

Исследователи общественных движений уже довольно давно признали, что в таких движениях существует мир смыслов и что акт протеста может быть интерпретирован как борьба против набора смыслов, приписываемых противоборствующими сторонами, часто доминирующими, явлению, которое участники движения считают проблемным. Кроме того, ученые установили, что в кампании общественного движения может быть центральный смысл, который контролирует и регулирует другие смыслы, и что в сети смыслов существуют подмножества смыслов, которые охватывают всю кампанию общественного движения [например, 12; 14; 15]. Иными словами, наш подход к созданию «ментальной карты» заключается в выявлении разнообразных смыслов, приписываемых акту протеста, а также в выявлении центральных смыслов и важных подсетей смыслов.

Наш главный вывод заключается в том, что в кампании 2012 г. было три центральных смысла: «Фукусима», «радиоактивность» и «дети», вокруг которых сосредоточено большинство других смыслов. Понятие «Фукусима», повидимому, стало общеупотребительным словом и приобрело статус, характерный для понятий «Хиросима» и «Нагасаки». Лишившись своего значения как существительное, обозначающее место, данное понятие стало абстрактным, обозначающим совокупность трагедий, таких как радиоактивное загрязнение, распад семьи, разрушение общины, горе и скорбь. Радиоактивность может быть интерпретирована как результат прямого ассоциативного процесса, связанного со взрывами на АЭС. Это, наверное, первый смысл, который участники акции приписали взрыву. Сильное присутствие понятия «дети» показывает, что ментальные склонности участников значительно продвинулись в сторону защиты детей, и это придало смысл их акту протеста; среди прочего, их действия были направлены на защиту детей в будущем. В этом смысле движение после событий 11 марта 2011 г. — это движение матерей. Кроме того, набор смыслов указывает на сильную озабоченность участников состоянием окружающей сре-

ды. Есть публикации, в которых общественное движение, вызванное событиями 11 марта 2011 года, представляется как осуждающее политику правительства и ТЕРСО [33; 34]. Наш же анализ показывает иную картину: это движение, направленное на защиту окружающей природной среды и детей.

Наконец, общественное движение после событий 11 марта 2011 г. не является глобальным. Некоторые из смыслов, как правило ассоциирующихся с сегодняшними глобальными движениями, не были признаны центральными в данной кампании. Оно не является также движением антиглобализма; смыслы, связанные с антикапитализмом и антимилитаризмом, вытесняются на периферию всей сети смыслов.

Характеристики движения после событий 11 марта 2011 г. в Японии становятся гораздо более ясными по сравнению с характеристиками антиядерной кампании 1954 г. В кампании 1954 г. психологический настрой участников в основном формировался памятью о трагедии в Хиросиме и Нагасаки. Они черпали смыслы ядерных взрывов из коллективной памяти. Движение после событий 11 марта 2011 г. выглядит иначе. Оно не черпает свои смыслы из предыдущего исторического опыта; вместо этого, кажется, что оно создало новый всеобъемлющий символ своей собственной печали — «Фукусима». Во-вторых, движение 1954 г. отчасти было вызвано ощущением рисков продовольственной безопасности. В движении после событий 11 марта 2011 г. безопасность пищевых продуктов также вызывает озабоченность, однако она не играет центральной роли во всей сети смыслов, о чем свидетельствует относительная удаленность смыслов, относящихся к безопасности пищевых продуктов.

В целом кампания 1954 г. и кампания после событий 11 марта 2011 г., часто объединяемые под названием «антиядерное движение», являются совершенно разными. В то время как движение 1954 г. в основном черпало свои смыслы из коллективной памяти о Хиросиме и Нагасаки и риска в области продовольственной безопасности, движение после событий 11 марта 2011 г. было движимо материнскими чувствами о защите ребенка и заботой об охране местной окружающей среды.

В рамках культурного подхода к общественным движениям много говорилось о смыслах, которые участники приписывают своему собственному действию и объекту, считающемуся источником проблемы. Множество смыслов, найденных в ходе общественного движения, также называют сетью смыслов. Однако такая паутина смыслов, присутствующих в реальной кампании общественного движения, не была исследована до настоящего времени. Представленный в нашей статье подход с использованием составления ментальных карт отражает психологические свойства участников движения. Это позволяет нам лучше понять культурные аспекты общественных движений.

Подобный подход может также помочь нам понять изменение менталитета и процессов приписывания смысла кампаниям общественных движений, поскольку, с учетом имеющихся данных, он может быть применен к прошлым кампаниям. Итак, мы рассмотрели только две кампании общественных движений, прошедших в разные периоды. Увеличивая количество исследуемых случаев в разные периоды времени, можно сделать вывод о трансформации смыслов, которые участники движения придают акту протеста.

Литература

1. Melucci A. *Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society*. Ed. by J. Keane, P. Mier. London: Hutchinson Radius, 1989.
2. Melucci A. The process of collective identity. In: Johnston H., Klandermans B. (Eds.). *Social Movements and Culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. Pp. 41–63.
3. Denuclearization Event Information. *2011 Event Calendar*. Available at: <http://datugeninfo.web.fc2.com/> (accessed 26 September 2011).
4. Hirabayashi Y. Antinuclear demonstrations and the young. *People's Plan*, 2012, no. 58, pp. 65–70.
5. Yamamoto H., Katano Y., Kanaya M., Tamaki E., Nomiya D. Citizen's battle: an image of Japanese society in the 2003 peace protest survey. *Sophia*, 2004, no. 52, pp. 65–90.

6. Suga H. *History of the Ideas of the Antinuclear: From the Cold War to Fukushima*. Chikuma Selected Books Series. Tokyo: Chikuma Shobo, 2012.
7. Kawamura M. *The Nuclear Power Plant and the Nuclear Bomb: Post World War Spiritual History of the Nuclear*. Kawade Books Series. Tokyo: Kawade Shobo Shinsha, 2011.
8. Snow D.A., Rochford E.B., Jr, Worden S.K., Benford R.D. Frame alignment processes, micromobilization, and movement participation. *American Sociological Review*, 1986, Aug., vol. 51, no. 4, pp. 464–481.
9. Snow D.A., Benford R.D. Ideology. Frame resonance, and participant mobilization. *International Social Movement Research*, 1988, no. 1, pp. 197–217.
10. Polletta F. Culture and its discontents: recent theorizing on the cultural dimensions of protest. *Sociological Inquiry*, 1997, no. 67, pp. 431–450.
11. Polletta F., Jasper J.M. Collective identity and social movements. *Annual Review of Sociology*, 2001, no. 27, pp. 283–305.
12. Jasper J.M. *The Art of Moral Protest: Culture, Biography, and Creativity in Social Movements*. Chicago: University of Chicago Press, 1997.
13. Jasper J.M. The emotion of protest: affective and reactive emotions in an around social movements. *Sociological Forum*, 1998, no. 13, pp. 397–424.
14. Johnston H., Klandermans B. *Social Movements and Culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995.
15. Slater D. Rethinking the specialities of social movements: questions of borders, culture, and politics in global times. In: Alvarez S.E., Dagnino E., Escobar A. (Eds.). *Cultures of Politics, Politics of Cultures: Re-visioning Latin American Social Movements*. Boulder, Colorado: West View Press, 1998.
16. Sewell W.H. Jr. The concept(s) of culture. In: Bonnel V.E, Hunt L.A., Biernacki R. (Eds.). *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture*. University of California Press, 1999. Pp. 35–61.
17. Bartholomew A., Mayer M. Nomads of the present: Melucci's contribution to 'New Social Movement' theory. *Theory, Culture, and Society*, 1992, no. 9, pp. 141–159.
18. Williams R.H., Benford R.D. Two faces of collective action frames: a theoretical consideration. *Current Perspectives in Social Theory*, 2000, no. 20, pp. 127–151.
19. Nomiya D. Under a global mask: family narratives and local memory in a global social movement in Japan. *Societies Without Borders*, 2009, no. 4, pp. 117–140.
20. Gamson W. *Talking Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
21. Gamson W., Modigliani A. Media discourse and public opinion and nuclear power: a constructionist approach. *American Journal of Sociology*, 1989, no. 95, pp. 1–37.
22. McAdam D. Culture and social movements. In: Laraña E., Johnston H., Gusfield J.R. (Eds.). *New Social Movements: From Ideology to Identity*. Pennsylvania: Temple University Press, 1994. Pp. 36–57.
23. Nomiya D. From "Hiroshima" to "Fukushima": meaning transformation of the nuclear. *Sophia*, 2012, no. 59 (4), pp. 82–98.
24. Nomiya D. Social movement in Japan: split mentalities and memory. In: Farro A., Lustiger-Thaler H. (Eds.). *Reimagining Social Movements: From Collectives to Individuals*. UK: Ashgate Publishing, 2016. Pp. 81–94.
25. Maruhama E. *Birth of Antinuclear/Hydrogen Bomb Movements: Residents' Power and Undercurrent of Suginami Ward, Tokyo*. Tokyo: Gaifu-u-sha, 2011.
26. Sasaki-Uemura W. *Organizing the Spontaneous: Citizen Protest in Postwar Japan*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2001.
27. Shibagaki K. *History of Showa Period Vol 9: From Peace to High Growth*. Tokyo: Shogakkan, 1983.
28. Kokuminn no Kai. A Group of National Citizens Who Criticize the Power and Mass Communication Media and Protect Human Rights. Available at: <http://blog.goo.ne.jp/uhi36845-002/e/019043f8f72f317980d0c1a85391a5b7> (accessed 26 September 2011).
29. Diani M., McAdam D. *Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action*. New York: Oxford University Press, 2003.
30. Griswold W. A methodological framework for the sociology of culture. *Sociological Methodology*, 1987, no. 17, pp. 1–35.

31. Diani M. Networks and social movements: a research programme. In: Diani M., McAdam D. (Eds.). *Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action*. New York: Oxford University Press, 2003. Pp. 299–319.
32. Borgatti S.P., Martin G.E., Jeffrey C.J. *Analyzing Social Networks*. Thousand Oaks, California: Sage, 2013.
33. Nakamura M., Fujita T., Nagaoka H. Out of order Fukushima anticipated: Fukushima Power Plant no. 1 had been pointed out as having high risk. *Newsweek*, 2011, no. 26 (13), pp. 28–33.
34. Hida M. Politicians, bureaucrats, and industrial circles have been responsible for the nuclear power plant accident. Interview with Paul Scalise. *Economist*, 2011, no. 89 (20), p. 38.

Сведения об авторах

Дайширо Номия – Ph.D. (социология), профессор, руководитель Программы мировой социологии, факультет социологии, Университет Чуо (192-0393, Япония, Токио, Хигаси Накано, Хатиодзи, 742-1; e-mail: dainom@tamacc.chuo-u.ac.jp)

Исаму Сугино – магистр социологии, профессор, факультет прикладной социологии, Университет Отяномидзу (112-8610, Япония, Токио, Оцука, Бункё, 2-1-1; e-mail: sugino.isamu@ocha.ac.jp)

Риса Мурасе – магистр в области международных отношений, аспирант, факультет социологии, Университет Северной Каролины в Чапел-Хилл (США, СВ 3210, Северная Каролина, 27599-3210, Чапел-Хилл, Гамильтон-Холл, 254; e-mail: risa@live.unc.edu)

Daishiro Nomiya, Isamu Sugino, Risa Murase

Social Movements as Networks of Meanings: Constructing a Mental Map of the 2012 Antinuclear Movement Campaign in Japan

Abstract. Social movement is a battlefield of meanings; a movement campaign contains a cluster of diverse meanings given by those participating in the campaign. Stimulated by such theoretical concepts as “network of meanings”, scholars have attempted to seize the collective meaning attribution process and resultant meaning clusters, as well as central/dominant and peripheral meanings in social movement campaigns. However, such a meaning cluster in the actual movement campaign has never been captured to date. This paper is an attempt to draw what we call “mental map,” mapping a cluster of meanings the movement campaign accommodates. Employing network analysis technique, we draw a network graph showing a cluster of meanings present in the movement campaign. We used the 2012 anti-nuclear movement campaign in Japan as a research site where we collected empirical data. The analysis of the 2012 network graph clearly showed central meanings considered to dominate the signification process of the 2012 campaign and a cluster of meanings that constituted a subset in the entire web of meanings. To ensure the capability of our research technique to differentiate meaning clusters from one movement campaign to another, we compared the 2012 campaign against the 1954 campaign. The differences were stark: the 2012 campaign was strongly driven by motherhood mentality to protect children and a concern over local environments, while the 1954 campaign dominantly drew its signification from collective memory of Hiroshima and Nagasaki and risk on food safety. The mental map approach can help us understand “why” of the movement campaign from yet another perspective; it can also assist us in understanding the change in the mentality and meaning attribution processes of social movements, as, given the data exist, it can be applied to the past campaigns.

Key words: mental map, social movement, social movement campaign, meaning, network analysis, network of meanings, Japan.

Information about the Authors

Daishiro Nomiya – Ph.D. in Sociology, Professor, Director, Global Sociology Program, Department of Sociology, Chuo University (742-1, Higashi-Nakano, Hachioji-city, Tokyo, 192-0393, Japan; e-mail: dainom@tamacc.chuo-u.ac.jp)

Isamu Sugino – MA in Sociology, Professor, Department of Applied Sociology, Ochanomizu University (2-1-1, Otsuka, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-8610, Japan; e-mail: sugino.isamu@ocha.ac.jp)

Risa Murase – MA in International Relations, Graduate Student, Department of Sociology, University of North Carolina at Chapel Hill (254, Hamilton Hall, CB 3210, Chapel Hill, NC, 27599-3210, USA; e-mail: risa@live.unc.edu)

Статья поступила 16.09.2019.

Структурные и институциональные аспекты карьерных возможностей японских добровольных экспатриантов в странах Восточной и Юго-Восточной Азии*

Кендзи Ишида

Институт социальных наук, Токийский университет
7-3-1, Хонго, Бункё-ку, Токио 1130033, Япония
E-mail: ishidak@iss.u-tokyo.ac.jp
ORCID: 0000-0002-1801-6540

Син Арита

Институт социальных наук, Токийский университет
7-3-1, Хонго, Бункё-ку, Токио 1130033, Япония
E-mail: Сарита@iss.u-tokyo.ac.jp
ORCID: 0000-0001-5324-2132

Кейко Гэндзи

Школа гуманитарных наук, Мейсейский университет
2-1-1, Ходокубо, Хино, Токио, 1918506, Япония
E-mail: keiko.genji@meisei-u.ac.jp
ORCID: 0000-0002-7962-7820

Мэй Кагава

Университет Дайто Бунка
560, Ивадоно, Хигаси-Мацуяма, Сайтама 355 8501, Япония
E-mail: meika@ic.daito.ac.jp
ORCID: 0000-0002-3074-8293

* Статья подготовлена при поддержке Японского общества содействия развитию науки KAKENHI, гранты № JP 18H00922, JP 18H05204, JP 18H00931.

Для цитирования: Структурные и институциональные аспекты карьерных возможностей японских добровольных экспатриантов в странах Восточной и Юго-Восточной Азии / К. Ишида, С. Арита, К. Гэндзи, М. Кагава // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 175–191. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.12

For citation: Ishida K., Arita S., Genji K., Kagawa M. Structural and institutional aspects surrounding Japanese self-initiated expatriates' career opportunities in East and Southeast Asian societies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 175–191. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.12

Аннотация. В статье рассматривается, каким образом рынки труда для добровольных экспатриантов азиатских стран предоставляют карьерные возможности для молодых японских работников. Число трудоустроенных японских рабочих в Азии увеличилось с начала 90-х годов XX века. В предыдущих исследованиях, описывавших явление миграции образа жизни (Lifestyle Migration), отмечалось, что основной причиной экспатриации служат стремление сделать карьеру и убежденность в том, что посредством эмиграции можно найти что-то стоящее для своей жизни за счет получения более высокого статуса. Однако в этих исследованиях относительно мало внимания уделено аспектам спроса на труд японских добровольных экспатриантов, напрямую определяющим их возможности. Цель данного исследования – представить эмпирические данные, основанные на структурных и институциональных статистических отчетах. Авторами проанализированы данные о результатах собеседований кадровых агентств, а также о заработной плате в Сингапуре, Гонконге, Таиланде, Индонезии и Китае. Именно эти страны выбирают японских экспатриантов для работы. На основе качественного анализа данных, полученных по результатам собеседований, авторы выделили четыре аспекта, характеризующие возможности японского экспатрианта на рынке труда: рост рынка в местном обществе, существование японской общности, юридическое ограничение на выдачу разрешений на работу и степень локализации японских фирм. В соответствии с этими факторами можно разделить сообщества пяти упомянутых выше стран на две группы: в одной есть денежные премии для японских работников-эмигрантов, в другой – нет. Количественный анализ данных кадровых агентств о заработной плате также подтверждает различие в экономическом вознаграждении между этими странами. В Китае, Индонезии и Таиланде, которые входят в первую группу, заработная плата у работников из Японии значительно выше, чем у работников из других стран, но в Сингапуре и Гонконге это не так. Авторы анализируют также отличия настоящего исследования от предыдущих научных трудов, в заключении статьи обсуждаются будущие научные перспективы.

Ключевые слова: добровольные экспатрианты, местная занятость, структура карьерных возможностей, кадровые агентства, местная японская фирма, Азия.

Введение

Динамика численности японских эмигрантов в Азии

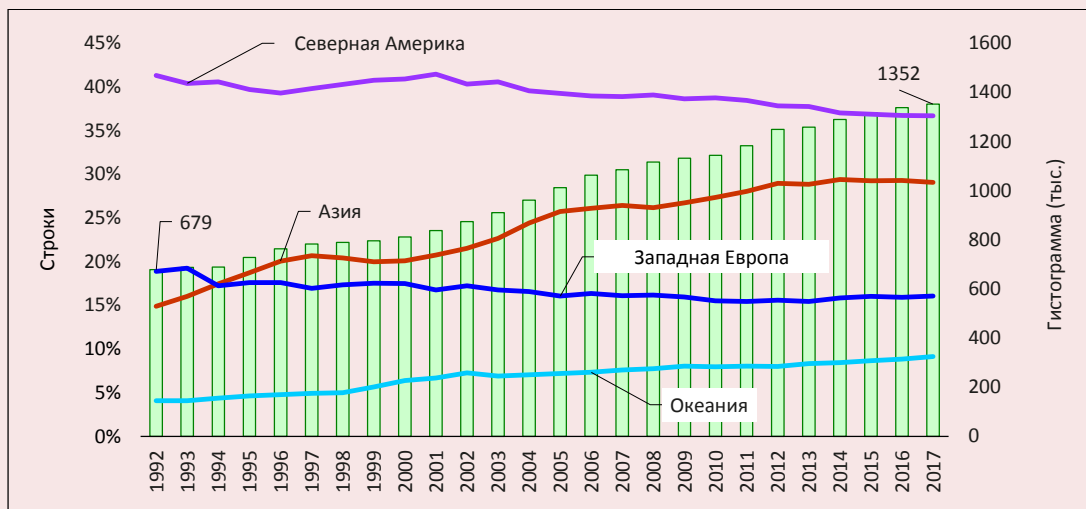
Является ли Япония страной, обращенной внутрь себя? Под словосочетанием «общество, обращенное внутрь себя» понимается, что большинство людей в этом обществе обращают внимание только на интересы своей страны и не интересуются международными или транснациональными проблемами. Образ японского общества, обращенного внутрь себя, часто вызывает дискуссии [1]. Международный сравнительный опрос, проведенный Кабинетом министров Японии, показывает, что японская молодежь мало интересуется проживанием и работой за границей¹. Доля молодых людей Японии в возрасте от 13 до 29 лет, которые хотели бы переехать в другие страны, составляет всего около 20%.

¹ <https://www8.cao.go.jp/youth/kenkyu/ishiki/h30/pdf-index.html>

Однако, хотя японская молодежь не проявляет желания жить и работать за границей, количество японских эмигрантов увеличилось с начала 1990-х годов. *Рисунок 1* иллюстрирует тенденцию японской эмиграции по всему миру и долю мигрантов из Японии в популярных регионах, куда они переезжают. На гистограмме отражен общий масштаб японской эмиграции: видно, что ее размер постоянно растет и увеличился почти вдвое за период с 1992 по 2017 г. В отличие от западных стран, за последние 25 лет (с начала 1990-х годов) в Азию переезжает все больше и больше японских эмигрантов и увеличение общей численности иностранцев происходит главным образом за счет азиатских стран.

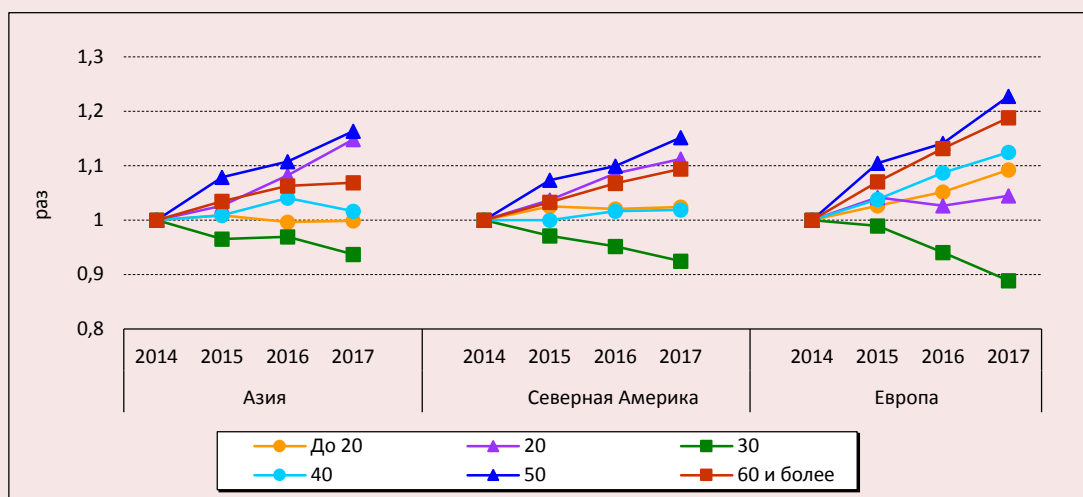
Помимо всеобщей тенденции, результат, полученный на основе данных официальной статистики, создает совершенно иное впечатление от того, что может подразумевать «внутренний» дискурс японской молодежи. *Рисунок 2* описывает изменения численности населения

Рис. 1. Общее количество японских эмигрантов в мире

Источник: Авторский расчет, выполненный на основе данных годового отчета статистики по японским гражданам за рубежом / Министерство иностранных дел Японии.

Рис. 2. Относительный рост численности японских эмигрантов по регионам и возрастным группам

Источник: Авторский расчет, выполненный на основе данных годового отчета статистики по японским гражданам за рубежом / Министерство иностранных дел Японии.

в рамках одних и тех же возрастных групп и показывает относительную численность японских эмигрантов в каждом году по сравнению с 2014 годом. Мы рассчитали их для трех основных регионов эмиграции и по возрастным группам². Во всех трех регионах численность японских эмигрантов в возрасте 20–30

и 30–40 лет выросла, так же как и количество возрастных эмигрантов — людей в возрасте 50 и более лет³ [2]. Доля японцев в возрасте 30–40 лет несколько уменьшается, но абсолютное их количество все же намного больше, чем в более молодых

² Данные о численности японских эмигрантов по возрастным группам доступны только с 2014 года.

³ Значительная часть японских пенсионеров после выхода на пенсию выбирает страны Юго-Восточной Азии (на рисунке 2 отражена эта тенденция).

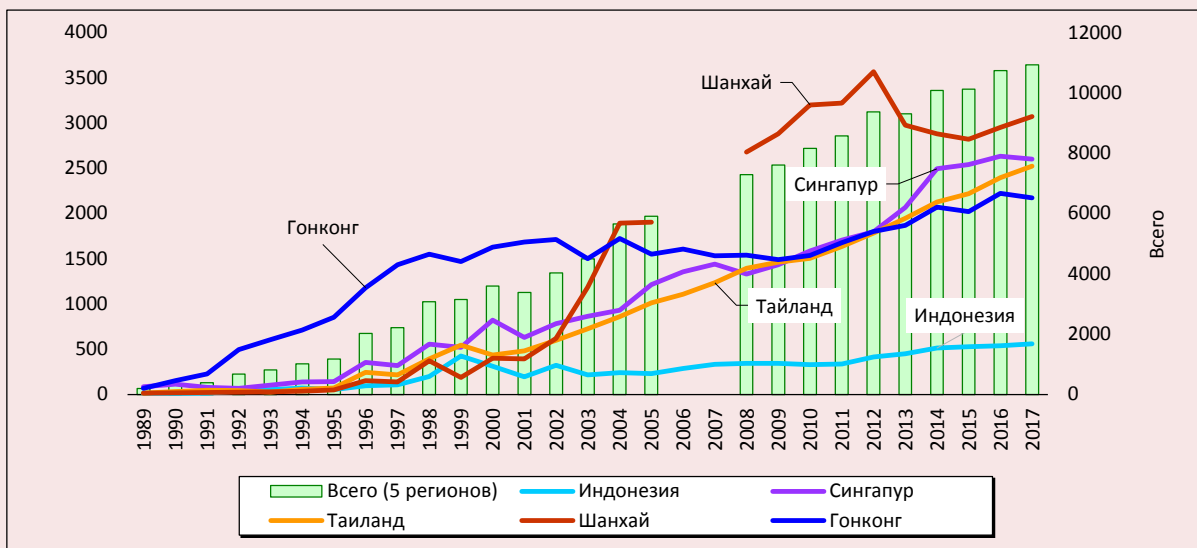
возрастных группах⁴. В Азии, на которой будет сосредоточено исключительное внимание в данной статье, большинство японских эмигрантов — это не международные студенты или работающие отпускники, а сотрудники частных компаний. Судя по статистическим данным, опыт транснациональной карьеры становится все более популярным среди японцев.

Есть два типа японских эмигрантов: один из них — корпоративный экспатриант (СЕ, от англ. corporate expatriate), а другой — так называемый добровольный экспатриант (SIE, от англ. self-initiated expatriate) [3]. Корпоративные экспатрианты назначаются головным офисом компании в местные филиалы, и они обычно занимают там руководящие должности. В отличие от корпоративных экспатриантов, добровольные самостоятельно находят себе работу и переезжают по месту трудоустройства. В большинстве случаев СЕ следует кадровой политике и практике головного офиса, а его трансграничная мобильность осуществляется в рамках карьерной лестницы организации. SIE, напротив, не имеет прямых трудовых отношений с головным офисом.

Рисунки 1 и 2 включают в себя как СЕ, так и SIE. К сожалению, точной цифры по SIE нет в силу отсутствия хорошо продуманного исследования, акцентированного на них. Тем не менее можно приблизительно увидеть количество SIE по числу женщин, работающих в частных компаниях. Это связано с тем, что большинство экспатриантов-мужчин в основном состоят из СЕ, и отчет об исследованиях СЕ показывает, что 98,2% СЕ составляют работники-мужчины [4]. Информаторы кадровых агентств в данном исследовании также часто указывают, что соотношение мужчин и женщин среди SIE составляет 50/50 или 60/40. Учитывая данную информацию, можно отметить, что число мужчин среди SIE в частных фирмах должно быть приблизительно равным числу женщин.

На рисунке 3 представлено количество женщин, работающих в частных фирмах в каждом регионе. Мы отобрали пять стран-регионов, популярных среди японских женщин — добровольных экспатриантов⁵, а гистограмма отражает их общее количество. Оно увеличилось с начала 1990-х годов и в 2017 г. превысило десять тысяч, то есть в 30 раз больше, чем в 1990 году.

Рис. 3. Численность женщин, работающих в частных компаниях в основных азиатских странах

Источник: Авторский расчет, выполненный на основе данных годового отчета статистики по японским гражданам за рубежом / Министерство иностранных дел.

⁴ В 2017 году в Азии, например, было более 63 000 японцев в возрасте 30–40 лет в сравнении с 30 000 японцев в возрасте 20–30 лет.

⁵ Вьетнам также становится популярным направлением, но японских эмигрантов там меньше, чем в других азиатских странах.

До начала 2000-х годов Гонконг был наиболее популярным местом среди японских SIE, однако в настоящее время эта тенденция идет на спад. На смену пришли Шанхай, Сингапур и Таиланд, привлекающие самое большое количество женщин SIE, в Индонезии их число также увеличивается. Исходя из этих результатов, можно предположить, что число японских мужчин SIE в этих странах сегодня на таком же уровне.

Исследовательский вопрос и проблематика исследования

Основной вопрос настоящего исследования заключается в том, какие возможности карьерного роста предоставляют молодым японским работникам рынки труда азиатских стран. В предыдущих исследованиях внимание акцентировалось прежде всего на культурных аспектах японской экспатриации. Большинство из них было сконцентрировано на том, как японские SIE интерпретируют свой карьерный опыт в повседневной жизни, потому что они не всегда хотят работать за границей для получения более высокого социально-экономического статуса. Работа за границей — это средство поиска лучшего образа жизни, и этот вид экспатриации называется миграцией образа жизни [5; 6].

В данной работе, напротив, основное внимание уделяется структурным факторам рынка труда, таким как соотношение трудового спроса и предложения в странах миграции, непосредственно определяющим возможности добровольных экспатриантов. В предыдущих исследованиях уделялось довольно мало внимания аспектам спроса на труд японских SIE. В данной статье исследуются их возможности с точки зрения спроса на рабочую силу посредством интенсивных полевых опросов кадровых агентств в азиатских странах и другой статистической информации.

В настоящем исследовании освещается структура возможностей японских добровольных экспатриантов, которая будет варьироваться в разных азиатских странах в зависимости от ряда условий. С учетом общедоступных данных интервью и информации о заработной плате в нашей статье будут выделены четыре аспекта: рост рынка в местном обществе, существование японской общности, законодательное ограничение выдачи разрешений на работу и степень локализации японских фирм. Сочета-

ние этих факторов обеспечивает различные по своей структуре карьерные возможности для японских работников в каждой стране. Подробный анализ последует за обзором литературы и описанием данных, используемых в этой статье.

Предшествующая литература

Значение миграции образа жизни

Подавляющее большинство исследователей, изучающих явление миграции, рассматривают экономические стимулы как ключевые факторы, объясняющие международную мобильность. В экономической модели иммиграционных исследований международная миграция экономически рациональна, когда люди могут рассчитывать на высокую отдачу при низких затратах [7; 8]. Высокая экономическая отдача является мотивирующим фактором для мигрантов в экономической модели. Эта экономическая перспектива помогает исследователям миграции понять процесс притока неквалифицированных работников из развивающихся стран в развитые.

Данная экономическая модель успешно определяет вероятность трудовой миграции между странами, но то, как и почему люди из богатых стран переезжают в такие же или менее богатые страны, выходит за ее рамки. Вот почему ученые, изучающие экспатриацию в области социологии и культурной антропологии, ищут пути, чтобы построить другую аналитическую концепцию. Что касается мигрантов среднего класса, то они не находят экономических стимулов для экспатриации, поскольку поиск возможностей трудоустройства за рубежом не является единственным способом их карьерного роста. В таком высокодоходном обществе, как Япония, есть все, чтобы достичь высоких социально-экономических позиций на внутреннем рынке труда. Миграция среднего класса из общества с более высоким уровнем дохода в общество с более низким не может не быть остаточным случаем в традиционной экономической модели миграции.

То, что Бенсон и О'Рейли назвали миграцией образа жизни (Lifestyle Migration), находит определенные рациональные объяснения в процессе миграции. Концепция миграции образа жизни предполагает, что мотивацией мигранта должен быть поиск лучшего образа жизни. Обычные люди в богатом обществе не имеют острых материальных проблем, но стал-

квиваются с рядом сложностей в своей социальной жизни. Строгие социальные нормы и прочные межличностные отношения в тех странах, где они родились, часто ограничивают свободу человека и являются факторами стресса в повседневной жизни. Эти негативные аспекты подталкивают людей к экспатриации. С точки зрения миграции образа жизни мигранты стремятся к реорганизации баланса между работой и жизнью, улучшению качества жизни и освобождению от существующих ограничений [5, с. 610]. Другими словами, экспатриация – это средство достижения своей самореализации.

Наряду с настоящим исследованием, существует ряд предшествующих научных трудов, поддерживающих перспективу миграции образа жизни. По мнению их авторов, стремление к самореализации является сильным мотивом для миграции образа жизни представителей среднего класса. Исследование, посвященное женщинам из Филиппин, переехавшим жить и работать в Австралию, показывает, что на родине они сталкивались с гендерными ограничениями труда и серьезными финансовыми проблемами и приняли решение эмигрировать для улучшения своего положения [9]. Молодые, хорошо образованные китайские предприниматели и работающие туристы также стремятся к самореализации и осуществлению своей мечты [10]. Исследования показывают, что миграция – это не только способ сохранить свои позиции, но и стремление вести образ жизни, характерный для представителей среднего класса, которому свойственно жить автономно и независимо в чистой окружающей среде, питаться здоровой пищей и т.д. В других подобного рода исследованиях изучается присутствие европейских высококвалифицированных мигрантов в Сингапуре и Японии [11]. Хотя это исследование не базируется на положениях миграции образа жизни, в нем доказывается существование европейцев, которые имеют ориенталистский взгляд и наслаждаются своей самобытностью в этих азиатских странах. Мотивация с точки зрения миграции образа жизни может наблюдаться в различных контекстах.

Занятость японских экспатриантов на местных рынках труда

Существует также ряд качественных исследований, пытающихся описать, как японские эмигранты определяют свой карьерный опыт в

тех странах, куда они эмигрируют. В большинстве предыдущих исследований делается вывод о том, что японские SIE имеют лишь ограниченные возможности для карьерного роста. Это связано с организационными особенностями японских фирм в местных обществах, где СЕ всегда играли ключевую роль в местных филиалах [12]. В последующем обсуждении будет описываться этот момент, а также то, что означает миграция образа жизни в контексте японских экспатриантов.

Когда японские фирмы начали расширять свой бизнес в Азии в конце 1980-х годов, они в основном направляли туда на работу СЕ из своих головных офисов. У них не было стремления локализовать свои филиалы, и даже за рубежом они пытались поддерживать японский стиль ведения бизнеса. Одной из причин этого было то, что японские компании не доверяли местным организациям и требовали поддерживать частые контакты [12]. В результате интернационализации японских фирм без локализации в местных филиалах просто необходимы были сотрудники на уровне помощников, которые могли свободно говорить на японском языке и понимать японский деловой стиль. Из-за языковых и культурных барьеров местные японские фирмы продолжали отдавать предпочтение японским работникам, которые хотели работать за границей.

В то же время ситуация на японском рынке труда для молодых японских работников изменилась. Число вакансий для них значительно сократилось из-за продолжительной рецессии с начала 1990-х годов [13]. Местные филиалы японских фирм в азиатских странах, таких как Гонконг и Сингапур, начали одновременно открывать вакансии, как упоминалось выше. Молодые японские работники, особенно женщины, имевшие степень бакалавра, боролись за рабочие места, и существенное их число находило опыт международной карьеры привлекательным [14]. Однако зарубежные филиалы японских фирм не предлагали больших зарплат, и молодые японские экспатрианты предпочитали находить возможности трудоустройства с более высокими вознаграждениями. Взаимозависимость между местными японскими фирмами и экспатриантами сформировала рынки труда для японских работников в азиатских странах [15].

Согласно предыдущим исследованиям, уникальность японских молодых экспатриантов заключается в том, что они по-другому рассматривают перспективу миграции образа жизни в сравнении с эмигрантами из других стран. Как было отмечено, мигранты образа жизни, за исключением японских, стремятся в эмиграции реализовать либо поддерживать привычки и характерные черты, свойственные среднему классу. В их экспатриации действует процесс положительного отбора: чем успешнее работник в своей стране, тем лучше будет его образ жизни в стране эмиграции. Между тем молодые японские экспатрианты не всегда имеют больше привилегий и преимуществ, чем японская молодежь, остающаяся жить и работать в Японии. Несмотря на ухудшение ситуации на японском рынке труда в период с 1990-х до середины 2000-х годов, японские фирмы сохранили свою практику трудоустройства, а именно долгосрочную занятость без срочного контракта, систему оплаты труда на основе трудового стажа и карьерную лестницу, в значительной степени основанную на внутреннем рынке труда [16]. В этих условиях рынка труда рационально было продолжать работать в Японии с точки зрения достижения социально-экономического статуса. Следовательно, как показывают предыдущие исследования, экспатриация является неудачным выбором и порочным кругом в карьере молодых японских работников, поскольку зарубежные филиалы японских компаний не обеспечивали лучших позиций, как уже было показано [17].

Предыдущие исследования показывают, что перспектива миграции образа жизни заставляет японских молодых экспатриантов принять этот порочный круг. Поскольку многие из них переезжают в другие страны, не имея четких карьерных ориентаций, основными причинами их экспатриации является стремление найти свое призвание, свое дело, возможность уйти от прошлой работы и жизни [18; 19]. Сравнительно небольшой жизненный опыт и жажда смены обстановки воодушевляют и стимулируют молодых японских экспатриантов, хотя японские фирмы не очень благосклонны к ним [20]. Они чувствуют, что находят что-то стоящее для себя и своей жизни путем экспатриации за счет достижения статуса. Другими словами, они дают апостериорное обоснование экспатриации по-

средством схемы миграции образа жизни. Таков процесс миграции образа жизни японского экспатрианта, выявленный в ходе предыдущих исследований.

В исследованиях, изучающих миграцию образа жизни, часто делается вывод о том, что основной причиной экспатриации является стремление к лучшему образу жизни среди представителей среднего класса. Японский случай уникален тем, что экспатрианты определяют миграцию образа жизни как оправдание своего худшего карьерного опыта, в отличие от тех, кто остается в Японии. Однако, как будет рассмотрено в следующей части статьи, некоторые выводы, сделанные в ходе исследований карьерного опыта японских добровольных экспатриантов, можно оспорить.

Структурные и институциональные аспекты

Первым отличительным моментом настоящего исследования является то, что в нем подчеркивается субъективная оценка экспатриантом карьерного опыта в рамках миграции образа жизни. При субъективном подходе понимание карьерных возможностей японских экспатриантов в значительной степени зависит от их восприятия. Несмотря на то что авторами предыдущих исследований было сделано много информативных выводов, очень важно проиллюстрировать фактическое состояние структуры возможностей для экспатриантов. Это связано с тем, что в зарубежных странах может существовать значительный разрыв между субъективными и объективными картинами возможностей рынка труда. Очень мало исследований, описывающих возможности рынка труда для японских добровольных экспатриантов, в том числе и исследований, анализирующих этот разрыв.

Во-вторых, предыдущие исследования в основном были сосредоточены на положении экспатриантов, но не рассматривали сторону спроса на их труд. Одной из причин этого может быть то, что в рамках подхода миграции образа жизни интерес представляет каждый SIE, но рынок труда является результатом взаимодействия между сторонами предложения и спроса на рабочую силу. Чтобы исследовать возможность карьерного роста независимо от восприятия экспатриантов, необходима информация со стороны спроса на рабочую силу.

В-третьих, в настоящем исследовании обоснованы положения, на которых основан подход к изучению миграции образа жизни японских SIE. Учитывая особенности японского молодежного рынка труда – небольшие возможности трудоустройства и доминирующее положение СЕ в зарубежных филиалах японских фирм, можно сделать вывод, что японские SIE полагаются на восприятие миграции образа жизни для оправдания своих ограниченных карьерных возможностей. Однако японский рынок труда не всегда находился в плохом состоянии. С конца 2000-х годов он существенно оживился для молодежи. Ситуация с трудоустройством в Японии в настоящее время отличается от ситуации в период длительной рецессии с 1990-х до начала 2000-х годов, когда проводились предыдущие исследования. Что касается зарубежных филиалов японских компаний, то численность корпоративных экспатриантов из Японии там сократилась [12]. Снижение числа японских СЕ объясняется чрезвычайно высокой стоимостью их распределения по местным филиалам, вследствие чего многим японским фирмам стало трудно поддерживать международную кадровую систему, которая у них была раньше. Таким образом, обобщение результатов предыдущих исследований в новых социально-экономических условиях может оказаться некомпетентным.

Поскольку в предыдущих исследованиях авторы в основном описывали цели и намерения экспатриантов, ими было уделено мало внимания институциональным и структурным аспектам японских эмигрантов. Несколько японских ученых рассматривают эти измерения при обсуждении структуры возможностей экспатриантов, но их число невелико [21; 22]. Иммиграционная политика страны, в частности то, насколько охотно страна выдает иммигрантам разрешения на работу, влияет на объем спроса на труд японских экспатриантов. Рыночная конкуренция в местном обществе также имеет отношение к возможностям карьерного роста экспатриантов. Она определяет автономию японских фирм на местных экономических рынках, вследствие чего им приходится проявлять изоморфное поведение с ведущими компаниями в условиях сильной глобальной конкуренции в местном обществе [23]. Орга-

низационная структура, отклоняющаяся от глобального стандарта, может повысить затраты на поддержание экономических отношений с конкурентами и вызывает риск изоляции от организационных сетей.

Сравнительный подход важен при исследовании структурных и институциональных аспектов возможностей карьерного роста японских добровольных экспатриантов. Предыдущие исследования концентрировались на примере одной страны (общества) с использованием качественного метода. Поскольку этот подход обеспечивает получение углубленных данных об экспатриантах на примере одного местного сообщества, трудно синтезировать выводы из различных социальных контекстов или объяснить различия между полученными результатами. Численность экспатриантов увеличилась в различных азиатских странах, но общественные институты и рынки труда этих стран значительно отличаются друг от друга. Это будет означать, что структура возможностей для экспатриантов в разных национальных сообществах также будет отличаться. Сравнительный анализ этих стран является первым шагом в изучении вариативности карьерных возможностей для японских специалистов с точки зрения комплексного подхода. В исследованиях японской транснациональной карьеры практически отсутствует анализ различных ситуаций на рынке труда для японских экспатриантов в разных странах. Настоящее исследование заполняет этот пробел как количественными, так и качественными данными.

Стратегия и данные исследований

Стратегия исследования и страны-регионы

В данной статье исследуется структура карьерных возможностей для японских экспатриантов в пяти азиатских странах: Гонконге, Сингапуре, Таиланде, Китае и Индонезии. Если мы предположим, что соотношение мужчин и женщин среди японских добровольных экспатриантов составляет 50/50, как уже утверждалось в предыдущем разделе, то в этих пяти регионах будет насчитываться более двадцати тысяч японских работников. Это число составляет около 67% от общего числа работников SIE в Азии. Хотя эти пять стран не охватывают всю Азию, результаты исследования можно распространить на другие азиатские сообщества в будущих научных работах.

В данной статье основное внимание уделяется зарубежным филиалам японских компаний и исследуются преимущества и недостатки местных рынков труда для японских эмигрантов в этих азиатских обществах. Филиалы японских фирм играют важную роль на местном рынке труда, поскольку они обеспечивают большинство рабочих мест для экспатриантов. Точных и репрезентативных статистических данных об этом нет, однако, по данным некоторых СМИ и интервью авторов, есть информация, подтверждающая, что большая часть японских SIE являются сотрудниками местных японских фирм⁶. Это не относится ко всем работникам-экспатриантам, но вполне правдоподобным является утверждение, что эмигранты из Японии в первую очередь обращают свое внимание на предложения о трудоустройстве от японских фирм.

Для того чтобы пролить свет на то, как местные японские фирмы предоставляют возможности карьерного роста для экспатриантов, мы исследования использовали информацию, предоставленную кадровыми агентствами, участвующими в наборе японских SIE. Трудно сказать, какие именно местные компании нанимают японских экспатриантов, в силу отсутствия необходимых данных. Тем не менее у кадровых агентств достаточно информации о местных японских фирмах, имеющих спрос на японских экспатриантов. Это связано с тем, что эти фирмы обычно полагаются на кадровые агентства на ранних этапах найма. Кадровые агентства также хорошо знают экспатриантов, которые ищут работу за рубежом. Обращение в агентства — это рациональный способ получить информацию с обеих сторон местного рынка труда.

Сравнительный анализ — это еще один метод, используемый в настоящем исследовании. Как обсуждалось в предыдущем разделе, различные контексты порождают различные структуры возможностей. Путем сравнения стран эмиграции, популярных среди япон-

ских экспатриантов, в статье исследуется, какие аспекты оказывают влияние на шансы их трудоустройства. Поскольку задача данного исследования заключается в том, чтобы понять возможности японских SIE в рамках не одного национального сообщества, а сообществ стран Восточной и Юго-Восточной Азии в целом, необходимо учитывать институциональные и структурные различия между этими странами, тщательно исследуя характеристики возможностей экспатриантов.

Данные и метод исследования

В следующей части настоящей статьи используются два типа данных. Один из них представляет собой набор качественных данных, которые мы первоначально собирали в ходе опросов в пяти вышеупомянутых национальных сообществах; другой тип — это количественные данные о заработной плате, полученные от кадровых агентств.

Первый тип представляет собой набор данных, полученных в ходе интервью, проведенных нами с августа 2018 года по апрель 2019 года. Мы посетили девять агентских организаций и одну местную японскую фирму, в которой работают японские экспатрианты, а также две агентские организации в Японии. Общее число информаторов составило 23 человека, и все они — японцы. Мы проводили полиструктурированные опросы и записывали интервью с согласия информантов. Каждое интервью длилось от 1,5 до 2 часов. В ходе интервью информантам в основном задавались вопросы о рынке труда и карьерных возможностях, предоставляемых местным японским работникам в возрасте от 20 до 40 лет. В ходе дальнейшего анализа мы сверяли полученные результаты проведенных опросов с записями интервью. Выводы выделены курсивом, имена и организации информаторов анонимизированы.

В качестве второго источника мы построили набор данных о годовом уровне заработной платы, которую предлагают местные японские фирмы⁷. В общедоступном бюллетене дается информация о зарплатах, предлагаемых фирмами; данные представлены по странам, должностям и типу работников. В настоящем исследовании приведен аналитический набор

⁶ «Дако» — бесплатный японский журнал, выпускаемый в Бангкоке, является примером. Он провел оригинальный опрос и сообщил, что 67,9% японских SIE работников трудятся в местных японских фирмах (с. 16, № 493, ноябрь 2018 года). Кроме того, кадровые агентства в азиатских странах, которые посетили авторы, также говорили о том, что японские экспатрианты, скорее всего, находят работу в местных японских фирмах.

⁷ См.: Анализ заработной платы в Азии, 2019 / JAC Recruitment Group (<https://corp.jac-recruitment.jp/en/sa/>)

данных только по неуправленческим должностям в местных японских фирмах. Это связано с тем, что большинство SIE работников практически не имеют шансов получить руководящие должности. Работников можно разделить по типу на четыре группы: местный персонал, местный носитель английского языка, местный носитель японского языка и японец по происхождению (коренной японец). SIE работники являются носителями японского языка, что позволяет изучить преимущества и недостатки экспатриантов с точки зрения возможностей карьерного роста на местных рынках труда. Используя натуральную заработную плату в долларах США в качестве результирующей переменной⁸, мы оцениваем денежное вознаграждение добровольных экспатриантов с помощью регрессии МНК. Независимая переменная в регрессионной модели – это тип работников, а местный носитель японского языка – это ссылочная категория. Мы используем три фиктивные переменные: местный персонал, местный носитель английского языка и коренной японец. Денежное вознаграждение SIE работника – это разница в натуральной заработной плате между местным носителем японского языка и коренным японцем.

Результаты

Вариации структур возможностей для японских SIE в азиатских странах

В первую очередь мы демонстрируем возможности рынка труда, предоставляемые японским SIE филиалами японских компаний в Азии, на основе данных интервью кадровых агентств. *Таблица 1* представляет собой резюме проведенных опросов.

В ходе полевых интервью были выявлены четыре фактора, которые влияют на карьерные возможности японских SIE работников, причем каждый из них оказывает либо положительное, либо отрицательное влияние на их шансы. Эти измерения взаимосвязаны, а их совокупность приводит к разной степени преимущества японских экспатриантов в каждом местном сообществе.

Институциональные и структурные аспекты, влияющие на карьерный рост

Четыре фактора: (1) экономический рост, (2) размер японского сообщества, (3) ограничение занятости и (4) степень локализации в каждой азиатской стране. Факторы (1) и (2) оказывают положительное влияние на количество хорошо оплачиваемых должностей на местном рынке труда. Это происходит потому, что японские фирмы продвигают свои зарубежные организации к рынкам с большими возможностями для бизнеса, и некоторые агенты указывают это, как видно из приведенных ниже примеров.

«Рынок Шанхая продолжает расти, благодаря чему японские молодые работники могут получить опыт управленческой работы в самом начале своей карьеры, заняв эти должности.» (M1, бывший агент в Шанхае)

«Я думаю, что спрос на японских работников растет в Таиланде и Вьетнаме. Индонезия также увеличивает спрос на них, но Вьетнам становится все более популярным.» (F1, агент в Японии)

Поскольку направить корпоративных экспатриантов на работу в азиатские филиалы требует больших затрат, местные японские фирмы все чаще и чаще нанимают SIE на промежуточ-

Таблица 1. Резюме полевых интервью

	Сингапур	Гонконг	Таиланд	Индонезия	Китай (Шанхай)		Возможность
(1) Экономический рост	-	-	+	+	+	->	+
(2) Японское сообщество	-	-	+	+	+	->	+
(3) Ограничение занятости	+	-	+	+	+	->	+ / -
(4) Локализация	+	+	-	-	-	->	-

Источник: данные интервью авторов.
Примечание. Знаки (+/-) в каждой ячейке обозначают относительные значения, а не абсолютные.

⁸ Каждое значение результирующей переменной является промежуточным значением между минимальным и максимальным значениями.

ные должности в местных организациях. Кроме того, что это менее затратно, SIE сотрудники могут беспрепятственно общаться как с СЕ, так и с местным персоналом. Будучи топ-менеджерами, СЕ в филиалах должны адекватно контролировать местный персонал, но, как правило, они не очень хорошо с ним знакомы. SIE работники лучше понимают отношение и поведение местных жителей, чем СЕ. Они выполняют брокерскую роль в организации, что является социально выгодным, благодаря заполнению структурных пробелов [24]. Приведенные ниже высказывание подтверждает эту мысль:

«Поскольку руководство японских фирм не уверено в том, что может эффективно управлять местным персоналом самостоятельно, они чувствуют необходимость нанимать японских работников в местное сообщество и доверяют им управление местным персоналом» (M2, глава агентства в Таиланде).

Размер японского сообщества также влияет на карьерные возможности японских SIE. Имея большую цепочку поставок, в которую входят почти только японские фирмы, оно играет роль этнического анклава, который, согласно исследованиям, определяет область, в которой сконцентрированы работники и предприятия, принадлежащие к одной этнической группе [25]. Однако если японское сообщество в стране слабое, оно не может гарантировать эти исключительные возможности из-за недостатка автономии. Так об этом сообщает один из агентов:

«В Сингапуре рыночный барьер японского сообщества низок. Оно не может игнорировать британские, американские и канадские компании в своем бизнесе. В Таиланде можно вести бизнес только с местными представителями японских фирм» (M3, глава агентства в Таиланде).

Степень ограничения занятости в каждом национальном сообществе имеет важное значение для реализации карьерных возможностей японских SIE. В Гонконге нет особых ограничений на трудоустройство иммигрантов, однако работникам-иммигрантам необходимо доказать, что жители Гонконга не имеют тех профессиональных навыков, которые есть у них, при подаче заявления на получение разрешения на работу. Между тем в остальных странах имеются некоторые ограничения.

Правило квот является одним из наиболее важных ограничений, и, принимая на работу иностранцев, фирмы вынуждены нанимать нескольких местных работников. Это обусловлено защитой трудоустройства местных жителей. Данные правила действуют в Таиланде и Индонезии, они также применяются к одному типу разрешений на работу в Сингапуре. Правила квот затрудняют поиск работы для японских экспатриантов, поскольку местные японские фирмы имеют приоритет назначения СЕ на должности при заполнении ограниченных вакансий. Однако, по мере увеличения числа местных сотрудников, японским филиалам становятся нужны японские работники с целью обеспечения связи между местным персоналом и СЕ.

Другое важное ограничение касается требований к должностям и работникам. В Сингапуре существует минимальный уровень заработной платы для получения разрешения на работу, и фирмы не могут нанимать работников-иммигрантов на зарплату ниже установленного минимального уровня. Как правило, она намного выше средней заработной платы местных сингапурских работников, и это означает, что местные японские фирмы должны предлагать японским SIE должности, требующие определенных навыков, которыми местные сингапурские рабочие не владеют. В Китае существует система рангов для рабочих-иммигрантов, и иммигранты не могут работать в Китае, если они не удовлетворяют установленным критериям. Остальные страны также требуют от японских экспатриантов высокой компетентности. Таким образом, процесс отбора японских экспатриантов в каждом сообществе сокращает возможности их трудоустройства. Однако местные японские фирмы могут гарантировать японским экспатриантам наиболее выгодные позиции в случае их соответствия всем необходимым требованиям.

В силу таких ограничений компетентность японских SIE работников становится все выше и выше. Они должны были иметь возможность получить работу в крупных японских фирмах, полагая, что будут работать за границей в молодости, но эти крупные фирмы с меньшей вероятностью назначат их в качестве СЕ из-за высокой стоимости их труда, как упоминалось выше. По словам информатора M2, раз-

рыв между ожиданиями и реальностью побудил их попробовать работать в филиалах японских компаний за рубежом:

«Я часто наблюдаю молодых японских работников, нанятых местными организациями, гораздо более талантливых, чем корпоративные экспатрианты. Они достаточно компетентны, чтобы устроиться на работу в крупных японских компаниях. Однако большинство из них обычно не направляют молодых сотрудников в свои зарубежные филиалы. Молодые люди, желающие работать за границей, знают об этом и устраиваются на должности местного персонала в филиалах японских компаний. Благодаря своей решительности они вполне успешны» (M2, глава агентства в Таиланде).

Еще один фактор, влияющий на возможности карьерного роста, — это степень локализации японской фирмы. Почти все агенты указали, что японские фирмы плохо адаптируют свои филиалы к местной культуре. Они поддерживают корпоративных экспатриантов, являющихся управленческой верхушкой организации, а японские SIE и местные сотрудники остаются на втором плане. Низкая степень локализации связана с размером японского общества в той или иной стране и ограничивает возможности трудоустройства для экспатриантов.

Такие структурные особенности характерны для Азии в целом, однако в Сингапуре и Гонконге местные японские фирмы более локализованы, чем в остальных странах. Одной из причин этого служит отсутствие в стране представительной японской общности. Воспроизводство спроса на японцев без национального сообщества отсутствует.

Либеральные рыночные схемы в Сингапуре и Гонконге тоже способствуют локализации местных японских фирм. Это происходит в некоторой степени благодаря либеральной рыночной конкуренции, хотя степень локализации все еще остается низкой. Японский персонал заменяют местным, потому что все реже требуются работники, понимающие японский стиль ведения бизнеса. Благодаря локализации возможно также сократить расходы при трудоустройстве. Например, агенты в Гонконге негативно оценивают возможности карьерного роста японских SIE. По словам опрошенных, в Сингапуре ситуация аналогичная:

«Стратегия японских фирм в Гонконге изменилась за последние десять лет. Они сократили количество корпоративных экспатриантов из-за бюджетных ограничений, но кто-то должен был общаться с местными организациями вместо них. Поэтому японским фирмам в первую очередь потребовались местные японцы. Тем не менее, в настоящее время они признают, что работники из Гонконга могут выполнять те же задачи, что и японские сотрудники. (...) Разница между персоналом из Гонконга и Японии несущественная, по крайней мере, с точки зрения языковых навыков» (M4, агент из Гонконга).

«Большинство японских фирм в Гонконге стремятся сегодня сократить штат японских сотрудников и локализовать свои организации из-за больших затрат. (...) Гонконгцы обычно живут со своими семьями, и японским фирмам не нужно оплачивать им жилье» (F2, агент в Гонконге).

Различия между национальными сообществами

Итак, карьерные возможности японских SIE работников в каждом национальном сообществе основываются на четырех взаимозависимых аспектах. В итоге можно разделить эти пять стран на две группы. В первую входят страны, которые выплачивают премии японским SIE работникам: Таиланд, Индонезия и Китай. Во второй группе стран таких премий нет. К этой группе относятся Сингапур и Гонконг.

В первой группе стран японским эмигрантам предлагается много перспективных хорошо оплачиваемых должностей. В компаниях там по-прежнему поддерживают деловые обычаи в японском стиле, имеется большое представительство национального японского сообщества, и местные японские фирмы не чувствуют необходимости локализовывать свои организации. Они создают многоуровневую организацию, состоящую из японского и местного персонала, и в большинстве случаев местный персонал находится в подчинении у японского. В условиях такой организационной структуры ограничения по найму, проводимые иммиграционной политикой, могут обратно пропорционально гарантировать возможности карьерного роста для японских SIE. Система квот увеличивает количество местных сотрудников. В то же время она расширяет спрос на японских экспатриантов, необходимых в качестве посредников между СЕ и местным персоналом. В результате этих

процессов в первой группе стран происходит тройное расслоение структуры организации.

Во второй группе, однако, возможностей для расширения бизнеса местных японских фирм меньше, чем в первой. Это означает, что местные японские фирмы в основном поддерживают позиции СЕ и не увеличивают количество должностей для японских SIE. Местным японским фирмам больше не нужны SIE сотрудники по причине высокой степени локализации местных рынков. Следовательно, японские SIE работники вынуждены конкурировать с местным персоналом в рамках простого рыночного механизма, если они хотят получить более выгодные должности.

Возможности карьерного роста японских SIE на основе анализа заработной платы

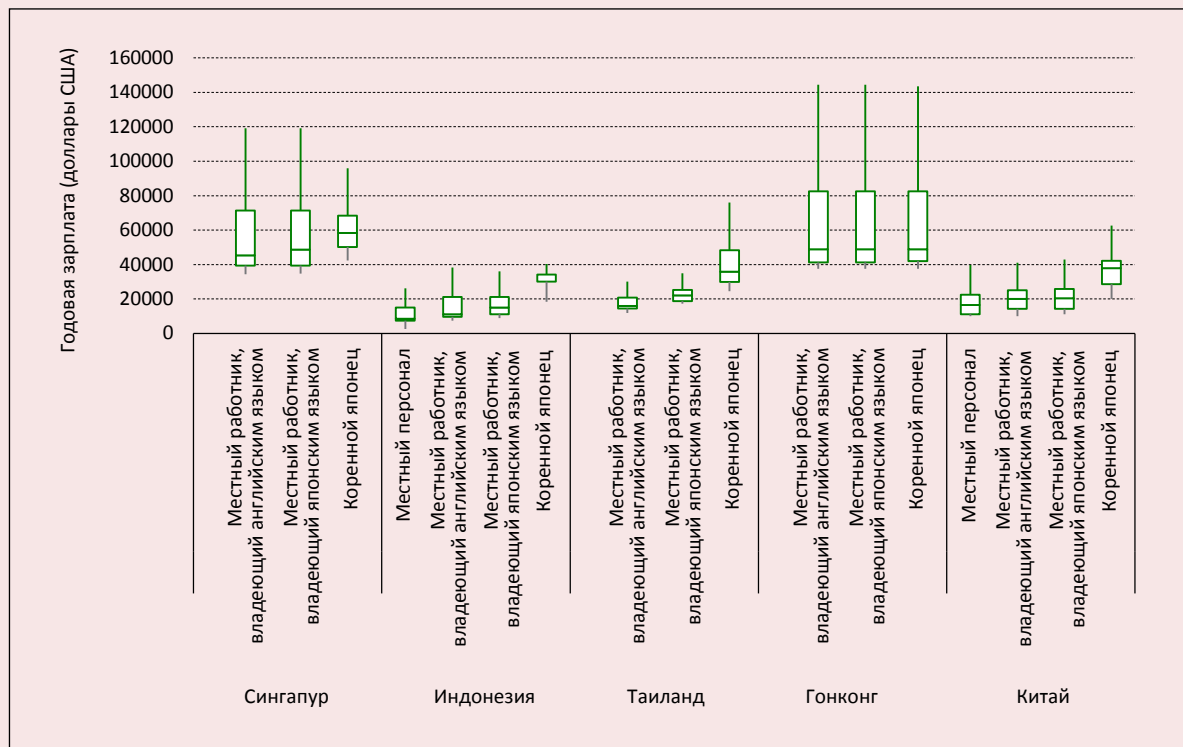
Анализ качественных данных интервью показывает, что зарплата эмигрантов из Японии в Индонезии, Таиланде и Китае выше, чем зарплата других работников, а в Сингапуре и Гонконге надбавок у сотрудников SIE нет. На рисунке 4 приведены графики уровней

годовой заработной платы в пяти странах по типам работников. График может описывать как квантили, так и вариации для каждой переменной. На каждом участке графика представлены три результата.

Очевидна значительная разница в уровне заработной платы в указанных национальных сообществах. В Сингапуре и Гонконге она значительно выше, чем в остальных странах. Вероятно, это связано с различным уровнем экономического развития этих стран. В Сингапуре и Гонконге помимо этого наблюдается большое различие в размерах заработных плат в зависимости от должности.

Следующим выводом настоящего исследования является то, что рынки труда азиатских стран могут обеспечивать экспатриантам уровень заработной платы, близкий к уровню на внутреннем рынке труда Японии. Согласно Основному обзору структуры заработной платы, проведенному правительством Японии в 2018 году, среднемесячная заработная плата постоянных работников в Японии составляет около

Рис. 4. Графики уровня годовой заработной платы японских фирм в азиатских странах

Источник: Авторский расчет на основе Анализа заработной платы в Азии, 2019 г. / JAC Recruitment Group.

Таблица 2. Регрессия МНК по натуральной годовой заработной плате

	Сингапур		Индонезия			Таиланд			Гонконг		Китай							
	Коэф.	SE	Коэф.	SE	Коэф.	SE	Коэф.	SE	Коэф.	SE								
Тип работника (отн.: местный JS)																		
Местный персонал			-0,56	*	0,09						-0,25	*	0,10					
Местный ES	-0,03	0,08	-0,18	*	0,09	-0,25	*	0,08	0,001	0,19	-0,04		0,10					
Коренной японец	0,13	0,08	0,61	*	0,09	0,48	*	0,08	0,02	0,19	0,51	*	0,10					
Пересечение	10,89	*	0,06		9,69	*	0,06		10,04	*	0,06		11,11	*	0,13	9,95	*	0,07
R^2	0,041		0,580			0,571			0,0001		0,336							
Количество позиций	114		138			73			87		134							
* $p < 0,05$																		
Примечание. ES – владеющий английским языком / JS – владеющий японским языком.																		
Источник: Авторская оценка на основе Анализа зарплат в Азии, 2019 г. / JAC Recruitment Group.																		

3000 долларов США. Таким образом, в отношении денежного вознаграждения позиции японских SIE работников по крайней мере не хуже, чем у работников в Японии.

Однако рисунок 4 демонстрирует различие в размере денежных вознаграждений коренных японских работников в представленных странах. Местные рынки труда в Индонезии, Таиланде и Китае предлагают японским экспатриантам более высокую заработную плату, чем не японским сотрудникам, в то время как в Сингапуре и Гонконге разница в заработной плате работников разного типа отсутствует. Исходя из анализа приведенных статистических данных, можно сделать вывод, что в разных странах степень преимуществ японских SIE будет различаться.

Регрессия МНК в каждом национальном сообществе (табл. 2) демонстрирует тенденцию, аналогичную той, что представлена при описательном анализе рисунка 4. В Сингапуре и Гонконге коренные японцы не получают надбавок за работу, в отличие от работников не японского происхождения, владеющих японским языком. В ходе анализа регрессии получены результаты, аналогичные выводам предыдущих исследований, в которых подразумевалось, что SIE работники соглашаются на низкую оплату труда при стабильной работе в Сингапуре и Гонконге [14; 26]. Между тем условия работы для коренных японцев в Индонезии, Таиланде и Китае более привлекательные, коэффициент их заработной платы составляет 1,84 ($=\exp(0,61)$), 1,62 ($=\exp(0,48)$) и 1,67 ($=\exp(0,51)$) соответственно от зарплат работников не японского происхождения.

Анализ количественных данных с точки зрения спроса на рабочую силу показывает, что уровень заработной платы японских SIE работников не всегда ниже, чем у сотрудников, живущих и работающих в Японии. Кроме того, несправедливым будет заявлять, что для японских SIE в азиатских странах плохие возможности карьерного роста. Результаты анализа данных о заработной плате согласуются с качественным анализом данных. Тем не менее необходимо провести более тщательное исследование, поскольку полученные результаты отличаются от тех, что были получены в ходе предыдущих исследований, в которых японские экспатрианты воспринимались как маргинализованные члены общества.

Заключение

Основной вывод, который может быть сделан на основе качественного и количественного анализа данных, заключается в том, что карьерные возможности японских SIE работников зависят от институциональных и структурных аспектов в странах их эмиграции. Предыдущие исследования, акцент в которых был сделан на субъективных значениях экспатриации, не подчеркивали этот момент. Их авторы, как правило, пытались продемонстрировать, как японские работники оправдывают смысл своего относительно низкого статусного положения с точки зрения миграции образа жизни. Однако в среднем их уровень дохода не ниже, чем у работников, не уехавших из страны. При определенных условиях они также могут получать достойное вознаграждение на местном рынке труда. Сравнительная точка зрения со стороны спроса на рабочую силу подтверждает данные

выводы, которые не были сделаны в предыдущих исследованиях.

Различия в локализации и периоде исследований могут частично объяснить, почему результаты этой работы отличаются от результатов предыдущих трудов. Ученые, интересующиеся изучением японских экспатриантов, уделяли внимание не растущему в последнее время рыночному обществу, а обществам, где большинство людей говорят на английском языке. В англоязычных странах японским экспатриантам, вероятнее всего, не выплачивают дополнительных денежных вознаграждений. Поэтому применение сравнительного подхода при изучении различных характеристик стран эмиграции является более эффективным.

Период исследования также оказывает влияние на карьерные возможности экспатриантов из-за изменений в миграционной политике и ситуации на рынках труда изучаемых стран. Так, например, по словам агента из Сингапура, раньше японским эмигрантам было легко найти там работу, но ситуация изменилась. Впол-

не возможно, что в этом исследовании и в предыдущих рассматривались различные группы экспатриантов до и после институциональных и структурных изменений в странах эмиграции. Для получения более точных и надежных выводов в будущих исследованиях необходимо учитывать региональные и продольные расширения данных при описании институциональных и структурных факторов.

Теоретический вопрос — это еще одна важная задача будущих исследований. Низкая степень локализации и представительное японское сообщество являются факторами, обеспечивающими премии японских SIE, но и структурные аспекты влияют на результат принятия решений японскими фирмами. Чтобы более детально описать возможности SIE, мы должны выяснить, почему местные японские фирмы неохотно локализуются и каких компетенций они требуют от своих сотрудников. Поняв это, будет возможно описать теоретическую сторону процесса глобализации, характерного для японских компаний и работников.

Литература

1. Burgess C. To Globalise or Not to Globalise? 'Inward-Looking Youth' as Scapegoats for Japan's Failure to Secure and Cultivate 'Global Human Resources.' *Globalisation, Societies and Education*, 2015, vol. 13, no. 4, pp. 487–507.
2. Toyota M. Xiang B. The Emerging Transitional 'Retirement Industry' in Southeast Asia. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 2012, vol. 32, no. 11, pp. 708–719.
3. Habti D., Elo M. (Eds.). *Global Mobility of Highly Skilled People: Multidisciplinary Perspective on Self-initiated Expatriation*. New York: Springer, 2018. 304 p.
4. JILPT. 2008. *dai nana kai kaigai haken kinmusya no syokugyo to seikatsu ni kansuru chosa kekka* [The Research Report of the 7th Wave of the Survey on the Work and Life of Corporate Expatriates]. Tokyo: JILPT, 2008. 290p. (in Japanese).
5. Benson M. O'Reilly K. Migration and the Search for a Better Way of Life: A Critical Exploration of Lifestyle Migration. *Sociological Review*, 2009, vol. 57, no. 4, pp. 608–625.
6. Benson M., O'Reilly K. (Eds.). *Lifestyle Migration: Expectations, Aspirations and Experiences*, London: Routledge, 2009. 178 p.
7. Borjas G.J. Economic theory and international migration. *International Migration Review*, 1989, vol. 23, no. 3, pp. 457–485.
8. Borjas G.J. The intergenerational mobility of Immigrants. *Journal of Labor Economics*, 1993, vol. 11, no. 1, pp. 113–135.
9. Limpangong C. Migration as a strategy for maintaining a middle-class identity: the case of professional Filipino women in Melbourne. *Austrian Journal of South-East Asian Studies*, 2013, vol. 6, no. 2, pp. 307–329.
10. Xu H., Wu Y. Lifestyle mobility in China: context, perspective and prospects. *Mobilities*, 2016, vol. 11, no. 4, pp. 509–520.
11. HOF H. 'Worklife Pathways' to Singapore and Japan: gender and racial dynamics in Europeans' mobility to Asia. *Social Science Japan Journal*, 2018, vol. 21, no.1, pp. 45–65.

12. Beamish P.W., Inkpen A.C. Japanese firms and the decline of the Japanese expatriate. *Journal of World Business*, 1998, vol. 33, no. 1, pp. 35–50.
13. Genda Y. Who really lost jobs in Japan? Youth employment in an aging Japanese society. In: Ogura S., Tachibanaki T., Wise D.A. (Eds.). *Labor Markets and Firm Benefit Policies in Japan and the United States*. 2003, Chicago: University of Chicago Press. Pp.103-133.
14. Thang L-L., Maclachlan E., Goda M. Living in ‘My Space’: Japanese working women in Singapore. *Geographical Sciences*, 2006, vol. 61, no. 3, pp. 156–171.
15. Kamiya H. Niwa T. (Eds.). *Wakamono tachi no kaigai syussyoku: ‘gurobaru’ jinzai no genzai* [Working Overseas by Japanese Youth: Current Global Human Resources]. Tokyo: Nakanishiya Syuppan, 2018. 205 p. [in Japanese]
16. Hamaaki J., Hori M., Maeda S., Murata K. Changes in the Japanese employment system in the two lost decades. *ILR Review*, 2012, vol. 65, no. 4, pp.810–846.
17. Kato E., Kukimoto S. *Gurobaru jinzai towa nanika* [Who are Global Human Resources?]. Tokyo: Seikyusha Publishing, 2016. 318 p. [in Japanese].
18. Nagatomo J. *Nihon shakai wo ‘nogareru’* [Escape from Japanese Society]. Tokyo: Sairyusha Publishing, 2013. 265 p. [in Japanese].
19. Kawashima K. Service outsourcing and labour mobility in a digital age: transnational linkages between Japan and Dalian, China. *Global Networks*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 483–499.
20. Fujioka N. *Jakunen erito sou to koyo roudou shisutemu no kokusaika* [Non-elite Youth and Internationalization of Employment and Labor Systems]. Tokyo: Fukumura Publishing, 2017, 496 p. [in Japanese].
21. Matsutani M. Introduction to the migration of locally employed workers: a sociological study on a variation of new migration under globalization, *Kyoto Journal of Sociology*, 2014, vol. 22, pp. 49-68. [in Japanese].
22. Nakazawa T. The Japanese self-initiated migrants and international migration of the global middle-class. *The Bulletin of Arts and Sciences, Meiji University*, 2016, vol. 512, pp. 67-95. [in Japanese]
23. DiMaggio P.J., Powel W.W. The Iron Cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *American Sociological Review*, 1983, vol. 48, pp.147–160.
24. Burt R.S. *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. Cambridge: Harvard University Press, 1992. 312 p.
25. Kim H. Ethnic enclave economy in urban China: the Korean immigrants in Yanbian. *Ethnic and Racial Studies*, 2003, vol. 26, no. 5, pp. 802–828.
26. Nakazawa T., Yui Y., Kamiya H. Expansion of labor market for locally hired Japanese women and its factors: a case of Singapore in the mid-2000s. *Geographical Sciences*, 2012, vol. 67, no.4, pp. 153–172. [in Japanese].

Сведения об авторах

Кендзи Ишида – доктор педагогических наук, доцент, Институт социальных наук, Токийский университет (7-3-1, Хонго, Бункё-ку, Токио 1130033, Япония; e-mail: ishidak@iss.u-tokyo.ac.jp)

Син Арита – доктор философии, профессор, Институт социальных наук, Токийский университет (7-3-1, Хонго, Бункё-ку, Токио 1130033, Япония; e-mail: Сарита@iss.u-tokyo.ac.jp)

Кейко Гэндзи – магистр социологии, профессор, Школа гуманитарных наук, Мейсейский университет (2-1-1, Ходокубо, Хино, Токио, 1918506, Япония; e-mail: keiko.genji@meisei-u.ac.jp)

Мэй Кагава – магистр педагогики, преподаватель, факультет социологии, Университет Дайто Бунка (560, Ивадоно, Хигаси-Мацуяма, Сайтама 355 8501, Япония; e-mail: meika@ic.daito.ac.jp)

Kenji Ishida, Shin Arita, Keiko Genji, Mei Kagawa

Structural and Institutional Aspects Surrounding Japanese Self-Initiated Expatriates’ Career Opportunities in East and Southeast Asian Societies

Abstract. This paper investigates how Japanese SIE’s labor markets in Asian societies provide career opportunities for young Japanese workers. The number of locally employed Japanese workers in Asia

has increased since the 1990s. Previous studies, which have relied on the Lifestyle Migration view, pointed that the primary reason for expatriation is self-seeking and that Japanese expatriates feel finding something worthwhile for their lives by expatriation at the expense of status attainment. However, these studies paid little attention to the demand-side aspects of Japanese SIE's career, which directly determines their opportunities. This study aims to provide some empirical findings based on the structural and institutional accounts that are different from the previous studies. The authors analyze the interview data of staffing agencies and the salary data in Singapore, Hong Kong, Thailand, Indonesia, and China, which the Japanese expatriate workers are likely to choose as destinations. From the qualitative analyses of the interview data, the authors find four dimensions relating to Japanese expatriate's labor market chances; market growth in the local society, the existence of Japanese community, legal restriction of issuing work permits, and the degree of localization of Japanese firms. According to these factors, it is possible to classify the five societies into two groups: one has a premium of Japanese self-initiated expatriate workers, and the other does not. The quantitative analyses using the salary data from a staffing agency also confirm the cross-society difference of economic remuneration. In China, Indonesia, and Thailand which are included in the former group, the salary of native Japanese workers is significantly higher than those of other worker types, but it is not in Singapore and Hong Kong. The authors discuss the differences between the present study and previous literature and the future research prospects in the concluding remarks.

Key words: self-initiated expatriate worker, local employment, career opportunity structure, staffing agencies, local Japanese firm, Asia.

Information about the Authors

Kenji Ishida – Doctor of Education, Associate Professor, Institute of Social Science, University of Tokyo (7-3-1, Hongo, Bunkyo-ku, Tokyo, 1130033, Japan; e-mail: ishidak@iss.u-tokyo.ac.jp)

Shin Arita – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Social Science, University of Tokyo (7-3-1, Hongo, Bunkyo-ku, Tokyo, 1130033, Japan; e-mail: sarita@iss.u-tokyo.ac.jp)

Keiko Genji – Master of Sociology, Professor, School of Humanities, Meisei University (2-1-1, Hodokubo, Hino, Tokyo, 1918506, Japan; e-mail: keiko.genji@meisei-u.ac.jp)

Mei Kagawa – Master of Education, Lecturer, Faculty of Sociology, Daito Bunka University (560, Iwadono, Higashi-Matsuyama, Saitama, 3558501, Japan; e-mail: meika@ic.daito.ac.jp)

Статья поступила 16.09.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.13

УДК 316.34, ББК 60.5

© Цутому Хашимото, Юсукэ Канадзава, Киоко Томинага

Новый либеральный класс в Японии: на основе латентно-классового анализа

Цутому Хашимото

Университет Хоккайдо

Саппоро, Япония, Кита-9, Ниши-7, Кита-ку, Хоккайдо, 060-0809

E-mail: hasimoto@econ.hokudai.ac.jp

ORCID: 0000-0003-3964-2556

Юсукэ Канадзава

Университет Рицумейкан

Киото, Япония, 56-1, Тодзи-ин Китамати, Кита-ку, 603-8577

E-mail: y-kanaza@fc.ritsumei.ac.jp

ORCID: 0000-0003-4300-7766

Киоко Томинага

Университет Рицумейкан

Киото, Япония, 56-1, Тодзи-ин Китамати, Кита-ку, 603-8577

E-mail: kyokotom@fc.ritsumei.ac.jp

ORCID: 0000-0003-0800-5052

Аннотация. В настоящее время в Японии большинство людей предпочитают голосовать за консервативные партии. По этой причине антиконсерваторы и старые либералы теряют власть и политическое представительство. Это исследование посвящено формирующемуся в стране среднему классу, который в перспективе может привести к победе альтернативной либеральной политики. Используя результаты Интернет-опроса 2018 года как основу, мы попытались сформулировать особенности нового либерального класса, строя теорию классово-артикуляционной и комбинируя эту теорию с латентно-классовым анализом для сравнения новых либералов со старыми либералами и консерваторами. Это первая попытка применить латентно-классовый

Для цитирования: Хашимото Ц., Канадзава Ю., Томинага К. Новый либеральный класс в Японии: на основе латентно-классового анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 192–210. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.13

For citation: Hashimoto T., Kanazawa Yu., Tominaga K. A new liberal class in Japan: based on latent class analysis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 192–210. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.13

анализ для выявления различий в политических предпочтениях среди возможных социальных классов. Мы проанализировали некоторые персональные черты новых либералов, используя собственные 18 категорий личности. Изучены также их социальные установки путём сопоставления их ответов на вопросы с ответами старых либералов. Несмотря на то что наш анализ показал отсутствие у новых либералов восходящей социальной мобильности, их личности, согласно полученным данным, образуют новый политический класс, особенно чувствительный к проблемам окружающей среды и придерживающийся минимального потребления. Мы установили, что новые либералы старше 60 лет окончили университет или аспирантуру, считаются профессионалами в своей области, но имеют низкие доходы. Кроме того, обнаружено, что, хотя новых либералов можно считать политическим классом, они не представлены в партийной системе Японии. Впрочем, для более точного понимания их особенностей следует проводить дальнейшие исследования, основанные на опросах, особенно среди пожилых людей.

Ключевые слова: латентно-классовый анализ, либерал, политика, Япония, личности, сеть.

1. Вступление

В современной японской политике оппозиция, представленная Либерально-демократической партией, наименее заметна и сильна, чем когда-либо. Кажется, что антиконсерваторы и либералы потеряли представительство в политике страны.

В этой статье исследуются разные социальные атрибуты появляющегося среднего класса, способного поддержать новую, альтернативную либеральную политику. Чтобы установить особенности новых либералов Японии, мы провели в 2018 году Интернет-опрос. Ниже мы описываем теоретическую базу и результаты исследования. В первую очередь, мы представляем базу для определения образа новых либералов в японском обществе. Затем, предположив, что существует четыре класса с разными политическими предпочтениями, анализируем каждый из них: «консервативный класс», «класс, ожидающий решения», «новый либеральный класс», «старый либеральный класс». После этого мы анализируем социально-экономический статус каждого класса, связи между ними, а также личности их участников, используя категории «18-ти кластеров индивидуальности». Кроме того, мы описываем социальные установки нового либерального класса и исследуем отношения четырёх классов с политическими партиями. Наконец, мы анализируем персональные сети членов нового либерального класса.

2. Основа для понимания новых либералов

Термин «либерал» основан на идее либерализма. Исторически либерализм определялся с точки зрения концепций «просвещение» и «то-

лерантность», особенно это практиковалось в Западной Европе XVIII века¹. Концепция просвещения имеет следующие характеристики: (1) Она отвергает власть и провозглашает автономную жизнь. (2) Она критикует некритичный образ жизни, основанный на традиционных практиках, и выступает за рациональные действия. С другой стороны, концепция толерантности отвергает социальную конформность (гомогенизацию) и допускает различные способы жизни, которые могут отличаться от стандартного или того, который практикуется большинством людей. Три названные особенности считались основообразующими чертами либерализма, как и те, что определяли личность либерала. Также существует позиция тщательного изучения особенностей либерализма². Человека, принимающего на себя такую роль, можно назвать «радикальным либералом»³. Либералы и радикальные

¹ См. Inore [1].

² Существует также термин «радикальные левые». В японском политическом контексте японские Коммунистическая партия, особенно в начале 1950-х годов, Революционная коммунистическая лига и Красная армия могут рассматриваться как радикальные левые организации. Мы анализируем некоторые теоретические особенности этих групп, но не касаемся тех противоречивых особенностей, которые возникают из интереса их участников к политическому доминированию и власти. О различии между левыми и правыми см. Bobbio, Cameron [2].

³ Лихтенштейн [3] дал определение этого термина. Согласно учёному, понятие представляет следующие шесть идей: плюрализм, индивидуализм развития, солидарность, эгалитаризм, демократия участия и социальная трансформация. Однако этот термин не стал популярным и практически игнорируется в Японии. Мы же используем этот термин по-другому, подробнее об этом см. ниже.

либералы верят в приведённые три черты либерализма. Как же тогда ориентироваться между этими терминами? Радикальный либерал отрицает всякий авторитет, традицию или призыв к конформизму. При этом он старается быть «авангардистом», надеясь провести коренные изменения в существующем обществе. Его идеал — освободить людей от всякого подавления, возникающего из-за власти, традиции и призыва к подчинению. Однако либералов нельзя считать либералами, если они становятся радикальными в своих взглядах. В традиционном понимании, занять либеральную позицию — это не преследовать свои ценности в экстремистской манере. Можно отметить, что, в то время как либералы апеллируют к демократическим процедурам для достижения своих целей, радикальные левые склонны обращаться к насилию. Однако если мы сосредоточимся на трех вышеупомянутых чертах либерализма, не рассматривая противопоставление демократии и насилия, то сможем ли мы понять разницу между двумя позициями? Является ли разница между ними только вопросом наличия степени экстремизма в преследовании идеалов? Есть ли качественная разница в их точках зрения? Когда мы задаем эти вопросы, то обнаруживаем, что подобные различия не были исследованы в литературе по политическому анализу с использованием данных опросов⁴. Люди склонны думать, что эти две позиции имеют общую политическую цель — критиковать авторитет, традицию и конформизм.

В истории случались периоды, когда антиавторитаризм, антитрадиционализм и антипопулизм становились важными политическими вопросами. Во время перехода от архаичного к современному обществу вопросы авторитаризма и традиционализма занимали центральное место в политических спорах⁵. Во время перехода от раннего современного общества к зрелому критика популизма стала проблемой [8]. В Японии эти фазы прошли в XX веке. Действительно, антиавторитаризм, антитрадици-

⁴ Поскольку в японской политологии идеология традиционно измерялась континуумом «консерватор-либерал», ученые в основном сосредоточивались на различиях между ними [4; 5; 6]. В результате они не акцентировали внимание на неоднородности среди либералов.

⁵ Подробно анализируется в исследовании мировых ценностей Рональда Инглхарта [7].

онализм и антипопулизм были центральными вопросами в японских политических спорах. В таком политическом контексте либералы и радикальные либералы вместе критиковали три идеологии, и разница между ними не была серьёзной проблемой. Пока радикальные либералы прибегают к демократическим средствам реализации своих идеалов, их позиция может быть понята как аналогичная позиции либералов. Покуда в Японии доминирует политическое соперничество между либералами и консерваторами, либералами и националистами, либералами и популистами, либералы и радикальные либералы находятся в одном лагере и их не следует разделять. По крайней мере, касательно их теоретических взглядов. Однако японский политический ландшафт, похоже, радикально изменился. Стало менее ясно, какое идеологическое противостояние является доминирующим: между либералами и консерваторами, либералами и традиционными националистами или либералами и популистами. Современные либералы, скорее, перенимают определенные черты власти, традиции и конформизма. Например, как отмечено нами в разделе об универсализме, либералы в Японии постепенно начали принимать императорскую систему. Они также стали рассматривать обычную униформу, наряду с одеждой в сфере бизнеса и высшего образования, как этически приемлемую. Как же в подобной ситуации сформулировать особенности современных либералов?

Наша гипотеза состоит в том, что либералы в настоящее время становятся менее радикальными, а основные черты, определяющие их, претерпевают изменения. Другими словами, новые либералы могут качественно отличаться от своих предшественников⁶. Мы предполагаем, что они могут быть охарактеризованы следующими двумя чертами [9]:

(1) Они относятся к «креативному классу», возникшему в период подъема IT-индустрии в середине 1990-х годов.

(2) У них есть некоторые черты, присущие «новому благосостоянию» (Neo-welfarism) [10], которое практикуется в Скандинавских странах с 1990-х годов.

⁶ Мы предполагаем, что черты обычных либералов такие же, как и у радикальных либералов.

Учитывая эти две особенности, мы предполагаем, что новые либералы могут быть определены следующими двумя характеристиками.

Первая характеристика — ориентация на рост или инвестиции. На основе анализа Пабло Бераменди и др. [11] мы рассматриваем концепцию ориентации на рост как склонность инвестировать в образовательный и/или культурный капитал. Ориентация на рост — это не формирование активов или потребление. Новые либералы более склонны вкладывать свои финансовые ресурсы в различные формы культурного капитала, а не в такие активы, как земля и недвижимость. Кроме того, новые либералы предпочитают инвестировать в человеческий капитал своих детей и внуков, а не потреблять. Обычные либералы не имеют такой инвестиционной ориентации.

Однако, как показал кабинет Тони Блэра в Великобритании в середине 1990-х, идея ориентированных на инвестиции государственных расходов начала получать широкое признание. Эта инвестиционная ориентация затем была классифицирована и теоретизирована Энтони Гидденсом [12], представившим свою идею как «Третий путь». Основываясь на идеях Гидденса, мы предполагаем, что инвестиционная ориентация — отличительная черта новых либералов.

Другая характеристика новых либералов — универсализм. Мы понимаем универсализм как противопоставление, с одной стороны, локализму, а с другой — глобальному монизму. Например, в отличие от глобального монизма, универсализм не отрицает значение национального государства как единицы культуры

и управления [13]. Универсализм признает некоторую силу авторитета, традиции и конформизма в государстве. В Японии, например, новые либералы занимают отличную от обычных либералов позицию по вопросу статьи 9 Конституции Японии, которая предусматривает бессрочный отказ от войны (абсолютный пацифизм). В то же время старые либералы отрицают любые органы, имеющие политическую власть организовать оборону⁷. Другой пример — вопрос о женщине-преемнице японского императора. В то время как старые либералы отрицают власть символической императорской системы как таковой, новые либералы поддерживают идею «женского императора» как шага против мужского доминирования в императорской системе⁸. Универсализм не отрицает ни национализма, ни традиционализма. Направление придерживается либеральных ценностей, но допускает руководство, традиции и конформность в обществе.

Однако вопрос в том, как найти подобные критерии, зависящие от конкретного контекста или совокупности политических идеологий, для новых либералов. Мы обсуждаем этот вопрос более подробно в разделе об универсализме. С точки зрения традиционной системы противопоставления либералов и консерваторов новые либералы могут считаться более консервативными, нежели их предшественники, из-за принятия определённых аспектов власти, традиции и конформизма. Таким образом, они рассматриваются более или менее как консерваторы⁹. Хотя новые либералы соглашались с некоторыми из перечисленных

⁷ Синдзо Абэ, премьер-министр Японии и председатель Либерально-демократической партии, настаивает на том, что главный политический вопрос на выборах в Палату советников летом 2019 года — выбор между партией, которая перестает спорить о Конституции, и той, которая непосредственно её обсуждает. Эта точка зрения показывает, что главный политический вопрос в современной Японии оспаривается главным образом господствующими консерваторами и старыми либералами: оппозиционные партии, поддерживаемые либералами, считают неудобным изменение статьи 9, которая предусматривает абсолютный пацифизм.

⁸ Согласно опросу газеты «Асахи», среди кандидатов, баллотировавшихся на выборах в Палату советников летом 2019 года, 34% кандидатов от ЛДП поддержали идею императора-женщины. Соответствующий показатель для Национальной демократической партии, которая была основана в 2018 году, составил 70%. Мы предполагаем, что это различие в поддержке женского императора может оказаться центральным вопросом в идеологическом конфликте между консерваторами и новыми либералами. См.: Женщина-император—милость, матрилинейный император—осторожность // Асахи. 2019. 18.07. С. 1.

⁹ Молодые люди, получившие высшее образование и работающие в крупных компаниях, традиционно поддерживали либеральные партии, такие как Социалистическая партия и Коммунистическая партия Японии [14]. Однако в последнее время они склонны поддерживать консервативные партии, например Либерально-демократическую [15].

особенностей, они вряд ли чётко представляют критерии их выделения. Они даже могут не подозревать, что относятся к либералам. Новые либералы не распространяются о своём политическом положении и могут даже не осознавать своих политических взглядов. Если это действительно так, то как мы можем определить новых либералов в Японии, которые будут отличаться от консерваторов и от старых либералов?

Наша основная гипотеза заключается в том, что новых либералов можно определить как относительно самостоятельный класс, имеющий две главные черты: стремление к инвестициям и универсализм. Но поскольку критерии определения новых либералов непонятны даже им самим, то для исследования мы применяем метод латентно-классового анализа. Далее рассмотрим используемые методы¹⁰.

3. Методы

3.1. Данные и подход

Чтобы выявить социальные характеристики новых либералов, мы провели в сентябре 2018 года Интернет-опрос. Его прошли 1200 мужчин и женщин Японии в возрасте от 20 до 70 лет. Респонденты выбирались из регистрационного списка исследовательской компании с использованием метода квотной выборки: мы стремились к примерно равной доле мужчин и женщин, равной возрастной пропорции и одинаковому представительству каждого региона Японии.

Наша первая гипотеза заключается в том, что новые либералы имеют иные политические предпочтения, чем консерваторы и старые либералы. Чтобы проверить это утверждение, необходимо классифицировать или сгруппи-

¹⁰ Можно подумать, что критерий либеральной рациональности тот же, что и критерий консервативной рациональности, а самих консерваторов можно разделить на два класса: крайних и рациональных. Если это так, то новых либералов можно назвать новыми консерваторами. Однако мы используем термин «новый либерал», потому что в японском контексте, по крайней мере, идеологическое противостояние во многих аспектах трансформировалось из старых либералов против консерваторов в новых либералов против консерваторов. Ось политического конфликта почти размыта. Например, Коммунистическая партия Японии в настоящее время рассматривается как крайне консервативная, в то время как Либерально-демократическая партия считается умеренно реформистской, а не консервативной [6: Ch.2].

ровать японских граждан на основе их политических предпочтений. Для этого¹¹ мы используем латентно-классовый анализ¹².

Есть три причины использовать его в исследовании. Во-первых, он позволяет классифицировать респондентов на основе категориальных переменных. Мы измерили политические предпочтения респондентов с помощью вопросов с двумя вариантами ответа. Во-вторых, латентно-классовый анализ позволяет выявить характеристики каждой группы в виде их паттернов реагирования. Сравнивая паттерны реагирования различных групп (например, у новых либералов, консерваторов и старых либералов), мы можем интерпретировать эти характеристики. В-третьих, латентно-классовый анализ позволяет показать взаимосвязь между социально-экономическим статусом и вероятностью принадлежности к каждой группе с помощью полиномиального логит латентно-классового регрессионного анализа [23].

3.2. Измерение политических предпочтений

Мы измерили четыре аспекта политических предпочтений респондентов: отношение к инвестициям, веру в универсализм, отношение к вопросам, о которых спорят консерваторы и старые либералы, а также осознание своих собственных политических установок.

Склонность к инвестициям

Склонность респондентов к инвестициям измерена с помощью их ответов на следующие вопросы:

¹¹ Существует не так много исследований политических предпочтений на основе метода латентно-классового анализа. Хагенаарс и Халман [19] изучили взаимосвязь между религиозными и политическими предпочтениями на основе этой методики. Однако они сконцентрировались на религиозном аспекте. Сэвэйдж и др. [20] применили метод для формирования классовой структуры с помощью данных об экономических и социальных капиталах. Однако они не провели анализа связи между классами и политическими предпочтениями. Нагайоши [21] использовал метод для классификации предпочтений людей в Японии на основе вопроса о политическом праве иностранных жителей. Канадзава [22] прояснил связь между чувством несправедливости и социально-экономическим статусом респондента, основываясь на SSM-данных за 1995 год в Японии. Тем не менее не было проведено ни одного исследования, которое фокусировалось бы именно на изучении политических предпочтений людей с помощью этого метода.

¹² О методе латентно-классового анализа см. McCutcheon [16], Hagenaars and McCutcheon [17], Collins and Lanza [18].

[B1-1] Г-н [Дэвид] уже закончил работать и живет на пенсию. Он накопил немного денег и хотел бы потратить их на своего внука. С одной стороны, он считает, что было бы разумно в будущем использовать эти финансы для оплаты образования внука и начала его карьеры. С другой стороны, он также считает, что не помешало бы превратить деньги в актив (например, купить землю или акции) для обеспечения финансовой стабильности внука. Если бы Вы были господином [Дэвидом], что бы Вы выбрали?

(1) Использовать деньги для покрытия расходов на образование.

(2) Использовать деньги для покупки земли или финансовых активов.

[B1-2] Г-н [Дэвид] и его жена оба работают, и у них есть двое детей. Они накопили немного денег. Г-н [Дэвид] может потратить их на школу или курсы для себя или своей семьи, а также на оплату развлечений. Если бы Вы были господином [Дэвидом], как бы Вы использовали эти сбережения?

(1) Потратить на обучение для себя или членов семьи.

(2) Потратить на развлечения.

Универсализм

Как было указано выше, вторая характеристика обычного гражданина – универсализм. В отношении авторитета, традиции и конформизма универсализм имеет те же признаки, что и «новые либералы». Например, выступает за женщину-императора как замену мужской императорской системы, но не отрицает систему как таковую. Универсализм поддерживает назначение женщин, представителей ЛГБТ, людей с ограниченными физическими возможностями, иностранцев, пожилых людей, членов групп меньшинств и других лиц, подвергающихся дискриминации, на руководящие должности, если у них достаточно оснований занять эти места. В этом контексте критерии, которым следуют новые либералы, включают честное избрание лидера без учета его культурного происхождения: даже если последние признают необходимость существования органов власти для организации отдельной группы или национального государства.

Второй пример – познание японской культуры онсэн (горячего источника). В последнее время многие иностранные гости иногда игно-

рируют этикет онсэн, включающий в себя босые ноги, отсутствие еды и воды, некрашенные волосы и так далее. Либералы могут терпимо относиться к их поведению и признавать, что в онсэн существует столько же способов поведения, сколько и культурных традиций. Либералы показывают свою поддержку культурного разнообразия в принятии онсэн. Однако новые либералы будут использовать критерий, отличный от мультикультурного отношения их предшественников. Либеральный подход потребовал бы принятия позиции, которая учит иностранцев культуре онсэн. Более того, от иностранцев ожидается желание узнавать о культуре онсэна. В этом отношении либеральная рациональность может рассматриваться как подход, расширяющий внутреннюю культуру одной страны за ее пределы. Она не отрицает традиционную культуру, но пытается расширить принятие онсэна посетителями или другими областями¹³.

Таким образом, существует два критерия для определения новых либералов с точки зрения их отношения к универсализму. Мы измерили уровень универсализма с помощью ответов участников на следующие вопросы:

[B1-3] Г-н [Дэвид] заведует горячим источником для однодневных путешественников. В последнее время количество иностранных гостей увеличилось, но появились жалобы японских клиентов на плохие манеры приезжающих. В результате г-н [Дэвид] задается вопросом, стоит ли ему запретить турагентам бронировать места в его горячем источнике для иностранцев или всё-таки продолжить принимать их, несмотря на плохие манеры. Как бы Вы поступили на месте господина [Дэвида]?

(1) Временно прекратил бы принимать иностранных гостей.

(2) Заставил бы иностранных гостей запомнить правила поведения и продолжил принимать их.

¹³ Другой пример – проблема школьной формы в Японии. Если идея либералов подразумевает антиконформизм, как указано выше, то они, по большому счету, будут критиковать её существование. Однако критерии нового либерала подразумевают, что есть хорошая и плохая форма. Хорошая форма не будет отражать авторитарный стиль: она, скорее, должна быть выдержана в стиле, поощряющем участие студентов в общественной и гражданской деятельности.

[В1-4] Г-н [Дэвид] — менеджер сети пабов, нанимающий японских и иностранных работников на неполный рабочий день. Иностранцы не говорят свободно по-японски, но работают усерднее, чем японские коллеги. Через некоторое время г-н [Дэвид] решает нанять еще двух сотрудников на неполную занятость. На месте господина [Дэвида], Вы бы предпочли нанять японских рабочих или рассмотрели бы возможность принятия на работу как японцев, так и иностранцев?

(1) Нанял бы японских рабочих.

(2) Не проводил бы различий между японцами и иностранцами при поиске сотрудников.

Традиционные споры между консерваторами и старыми либералами

Мы попытались найти различия между консерваторами и старыми либералами с помощью ответов респондентов на следующие четыре вопроса, связанных с историческим и политическим контекстом Японии¹⁴:

[В-2-1] Япония должна придерживаться идеи «абсолютного пацифизма». Если другая страна нападет на нас, то мы должны либо быстро сдаться, не вступая в вооруженный конфликт, либо оказать сопротивление без координации вооруженных сил (т. е. воевать будут полицейские, а не солдаты).

[В-2-2] Правительство Японии должно извиняться за использование «женщин для утешения» на южнокорейских территориях во времена Второй мировой войны до тех пор, пока население Южной Кореи не будет удовлетворено извинениями.

[В-2-3] Японии не следует полагаться на американскую военную мощь, а Японо-Американский договор о безопасности должен быть отменен.

[В-2-4] Символическая императорская система в Японии должна быть отменена, потому что она не совместима с демократией.

Эти вопросы сыграли решающую роль в определении политического устройства послевоенной Японии. Так называемые старые или послевоенные либералы, скорее всего, ответят «да» на четыре вопроса, поскольку они против авторитаризма. А консерваторы, скорее всего, ответят «нет», так как поддерживают авторитаризм.

¹⁴ О характеристиках старых либералов в Японии см. Ikeda [24].

Осознание политической позиции

Мы измерили политическое самопозиционирование респондентов, попросив их определить свои политические установки по шкале от 0 до 10. Для этого мы использовали следующий вопрос:

«Иногда мы выражаем свои политические убеждения словами «либерал» или «консерватор». Как бы Вы определили свою позицию в отношении этих двух слов? Если Вы не знаете значения слова «либеральный» или «консервативный», то, пожалуйста, выберите «я не знаю»».

Мы посчитали этот вопрос важным, так как в Японии слово «либерал» долгое время было привязано к старой либеральной идеологии (как обсуждалось выше). Это может вызвать трудности у новых либералов при выражении собственных политических убеждений. Мы предположили, что они, возможно, не имеют ясного представления о своих собственных политических убеждениях.

4. Результаты

У нашего исследования три главных результата. Первый: латентно-классовый анализ показал, что уместно разделить респондентов на четыре группы в зависимости от их политических предпочтений. Эти группы включают в себя консерваторов, старых либералов, новых либералов и класс ожидающих решения. Второй: мы зафиксировали основные социально-политические черты каждой группы, такие как возраст и профессия. Третий результат: мы сформулировали отличительные черты новых либералов — их личности, социальных установок, партийных предпочтений и социальных отношений.

4.1. Политические предпочтения японцев: латентно-классовый анализ

Мы провели латентно-классовый анализ, чтобы распределить респондентов согласно их приверженности к инвестициям, вере в универсализм, позиции по традиционным политическим спорам между консерваторами и старыми либералами и осознанию своих политических убеждений. Мы выбрали модель 4 класса на основе значения ВИС (*табл. 1*).

На основе анализа, представленного в *таблице 2*, мы назвали каждый из этих четырех классов консервативным классом, классом ожидающих решения, новым либеральным

Таблица 1. Результат выбора модели на основе BIC

Модель	L ²	df	P-значение	BIC
Модель 1 класса	4681,66	1183	0,000	-3705,90
Модель 2 класса	3659,43	1165	0,000	-4600,51
Модель 3 класса	3171,70	1147	0,000	-4960,62
Модель 4 класса	3042,83	1129	0,000	-4961,86
Модель 5 класса	2964,97	1111	0,000	-4912,10
Модель 6 класса	2910,25	1093	0,000	-4839,21
Модель 7 класса	2866,71	1075	0,000	-4755,12
Модель 8 класса	2821,83	1057	0,000	-4672,38
Модель 9 класса	2778,10	1039	0,000	-4588,49
Модель 10 класса	2728,33	1021	0,000	-4510,64

Таблица 2. Латентно-классовый анализ политических предпочтений, %

Пропорции	Консерваторы	Ожидающие решения	Новые либералы	Старые либералы	Все респонденты
	38	26	22	14	–
Условная вероятность ответа					
[Инвестиции] Как оставлять активы внукам?					
На образовательные цели	48	42	49	42	46
Как земельные или финансовые активы	52	58	51	58	54
[Инвестиции] Как тратить деньги?					
Занятия для себя и семьи	53	51	63	61	56
Развлечения	47	49	37	39	44
[Универсализм] Как реагировать на зарубежных клиентов?					
Не обслуживать	32	41	5	43	30
Заставить их соблюдать манеры и продолжить обсуждать	68	59	95	57	70
[Универсализм] Как нанимать людей, работающих на неполной занятости?					
Японцы в приоритете	35	40	1	52	31
Нанимать, не разделяя японцев и иностранцев	65	60	99	48	69
[Традиционные вопросы] Должна ли Япония придерживаться абсолютного пацифизма?					
Должна	9	5	23	72	20
Ни то, ни другое	12	91	35	16	38
Не должна	79	5	43	12	42
[Традиционные вопросы] Мы должны извиняться перед Южной Кореей за использование «женщин для утешения»?					
Должны	3	4	16	64	15
Ни то, ни другое	5	86	28	17	33
Не должны	91	10	56	18	52
[Традиционные вопросы] Мы должны аннулировать договор о безопасности между Японией и США?					
Должны	12	6	17	71	20
Ни то, ни другое	22	87	59	25	48
Не должны	66	7	24	4	33
[Традиционные вопросы] От символической императорской системы следует отказаться?					
Да	4	3	13	50	12
Ни то, ни другое	13	91	29	32	40
Нет	83	6	58	18	48
Политическая позиция?					
Назвались коренными либералами (0–2)	4	0	13	12	6
Назвались либералами (3–4)	16	9	24	23	17
Нейтральная позиция (5)	15	33	19	13	20
Назвались консерваторами (6–7)	28	21	17	26	24
Назвались коренными консерваторами (8–10)	22	5	2	17	12
Не знают	16	32	25	9	21

классом и старым либеральным классом соответственно, исходя из их характерных особенностей.

Новый либеральный класс составили 28% всех опрошенных. Новые либералы выделяются своей тенденцией к универсализму. Некоторые из них охарактеризовали себя термином «либерал», но около 25% новых либералов заявили, что точно не знают о своих политических предпочтениях.

Старый либеральный класс составили 14% участников опроса. В отличие от новых либералов, они выразили негативное отношение к универсализму. Старые либералы, как правило, уверенно отвечали на вопросы об историческом и политическом контексте послевоенной Японии. Например, они склонялись к тому, что «Япония должна стремиться к абсолютному пацифизму». Некоторые из них отождествляли себя со словом «либерал» при описании политических предпочтений, но другие предпочитали термин «консерватор». Этот противоречивый результат может быть связан с нашим методом подготовки и использования анкеты¹⁵.

Консервативный класс составило около 38% опрошенных. Они обычно выступали против универсализма и убеждений, связанных со старым либеральным классом. В отличие от других классов респондентов, они наиболее полно осознавали свою идеологическую позицию, выбирая слово «консерватор».

Класс респондентов, ожидающих решения, показал противоположную новым либералам тенденцию в отношении веры в инвестиции и универсализм. Что касается вопросов, связанных с послевоенной Японией, то люди, как правило, указывали: «Я также не могу ответить». Когда их просили отождествить себя со словами «либерал» или «консерватор», они часто выбирали нейтральный ответ или вариант «я не знаю (значения этой шкалы)». Можно сказать, что у людей этого класса нет понятного и четко выраженного политического сознания.

Перед проведением исследования мы выдвинули следующую гипотезу: новые либералы не считают себя сторонниками этого направления, в то время как респонденты из старого либерального класса уверенно называют себя

либералами. Однако, согласно нашему латентно-классовому анализу, новые и старые либералы самоидентифицировались с политическим ярлыком «либерал» почти в одинаковой степени. Хотя среди новых либералов оказалось немало тех, кто заявлял, что не уверен в собственных политических предпочтениях. С другой стороны, согласно результатам опроса, многие старые либералы также назвали себя «консерваторами». Это может свидетельствовать о том, что их позиция «сохранения статьи 9 Конституции» выдаёт консервативную позицию в отношении реформы существующей Конституции. У старых либералов могут быть веские основания считать себя консерваторами, потому что они осознают так называемую тенденцию последних 70 лет к либерализации в японском обществе и поэтому считают себя консерваторами в современном историческом контексте.

4.2. Социально-экономический статус четырёх классов

Какой социально-экономический статус у каждого из четырех классов? Чтобы ответить на этот вопрос, мы проанализировали связь между ними и личностными атрибутами с помощью мультиномиального логит латентно-классового регрессионного анализа (*табл. 3*). Вместо макетного кодирования мы использовали эффективное кодирование каждой категориальной переменной [25, с. 16]. В результате мы можем оценить влияние независимых переменных на все четыре класса. Значения коэффициентов регрессии определялись путем сравнения их со средним значением, т. е. значение представляет собой разницу между данной категорией (например, профессиональная работа) и средне-статистическими респондентами [26].

Социально-экономические особенности новых либералов: им больше 60 лет, они окончили университет или аспирантуру, они — профессионалы, имеют сравнительно низкие доходы (семейный доход составляет менее 3,5 млн. иен), и они чувствуют, что их социальный статус сейчас ниже, чем в возрасте 15 лет. Вполне возможно, что высокообразованные люди старше 60-ти составляют основу этого класса. Их низкие доходы могут показывать, что они уже закончили работать и, вероятно, живут на пенсию.

¹⁵ Возможно, потребуется исключить из анализа тех, кто склонен отвечать «да» на каждый вопрос.

Таблица 3. Результат мультиномиального логит латентно-классового регрессионного анализа

	Консерваторы		Ожидающие решения		Новые либералы		Старые либералы	
	B	S.E	B	S.E	B	S.E	B	S.E
Возраст, лет	0,348***	0,081	-0,002	0,075	-0,460***	0,123	0,114	0,101
20–29	0,148	0,158	0,264†	0,145	-0,499†	0,279	0,087	0,203
30–39	-0,151	0,141	-0,012	0,134	-0,206	0,224	0,369*	0,160
40–49	-0,169	0,128	0,229†	0,126	0,162	0,194	-0,223	0,168
50–59	0,248†	0,128	0,055	0,138	-0,082	0,208	-0,220	0,193
60–70	-0,076	0,133	0,536***	0,145	0,625**	0,188	-0,013	0,177
Образование								
Средняя школа / старшая школа	-0,020	0,108	-0,031	0,110	-0,118	0,170	0,169	0,139
Технологический колледж / 2-летний колледж / профессиональное училище	0,188†	0,110	0,116	0,113	-0,151	0,161	-0,153	0,156
Университет / аспирантура	-0,168†	0,096	-0,085	0,097	0,269†	0,141	-0,016	0,126
Занятость								
Профессия	0,204	0,145	-0,128	0,165	0,559*	0,223	-0,635*	0,247
Менеджмент	-0,321	0,207	-0,301	0,242	0,143	0,329	0,479*	0,227
Офис	-0,214	0,130	0,180	0,123	-0,005	0,193	0,039	0,154
Продажи / услуги	-0,005	0,199	0,018	0,194	-0,259	0,340	0,246	0,218
Синий воротничок / фирма	-0,046	0,193	0,175	0,204	-0,346	0,352	0,217	0,235
Безработный / студент	0,382*	0,162	0,056	0,154	-0,092	0,254	-0,346	0,220
Нерегулярная занятость	0,361†	0,189	0,143	0,187	0,158	0,266	-0,346	0,258
Семейный доход								
Меньше 3.500.000 йен	-0,307*	0,136	-0,049	0,138	0,380*	0,189	-0,024	0,184
3.500.000–5.500.000 йен	0,176	0,125	-0,088	0,131	-0,191	0,216	0,103	0,173
5.500.000–8.500.000 йен	0,254*	0,123	-0,316*	0,137	-0,172	0,200	0,234	0,154
Более 8.500.000 йен	0,257†	0,139	-0,014	0,142	-0,178	0,218	-0,066	0,185
D.K. / N.A.	-0,380*	0,168	0,466**	0,141	0,162	0,226	-0,247	0,225
Субъективная социальная мобильность								
Нисходящая	0,223*	0,096	-0,186†	0,106	0,308*	0,134	-0,355*	0,144
Ее нет	-0,063	0,093	0,448***	0,091	-0,368*	0,155	-0,018	0,120
Восходящая	-0,171†	0,098	-0,262*	0,110	0,059	0,149	0,373**	0,125
Псевдо-R ²	0,102							
N _e	1108							

† p < 0,10; * p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001

Черты старого либерального класса: его участникам больше 30 лет, они работают на руководящих должностях и чувствуют, что их социальный статус выше, чем в возрасте 15 лет¹⁶. Этот результат несколько отличается от нашей изначальной гипотезы. Мы предполага-

¹⁶ Авторы исследований по социальной стратификации обычно считают, что социальный статус родителей респондентов в тот момент, когда последние завершают обязательное образование (т.е. в возрасте 15 лет), – это первый этап приобретения социального статуса их детьми (например, Blau and Duncan, 1967). Следуя этой общепринятой гипотезе, мы сравнили субъективный социальный статус респондентов, когда им было 15 лет, с социальным статусом их родителей для того, чтобы измерить субъективную социальную мобильность респондентов.

ли, что старые либералы будут пожилыми людьми старше 60 лет.

Мы также выдвинули еще одну гипотезу: представители нового либерального класса скажут, что их социально-экономический статус сейчас выше, чем в 15 лет. Но на практике вышло, что респонденты-новые либералы не поднимались по социальной лестнице, тогда как старые либералы высказывают противоположную точку зрения.

Как можно раскрыть эти результаты? Один из вариантов заключается в том, что, хотя участники нового либерального класса играли заметную роль в развивающихся отраслях, таких как ИТ-индустрия, их родители были

достаточно состоятельными, поэтому члены нового либерального класса имели очень высокий социально-экономический статус в возрасте 15 лет и почувствовали относительный спад. Другая интерпретация заключается в том, что участники нового либерального класса не обязательно обладают высокими доходами: их работу можно назвать творческой, но приносит она относительно небольшие деньги. Третий вариант заключается в том, что люди старше 60 лет, уже вышедшие на пенсию, могут иметь относительно небольшой располагаемый доход и поэтому чувствуют, что их социально-экономический статус снизился. Каждая из этих возможностей должна быть изучена более подробно.

Особенности участников консервативного класса: в основном это мужчины старше 50 лет, которые учились в технологических институтах, двухгодичных колледжах и профессиональных училищах. Они либо не имеют работы, либо являются студентами, внештатными работниками, либо имеют относительно высокий доход. Они считают, что их социально-экономический статус в настоящее время выше, чем в 15 лет. Можно сделать вывод, что консервативный класс состоит из двух разных групп: (1) люди среднего и пожилого возраста, которые имеют высокие доходы, но низкий уровень образования, и (2) те, кто являются внештатными работниками и чувствуют, что их социально-экономический статус снизился с тех пор, как им исполнилось 15 лет. Почему менее образованные и больше зарабатывающие люди склонны к консерватизму? Одно из объяснений заключается в том, что мужчины старше 50 лет поддерживают статус-кво нашего общества: они считают, что тяжелый труд в течение жизни обеспечил им высокий доход, несмотря на их плохое образование.

Людей из класса ожидающих решения можно охарактеризовать следующим образом: они не знают своего семейного дохода и отвечают, что их социально-экономическое положение примерно такое же, как и в возрасте 15 лет¹⁷.

¹⁷ В Японии многие молодые люди в возрасте 20 лет живут с родителями. В этом случае они могут не всегда точно знать свой семейный доход. Согласно таблице 3, такая молодежь часто относится к классу респондентов, ожидающих решения.

Респонденты в возрасте 20 лет все еще развивают свои политические предпочтения: молодым возрастом можно объяснить амбивалентность некоторых участников этого класса. Но как объяснить политическую амбивалентность тех представителей класса, кому за 40? Этот вопрос также требует дальнейшего изучения.

4.3. Личности и классы

Далее следует проанализировать связь между вышеупомянутыми четырьмя классами и нашими первоначальными категориями «кластеров личности» (табл. 4).

Наши 18 категорий «кластеров личности», представленные в таблице 4, позаимствованы из работ других социологов. Они включают: (1) креативных людей [27], (2) креативных людей с низким доходом [27], (3) людей – любителей разговоров (иерархическая прозрачность) [28], (4) людей – любителей разговоров (например, в пабе) [29], (5) людей, посещавших культурные кружки [30], (6) «Интернет-пещерных» людей [31], (7) онлайн-авторов [31], (8) сторонников культуры предпринимательства [32], (9) похожих людей, ориентированных на близость [28], (10) слабо заинтересованных в браке людей [33], (11) натуралистов [33], (12) потребителей [33], (13) людей, любящих сатиру [34], (14) заботливых людей [35], (15) «просвещенных» потребителей [33], (16) минималистов [33], (17) работающих бедняков [36], (18) заметных домохозяек [37].

Члены нового либерального класса проявляют черты любителей разговоров (иерархическая прозрачность), людей, посещавших культурные кружки, похожих людей, ориентированных на близость, натуралистов, потребителей, заботящихся людей, любителей сатиры, минималистов и работающих бедняков.

Вместе с тем представители консервативного класса показывают черты таких людей, как: онлайн-авторы, люди, ориентированные на близость, натуралисты, потребители и «просвещенные» потребители. К примеру, люди консервативного класса выделяются тем, что используют Интернет как инструмент для распространения своей собственной информации.

Члены старого либерального класса имеют черты малообеспеченных креативных людей, сторонников культуры предпринимательства и любителей сатиры.

Таблица 4. Личности в четырех классах, %

Вариант ответа	Консерваторы	Ожидающие решения	Новые либералы	Старые либералы	Все респонденты
(1) Я хочу участвовать в креативных мероприятиях, связанных с хобби или работой	35,7	23,7	37,4	34,2	32,7
(2) Даже если зарплата низкая, я хочу иметь культурно значимую работу	14,2	6,9	17,4	19,9	13,8
(3) Я люблю разговаривать с людьми, невзирая на социальный статус в разных кругах и на мероприятиях	21,4	8,5	31,7	26,7	21,0
(4) Я люблю разговаривать с людьми в баре или таверне	17,9	12,0	20,0	22,4	17,4
(5) Я участвовал в культурных кружках в средней школе, старшей школе или в колледже (университете)	25,2	11,4	31,7	21,1	22,4
(6) Я люблю регистрироваться на Интернет-порталах и составлять список избранного	21,0	10,4	18,5	15,5	16,9
(7) Я люблю писать и передавать информацию в сети	7,0	2,5	4,9	8,1	5,5
(8) Я люблю поддерживать малоизвестных творческих людей, у которых не очень большие доходы с продаж	5,0	3,5	3,8	11,8	5,3
(9) Я люблю проводить время с людьми, чьи вкусы совпадают с моими	34,6	14,5	37,4	33,5	29,8
(10) Мне не трудно каждое утро готовить для партнера, поэтому я хочу, чтобы моя жена (будущая жена) работала	4,2	1,6	4,2	5,0	3,6
(11) Я предпочитаю обычную, а не шикарную жизнь	46,2	25,9	55,8	31,7	41,0
(12) Мне бы хотелось тратить деньги на еду и путешествия, а не одежду и мебель	21,2	9,8	21,9	13,0	17,3
(13) Мне нравятся юмористы, которые шутят о знаменитых людях	14,2	6,9	21,5	21,1	14,8
(14) Я хорошо забочусь о людях, поэтому мне может подойти сфера медицины и сестринского ухода	8,8	3,5	11,7	9,3	8,1
(15) Я считаю, что разумнее покупать вещи после тщательного обдумывания, не поддаваясь рекламе	42,2	18,6	35,5	23,6	32,0
(16) Я хочу жить без материальных вещей настолько это возможно	36,8	29,3	42,3	26,7	34,7
(17) Сейчас я получаю маленькую (минимальную) зарплату и будущее кажется безнадежным	9,2	8,8	12,8	6,2	9,5
(18) Я занимаюсь только домашней работой у того, кто закончил колледж, и для меня нормально тратить больше тысячи йен на обед	3,3	5,0	3,0	3,7	3,8
Выделено: скорректированный остаток - +1,96 или больше.					

Люди из класса ожидающих решения не показали корреляции с перечисленными 18 личностными характеристиками.

Сравнивая новый либеральный класс с консервативным, можно заметить, что они имеют общие черты — людей, ориентированных на близость, натуралистов и потребителей. Но, когда мы интерпретировали эти результаты с помощью корреляционного анализа, а не латентно-классового, мы пришли к разным выводам. В то же время новые либералы, определяемые склонностью к инвестициям и универсализму, имеют черты людей, ориентированных на близость, натуралистов и потребителей, а консерваторы не демонстрируют таких же корреляций. С помощью латентно-классового анализа стало понятно, что новые либералы дифференцируют себя от консерваторов направленностью на коммуникацию, культуру и критическое мышление.

Мы не выявили никаких отличительных личностных характеристик старого либерального класса с помощью латентно-классового анализа. Необходимо провести дополнительные исследования, чтобы понять, какими персональными особенностями они обладают. Вероятно, это можно сделать, создав еще одну анкету, лучше отражающую личностные характеристики старых либералов.

4.4. Социальные установки новых либералов

Каковы социальные установки новых либералов? Мы хотели бы обратиться к нашей гипотезе о различиях между консерваторами и новыми либералами, используя два основных положения: (а) выбирать лидера на основе нашей шкалы ценностей законно; (в) исходя из общепринятой шкалы ценностей «неполноценные» люди должны цениться меньше. Значение традиционной шкалы ценностей, упомянутой в пунктах (а) и (в), носит консервативный смысл для нашего общества. Остальные положения (а) и (в) по существу являются меритократическими, т. е. они поддерживают социальную иерархию, легитимированную преимуществами или способностями. Наша гипотеза заключается в том, что новые либералы критически относятся к этим двум предложениям и реагируют на следующие положения [9]:

(1) Новые либералы думают, что те, кто находится ниже по существующей шкале ценностей, действительно могут занять руководящие общественные позиции: например, следующим императором должна быть женщина. Новые либералы не стали бы отрицать власть как таковую, а предпочли бы признать рациональную власть. Мы называем эту идею «уравниванием».

(2) Эти положения послужат тестом для определения того, что либералы считают рациональным авторитетом. Новые либералы демонстрируют приверженность и лояльность своей организации или нации, когда правящая власть рациональна с точки зрения выравнивания. Мы называем эту идею «рациональной лояльностью».

(3) Новые либералы думают, что не всегда возможно назначать человека на руководящую должность, учитывая существующую шкалу ценностей. Например, они не считают разумным слепо следовать цели и подчиняться структуре организации, к которой они принадлежат. Вместо этого они пытаются сохранить здоровое, критическое отношение к любому виду субординации. Мы называем это «критическим отношением».

(4) Похожим образом новые либералы пытаются занять принципиальную позицию относительно своего членства в той или иной организации. Они стараются не проявлять слишком большой приверженности к своим организациям, потому что она может быть сочтена «некритичной». Мы называем это «деконтекстуализмом».

(5) Новые либералы считают, что человек, стоящий ниже по одной шкале ценностей, не обязательно находится там же по другой: ценность каждого человека должна быть признана универсальной или «встроенной». Они считают существующие шкалы ценностей сомнительными, поскольку власти, создавшие или создающие их, недооценивают подчиняющихся людей на основе традиций и социального единообразия. Новые либералы считают, что эти люди не обязательно находятся ниже по шкале, а их универсальные человеческие права должны быть признаны. Это отношение можно назвать позицией «против предрассудков».

Таблица 5. Социальные черты четырех классов, %

	Консерваторы	Ожидающие решения	Новые либералы	Старые либералы
[Уравнивание] Мы должны назначить определенное количество женщин на руководящие позиции во многих организациях.	29,1	18,3	31,0	53,4
[Уравнивание] Социальные преимущества или недостатки, в зависимости от семейной обстановки и места проживания, неизбежны.	55,8	26,2	40,0	52,8
[Рациональная лояльность] Если руководители нашей страны, региона или организации ценят свободу и равенство, то я внесу свой вклад, насколько это возможно.	49,4	20,2	63,4	62,8
[Критическое отношение] Даже при успешном руководстве организацией сотрудникам нужно разрешать обсуждать менеджмент.	63,9	29,7	68,7	72,0
[Деконтекстуализм] Я хочу принадлежать нескольким организациям, чтобы не быть связанным человеческими отношениями только в одной из них.	37,7	18,0	44,2	18,3
[Деконтекстуализм] Я выполняю задачу, несмотря на её нерациональность.	32,2	18,0	37,0	46,6
[Фнти-предубеждение] Если у иностранца нет проблем с японским языком, то он может занять позицию руководителя.	64,6	30,9	75,4	67,7

Из этих рассуждений мы извлекли несколько основных социальных черт новых либералов: уравнивание, рациональная лояльность, критическое отношение, деконтекстуализм и анти-предубеждение. Однако результаты латентно-классового анализа не всегда подтверждали эти особенности (табл. 5).

Анализ показал, что у новых либералов есть все пять черт. Однако около 40% из них признались в некотором неравноправии в своем семейном окружении. Это означает, что они не проявляют особенно заметной тенденции к эгалитаризму, подчеркивающему равные возможности для всех, вне зависимости от контекста.

Следует отметить, что в исследовании у консерваторов также была отмечена положительная тенденция к критическому отношению, а старые либералы уверенно поддерживали идею назначения женщин, в определенной степени, на руководящие посты. В этой позиции старые либералы отличаются от консерваторов и новых либералов. Последние могут поддержать идею назначения женщины-императора, но они не готовы назначать женщин на определенное количество руководящих должностей.

Еще больше различий проявляется, когда мы рассматриваем ответы участников классов на утверждение «Я — человек, который выполняет задачу независимо от того, насколько иррациональна просьба». Старые либералы, как

правило, отвечали утвердительно на этот вопрос: это означает, что они мирятся с выполнением неразумной работы. Поэтому старые либералы могут считать себя лишенными автономного суждения из-за своего членства в определенной организации. Это противоположно отношению новых либералов.

4.5. Поддержка партии

Далее проанализируем отношения между четырьмя классами и политическими партиями, которые они поддерживают (табл. 6).

Мы видим, что новые либералы поддерживают Конституционно-демократическую партию сильнее, чем остальные. Однако почти 70% из них не поддерживает ни одну политическую партию. Это свидетельствует об их сильной независимости в отношении существующих политических партий. Интересно также отметить, что процент не поддерживающих ни одну политическую партию одинаково высок среди ожидающих решения и новых либералов. Старые либералы поддерживают так называемые левые партии: Конституционно-демократическую, Национально-демократическую, Коммунистическую и Социал-демократическую. Однако почти 30% из них выступают за Либерально-демократическую партию, доминирующую и в значительной степени консервативную. Консерваторы выступают за ЛДП больше, чем другие респонденты.

Таблица 6. Партии, которые поддерживаются четырьмя классами, %

Партия	Консерваторы	Ожидающие решения	Новые либералы	Старые либералы	Все респонденты
Либерально-демократическая	33,5	18,6	10,6	28,0	23,8
Конституционно-демократическая	4,8	3,2	10,6	9,9	6,3
Национально-демократическая	0,0	0,0	1,1	3,1	0,7
Комэйто	1,1	1,9	1,5	1,9	1,5
Коммунистическая	1,8	2,5	4,5	8,1	3,4
Общество возрождения Японии	2,0	1,9	3,0	1,9	2,2
Социалистическая	0,0	0,3	0,4	2,5	0,5
Другие партии	1,1	0,0	0,0	0,0	0,4
Без политических партий	55,8	71,6	68,3	44,7	61,3
Общее	100	100	100	100	100

4.6. Новый либеральный класс и семья

Наконец, мы изучаем отношение новых либералов к социальным проблемам, связанным с их семьей и друзьями (например, реформа работы и уход за детьми, ЛГБТ-партнерство и т. д.), ставшие очень важными для Японии за последнее время. Мы предполагаем, что наиболее важной для индивидов является уже не семейная социальная сеть, а та, которая захватывает более широкий круг людей. В первую очередь, мы рассмотрели семейную структуру четырех классов: супружеский статус и количество детей (табл. 7).

Как видно, среди новых либералов больше разведенных или людей, потерявших супругов. В то же время консерваторы и члены класса ожидающих решения реже вступают в брак. Кроме того, мы изучили внесемейные социальные связи участников групп – с соседями, друзьями и знакомыми (табл. 8).

У новых либералов больше близких друзей и соседей, чем у консерваторов. Та же самая ситуация и со знакомыми: их значительно больше у новых либералов, чем у консерваторов и людей, ожидающих решения. Эти результаты показывают, что социальные сети новых либералов слабее, но шире, чем у других респондентов.

5. Выводы

В этой статье мы представили нашу формулировку разных особенностей складывающегося в Японии среднего класса, созданную с помощью латентно-классового анализа. В целом результаты подтверждают выдвинутые нами гипотезы. Однако некоторые из них не оправдали ожиданий. Несмотря на то что наш опрос, возможно, имел некоторые недостатки, мы обнаружили, что новые либералы не испытывают восходящей социальной мобильности. А представители консервативного класса,

Таблица 7. Семейное положение и количество детей в четырех классах, %

Семейное положение	Консерваторы	Ожидающие решения	Новые либералы	Старые либералы
Неженатые	36,1	41,0	32,8	29,8
Женатые	57,3	51,7	57,7	67,1
Разведенные или потерявшие супруга	6,6	7,3	9,4	3,1
Общее	100	100	100	100
$\chi^2(6)=15,031, p < 0,01$				
Число детей	Консерваторы	Ожидающие решения	Новые либералы	Старые либералы
0	49,5	57,7	51,3	41,0
1	15,8	13,6	11,7	11,8
2	25,6	23,7	28,3	35,4
Больше 3	9,2	5,0	8,7	11,8
Общее	100	100	100	100
$\chi^2(9)=21,694, p < 0,01$				

Таблица 8. Сети соседей, друзей и знакомых в четырех классах, %

Число близких соседей	Консерваторы	Ожидаящие решения	Новые либералы	Старые либералы
0	65,4	62,1	57,7	48,4
1-2	20,4	21,1	25,3	20,5
3-5	10,7	11,4	10,6	20,5
6-10	2,8	2,5	4,9	4,3
Больше 11	0,7	2,8	1,5	6,2
Всего	100	100	100	100
$\chi^2(12)=40,431, p < 0,001$				
Число близких друзей	Консерваторы	Ожидаящие решения	Новые либералы	Старые либералы
0	65,4	62,1	57,7	48,4
1-2	20,4	21,1	25,3	20,5
3-5	10,7	11,4	10,6	20,5
6-10	2,8	2,5	4,9	4,3
Больше 11	0,7	2,8	1,5	6,2
Всего	100	100	100	100
$\chi^2(12)=42,473, p < 0,001$				
Число знакомых	Консерваторы	Ожидаящие решения	Новые либералы	Старые либералы
0	23,9	39,1	15,8	19,9
1-2	15,1	20,2	16,2	23,0
3-5	21,0	17,7	20,8	24,2
6-10	17,7	11,0	18,5	13,0
Больше 11	22,8	12,0	28,7	19,9
Всего	100	100	100	100
$\chi^2(12)=71,033, p < 0,001$				

напротив, чувствуют её. Результат кажется парадоксальным и, вероятно, требует дальнейшего изучения.

Новых либералов можно описать как один из четырех классов в нашем латентно-классовом анализе. Их отличительные черты: они старше 60 лет, закончили университет или аспирантуру, считаются профессионалами, у них низкий уровень дохода, и они чувствуют, что их иерархический статус сейчас ниже, чем в возрасте 15 лет. Их личностные черты: любят разговоры (иерархическая прозрачность), ходили на культурные кружки, ориентированы на близость, любят сатиру, заботливые, натуралисты, потребители, минималисты и бедные работяги. Около 70% из них не поддерживают политические партии. У них также есть следующие характеристики: (1) готовы участвовать в дискуссиях по вопросам управления их организациями; (2) предпочитают на-

ходиться более чем в одном сообществе, чтобы не быть ограниченными конкретными общими ценностями; (3) хорошо относятся к тем, кто ниже по иерархии (например, женщины и иностранцы), и не имеют на первый взгляд достаточно оснований, чтобы стать лидером; в то же время они принимают иерархические отношения в бизнес-управлении; (4) считают, что им нужен руководитель для управления организацией, но они не будут подчиняться, если приказы неразумны; (5) около 40% новых либералов признались в неравенстве в семейном окружении; (6) среди новых либералов больше разводов и утраченных супругов, чем у людей из других классов.

С помощью латентно-классового анализа мы узнали, что новых либералов можно рассматривать как один из основных четырех классов современной Японии. Однако они не представлены в нынешней политической системе.

Литература

1. Inoue T. *Don't hate liberalism, even if you hate liberal*. Tokyo: Mainichi-Shinbun, 2015. (in Japanese: Liberalu nokotowa kiraidemo, Liberalism nokotowa kirainarinaide kudasai).

2. Bobbio N., Allan C. *Left and right: The significance of a political distinction*. University of Chicago Press, 1997.
3. Lichtenstein P. M. Some theoretical coordinates of radical liberalism. *The American Journal of Economics and Sociology*, 1984, vol. 43, no. 3, pp. 333–339.
4. Kabashima I., Yoshihiko T. *Political ideology in Japan*. University of Tokyo Press, 1996. (in Japanese).
5. Kabashima I., Yoshihiko T. *Political ideology*. University of Tokyo Press, 2012. (in Japanese).
6. Jou, Willy, Masahisa E. *Generational gap in Japanese politics: A longitudinal study of political attitudes and behavior*. Palgrave MacMillan, 2016. *Ideologie to Nihonseiji, Shinsensha*. Shinsensha, 2019. Japanese translation with additional contents.
7. Inglehart R. *The silent revolution: changing values and political styles among Western publics*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1977.
8. Müller J.-W. *What is populism?* Penguin, 2017.
9. Hashimoto T., Yoshida T. *How to capture the rising middle class in Japan: Based on the Synodos Survey*. Synodos Lab, 2018. Available at: <http://synodoslab.jp/pdf/report.pdf>. (in Japanese).
10. Ferrera M. Welfare-state transformations: From neo-liberalism to liberal neo-welfarism? Ed. Schmidt V.A., Thatcher M. *Resilient liberalism in Europe's political economy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013, pp. 77–111. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139857086.005>.
11. Beramendi P., Häusermann S., Kitschelt H., Kriesi H. *The politics of advanced capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
12. Giddens A. *The third way: The renewal of social democracy*, Cambridge: Polity Press, 1998.
13. Miller D. *Citizenship and national identity*, Cambridge: Polity Press, 2000.
14. Kurita N. Social Change and Leftist Party Support from 1955 to 1995 in Japan: Why Has the Leftism Declined? *Japanese Journal of Electoral Studies*, 2000, pp. 122–138. (in Japanese).
15. Matsutani M. Why Does Younger Generation Support Liberal Democratic Party? Ed. Kikkawa T, Hazama R. *The present status of divided society and younger generation*, Osaka University Press, 2019, pp. 91–120. (in Japanese).
16. McCutcheon A. L. *Latent class analysis*. Newbury Park: Sage, 1987.
17. Hagenars J.A., McCutcheon A.L. *Applied latent class analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
18. Collins L.M., Lanza S.T. *Latent class and latent transition analysis: with applications in the social, behavioral, and health Sciences*, New Jersey: Wiley, 2009.
19. Hagenars J.A., Loek C.H. Searching for ideal types: The potentialities of latent class analysis. *European Sociological Review*, 1989, pp. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.esr.a036509>.
20. Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Le Roux B., Friedman S., Miles A. A new model of social class: Findings from the BBC's great British class survey experiment. *Sociology*, 2013, no. 47(2), pp. 219–250.
21. Nagayoshi K. Determinants of citizens' support for entitlement of foreign citizen to citizenship rights: A latent class analysis. *Sociological Theory and Methods*, 2014, no. 29 (2), pp. 343–359. (in Japanese).
22. Kanazawa Y. The sense of fairness as a belief about stratification' reexamined: An approach based on latent class model. *The Study of Sociology*, 2018, pp. 37–51. (in Japanese).
23. Yamaguchi K. Multinomial logit latent-class regression models: an analysis of the predictors of gender role attitudes among Japanese women. *American Journal of Sociology*, 2000, no. 105, pp. 1702–1740. DOI: 10.1086/210470.
24. Ikeda N. *The end of post-war liberal*. PHP, 2015. (in Japanese: Sengo-Liberal-no-Shuen).
25. Hardy M.A. *Regression with dummy variables*, Newbury Park, CA: Sage, 1993.
26. Vermunt J.K., Magidson J. *Technical guide for latent GOLD 4.0: basic and advanced*. Belmont: Statistical Innovation Inc., 2005.
27. Florida R. *The rise of the creative class, revisited*, New York: Basic Books, 2014.
28. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*, Bd. 1-2, Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981.
29. Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. 1. Aufl., Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.

30. Bourdieu P. *La distinction: critique sociale du jugement*. Éditions de Minuit, 1979.
31. Cowen T. *Create your own economy: the path to prosperity in a disordered world*. New York: Dutton, 2009.
32. Cowen T. *Good & plenty: the creative successes of American arts funding*, Princeton: Princeton University Press, 2006.
33. Doherty D., Etzioni A. *Voluntary simplicity: responding to consumer culture*. United States of America: Rowman & Littlefield, 2003.
34. Justmann S. *The springs of liberty: the satiric tradition and freedom of speech*. Evanston: Northwestern University Press, 1999.
35. Kittay E.F. *Love's labor: essays on women, equality, and dependency*. New York: Routledge, 1999.
36. Shipler D.K. *The working poor: invisible in America*. New York: Knopf, 2004.
37. Takarajima-sha *New York celebrity style: Anna Winter & New York fashion*. Tokyo: Takarajima-sha, 2015. (in Japanese).

Сведения об авторах

Цутому Хашимото – Ph.D. (Academics), профессор, экономический факультет, Университет Хоккайдо (Кита-9, Ниши-7, Кита-ку, Саппоро, Хоккайдо, 060-0809, Япония; e-mail: hasimoto@econ.hokudai.ac.jp)

Юсукэ Канадзава – Ph.D. (искусствоведение и литературоведение), доцент, Колледж общественных наук, Университет Ритсумейкан (56-1, Тодзи-ин Китамати, Кита-ку, Киото, 603-8577, Япония; e-mail: y-kanaza@fc.ritsumeimei.ac.jp)

Киоко Томинага – Ph.D. (социология), доцент, Колледж общественных наук, Университет Ритсумейкан, 56-1, Тодзи-ин Китамати, Кита-ку, Киото, 603-8577, Япония; e-mail: kyokotom@fc.ritsumeimei.ac.jp)

Tsutomu Hashimoto, Yusuke Kanazawa, Kyoko Tominaga

A New Liberal Class in Japan: Based on Latent Class Analysis

Abstract. Presently, in Japanese politics, the majority of people opt to vote for conservative parties, with anti-conservatives and old liberals losing power and representation in the government. This study explores the emerging middle-class who may potentially lead to an alternative liberal politics in Japan. Using responses to an Internet survey conducted in 2018 as our data, we articulate features of a new liberal class by constructing a theory of class articulation and combining that theory with latent class analysis to compare the new liberals to old liberals and conservatives. This is the first attempt to apply latent class analysis to figure out differences in political orientations among possible social classes. We analyze some personality traits of the new liberals using our original 18 personality categories. We also analyze their social attitudes by comparing their questionnaire responses to those of old liberals. Although our analysis shows that new liberals are not experiencing upward social mobility, their personalities as defined by our study constitute a new political class, that is particularly sensitive to the environmental issues, and prefer the nature and minimal consumption. We discovered that these new liberals are in their sixties, graduates of university or graduate school, professionals, and low-income people. We have also discovered that although these new liberals are a coherent political class, they have no representations in our political party system. However, further research based on mail survey especially for elderly people should be conducted in order to conceive more precise features of new liberals.

Key words: latent class analysis, liberal, politics, Japan, personalities, network.

Information about the Authors

Tsutomu Hashimoto – Ph.D. in Academics, Professor, Faculty of Economics, Hokkaido University (Kita-9, Nishi-7, Kita-ku, Sapporo, Hokkaido, 060-0809, Japan; e-mail: hasimoto@econ.hokudai.ac.jp)

Yusuke Kanazawa – Ph.D. in Arts and Letters, Associate Professor, College of Social Sciences, Ritsumeikan University (56-1, Toji-in Kitamachi, Kita-ku, Kyoto 603-8577, Japan; e-mail: y-kanaza@fc.ritsumeai.ac.jp)

Kyoko Tominaga – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, College of Social Sciences, Ritsumeikan University (56-1, Toji-in Kitamachi, Kita-ku, Kyoto 603-8577, Japan; e-mail: kyokotom@fc.ritsumeai.ac.jp)

Статья поступила 16.09.2019.

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.14

УДК 330.3 4.01+330.342.173, ББК 65.013.7+65.23

© Диденко Д.В.

Опыт государственного стратегического планирования в СССР в теоретических и эмпирических исследованиях*

**Дмитрий Валерьевич
ДИДЕНКО**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Москва, Российская Федерация, 119571, пр. Вернадского, д. 82, стр.1
E-mail: didenko-dv@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-5295-2538; ResearcherID: F-7793-2017

Аннотация. В последние годы в Российской Федерации происходит формирование системы стратегического планирования, аналогичной действующей во многих странах с рыночной экономикой. Однако успешность внедрения такой системы в научной литературе оценивается критически. В этой связи приобретает актуальность цель данной статьи – расширение теоретико-методологической базы и инструментария новой институциональной экономической истории для изучения эмпирического материала об институциональных практиках централизованного планирования в СССР с точки зрения потребностей системы стратегического планирования экономики РФ. Наибольшее внимание данной проблематике уделено в таких научных направлениях, как экономика развития и активно взаимодействующая с ней институциональная экономика. Новизна исследования представлена постановкой автором методологических вопросов в контексте оригинального понимания им тенденций эволюции экономики развития на основе его интерпретации содержания исследований, изучавших советский

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00680 «Исследование институциональных механизмов взаимодействия науки и управления экономикой в СССР (середина 1950-х – конец 1980-х гг.) в контексте развития системы стратегического планирования в государственном секторе экономики РФ». Автор выражает благодарность Г.Г. Попову за полезные обсуждения и предложения. Также автор признателен анонимному рецензенту за замечания и рекомендации по улучшению содержания исследования, оставляя за собой полную ответственность за все сведения, выводы и оценки, а также все остающиеся недостатки данной статьи.

Для цитирования: Диденко Д.В. Опыт государственного стратегического планирования в СССР в теоретических и эмпирических исследованиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 211–228. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.14

For citation: Didenko D.V. State strategic planning experience in the USSR in theoretical and empirical studies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 211–228. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.14

опыт централизованного планирования; формулировками рабочих гипотез для дальнейших эмпирических исследований и их теоретического обобщения. Используются историко-генетический и проблемный подходы; общелогические методы и приемы: системный подход, обобщение, методы анализа и синтеза. Проводится сопоставление отдельных концепций в области экономики развития с эмпирическими исследованиями. Установлено, что замедление темпов экономической динамики СССР обусловило смещение фокусировки теоретиков экономики развития от макроэкономического моделирования факторов производства к анализу особенностей институциональной среды. Взгляд на централизованное планирование как на ключевой инструмент преодоления «ловушек отсталости» («провалы рынка») вытеснялся пониманием связанных с ним транзакционных издержек («провалы государства»). Указывается, какие важные вопросы взаимодействия институтов научного знания и государственного управления экономикой в СССР остались без углубленного рассмотрения. Сделан вывод, что изучение эмпирического материала об институтах советского планирования, с применением теоретико-методологического инструментария экономики развития, обогащённой концептами институциональной экономики, будет способствовать формированию новой теории планирования национальной и региональной экономики в парадигме школы постсоветского институционализма.

Ключевые слова: централизованная экономика, догоняющее развитие, СССР, экономическая политика, институциональные ловушки, провалы рынка, провалы государства, история экономической мысли.

Введение

Актуальность темы статьи определяется формированием системы стратегического планирования экономики¹, в соответствии с законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ. С позиций институциональной экономики данную систему можно определить как набор институтов, обеспечивающих взаимодействие политико-экономических субъектов для реализации комплекса мероприятий по определению долгосрочных (во взаимоувязке с кратко- и среднесрочными) приоритетов, целевых показателей, инструментов её государственного регулирования и управления государственной собственностью. Аналогичные системы действуют во многих странах с рыночной экономикой. При этом успешность начального этапа внедрения такой системы в РФ оценивается в научной литературе критически (см. напр., [1; 2; 3]). Из этого вытекает потребность в соот-

несении исторического опыта планирования в СССР с релевантными теоретическими и эмпирическими разработками.

О сохраняющейся актуальности опыта советского планирования свидетельствует выход третьего, переработанного издания учебника (по прошествии 25 лет после предыдущего) одного из крупнейших специалистов по данной проблеме М. Элмана². Значительный шаг в теоретико-методологическом осмыслении опыта различных типов планирования, в контексте задач экономической политики для стран со средним³ и высоким⁴ уровнем доходов, был сделан в коллективной монографии под редакцией М. Юллек⁵. Другая монография под редакцией А. Амсден и коллег⁶ стала крупной попыткой

² Ellman M. *Socialist Planning*. 3rd ed. Cambridge (U.K.): Cambridge University Press, 2014.

³ Турция, Китай, ЮАР.

⁴ Япония, Южная Корея, Израиль, Ирландия.

⁵ Yülek M.A. (Ed.). *Economic Planning and Industrial Policy in the Globalizing Economy: Concepts, Experience and Prospects*. Springer International Publishing Switzerland, 2015. Наибольшей информативностью в ней выделяется статья М. Бабакан [4].

⁶ Amsden A.H., DiCaprio A., Robinson J. A. (Eds.). *The Role of Elites in Economic Development*. Oxford University Press, 2012.

¹ Помимо экономики, государственное стратегическое планирование включает социальную сферу и обеспечение национальной безопасности; относится к территориальным единицам разных уровней (Российская Федерация, субъект федерации, муниципальное образование), отраслям экономики, но непосредственно не затрагивает уровень предприятий (фирм).

непосредственно рассмотреть проблему взаимоотношений политической элиты и научного сообщества с теоретических позиций экономики развития. В отечественной литературе примеры работы институтов догоняющего развития национальных экономик рассматривались, в частности, В.М. Полтеровичем [5], которым предложены рекомендации в области политики интерактивного планирования.

Тем не менее сама постановка научной проблемы – актуализации теоретического осмысления советского опыта централизованного планирования в свете экономики развития (далее – ЭР) и в контексте формирования системы стратегического планирования в экономике РФ – обладает значительной новизной. С этой точки зрения в работе представлено оригинальное понимание тенденций эволюции экономики развития, в её взаимодействии с другими научными направлениями. Кроме того, научная новизна представлена постановкой автором методологических вопросов в контексте его интерпретаций содержания исследований, изучавших советский опыт централизованного планирования в свете экономики развития и связанных с ней научных направлений; формулировками рабочих гипотез, предлагающих направления для дальнейших эмпирических исследований и их теоретического обобщения.

Соответственно, целью настоящей статьи является расширение теоретико-методологической базы и инструментария новой институциональной экономической истории для изучения эмпирического материала об институциональных практиках централизованного планирования в СССР с точки зрения потребностей системы стратегического планирования экономики РФ.

Указанная цель определяет следующие задачи:

1. Систематизировать теоретико-методологический инструментарий, который был разработан и апробирован в трудах представителей ЭР на разных этапах ее эволюции (с 1940-х гг. по настоящее время), а также в связанных с ней направлениях научной литературы.

2. На основе критического анализа отдельных теоретических и эмпирических работ показать их место в развитии исследований планирования экономики в СССР.

3. Продемонстрировать сферы взаимодействия теоретических концепций экономики развития и институциональной экономики с эмпирическими исследованиями экономики в СССР.

4. Определить факторы, которые повлияли на изменение оценок советского опыта.

5. Установить, какие аспекты проблематики институциональных взаимодействий субъектов планирования остались в тени дискурса ЭР.

6. Сформулировать рабочие гипотезы для дальнейших исследований научной проблемы институциональных взаимодействий представителей науки и государственного управления экономикой в СССР.

Предметом исследования является теоретико-методологический инструментарий экономики развития и институциональной экономики, посредством которого осуществлялось изучение практик советского планирования в анализируемых направлениях научной литературы. Этот инструментарий включает в себя набор понятий, концепций, моделей, основных подходов к определению целей социально-экономического развития.

Для решения поставленных задач исследования использованы историко-генетический и, в меньшей степени, проблемный подходы; а также общелогические методы и приемы: системный подход, обобщение, метод анализа и синтеза. Одновременно проводится сопоставление отдельных теорий в области ЭР с эмпирическими исследованиями (научные работы в области экономической советологии, экономической истории).

Статья состоит из введения, трёх разделов и заключения. В первом разделе «*Экономика развития как научное направление*» обосновывается, почему структура и инструментарий ЭР наиболее релевантны задачам изучения практик советского централизованного планирования. Во втором разделе «*Эволюция оценок советского опыта централизованного планирования*» показывается изменение места, которое занимал анализ советского опыта централизованного планирования в проблематике ЭР и связанных с ней направлений литературы. В третьем разделе «*Экономика развития как исследовательская программа в контексте политики догоняющей модернизации*» непосредствен-

но обсуждается применимость рассмотренного теоретико-методологического инструментария для анализа исторического опыта развития экономики СССР в свете определения стратегических приоритетов государственной политики по развитию экономики РФ. В заключении представлены основные результаты, кратко сформулированы рабочие гипотезы для дальнейших исследований.

1. Экономика развития как научное направление

Преобладающее неоклассическое направление экономической мысли (*mainstream*, к которому примыкает и неoinституционализм) не может рассматривать долгосрочное планирование национальной экономики как целесообразный и эффективный инструмент структурной политики государства в силу соответствующей аксиоматики *laissez-fair* (пассивность государства в экономике). Неoinституционализм, также основанный на принципе методологического индивидуализма, признаёт необходимость государственного вмешательства лишь в сфере установления правил экономической деятельности и принуждения к исполнению контрактов.

В то же время планирование, как масштабная технология государственного управления экономикой территории, может получать легитимацию в теоретических конструкциях ЭР. Это научное направление, в свою очередь, изучает закономерности трансформаций эко-

номических систем как управляемого динамического процесса, с фокусировкой на проблематике качественных изменений. Объектами анализа, как правило, выступают территориальные экономические системы разного уровня (населённый пункт, регион, страна, географическая группа стран, мир в целом), но в большинстве случаев речь идет о национальной экономике. Обычно представители ЭР исходят из недостаточности рыночных механизмов для выхода из институциональных ловушек и неэффективных равновесных состояний. Тем самым обосновывается необходимость активной и проактивной государственной политики для преодоления социально-экономического отставания.

ЭР рассматривается нами как составляющая междисциплинарной модернизационной парадигмы, оформившейся в 1950-е гг. В данной парадигме, как в неоклассике и в марксизме, обосновываются общестрановые закономерности перехода от преимущественно аграрного натурального хозяйства к экономике с доминирующим промышленным сектором, но признаётся специфичность форм протекания внутристрановых процессов. Системный подход к структурным и социальным аспектам экономической динамики, к связанной с ними государственной экономической политике сохранялся на протяжении восьми десятилетий эволюции рассматриваемого направления (*таблица*).

Эволюция дискурса экономики развития

Этап	1940-е – конец 1970-х	Конец 1970-х –1990-е	2000-е – 2010-е
Характеристика парадигмы	Структуралистская	Неолиберальная	Неоструктуралистская
Основные подходы	Неокейнсианская макроэкономика, с акцентом на «провалах рынка» и ускоренном накоплении капитала (прежде всего, физического)	Апелляция к рыночным механизмам и роли либеральных институтов, с акцентом на «провалах государства», в условиях усиления влияния неоклассических теорий	Защита активной государственной политики стимулирования при соблюдении прорыночных принципов открытости и конкурентности экономики
Приоритетные страны-объекты анализа	Восточная Европа, СССР, Япония, Латинская Америка	Восточная Азия, Латинская Америка	Китай, Индия, страны со средним уровнем дохода, Япония

Окончание таблицы

Этап	1940-е – конец 1970-х	Конец 1970-х –1990-е	2000-е – 2010-е
Концепции, модели и крупнейшие представители	Модель большого толчка (П. Розенштейн-Родан), модель несбалансированного роста (А. Хиршман), концепция стадий роста (В. Росту), теория современного экономического роста (С. Кузнец), гипотеза о связи неравенства доходов и уровня развития («кривая Кузнеца»), теория дуалистической экономики (В. Льюис, Г. Ранис), теория порочного круга бедности (Х. Лебенштайн, Р. Нурксе), теории преимуществ отсталости и большого рывка (А. Гершенкрон), теория экономической зависимости (Р. Пребиш, С. Фуртаду), модель заимствования и диффузии новых технологий (Р. Нельсон, Э. Фелпс), модели планирования макроэкономической политики (Я. Тинберген, Р. Фриш)	Модели эндогенного (Р. Лукас, П. Ромер) и экзогенного роста, гипотеза о связи экологии и уровня развития («экологическая кривая Кузнеца», Дж. Гроссман, А. Крюгер), теория государства развития (Ч. Джонсон), концепция «ресурсного проклятия» (А. Гелб, Р. Оти). Альтернатива мейнстриму: концепция человеческого развития (А. Сен, М. уль-Хак)	Модель инновационного роста на основе «творческого разрушения» (Ф. Агион, П. Ховитт), теория новой структурной экономики (Дж.Й. Лин), теория экстрактивных и инклюзивных институтов (Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон), универсальная теория роста (О. Гэлор), концепция ловушки среднего дохода (И. Джил, Х. Харас, Б. Эйхенгрин), концепция преждевременной деиндустриализации (Д. Родрик)
Влияния близких направлений экономической науки	Неокейнсианство (Р. Хэррод, Е. Домар), российский марксизм (Е.А. Преображенский, Г.А. Фельдман), европейский марксизм (К. Мандельбаум (Мартин); М. Добб, М. Калецкий), теория человеческого капитала (Т. Шульц, Г. Беккер)	Неоинституционализм (Д. Норт, Дж. Бьюкенен, М. Олсон), неоклассический мейнстрим (Г. Мэнкью, Д. Ромер, Д. Вейл), транзитология, теория человеческого капитала (Т. Шульц, Г. Беккер)	Неошумпетерианство (Ф. Агион, П. Ховитт), политическая экономика (Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон), неоинституционализм, теория человеческого капитала (Г. Беккер), посткейнсианство (Дж. Стиглиц)
Цели развития	Увеличение ВВП на душу населения, обеспечение максимальной занятости, изменение структуры экономики в сторону обрабатывающей промышленности	Увеличение ВВП на душу населения, удовлетворение базовых потребностей, сокращение бедности, устойчивое развитие. Альтернатива: расширение пространства выбора, реализация человеческого потенциала	Устойчивое развитие, повышение качества жизни, сокращение неравенства, искоренение абсолютной бедности
Политические стратегии	Индустриализация, импортозамещение, выравнивание доходов, планирование развития, интервенционистская политика в области ценообразования, директивные методы управления	Финансовая стабилизация, приватизация, открытость экономики, промышленная политика	Глобализация, реализация сравнительных преимуществ, зелёная экономика, финансовое развитие, улучшение институциональной среды, планирование национальной и региональной экономики
Источники: составлено по: Chenery H., Srinivasan T.N. (Eds.). Handbook of Development Economics. Vol. 1. North-Holland: Elsevier BV, 1988; Chenery H., Srinivasan T.N. (Eds.). Handbook of Development Economics. Vol. 2. North-Holland: Elsevier BV, 1989; Behrman J., Srinivasan T.N. (Eds.). Handbook of Development Economics. Vol. 3A. North-Holland: Elsevier BV, 1995; Behrman J., Srinivasan T.N. (Eds.). Handbook of Development Economics. Vol. 3B. North-Holland: Elsevier BV, 1995; Schultz T.P., Strauss J. (Eds.). Handbook of Development Economics. Vol. 4. North-Holland: Elsevier BV, 2008; Rodrik D., Rosenzweig M.R. (Eds.). Handbook of Development Economics. Vol. 5. North-Holland: Elsevier BV, 2009; Yülek M.A. (Ed.). Economic Planning and Industrial Policy in the Globalizing Economy: Concepts, Experience and Prospects. Springer International Publishing Switzerland, 2015; Yülek M.A. (Ed.). Industrial Policy and Sustainable Growth. Springer Nature Singapore Pte Ltd. 2018.			

При формировании своих теоретических основ, ЭР, как альтернатива классической экономике, использовала идеи и подходы неокейнсианства (активное государственное регулирование) и марксизма (проактивная роль государства в системной трансформации). В ходе дальнейшей эволюции она оказалась довольно восприимчивой к позитивным идеям со стороны других направлений экономической науки (теория человеческого капитала, неинституционализм, неошумперианство). В последнее время она проявляет признаки активизации исследований в поиске ответов на актуальные вопросы глобальной повестки. Всё это сформировало теоретико-методологический инструментарий, релевантный для изучения трансформирующихся обществ.

При этом важно не переоценивать степень готовности ответов на запросы со стороны экономической политики, поскольку предсказания теоретиков ЭР далеко не всегда находили подтверждение [6, р. 43]. Примеры успешного догоняющего развития статистически немногочис-

ленны и концентрируются преимущественно в Восточной Азии. Но это, как правило, крупные страны, экономика которых получала благоприятный эффект масштаба и, в свою очередь, оказывала значительное влияние на другие. А значит – данную теорию следует признать во многом «работающей» и применимой к изучению отечественного эмпирического материала в долгосрочной историко-экономической динамике.

2. Эволюция оценок советского опыта централизованного планирования

Экономика развития, экономическая советология и переходная экономика (транзитология) рассматривались М. Элманом как отдельные научные направления, порождённые функционированием разных институциональных систем [7]. Но им же был поставлен вопрос об их общем вкладе в современную экономическую теорию. В поиске адекватного теоретико-методологического инструментария для анализа планируемых экономик нас интересуют сферы взаимодействия основных направлений научной литературы (рисунки).

Взаимодействия направлений научной литературы в оценке советского опыта планирования

Некоторые исследователи предпочитали определять советскую модель как «административную» [8; 9] или «централизованно управляемую» [10], в противоположность или в дополнение к «плановой». Это подчёркивает инструментальность, а не субстанциальность планирования национальной экономики, которое может применяться в различных институциональных системах.

В дискурсе ЭР стратегию планирования в СССР рассматривал британский советолог российского происхождения А. Ноув [11, р. 379-383]. Причём к планам развития, которые являлись основой инвестиционных программ, он относил среднесрочные и перспективные планы (15 лет и более) [11, р. 17-18]. В этом он видел их отличие от оперативных (годовых и квартальных), с помощью которых осуществлялось директивное управление производственными единицами. Кроме того, А. Ноув признавал мотивирующее значение планов [11, р. 26].

В контексте особой стратегии экономического развития планирование в СССР также рассматривали Р. Кэмпбелл [9, р. 141-169] и А. Эрлих [12]. Высоко оценивая мобилизационную способность советских институтов, Р. Кэмпбелл указывал на их слабость в эффективном использовании ресурсов [9, р. 141]. А. Эрлих также отмечал, что экономика росла темпами ниже потенциальных, так как стратегия её развития была избыточно ориентирована на увеличение капиталоемкости [12, р. 259-268].

В то же время М. Элман в 1973 г. указывал на рациональность директивного (а не индикативного) планирования в экономике СССР 1930-х гг. По его мысли, экономическая система, стремящаяся быстро преодолеть отставание в условиях внешней военной угрозы и сбоя в функционировании рыночных механизмов, склонна прибегать к мобилизационным методам [8, р. 172]. Эта позиция разделялась отдельными представителями как ЭР [13], так и экономической советологии [11, р. 142]. Об определяющем значении военного фактора позднее писали М. Элман [14, р. 219-220, 227; 7, р. 7-8], В. Конторович и В. Вейн [15], М. Харрисон [16].

При этом в советологической литературе конца 1960-х — начала 1970-х гг. признавался желательным и возможным постепенный пере-

ход к индикативному планированию, первоначально в направлении «децентрализации», «рыночного социализма» Венгрии и Югославии, с использованием методик «оптимального планирования» [8, р. 143-150, 187, 180-194; 9, р. 39-40, 137-140, 201-240; 11, р. 38-47, 390]. Но при всём осознании комплексности связанных с таким переходом проблем его теоретические аспекты и практические технологии системно не разрабатывались.

Таким образом, в парадигме ЭР централизованное планирование может рассматриваться как ключевой инструмент реализации стратегий догоняющего развития отдельных стран, средство преодоления институциональных «ловушек отсталости» в условиях повышения уровня внешних угроз⁷. Оно предполагает сосредоточение ограниченных ресурсов в едином центре, уполномоченном принимать решения об их распределении, в целях сокращения транзакционных издержек, связанных с конфликтами интересов, конкуренцией и неполнотой информации у множества экономических агентов.

В основе директивного планирования национальной экономики лежит сочетание кратко-, средне- и долгосрочных целевых показателей развития конкретного общества, полученных научными, по убеждению его адептов, методами. Но и в СССР, и в других странах с повышенной ролью государства в экономике субъекты планирования не всегда эффективно взаимодействовали, что приводило к «провалам государства» в экономической политике⁸.

В этом отношении представляет интерес попытка внедрения методов балансовых расчетов на основе таблиц «затраты-выпуск», линейного программирования и оптимизационных моделей в процесс подготовки планов. Обозначившаяся в конце 1950-х — начале 1960-х гг. поддержка представителей экономико-математического направления (возникшего в 1930-е гг.) со стороны советского руководства ограничивалась технической стороной. При этом вызывали сопротивление предло-

⁷ Данная идея в дискурсе линейной модернизации была выражена В. Ростом [17, с. 230-232].

⁸ Теоретический анализ механизмов выработки экономической политики и взаимодействия её субъектов предложен С.А. Афонцевым [18].

жения учёных установить обязательные правила принятия решений, которые бы ограничивали сферы полномочий заинтересованных ведомств [8, р. 79, 178-186; 11, р. 47, 324-328, 390].

В свою очередь, представители данного направления исходили из технократического понимания процесса принятия политических решений, которое не учитывало наличие целей, лежащих за пределами собственно экономики. В частности, таких социально важных, как обеспечение полной занятости и выравнивание доходов. Принципиально важным ограничителем являлась целостность советской версии социалистической идеологии, легитимировавшей использование властных ресурсов политической элитой СССР.

Обсуждение в советологической литературе примеров применения новых математических методов в планировании продемонстрировало связи данной проблематики с дискурсом ЭР. Особенно ярко это выразилось в контексте её сопоставления с основными экономическими теориями: неокейнсианской (межотраслевые взаимодействия и совокупный рост), марксистской (социальные и политические факторы распределения) и неоклассической (равновесие и эффективная аллокация ресурсов) [8, р. 179-180].

Следует отметить, что при всей ограниченности технических средств составления планов, их внутренней несбалансированности, институциональных проблемах взаимодействия субъектов планирования развитие советской системы до начала 1960-х гг. в основном соответствовало её собственным структурным приоритетам и критериям эффективности. Даже при том, что они не всегда операционализировались в текущих планах [11] и выполнялись не в той мере, в какой были определены политическими установками [8; 11]. Важнейшим фактором в литературе конца 1960-х — начала 1970-х гг. признавалось наличие сильных государственных институтов, обеспечивавших реализацию планов.

По мере замедления темпов роста советской экономики в 1970-е гг. и углубления структурного кризиса в 1980-е гг., усилилась другая линия советологии, идущая от Н. Ясного [19] и

А. Бергсона⁹ [20]. Эта линия акцентировала недостатки институтов советского планирования и опиралась на теоретический арсенал неоинституционализма и неоклассики.

Для изучения практик централизованного планирования в СССР П. Грегори и М. Харрисон применяли инструментарий неоинституциональной теории. П. Грегори противопоставлял плановиков (аппаратчиков) хозяйственникам [21]. К основным функциям первых относились установление правил и мониторинг, вторых — заключение контрактов в отношении распределения ресурсов, с соответствующими рисками и ответственностью за результаты. Причем П. Грегори даже не выделял научную элиту как отдельный субъект процесса планирования¹⁰, отрицая какую-либо научность подходов при составлении планов.

В другой работе, основанной на сведениях из открывшихся в 1990-е гг. архивов, П. Грегори показал, как вместо вертикальной субординации осуществлялись лоббирование и административный торг на разных уровнях сталинской экономики¹¹ [23].

Вслед за Я. Корнаи [27, с. 137-156], П. Грегори [21, р. 15-19, 47-49; 23, с. 22-23, 182-184, 317-322] и М. Харрисон [16, р. 305-323, 353-357] объясняли данные явления наличием конфликта интересов между принципалом (представляющим национальную экономику) и его агентами (представителями отраслей и регионов). М. Харрисон указывал на тенденцию возрастания трансакционных издержек информацион-

⁹ А. Бергсон пытался найти внутреннюю логику экономических решений в контексте целеполагания и механизмов функционирования социалистической системы.

¹⁰ Как это делали историки экономической мысли, например П. Сутела [22, р. 26-48]. В данной работе отмечен вклад ранней советской экономической мысли в формирование основ экономики развития, экономики планирования, математической экономики и очерчены дальнейшие пути сложного взаимодействия экономической науки с «инженерным» подходом к планированию со стороны государственных структур.

¹¹ Эти явления в литературе отнесены к существенным характеристикам экономики позднего советского периода в концепции административного рынка (экономика согласований, экономика иерархического торга), которая описывает процессы обмена властных ресурсов на хозяйственные [24; 25; 26]. В свою очередь, данная концепция разрабатывалась посредством адаптации инструментария неоинституциональной теории общественного выбора.

ного мониторинга и принуждения агентов [16, р. 391-392, 412-413].

В экономической литературе 1980-х — 1990-х гг. также доминировали довольно критические оценки в отношении развития советской системы. Опыт догоняющего развития посредством централизации планирования и управления экономикой получил минимальные позитивные оценки и в выходящих с конца 1980-х гг. обобщающих трудах по ЭР.¹² В русле мейн-стрима транзитологии содержание дальнейшего развития социалистических стран осмысливалось как отказ от плановых в пользу рыночных механизмов регулирования. При этом обсуждению подвергались отраслевые приоритеты, границы введения свободного ценообразования и приватизации собственности.

Анализируя причины резкого замедления советской экономики, Г. Офер [13] указывал на специфику её стратегии развития. Она заключалась в максимальном накоплении физического капитала, с предпочтением нового строительства вместо реконструкции, из чего следовала низкая эластичность замещения факторов производства. Также он останавливался на институциональных проблемах, связанных с негибкостью экономической системы, слабой заинтересованностью предприятий во внедрении достижений науки и организационных инноваций.

В. Истерли и С. Фишер [28] опирались на идею Г. Офера [13] о низкой эластичности замещения факторов производства в СССР, что стало фатальной слабостью экстенсивной стратегии развития на поздних стадиях. Как следствие, рост экономики СССР оказался хуже, чем в референтных странах (прежде всего, в Восточной Азии в 1950—1980-е гг.), а также отличался низкой эффективностью в сопоставлении с приростом факторов производства (физического и человеческого капитала¹³). Однако обобщающий вывод о негативном воздействии планирования на темпы роста оставлял без ответа вопрос, почему в СССР они были высокими на ранней стадии развития.

¹² См. источники составления таблицы (раздел 1).

¹³ В этой этапной работе впервые для анализа советского экономического роста были использованы показатели человеческого капитала в натуральных единицах: охват средним образованием, доля специалистов с высшим образованием в общей численности населения.

С 2000-х гг. приходит время для некоторой ревизии пессимистических оценок советского планирования. Так, Р. Аллен [29] сравнительно высоко оценивал достижения СССР в 1930-е гг. (реализация моделей «большого толчка» [30], «подъема» [17] и «большого рывка» [31]). Эти оценки не стали консенсусными, однако данная работа вызвала сильный резонанс в историко-экономической литературе, и ряд её аргументов был принят оппонировавшими исследователями.

Подводя итог обсуждению вопроса о темпах экономического роста, М. Элман [14, с. 227] признавал, что, хотя советский рывок не был «выдающимся» по мировым стандартам, он определенно выделялся на фоне посредственных результатов Африки, Латинской Америки и Индии между 1928 и 1989 гг.

А. Черёмухин и соавторы отметили, что в ранний советский период значительно понизился уровень институциональных барьеров межсекторальной мобильности факторов производства [32, р. 27-28].

С позиций ЭР были сделаны попытки поновому ответить на вопрос, почему в позднем СССР произошло резкое замедление темпов экономического роста и ухудшение качества его структуры. По мнению Р. Аллена [29, с. 259-272], руководством страны были выбраны ошибочные стратегии развития экономики, в итоге сблизившие её структуру со странами «третьего мира».

В.В. Попов [33] исходил из положения, что плановая система имеет свой жизненный цикл, определяемый сроками службы основных фондов (20—30 лет) и моментом резкого увеличения нормы накопления. Развивая мысль Г. Офера [13] о низкой эластичности замещения труда физическим капиталом, В.В. Попов обосновывал, что ключевым фактором замедления темпов роста в 1960—1980-е гг. выступала незаинтересованность производителей в своевременной замене устаревающего оборудования¹⁴. Также он делал акцент на прогрессирувавшем ослаблении институционального потенциала государства в позднем СССР (по сравнению с Ки-

¹⁴ Ход мысли противоположный тому, что Р. Аллен [29, с. 261-265] писал о предпочтении плановиков осуществлять реконструкцию действующих предприятий, которая оказалась экономически менее эффективной, чем закрытие устаревших и запуск новых.

таем в 1950–1970-х гг.), что определило неудачу постепенного пути реформирования экономики [34, с. 25-33, 310-316; 35, р. 104-114].

По мнению Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [36], в условиях укрепления «экстрактивных» институтов государственного принуждения, централизованного планирования и мобилизационной экономики, даже в лучшие периоды, темпы роста были ниже возможных. А главное – они не могли быть устойчивыми с исчерпанием избыточной рабочей силы в низкопроизводительном аграрном секторе, нарастающего рентоискательства политической элиты и слабых стимулов к распространению инноваций. Но эти авторы оставляли без ответа вопрос, почему в условиях преимущественно нелиберальных институтов Южной Кореи, Китая, другим азиатским странам на протяжении длительного времени удавалось поддерживать сравнительно высокие темпы роста и своевременно адаптировать свои институты в направлении «инклюзивности».

Российские экономисты институциональной школы Е.В. Балацкий и Н.М. Плискевич [37], критикуя монокаузальный подход авторов [36], справедливо указали на недооценку ими фактора социальной мобильности, как и наличия в раннем СССР «смешанного» институционального режима.

С другой стороны, основной тезис Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [36] на материале истории развития российской науки проиллюстрировал Л. Грэхэм [38]. Ему удалось систематизировать фактический материал, показывающий приверженность вековой траектории развития России догоняющей (а не инновационной) модели, при которой определяющим фактором научно-технологического развития выступала заинтересованность государственных институтов в обеспечении безопасности. Эти же институты блокировали коммерческое распространение и использование передовых научных достижений.

Таким образом, советский опыт являлся одним из крупных исторических примеров, заложивших основы ЭР. Его анализ в этой парадигме шел во взаимодействии теоретической мысли и эмпирических работ. Но его значимость для ЭР снижалась по мере замедления экономики СССР, нарастания институциональ-

ных проблем взаимодействия её субъектов и последующего распада страны. К этому добавились преимущественно неудачные результаты трансплантации советских экономических институтов в других странах. В этих условиях активизировалось взаимодействие ЭР с другими направлениями экономической науки, и в первую очередь с неоклассикой и неоинституционализмом.

В работах отдельных советологов (прежде всего М. Элмана) учёные-экономисты были выделены как отдельный субъект, претендовавший на активную роль в принятии плановых решений. Однако уже М. Элман отметил признаки технократического понимания ими экономической рациональности.

Оживившийся в последние годы интерес представителей ЭР к советскому опыту характеризуется активизацией дискуссий относительно роли институтов, обеспечивших быструю структурную трансформацию СССР и его победу в Великой Отечественной войне, но одновременно способствовавших замедлению роста и развороту ряда социально значимых индикаторов в 1960–1980-е гг.

3. Экономика развития как исследовательская программа в контексте политики догоняющей модернизации

Вполне закономерно, что непосредственно связанная с ЭР модернизационная повестка имеет тенденцию актуализироваться в политическом дискурсе и в России [39], и в других странах догоняющего развития [40]. В этой связи важно найти адекватное позиционирование этой повестки в сравнительно-историческом контексте. Россия – это страна, осуществившая в советский период переход к индустриальному обществу, но сохраняющая долгосрочное отставание от мировой «технологической границы». Россия достигла высоких показателей измеряемого в натуральных единицах количества (но не качества и стоимости) человеческого капитала [41, с. 266-277; 42, с. 38-50]. Несмотря на попытки импорта ряда институтов постиндустриального общества, состояние институциональной среды консенсусно оценивается как слабое. Одновременно, в условиях сверхвысокой эффективности отраслей добывающего сектора, Россия продолжает подвергаться рискам преждевре-

менной деиндустриализации¹⁵ вследствие низкой конкурентоспособности отраслей обрабатывающей промышленности.

В этом отношении сохраняется пространство для совершенствования теоретической парадигмы ЭР посредством использования инструментария новой институциональной экономической истории. Её ключевые концепты рассмотрены на отечественном материале Р.М. Нуреевым и Ю.В. Латовым [44, с. 17–19]. Среди них важное место занимают такие понятия, как «конкуренция» институтов и их «отбор» как результат. Другие примеры соответствующего эмпирического анализа [45, р. 75–78] также свидетельствуют о наличии значительно потенциала для ЭР.

Д. Аджемоглу, Ф. Агион и Ф. Зилиботти [46] обосновали закономерность, вытекающую из типологических отличий социально-экономического развития «относительно отставших» стран, установленных А. Гершенкроном [31]. Из их теоретической модели следует: чем дальше находится национальная экономика от мировой «технологической границы», тем в большей степени её мезоэкономическим субъектам выгодно придерживаться стратегий, характерных для догоняющего развития, то есть заимствовать технологии, используя политические институты, стимулирующие накопление капиталов, но ограничивающие конкуренцию.

Эта закономерность во многом подтверждается траекториями экономического развития СССР и других социалистических стран. Так, в отношении СССР в 1930–1950-е гг. отмечалось сокращение отставания, с последующей его стабилизацией в 1960–1980-е гг. В 1950–1980-е гг. наблюдалась умеренная конвергенция стран Юго-Восточной Европы и дивергенция наиболее развитых стран Центральной Европы со странами Запада [47; 48].

В свою очередь, потенциал экономической системы к эффективному заимствованию технологий и институтов выражает понятие «абсорбционная способность» (в отличие от «инновационной»), в отечественной литературе разработанное В.М. Полтеровичем [5, с. 42, 47]. Это многоаспектное понятие, которое включает в себя также эффективное взаимодействие заинтересованных социальных групп.

¹⁵ Её факторы и механизм в среднеразвитых странах проанализированы Д. Родриком [43].

Ключевое значение для анализа советского опыта имеет разделение понятий «результативность» и «эффективность». Согласно ГОСТ ISO 9000-2011 (п. 3.2.14, п. 3.2.15), результативность определяется как «степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов», а эффективность — как «связь между достигнутым результатом и использованными ресурсами»¹⁶. Близкое понимание приводится В.Н. Лексиним и Б.Н. Порфирьевым, которые уточняют, что результативность может иметь как количественное, так и конкретное качественное выражение, в то время как эффективность — только количественное [49, с. 84–85]. При этом в нормативных документах и в практике оценки реализации государственных программ РФ понятие «результативность» фактически рассматривается как компонент достаточно широкого понятия «эффективность» [49, с. 83; 50, с. 80].

Следует отметить, что приведенное выше понимание результативности имеет смысл только в случае наличия плана. Однако результат той или иной деятельности может сравниваться не только с запланированным, но и с фактически достигнутым конкурирующими экономическими субъектами. Для национальной экономики соответствующими показателями могут быть объем выпуска ключевых инвестиционных товаров, уровень энергоёмкости экономики, обеспеченность критическими технологиями.

Из общеизвестных фактов и приводимых в литературе количественных оценок (см. раздел 2) следует, что централизованно управляемые экономические системы, основанные на внеэкономическом принуждении, могут показывать положительную результативность (например, в бинарной оппозиции «есть» или «нет»), но низкие уровни эффективности («... нужна одна Победа, ... за ценой не постоим»).

При этом важно понимание того, что конкретно-исторические целевые параметры и критерии эффективности задаются приоритетами политических элит на разных этапах общественного развития. Наличие или отсутствие консенсуса в этом вопросе с научными элитами является важным фактором их взаимодействия.

¹⁶ ГОСТ ISO 9000-2011. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. Введен в действие Приказом Росстандарта от 22.12.2011 № 1574-ст. М.: Стандартинформ, 2012. С. 12.

Так, целевым параметром планирования для страны догоняющего развития является его скорость, которая сталинским политическим руководством рассматривалась в качестве основного критерия эффективности. Данный вопрос в контексте общей стратегии экономического развития СССР рассмотрен Г. Офером; применительно к накоплению человеческого капитала – Д.В. Диденко. Связанная с данным параметром высокая норма межвременного предпочтения являлась причиной неустойчивости экономического роста (текущие темпы предпочтительнее будущих) [13, р. 1798-1901] и пониженной эффективности с точки зрения отношения социально значимых результатов к дополнительным затратам [41, с. 308].

В экономике догоняющего развития выборочный импорт институтов (главным образом по линии государственных субъектов) также может усиливаться в целях сокращения отставания от наиболее экономически развитых стран. Однако укоренение институтов, эффективных для решения текущих и среднесрочных задач догоняющего развития, порождает институциональные ловушки, препятствующие росту по мере сокращения отставания.

Принципиально важным вопросом в дискуссии о роли советских институтов является следующий: почему СССР, отходя от мобилизационных практик индустриализации во второй половине 1950-х гг., не стал своевременно и поэтапно переходить от директивного планирования к рыночной экономике и не предвосхитил более эффективную институциональную траекторию Китая?

Среди концептов, способных дать на него ответ, следует обратить внимание на так называемый «эффект колеи» (path dependence), намеченный в работах П. Дэвида [51], Б. Артура [52], интегрированный в новую институциональную экономическую историю Д. Нортон [53] и актуализированный Р.М. Нуреевым и Ю.В. Латовым [47, с. 11-14]. С этих позиций сохранение менее эффективных институтов объясняется чрезмерно высокими транзакционными издержками их замены, а также различием межвременных предпочтений экономических субъектов.

Ряд важных вопросов взаимодействия институтов науки и государственного управления

экономикой в СССР остались без углублённого рассмотрения. В частности, важный, на наш взгляд, тезис о снижении эффективности институтов в позднем СССР требует дополнительных подтверждений по линии институциональных взаимодействий науки и государственной власти.

Более крупный вопрос заключается в том, какие институты централизованного планирования и управления экономикой могли бы оказаться работоспособными в условиях современной России. Он требует отдельного предметного рассмотрения. В качестве рабочей гипотезы можно предполагать, что в развитии бюджетной системы России приемлемую работоспособность проявляет программно-целевой подход, реализуемый в федеральных целевых программах (ФЦП), региональных программах территориального развития, а также в комплексных государственных программах. Их прототипом периода позднего СССР являются, например, комплексные программы научно-технического прогресса¹⁷. Также положительный потенциал видится в совмещении отраслевого и территориального разрезов планирования в стратегиях развития макрорегионов¹⁸. Работоспособным (даже при неполном выполнении) может стать среднесрочное планирование на основе целей развития, регулярно утверждаемых высшим органом власти, обладающим повышенной легитимностью¹⁹.

Важным направлением выступает также интеграция процессов макроэкономического и бюджетного планирования. В СССР (с кон-

¹⁷ С начала 1970-х гг. такие программы разрабатывались с периодичностью в 5 лет и горизонтом сценариев 15–20 лет. См., напр.: Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы. <https://ecfor.ru/publication/kompleksnaya-programma-nauchno-technicheskogo-progressa-sssr/>.

¹⁸ Реализовано в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-п): <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>.

¹⁹ Попыткой актуализировать советский опыт планирования по пятилеткам стали Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (<http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf>), а 6-ю годами ранее – 11 указов от 7 мая 2012 г.

ца 1920-х гг.) краеугольным камнем процесса распределения ресурсов являлся план капитальных вложений (а не производственный план), в котором выражались фактические приоритеты плановиков [23, с. 152-158, 103-104, 144, 313-314]. То есть планирование выступало важнейшим инструментом государственной инвестиционной политики, которая в настоящее время должна включать расходы на формирование как физического, так и человеческого капиталов. При этом в сфере действия рыночной экономики структуры государственного управления не могут осуществлять директивные предписания в отношении результатов работы хозяйствующих субъектов и напрямую распределять основную часть ресурсов. В государственном секторе национальной экономики их усилия должны концентрироваться на эффективном управлении в качестве собственника ресурсов.

Эти вопросы выходят на ключевое условие совершенствования системы стратегического планирования в России – эффективное взаимодействие её социальных субъектов при наличии у них соответствующей мотивированности. При возрастании роли государства как субъекта инвестиционного процесса планирование может выступать важнейшим инструментом структурной промышленной политики, которая рационально определяется не только критериями экономической эффективности. При этом принципиально важная проблема «принципал – агент» (см. раздел 2) требует формирования институциональных механизмов для купирования её негативных проявлений. Приводимые в литературе положительные примеры других, референтных по отношению к России, стран (Бразилии [54], Китая [55]) демонстрируют условия, при которых элиты способны реализовывать политику развития. В свою очередь, аналогичные исследования на материале СССР могут скорректировать теоретические положения и концепции ЭР, в том числе в отношении критериев результативности и эффективности взаимодействия субъектов планирования.

Заключение

В данной статье исторический опыт планирования в СССР соотнесен с накопленными теоретическими и эмпирическими разработками, проведён критический анализ соответствующих

направлений научной литературы, поставлены вопросы методологического характера, определены возможные направления эмпирических исследований и совершенствования экономических теорий развития.

Автором определяются три этапа эволюции ЭР и их хронологические рамки; текущий этап характеризуется как неоструктуралистский, то есть актуализирующий парадигму ранней экономики развития с рецепцией концептов и подходов институциональной экономики²⁰. В этом отношении авторская периодизация отличается от имеющихся в работах по истории экономической мысли²¹. Кроме того, из теоретико-методологического инструментария ЭР автором выделяется перечень наиболее актуальных для современной России концепций, моделей социально-экономических трансформаций, что не встречалось в систематизированном виде в предшествующей литературе²².

Проведенный анализ научной литературы имеет следующие результаты в отношении ключевых тенденций эволюции ЭР:

- Методологически актуальное изучение исторического опыта планирования в СССР проходило во взаимодействии теоретических концепций экономики развития и институциональной экономики с эмпирическими исследованиями в области экономической истории, советологии и транзитологии.
- В парадигме ЭР, возникшей в качестве альтернативы классическим теориям, централизованное планирование экономики получало теоретическую легитимацию и рассматривалось как ключевой инструмент реализации догоняющих стратегий развития.

²⁰ Взаимодействия ЭР с институциональной экономикой и экономической историей отмечались в ряде работ, в частности С. Р. Хана [57, р. 61-63, 76-78], Р. Бойера [58], Н. Крафтса [59]. Но в известных нам трудах развитие дискурса ЭР рассматривалось преимущественно через оппозицию прорыночных и интервенционистских подходов.

²¹ В частности, от Э. Торбеке [56], где детальная характеристика преобладавшего дискурса ЭР приводится по десятилетиям. Хронологические границы выделяемых автором этапов эволюции также отличаются от монографии С. Р. Хана [57], в основу содержания которой положено противостояние девелопментализма и неолиберализма.

²² При том, что важные идеи по данному вопросу были высказаны в работах Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова [44], В.М. Полтеровича [5], В.В. Попова [34, 35].

- Замедление темпов экономической динамики СССР в 1970–1980-х гг. обусловило смещение фокусировки теоретиков ЭР от макроэкономического моделирования факторов производства к анализу особенностей институциональной среды.

- Последние десятилетия ознаменовались корректировкой и обновлением теоретических основ ЭР. Консенсусное признание получил приоритет рыночных методов регулирования экономики, по крайней мере, в условиях восходящей фазы конъюнктурного цикла.

- На разных этапах эволюции ЭР оказывалась восприимчивой к позитивным влияниям со стороны других направлений экономической науки (российский и европейский марксизм, неошумпетерианство, теория человеческого капитала, неоинституционализм).

- С начала 2010-х гг. в мировой научной литературе проявляются признаки усиления внимания к проблематике планирования на национальном и региональном уровнях, актуализации исторического опыта как в изучении отдельных примеров, так и в попытках теоретического анализа.

- Положено начало формированию новой теории планирования национальной и региональной экономики на основе методологической парадигмы ЭР. Эта парадигма обладает высоким эвристическим потенциалом для эмпирического анализа обществ, отставших в технологическом и институциональном развитии.

Ряд важных проблем для представителей ранней ЭР остался вне сферы исследовательского интереса, рефлексии и анализа:

- Накопление эмпирических данных в исследованиях западных советологов и экономических историков об особенностях экономического роста в СССР и институциональных проблемах, связанных с директивным характером планирования, не получило своевременной и глубокой теоретической оценки со стороны представителей ЭР, во многом в силу линейности их картины мира и фокусировки на ранних стадиях индустриализации.

- Теоретические конструкции и вытекающие из них политические рекомендации предполагали наличие адекватно функционирующих государственных институтов для реализации стратегии догоняющего развития, не предусматривались возможности их деградации.

- Слабо обозначалась проблема несовершенства социальной коммуникации представителей науки и государственной власти, как и наличия особых групповых интересов у разных субъектов планирования, которые имеют различные институциональные механизмы согласования.

- Недостаточно чётко были разработаны критерии успешности, результативности, эффективности взаимодействия институтов науки и государственного управления в сфере планирования экономики.

- Недостаточное внимание уделялось анализу институциональных причин, в силу которых взаимодействие между представителями науки и государственной власти в сфере планирования экономики оказывалось низко эффективным.

Новые направления исследований обозначают следующие рабочие гипотезы:

1. В позднесоветский период ухудшалась результативность и снижалась эффективность взаимодействия между институтами науки и государственного управления, что не позволило своевременно решить важные проблемы, связанные с особенностями развития в основном сформировавшегося индустриального общества.

2. Важное методологическое значение имеет проведение различий между политическим и экономическим типом рациональности, субъекты которых взаимодействуют на политических рынках с определенным уровнем трансакционных издержек [1; 18]. Согласно неоинституциональной теории общественного выбора, субъекты принятия политических решений могут в той или иной мере игнорировать научно обоснованные рекомендации, направленные на максимизацию общественного благосостояния, а проводимая ими экономическая политика не соответствовать критериям оптимальности. Примером такого политического рынка с неэффективным равновесием является взаимодействие между субъектами управления экономикой в период позднего СССР.

3. Важным фактором ухудшения социальной коммуникации в поздний советский период стало нарастающее различие дискурсов рассматриваемых субъектов планирования. Принципиально важным ограничителем со стороны государственной власти выступала це-

лостность официальной идеологии, легитимировавшей монополию на политическую власть, но все более терявшей общественное доверие. Её сочетание с особым рода технократизмом, выразившимся в завышенных ожиданиях от развития естественнонаучного знания [60, р. 39-40; 61, р. 247, 258-260, 287], не находило достаточного понимания со стороны представителей научного сообщества, претендовавших на интеллектуальное лидерство. Со стороны последнего препятствиями к эффективному взаимодействию служили как ценностно-рациональный идеократизм другого рода (предпочтение, например, ценностей «демократии», «социальной справедливости», «экономической рациональности»), так и другого рода технократический сциентизм (предпочтение «экономической рациональности», «математической оптимизации», идеологическим ограничениям). Представители научного сообщества довольно слабо понимали механизмы реализации своих

выводов и рекомендаций, основанных на ряде допущений, в политических и социальных действиях.

В настоящей работе обосновывается применение инструментария экономики развития, обогащенной концептами новой институциональной экономической истории, в качестве теоретико-методологической базы для изучения эмпирического материала об институциональных практиках централизованного планирования в СССР. Это, в свою очередь, будет способствовать обновлению теоретических основ экономики развития в контексте политики догоняющей модернизации России; решению проблемы несовершенства социальной коммуникации представителей науки и государственного управления; формированию новой теории планирования национальной и региональной экономики в парадигме школы постсоветского институционализма.

Литература

1. Афонцев С.А. От исследований к рекомендациям: политико-экономический алгоритм // Журнал новой экономической ассоциации. 2017. № 3 (35). С. 192–198.
2. Климанов В., Будаева К., Чернышова Н. Промежуточные итоги стратегического планирования в регионах России // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 5. С. 104–127. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-5-06.
3. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Стратегическое планирование – путь к устойчивому развитию экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 35–47. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.2.
4. Babacan M. Change and continuity in national economic planning: a methodological survey. In: Yülek M.A. (Ed.). *Economic Planning and Industrial Policy in the Globalizing Economy: Concepts, Experience and Prospects*. Springer International Publishing Switzerland, 2015. Pp. 43–58.
5. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5 (47). С. 34–56. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.
6. Popov V.V., Jomo K.S. Are developing countries catching up? *Cambridge Journal of Economics*, 2018, vol. 42, pp. 33–46. Available at: <https://doi.org/10.1093/cje/bex025>.
7. Элман М. Что исследование переходных экономик дало мейнстриму экономической теории // Вопросы экономики. 2010. № 98–121 (пер. с англ. яз. его же статьи, опубликованной в: *Comparative Economic Studies*, 2009, vol. 51, pp. 1–19).
8. Ellman M. *Planning Problems in the USSR. The Contribution of Mathematical Economics to their solution, 1960-1971*. Cambridge (U.K.): Cambridge University Press, 1973. 222 p.
9. Campbell R.W. *Soviet-Type Economies: Performance and Evolution*. London: Palgrave Macmillan, 1974. 259 p.
10. Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980. 788 p.
11. Nove A. *The Soviet Economic System*. 3rd ed. Boston: Allen & Unwin, 1986. 406 p.
12. Erlich A. Development Strategy and Planning: The Soviet Experience. In: Millikan M.F. (Ed.). *National Economic Planning*. New York: NBER, 1967. Pp. 233–278.

13. Ofer G. Soviet economic growth: 1928–1985. *Journal of Economic Literature*, 1987, vol. 25, no 4, pp. 1767–1833.
14. Эллман М. Советская индустриализация: выдающийся успех? // Экономическая история. Обзорение. Выпуск 13 / под ред. Л.И. Бородкина. М.: МГУ, 2007. С. 218–228 (пер. с англ. яз. его же статьи, опубликованной в: *Slavic Review*, 2004, vol. 63, no 4, pp. 841–849).
15. Kontorovich V., Wein A. What did the Soviet rulers maximise? *Europe-Asia Studies*, 2009, vol. 61, no. 9, pp. 1579–1601. Available at: <https://doi.org/10.1080/09668130903209145>.
16. Harrison M. *The Economics of Coercion and Conflict*. London: World Scientific Publishing, 2015. 428 p.
17. Ростой В.В. Стадии экономического роста. Нью-Йорк: Фредерик Прегер, 1961. 240 с.
18. Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика. М.: КомКнига, 2010. 384 с.
19. Jasny N. *The Soviet Economy during the Plan Era*. Stanford: Stanford University Press, 1951. 116 p.
20. Bergson A. *The Economics of Soviet Planning*. New Haven: Yale University Press, 1964. 394 p.
21. Gregory P.R. *Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy*. Cambridge (U.K.): Cambridge University Press, 1990. 181 p.
22. Sutela P. *Economic Thought and Economic Reform in the Soviet Union*. Cambridge (U.K.): Cambridge University Press, 1991. 197 p.
23. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН; Фонд Первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008 [2004]. 398 с.
24. Гайдар Е.Т. Экономические реформы и иерархические структуры // Сочинения в 2 томах. Т. 1. М.: Евразия, 1997 [1990]. С. 5–275.
25. Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину: анатомия застоя / сост. и общ. ред. Т.А. Ноткиной. М.: Прогресс, 1991. С. 31–62.
26. Кордонский С.Г. Рынки власти: административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000. 240 с.
27. Корнаи Я. Социалистическая система: политическая экономия коммунизма. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2000 [1992]. 672 с.
28. Easterly W., Fischer S. The Soviet economic decline: historical and republican data. *World Bank Economic Review*, 1995, vol. 9, no. 3, pp. 341–371. Available at: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/wps1284-soviet-economic-decline>.
29. Аллен Р.С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013 [2003]. 390 с.
30. Rosenstein-Rodan P.N. Problems of Industrialization of Eastern and South-Eastern Europe. *The Economic Journal*, 1943, vol. 53, no. 210–211, pp. 202–211.
31. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015 [1962]. 536 с.
32. Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A. The industrialization and economic development of Russia through the lens of a neoclassical growth model. *The Review of Economic Studies*, 2017, vol. 84, no. 2, pp. 613–649. Available at: <https://doi.org/10.1093/restud/rdw026>.
33. Popov V. Life cycle of the centrally planned economy: why Soviet growth rates peaked in the 1950s. In: Estrin S., Kolodko G.W., Uvalic M. (Eds.). *Transition and Beyond. Studies in Economic Transition*. London: Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 35–57.
34. Попов В.В. Стратегии экономического развития. М.: Гос. ун-т – ВШЭ, 2011. 336 с.
35. Popov V. *Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia, and the West*. New York: Oxford University Press, 2014. 208 p.
36. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015 [2012]. 693 с.
37. Балацкий Е.В., Плискевич Н.М. Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события // Мир России. 2017. Т. 26. № 4. С. 97–117. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-4-97-117.
38. Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014 [2013]. 256 с.
39. Kivinen M., Cox T. Russian modernisation – a new paradigm. *Europe-Asia Studies*, 2016, vol. 68, no.1, pp. 1–19. DOI: 10.1080/09668136.2015.1125573.

40. Gilman N. Modernization theory never dies. *History of Political Economy*, 2018, vol. 50 (Supplement), pp. 133–151. DOI 10.1215/00182702-7033896.
41. Диденко Д.В. Интеллектуалоемкая экономика: человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. СПб.: Алетейя, 2015. 408 с.
42. Социология образования. Дополнительное и непрерывное образование / Г.А. Ключарев, Д.В. Диденко, Ю.В. Латов, Н.В. Латова; под общ. ред. Ю.В. Латова. 2-е изд. М.: Юрайт, 2017. 432 с.
43. Rodrik D. Premature deindustrialization. *Journal of Economic Growth*, 2016, vol. 21, no. 1, pp. 1–33. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10887-015-9122-3>.
44. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: РГУ им. И. Канта, 2010. 531 с.
45. Woolcock M., Szepter S., Vijayendra R. How and why does history matter for development policy? *Journal of Development Studies*, 2011, vol. 47, no. 1, pp. 70–96. Available at: <https://doi.org/10.1080/00220388.2010.506913>.
46. Acemoglu D., Aghion P., Zilibotti F. Distance to frontier, selection, and economic growth. *Journal of the European Economic Association*, 2006, vol. 4, no. 1, pp. 37–74. Available at: <https://doi.org/10.1162/jeea.2006.4.1.37>.
47. Van Leeuwen B., Földvári P. Capital accumulation and growth in Central Europe, 1920–2006. *Eastern European Economics*, 2013, vol. 51, no. 5, pp. 69–93. DOI: 10.2753/EEE0012-8775510503.
48. Vonyó T., Klein A., Why did socialist economies fail? The role of factor inputs reconsidered. *Economic History Review*, 2019, vol. 72, no. 1, pp. 317–345. Available at: <https://doi.org/10.1111/ehr.12734>.
49. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Оценка результативности государственных программ социально-экономического развития регионов России // Проблемы прогнозирования 2016. № 3. С. 81–94.
50. Южаков В., Добролюбова Е., Александров О. Как оценить результативность государственных программ: вопросы методологии // Экономическая политика. 2015. № 6. С. 79–98.
51. Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ГУ-ВШЭ, 2006 [1985]. С. 139–150.
52. Arthur W.B. Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events. *The Economic Journal*, 1989, vol. 394, no. 99, pp. 116–131.
53. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ГУ-ВШЭ, 2010 [2005]. 256 с.
54. Pinhanez M. Rekindling governments from within: getting public sector elite officials to support government reform in Brazil. In: Amsden A.H., DiCaprio A., Robinson J.A. (Eds.). *The Role of Elites in Economic Development*. Oxford University Press, 2012. Pp. 307–326.
55. Zang X. Why are the elite in China motivated and able to promote growth? In: Amsden A.H., DiCaprio A., Robinson J.A. (Eds.). *The Role of Elites in Economic Development*. Oxford University Press, 2012. Pp. 231–247.
56. Thorbecke E. The evolution of the development doctrine, 1950–2005. In Mavrotos G., Shorrocks A. (Eds.). *Advancing Development*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2007. Pp. 3–36.
57. Khan S. R. *A History of Development Economics Thought*. London – New York: Routledge, 2014.
58. Boyer R. Half a century of development theories: an institutionalist survey. In: Stathakis G., Vaggi G. (Eds.). *Economic Development and Social Change: Historical roots and modern perspectives*. London – New York: Routledge, 2006. Pp. 29–73.
59. Crafts N. Historical perspectives on development. In: Meier G.M., Stiglitz J.E. (Eds.). *Frontiers of Development Economics: the Future in Perspective*. Washington, D.C.: The World Bank, 2001. Pp. 301–334.
60. Conyngham W.J. *The Modernization of Soviet Industrial Management*. Cambridge (U.K.): Cambridge University Press, 1982. 332 p.
61. Beissinger M.R. *Scientific Management, Socialist Discipline, and Soviet Power*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1988. 363 p.

Сведения об авторе

Дмитрий Валерьевич Диденко — доктор экономических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1; e-mail: didenko-dv@ranepa.ru)

Didenko D.V.

State Strategic Planning Experience in the USSR in Theoretical and Empirical Studies

Abstract. In recent years, the Russian Federation has been forming a strategic planning system, which exists in many countries with market economics. However, success of its implementation is assessed critically in scientific literature. This is where the goal of this article becomes relevant – expansion of theoretical and methodological framework, including instruments of new institutional economic history for studying empirical sources concerning institutional practices of USSR centralized planning from the perspective of needs of the RF strategic planning economics system. The greatest attention to this problem is paid in the development and institutional economics, which are interconnected with each other. The novelty of the research consists in the fact that we put forward our own methodological questions in the context of our original understanding of trends of development economics' evolution on the basis of our interpretation of studies which explored Soviet experience of centralized planning; formulation of working hypothesis for further empirical studies and their theoretical generalization. We use historical genetic and problematic approaches, general logical methods and techniques – system approach, generalization, analysis and synthesis. We compare individual concepts in the sphere of development economics with empirical studies. We find out that the slowdown of USSR economic dynamics urged development economics theorists to shift their focus from macroeconomics' modeling of production factors to the analysis of the institutional environment features. The approach to centralized planning as a key instrument of overcoming “traps of underdevelopment” (“market failures”) was substituted with understanding of transactional costs connected with it (“state failures”). It was stated that important issues, such as cooperation between institutions of scientific knowledge and state's management of economics, were not properly analyzed. The conclusion was drawn that the research on empirical sources, concerning institutions of soviet planning, using theoretical and methodological instruments of development economics, enriched with concepts of institutional economics, will contribute to the formation of new theory of national and regional economics' planning in the paradigm of post-Soviet institutionalism.

Key words: centralized economics, catch-up development, USSR, economic policy, institutional traps, market failures, state failures, history of economic thought.

Information about the Author

Dmitrii V. Didenko – Doctor of Sciences (Economics), Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Prospekt Vernadskogo, Building 1, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: didenko-dv@ranepa.ru)

Статья поступила 27.06.2019.

Какой учитель нужен «школе будущего»? Применимость подхода Дж. Хэтти для российского образования

Максим Александрович

ГОЛОВЧИН

Вологодский научный центр РАН

Вологда, 160014, Российская Федерация, ул. Горького, д. 56а

E-mail: mag82@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7813-5170; ResearcherID: N-1706-2015

Аннотация. В статье мы попытались высказать свое мнение в рамках полемики, развернувшейся между новозеландским исследователем Дж. Хэтти и его оппонентами. Спор касается обоснованности аргументов, высказанных ученым в книге «Видимое обучение» (Visible Learning, 2009 г.) по вопросу размера внешних и внутренних эффектов, оказывающих влияние на результативность работы общеобразовательной школы. Предмет обсуждения в статье выбран не случайно. Идеи Хэтти широко используются в образовательной политике зарубежных стран (особенно Австралии), но будут ли они уместны в российской действительности? Ряд образовательных новаций, заимствованных у западных стран, не имеет однозначного одобрения в российском обществе (это касается итогового экзамена в форме тестирования, «болонской» двухуровневой системы подготовки кадров и т.д.). В рамках исследования проведены анализ аргументов Хэтти и оценка их научной обоснованности. Для этого было предпринято обобщение доводов учёного, а также его оппонентов (об этой критике почему-то не упоминается в русскоязычной литературе). В книге Хэтти предложен научный подход к обоснованию индикаторов, в разной степени влияющих на результаты школьного обучения. Среди этих показателей особую роль играет продуктивная деятельность учителя по самообучению, созданию благоприятной обстановки в классе, тогда как вклад суммы профессиональных компетенций педагога в планирование урока и его содержания явно недооценен. Подобные мысли, не до конца принятые научным сообществом, стали основой для дальнейшей полемики. В предлагаемой статье выделены методологический и культурологический подходы к критике «Видимого обучения». Выяснено, что доводы оппонен-

Для цитирования: Головчин М.А. Какой учитель нужен «школе будущего»? Применимость подхода Дж. Хэтти для российского образования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 229–242. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.15

For citation: Golovchin M.A. What kind of teacher does the “school of the future” Need? Possibility of using John Hattie’s approach in Russian education. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 229–242. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.15

тов Хэтти касаются разных аспектов его исследования, но имеют сугубо теоретический характер. Автором статьи в рамках расчета коэффициентов вариации предпринят статистический анализ рассматриваемой оценочной модели (который ранее не проводился). Интерпретация расчетных данных указала на неоднородность размеров эффектов в модели Хэтти. На этой основе сделаны практические выводы о методологических и концептуальных возможностях использования подхода новозеландского исследователя к реалиям российского образования. Статья будет интересна как работникам образования, так и всем интересующимся вопросами социальной политики.

Ключевые слова: образование, реформа, образовательная политика, «новая школа», анскулинг, метаанализ, размер эффекта, коэффициент вариации.

Введение. Обоснование маркеров эффективности применительно к социальной политике в целом и к управлению образованием в частности сохраняет свою актуальность для ведомственных структур [1, с. 58-95]. Как следствие, в научном мире появляются решения этой задачи, имеющие часто спорный характер, поскольку они, как правило, формируются ситуативно, с оглядкой на зарубежные образцы, но в отрыве от сложившихся культурных традиций, а также без учета мнения образовательного сообщества и необходимости этапа предварительной апробации на примере модельного региона (организации). В результате часть новых явлений превращается в самые настоящие институциональные ловушки для всех участников образовательных отношений. Достаточно вспомнить тестовую систему Единого государственного экзамена, которую сейчас одобряет лишь треть учителей школ [15].

Общеизвестно, что образование сегодня – это поле соприкосновения традиций и новаций, зачастую переходящего в прямую конфронтацию. Одной стороной этого конфликта является традиционное образование, а другой – экспериментальное образование или «школа будущего».

Традиции в обучении (традиционная дидактика), формировавшиеся веками, раскрыты в трудах Я.А. Коменского (XVII в.), А. Дистервега (XIX в.). Традиционная образовательная концепция покоится на «пяти китах»: 1) **знаниевая парадигма** (ориентация педагогического процесса на формирование знаний); 2) **педагогический центризм** (вера в авторитет учителя как центрального звена образовательного процесса); 3) **классно-урочная система** (убежденность в положительном влиянии коллектива на конечные результаты обучения); 4) **дисциплина** (обеспече-

ние связи обучения и воспитания); 5) **таксономия образовательных целей Б. Блума** (стратегия развития навыков по определенным уровням – знание / понимание / применение / анализ / синтез / оценка) [2, с. 20-29].

А.А. Вербицкий считает, что классическая образовательная парадигма осмысливает человека как «простую систему, ограничивая круг включаемых в работу психических функций ученика» [3, с. 3-6], а также «вообще не предусматривает активность на уровне мышления и личности обучающегося, его творческого сознания» [3, с. 3-6]. Г.М. Нурмухамедов выделяет в качестве существенного недостатка традиционной системы образования отсутствие в ней «диагностической цели, ориентированной на смысл человеческой жизни», который в свою очередь выражается в труде и творчестве [2, с. 20-29].

С развитием прогресса (особенно технического) модель традиционного обучения часто подвергалась критике, чему способствовали консервация порядков в школе послевоенной Европы и США, отсутствие реальных образовательных инноваций на фоне совершенствования технологий [4, с. 23-27]. Д. Гудлэд в 1980 году писал о том, что «способность школ исполнять свою главную и привычную роль (обеспечение грамотности и ликвидация невежества) вызывает все более обоснованное сомнение» [5, с. 10]. Вместе с тем в 1970-х годах возросло влияние на западные школы демографической нагрузки за счет роста числа разводов. В итоге отношения в классическом гетерогенном классе становились все более отчужденными и депersonализованными [5, с. 23-27]. Помимо этого, в науке появляется новое нелинейное представление об образовательном процессе, отталкивающееся уже не от универсальной си-

стемы, одинаковой для всех, а от индивидуальных целей и стратегий каждого обучающегося, теории метапознания (таксономия Марцано) [6, с. 5-17].

Как следствие, во второй половине XX в. в Европе возникло движение «новой школы», которое на основе развития концепции «естественного воспитания» Ж.-Ж. Руссо провозгласило отход от институциональных форм образования к неинституциональным. В частности, отцы «новой школы» — педагоги R. Cousinet и С. Freinet напрямую писали о необходимости кардинальной переориентации системы образования на нужды ребенка, а также важности применения новых форм преподавательской деятельности, таких как работа в малых группах (взамен классов), обучение через игру, организация школьного самоуправления, отказ от оценок и учебников [7]. Учителя в данной модели уже перестают играть руководящую роль в образовательном процессе. Вместо наставничества и передачи знаний им предназначается осуществлять контроль за «естественным развитием учеников и консультировать их по сложным вопросам» [8, с. 121-122].

Французские педагоги-инноваторы наверняка даже не подозревали, что их достаточно робкие идеи позднее получат развитие в более радикальной теории анскулинга (unschooling) — образования детей в полном отрыве от школы. В рамках этого течения австрийский философ-теоретик И. Иллич развил тезис об «освобождении общества от монополии школ» [9, с. 16]. Вдохновившись идеями Иллича, американский педагог Д. Холт выдвинул теорию о том, что главной причиной академической неуспеваемости в современной школе является сама школьная система, поскольку она заинтересована в формировании «производителя, а не мыслителя» [10, с. 8]. По его мнению, развитие качеств ребенка лучше всего происходит в «естественных условиях», вне стен образовательной организации («лучшее место для обучения — гуаша жизни») [10, с. 447].

Идеи анскулинга, еще много раз повторявшиеся в зарубежной педагогической науке (Р. Мур, П. Макларен, Д. Гудлэд, К. Робинсон, А. Хелмке и др.), оказали влияние на ряд педагогических концепций (вальфдорская педагогика, школа Марии Монтессори, хомскулинг) [11, с. 213-219]. Однако заметного воздействия

на формирование образовательной парадигмы в странах Запада эта концепция не возымела, получив статус революционного, но при этом андеграундного и маргинального идейного направления¹. Уже в 80-е годы XX столетия на фоне спада промышленного производства революционные идеи в западной педагогике ушли на второй план и стали возрождаться образовательные традиции. В частности, система классического образования вновь обрела популярность благодаря статье Д. Сайерс «Утерянные инструменты обучения», в которой «эталон» средневековой школы (грамматика, диалектика, риторика) были адаптированы для современного мира [11, с. 213-219].

Однако, находясь на вторых позициях, идеи «новой школы» косвенно все же проявляют себя в качестве идеологии современной образовательной политики. Яркий тому пример — монография новозеландского ученого Дж. Хэтти, которую он назвал «Видимое обучение» (2009). Книга смело претендует не только на теоретико-философское, но и на эмпирическое обоснование тех факторов, которые помогают школе стать эффективной (в отношении образовательных результатов). В этом плане труд Хэтти оказался для своего времени передовым и завоевал значительный авторитет в образовательном сообществе западных стран, а в ряде случаев стал идейной и методологической основой реформирования системы обучения. Причина этого проста: учёный предлагает достаточно ординарное решение образовательных проблем, которое своей доступностью вполне может привлечь управленцев на всех уровнях. Это решение выражается в широком внедрении в школах системы мониторинга за индикаторами, которые он выделил.

В то же время в подходе Хэтти сделан упор на профессиональную деятельность учителей, которые по своим обязанностям скорее близки к модераторам образовательного пути ученика, чем к профессионалам (что в точности повторяет мысли теоретиков «новой школы»).

¹ Для справки отметим, что иная ситуация сложилась в Российской Федерации. Высшая школа социальных и гуманитарных наук внесла И. Иллича и П. Макларена в список самых влиятельных зарубежных авторов в области педагогической теории, политики и практики (тогда как за рубежом их книги ценятся не столь высоко).

В настоящее время волна популярности «Видимого обучения» дошла и до России. В 2017 г. эта книга была переведена и опубликована издательством «Национальное образование», которое входит в группу компаний «Просвещение». В нашем исследовании мы задались вопросом: насколько концепция Хэтти применима для российской школы и труда учителей в свете дальнейших перспектив развития? Эти перспективы, во многом обозначенные национальным проектом «Образование», ориентируют педагога на путь постоянного обновления своих знаний (в том числе цифровых и технологических), а также формирования ситуации успеха для каждого ученика. Не в последнюю очередь нас интересует вопрос о целесообразности интегрирования идей этого новозеландского учёного в образовательную политику на местном, региональном и национальном уровнях.

Цель статьи — проанализировать, опираясь на изучение исследовательской литературы и собственные расчеты, научную обоснованность доводов Хэтти и результатов его метаанализа для последующей оценки применимости его подхода в российской образовательной политике.

Методология. При раскрытии цели исследования мы применили следующие методы: 1) для теоретико-методологического обзора слабых и сильных сторон идей Хэтти использован дискурсивный анализ его концепции, а также критики его книги «Видимое обучение» (основной массив которой представлен исключительно на иностранных языках); 2) для проверки устойчивости оценочной модели Хэтти произведен расчет коэффициентов вариации (CV) статистической совокупности средних размеров эффектов, выделенных исследователем в ходе метаанализа.

Концепция Хэтти. Исследование Хэтти является далеко не первым обобщением образовательных эффектов в рамках метаанализа. Этот метод, предложенный Д. Глассом в 1976 г., предполагает синтез уже созданных эмпирических работ по заданной теме не традиционным (обзорным) способом, а с помощью математических оценочных средств [12]. Данный метод более распространен в экономике и медицине. В 2000 г. Р. Марцано в книге «Новая эра школьных реформ» впервые применил метаанализ к образованию. Он обобщил 4057 размеров эффектов и в итоге выделил пять уровней

школьной эффективности: 1) безопасная и упорядоченная среда, которая поддерживает взаимодействие и сотрудничество; 2) образовательная структура, поддерживающее эффективное обучение в каждом классе; 3) гарантированный и жизнеспособный учебный план, ориентированный на улучшение результатов обучения; 4) система отчетности по успеваемости учащихся, основанная на стандартах; 5) система контроля за знаниями, которая обеспечивает овладение школьниками содержанием учебного материала [13]. Однако по оценкам экспертов система Марцано заметно ограничена в выборе школьных и структурных факторов [14].

Хэтти по существу дополнил научную традицию изучения системы образования, поскольку применил не метаанализ, а мета-метаанализ (или мегаанализ). Отличие этого подхода состоит в том, что в его рамках синтезируются уже не сами эмпирические работы, а как раз метаанализы, посвященные оценкам этих работ. В книге Хэтти проанализированы более 800 метаанализов, которые были проведены на основе исследований учебных результатов школьников в трех странах (США, Австралии и Новой Зеландии) в период 1980-х – 2000-х годов [14].

Цель подобного масштабного обобщения — оценка так называемых «школьных эффектов» (термин позаимствован у Марцано). Это внешние и внутренние факторы, имеющие разный вектор направленности в отношении процесса формирования академической успеваемости ученика. При этом эффективное образование Хэтти понимает как многогранный процесс, включающий «успешное обучение» со стороны детей и «успешное преподавание» со стороны педагогов [14, с. 54-59]. В фундаментальном смысле Хэтти ставит перед собой задачу отыскать универсальный рецепт результативных образовательных реформ.

Методология Хэтти базируется на соблюдении следующей последовательности этапов исследования:

1. *Определение средовых источников*, влияющих на академическую успеваемость ребенка. Хэтти выделил шесть таких источников, как семья, школа (как особая среда и административный аппарат), преподаватели, учебные программы, стратегии и методы преподавания и собственно сам ученик.

2. *Определение для каждого источника комплекса оценочных переменных*, которые учёный назвал факторами. Всего им выделено 138 факторов от стадий развития интеллекта ребенка по Ж. Пиаже до летних каникул.

3. *Синтез метаанализов для оценки влияния факторов на успешность школьников*. На этом этапе в рамках обобщения научных работ для каждого фактора были рассчитаны переменные, названные «средним размером эффекта» (d). Размер эффекта был определен в интервале от -2 до 2 .

4. *Интерпретация результатов расчетов*, для которой Хэтти был разработан «барометр влияния» с зонами негативного, низкого, среднего и высокого эффекта.

Расчеты, проведенные учёным на основе синтеза метаанализов, показали, что наибольшее воздействие на достижения школьников имеет труд учителя ($d=0,49$). Однако этот вывод не будет полным без учета влияния разных факторов (табл. 1). Так, было выяснено, что крайне важное значение ($d=0,88$) для результативности образовательного процесса имеет микрообучение (педагогическая практика), а запас педагогических знаний и квалификация учителя – наименее важное ($d=0,1$). Подобные выводы и заставили критиков Хэтти усомниться в правильности его умозаключений.

Как ни странно, наименьшее влияние на знания и умения учеников, по мнению Хэтти, оказывает сама школа как социальный институт и образовательная организация ($d=0,23$). В вопросах социализации исследователь явно отдает приоритет не образованию, а семье. Здесь мы находим очевидные параллели с идеями

классиков анскулинга (Иллича и Холта), которые писали о том, что преподавателю лучше всего работать вне институциональных структур. Сам Хэтти без особого энтузиазма относится к школьной администрации, считая, что она озабочена мелочными хозяйственными проблемами (школьная форма, закупки инвентаря, бухгалтерия и т.п.), которые к самому образованию как бы и не относятся [14]. При этом он умалчивает о том, что финансирование, регулируемое администрацией школ, направляется на создание важных условий для образовательного процесса: это оплата труда учителей, развитие инфраструктуры, зданий, отопление, канализация и т.п. В России, к примеру, вопросы финансирования по праву считаются «краеугольным камнем» образовательной политики. Так, согласно результатам мониторинга экономического положения и социального самочувствия учителей Вологодской области, в 2017 г. у 45% преподавателей именно уровень финансирования школ вызывал наибольшее беспокойство в плане дальнейших перспектив развития российского образования [15].

Отметим, что спорные моменты результатов расчетов Хэтти во многом кроются в используемой им научной методологии. Выборка «школьных факторов», учтенных по тому или иному источнику влияния, далеко не одинакова. Так, для оценки воздействия школы Хэтти использовал 29 различных факторов, а для влияния семьи и школы – всего 7 и 10 соответственно [14]. Это объясняется ограниченностью проблем, которые были затронуты в трудах, составивших основу метаанализа «Видимого обучения».

Таблица 1. Размеры эффектов «школьных факторов» в метаанализе Д. Хэтти

Источник влияния	Средний размер эффекта (d)	Минимальный размер эффекта		Максимальный размер эффекта	
		Фактор	Значение	Фактор	Значение
Учитель	0,49	Предметные знания, образование	0,1	Микрообучение	0,88
Учебная программа	0,45	Метод целого текста	0,06	Программы расширенного словарного запаса	0,67
Ученик	0,40	Питание и диета	0,12	Представление ученика о своем уровне знаний	1,44
Стратегии и методы преподавания	0,42	Контроль ученика за внеучебными факторами	0,04	Формативная оценка	0,90
Семья	0,31	Просмотр телепередач	-0,18	Домашняя среда	0,57
Школа	0,23	Смена школы	-0,34	Ускоренное обучение	0,88

Составлено по: Хэтти Д. Видимое обучение. М.: Национальное образование, 2017. 496 с.

Для интерпретации проведенных расчетов Хэтти разработал оценочную шкалу («барометр влияния»), за основу которой он взял так называемую «центральную точку» (h). Она, по мысли автора, должна определять типичный размер эффекта, равный 0,40. Это своеобразный «ориентир для оценки педагогического воздействия» [14, с. 36-37]. После выхода работы Хэтти его критики часто обсуждали целесообразность выбора этого «типичного размера». В соответствии с пониманием того, что «точка h » является условным водоразделом желаемого и нежеланного результата, автор «Видимого обучения» и сформировал «барометр влияния», в который включил следующие зоны:

1. *Зона негативного эффекта ($d < 0$)*. Здесь концентрируются факторы, с отрицательными значениями эффекта, а значит, они являются источником «деструктивного поведения школьников» [14, с. 34-35]. Хэтти включил в «зону негативного эффекта» пять различных факторов: летние каникулы, повторное обучение, смену школы (источник – школа); предоставление семье социальной помощи, просмотр школьником телевизионных передач (источник – семья).

2. *Зона эффекта развития ($d = 0-0,15$)*. Сюда исследователь отнес образование учителя (0,11), предметные знания учителя (0,09) и другие факторы. Как говорит сам Хэтти, «подобных результатов можно легко достичь и вне школы» [14, с. 38-40].

3. *Зона низкого и умеренного эффекта ($d = 0,15-0,4$)*. Сюда было отнесено общее воздействие педагога (0,32), использование калькулятора во время занятий (0,27), наполняемость класса (0,21), состав семьи (0,17) и др. Влияние этих факторов приводит к результатам, которых ученик может достичь за год обучения в школе [14, с. 38-40].

4. *Зона желаемого эффекта ($d > 0,4$)*. В нее были включены качество преподавания в школе (0,44), ожидания учителя от процесса обучения и его результативности (0,43) – средний эффект; микрообучение преподавателей (0,88), ясность преподавания (0,75), отношения между учителем и учеником (0,72), профессиональное развитие (0,62), отнесение учеников к группе «детей с особыми образовательными потребностями» (0,61) – высокий эффект. Эти факто-

ры, по мнению Хэтти, «оказывают наибольшее воздействие на успеваемость обучающегося» и формируются в ходе многолетней профессиональной деятельности педагога [14, с. 38-40].

Нужно отметить, насколько мало внимания автором «Видимого обучения» было уделено образовательным компетенциям учителя. По существу он говорит о том, что для педагога значимо не столько иметь сильные предметные знания, сколько нескудно и доступно преподавать учебный предмет (при этом, по всей вероятности, в данном выводе игнорируется связь между образовательной подготовкой и качеством профессиональной деятельности). Влияние программ педагогического образования (реализуемых в вузах) на результативность работы школы как таковой Хэтти считает сомнительным, поскольку «низкое качество подготовки учительских кадров является основной помехой педагогического образования», небольшой эффект которой изрядно компенсируется приобретенным на месте работы опытом [14, с. 160-161].

Особое место в системе педагогических навыков учёным отводится умению налаживать вербальный и ментальный контакт с детьми («активная стратегия обучения») [14, с. 339]. Наиважнейшей задачей учителя он полагает формирование в классе ситуации «видимого обучения», выстроенной по типу обратной связи («учителя видят учебный процесс глазами учеников – ученик видит себя в качестве собственного учителя») [14, с. 328-329]. Для поддержания подобной ситуации, по мнению Хэтти, необходим постоянный контроль. Он считает, что «отправной точкой в решении образовательных задач должны служить не учебники, не привычные планы уроков, а желаемые результаты обучения – критерии успеха, соответствующие учебным интенциям» [14, с. 329]. В качестве таких критериев ученый предлагает показатели «зоны желаемого эффекта» [14, с. 39]. «Главное, чтобы педагогическое сообщество приобрело профессиональную зрелость и перешло от мнений к доказательствам, от субъективных оценок к критическим» [14, с. 358].

На основе обзора идей Хэтти постараемся ответить на вопрос: какой же учитель, по его мнению, нужен «школе будущего»? Место педагога, по всей вероятности, остается весьма

значимым, но не педагога-профессионала, а педагога-модератора образовательного пути ребенка. Школа как институт в парадигме «видимого обучения» представлена сугубо в качестве бюрократической машины – контролера за эффективностью работы учителя в соответствии с системой заранее отобранных показателей. Подобная позиция была подвергнута критике со стороны научной и педагогической общественности стран Запада, хотя и успела укорениться в образовательной политике.

Научная традиция критики Хэтти. Надо сказать, что после выхода в свет в 2009 году книга Хэтти буквально сразу же приобрела статус «священного Грааля образования» [16, с. 425-438]. I. Spook и другие пишут о том, что концепция «видимого обучения» привела к большой дискуссии в обществе и привлекла внимание политиков [17, с. 93-106]. S. Eacott сравнивает «видимое обучение» с мифом о «великом человеке, который может спасти образование» [18, с. 413-426]. N. Brown считает, что усилия Хэтти «огромны и похвальны», хотя и отмечает, что во многом не согласен с его методологией². I. Arnold в свою очередь называет труд Хэтти вполне убедительным, и, по его мнению, большинство учителей согласятся с выводом о том, что «эффективное обучение не может иметь место без надлежащей обратной связи от педагога к ученику» [19, с. 219-221]. По словам P. DeWitt, автор книги «Видимое обучение» «открыт и честен в отношении тех уроков, которые он получил от жизни»³.

Более того, весьма велико влияние данного произведения на образовательную политику ряда зарубежных стран, что особенно заметно прослеживается в Австралии (Хэтти в 2011 г. стал директором Научно-исследовательского института образования в Мельбурнском университете). «Работа Хэтти повсюду в современном австралийском школьном руководстве», – пишет S. Eacott [18, с. 413-426]. В этой стране на законодательном уровне была принята «Модель

эффективного преподавания» (QTM), которая во многом базируется на постулатах «Видимого обучения». QTM – это документ, который по существу является «теоретической основой для оценки эффективности и поведения учителя в классе» [20, с. 340-344]. Таким образом, в австралийском образовании «управленческая риторика сконцентрировалась вокруг идеи рациональности» [18, с. 413-426]. Концепция «видимого обучения» хорошо зарекомендовала себя в США, где особый отклик нашла мысль новозеландского исследователя о преимуществе малых классов для результативности работы школ, которую взяло на вооружение общественное движение «Class size matter» («Размер класса важен»). Оно активно лоббирует в правительственных кругах и на местном уровне идею максимального сокращения численности учеников в классах⁴. H. Knudsen в своей статье отмечает, что книга «Видимое обучение» оказала большое влияние на датские школы [21, с. 253-261].

Подчеркнем при этом, что особо теплый прием был уготован труду Хэтти в России. По его книге активно проводятся вебинары для учителей. На основе анализа его идей российские исследователи приходят к выводу о необходимости использования метаанализа для «проверки продуктивности педагогических нововведений» [22, с. 79-90]. Е.А. Соколова обнаруживает даже связь исследования новозеландца с положениями Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), касающихся формирования у школьников критического мышления [23, с. 6-14]. Н.А. Борисенко называет выход в свет «Видимого обучения» одним из главных событий в сфере издания переводной педагогической литературы последних лет. Она отмечает, что пока это единственная научная работа, «в которой оценены важнейшие факторы, влияющие на учебные достижения школьников» [24, с. 257-265].

Вместе с тем исследовательские результаты и выводы Хэтти у многих современных учёных вызывают острую критику (табл. 2). Так, А. Kamenetz считает теорию «видимого обучения» одной из «больших идей в образовании,

² Brown N. Book Review: Visible Learning. URL: <https://academiccomputing.wordpress.com/2013/08/05/book-review-visible-learning/> (дата обращения: 29.08.2019).

³ DeWitt P. John Hattie Isn't Wrong. You Are Misusing His Research. URL: https://blogs.edweek.org/edweek/finding_common_ground/2018/06/hattie_isnt_wrong_you_are_misusing_his_research.html (дата обращения: 29.08.2019).

⁴ Class size matter. URL: <https://www.classsizematters.org/> (дата обращения: 29.08.2019).

Таблица 2. Основные положения критики Дж. Хэтти в зарубежной литературе

Автор	Суть критики
M. Lupton	<ul style="list-style-type: none"> - используемые метаанализы устарели и вряд ли могут отражать современную школьную практику; - метаанализы представлены по естественным наукам, поэтому традиционные методы понимаются как обучение, основанное на фактах, а экспериментальные методы связаны с лабораторным подходом
Brown N.	<ul style="list-style-type: none"> - выводы основаны на усреднении размеров эффектов, что в ряде случаев нецелесообразно
Haesler D.	<ul style="list-style-type: none"> - сомнительно, что можно определить числовое значение для воздействия, которое любой учитель может оказать на любого ученика в любом классе
Jones G.	<ul style="list-style-type: none"> - некорректно используется обобщение разных исследований в рамках метаанализа
Snook I., O'Neill J., Clark J., O'Neill A.-M., Op R.	<ul style="list-style-type: none"> - разные исследования, обобщенные в рамках метаанализа, не были оценены на предмет их валидности; - из метаанализа исключены эффекты социальной среды (бедность, здоровье, питание и т.п.), а также ряд характеристик обучающихся (возраст, социальное происхождение, способности и т.п.); - исследование ограничено одним измерением обучения (того, что может быть количественно измерено) и проигнорированы качественные образовательные результаты (новые знания, навыки и нравы); - размеры эффектов не могут быть применимы к обычным учителям, работающим в обычных классах, а скорее адресованы учителям-инноваторам; - в выводах игнорируется причинно-следственная связь, с неоправданной её заменой статистической значимостью; - сопоставление разрозненных исследований можно уподобить сравнению яблок и апельсинов; - в поисках усредненного результата игнорируется неоднородность школьников, обучающихся в классе; - исследование Хэтти не рассчитано на прогноз (не показывает, каким должно быть будущее); - выводы обобщены по англоязычным странам и не могут быть использованы для всего мира; - порог зоны «желаемого эффекта» определяется произвольно
Kamenetz A.	<ul style="list-style-type: none"> - усреднение результатов исследований, проведенных со школьниками разных возрастов, в разных условиях, различными видами вмешательства и разными показателями результатов, может привести к ошибочным выводам
Slavin R.	<ul style="list-style-type: none"> - любой размер эффекта ниже 0,40 игнорируется, что неверно; - безоговорочно принимаются результаты базовых исследований метаанализа. нет попытки критического подхода к ним
Terhart E.	<ul style="list-style-type: none"> - качественные исследования не рассматриваются; - не рассматриваются внешние факторы (социальное происхождение, финансовое неравенство, раса); - игнорируются методологические проблемы и дебаты; - большая часть исходных данных уже не актуальна (устарела еще 5 лет назад); - не представляется точная информация по вопросу о стандартах качества, которые используются для формирования выводов; - в анализе используются не все индикаторы, а только эмпирически достижимые; - не объясняется, как результаты разрозненных исследований могут быть аккумулированы в метаанализе, в ходе многократной аккумуляции данных (мета-метаанализ), в результате чего объективность исчезает
McKnight L., Whitburn B.	<ul style="list-style-type: none"> - обучение не всегда видно, не всегда поддается количественной оценке, оно может быть неупловимым, грязным, непредсказуемым и не всегда желательным
Источники: Lupton M. Hattie's analysis of inquiry-based teaching. URL: https://inquirylearningblog.wordpress.com/2016/01/05/hatties-analysis-of-inquiry-based-teaching/ (дата обращения: 29.08.2019); Brown N. Book Review: Visible Learning. URL: https://academiccomputing.wordpress.com/2013/08/05/book-review-visible-learning/ (дата обращения: 29.08.2019); Haesler D. Is John talking through his Hattie? URL: http://danhaesler.com/2014/11/17/is-john-talking-through-his-hattie/ (дата обращения: 29.08.2019); Jones G. The school research lead and another nail in the coffin of Hattie's Visible Learning. URL: http://evidencebasededucationaleadership.blogspot.com/2017/01/the-school-research-lead-and-another.html (дата обращения: 29.08.2019); Snook I. etc. (2009) Invisible Learnings? A Commentary on John Hattie's book: Visible Learning: A synthesis of over 800 meta-analyses relating to achievement // New Zealand Journal of Educational Studies. 44(1). pp. 93-106; Kamenetz A. 5 Big Ideas in Education That Don't Work. URL: https://www.npr.org/sections/ed/2017/01/14/508991615/5-big-ideas-in-education-that-dont-work (дата обращения: 29.08.2019); Slavin R. John Hattie is Wrong. URL: https://robertslavinblog.wordpress.com/2018/06/21/john-hattie-is-wrong/ (дата обращения: 29.08.2019); Terhart E. (2011) Has John Hattie really found the holy grail of research on teaching? An extended review of Visible Learning // j. Curriculum Studies. 43 (3). pp. 425-438; McKnight L., Whitburn B. Seven reasons to question the hegemony of Visible Learning // Discourse: Studies in the cultural politics of education, 1-13. doi: 10.1080/01596306.2018.1480474.	

которые не работают»⁵. В чем же суть этих сомнений? Прежде всего, значительной критике подверглась научная методология, которую использует Хэтти. В его мегаанализе Siebert J. Myburgh и его коллеги выделяют шесть «хронических проблем»:

1) «*мусор в мусоре*»: в свой анализ Хэтти неизбирательно включил данные плохо разработанных и недостаточно спланированных исследований (критики называют их «экстремальными»);

2) «*смещение публикаций*»: Хэтти опирается на свод уже опубликованных данных, которые датируются восьмидесятыми—девяностыми годами прошлого столетия и уже не являются актуальными (эту точку зрения поддерживает и Н.А. Борисенко);

3) «*сравнение яблок и апельсинов*»: сопоставление изначально разрозненных исследований, к которому прибегает Хэтти, вызывает «субъективность, воспроизводимость и обобщаемость» его выводов;

4) «*некорректное использование размера эффекта*»: усреднять значения величин в единый показатель, как это сделал Хэтти, некорректно, в этой связи размер эффекта «не может быть причинным» и быть панацеей для образовательного сообщества;

5) «*эмпирический уклон*»: в своем анализе Хэтти использует не все индикаторы, а только эмпирически достижимые: так, им, к примеру, игнорируются результаты качественных исследований;

6) «*ограничения области применения*»: выводы Хэтти не связаны с концептуальным пониманием образовательной реальности, поскольку им не учтен фактор социального взаимодействия, который для образования очень важен [25].

В то время как большая часть критики Хэтти сосредоточилась на математических оплошностях в применении механизмов метаанализа, L. McKnight и B. Whitburn в статье «Семь причин поставить под сомнение гегемонию видимого обучения» представили культурологическую оценку его труда. В результате они нашли

тесную связь программных заявлений Хэтти с некоторыми спорными практиками неолиберализма (в частности, это касается дискриминации школьников по уровню развития способностей и «недопрофессионализации» учителей) [26, с. 1-13]. Как считают L. McKnight и B. Whitburn, идеи новозеландца влекут за собой «политический багаж», а также внедряют в образование концепцию «нового управленческого паноптизма» («каждый следит за каждым») [26, с. 1-13]. Для этого учителю потребуется переход от внутренней рефлексии (характерной для педагогической профессии) к внешней подотчетности. В этом авторам видится реакционность идей Хэтти, которые они сравнивают даже с «образовательным фашизмом, исходящим из постструктурных и постмодернистских сомнений в знаниях» [26, с. 1-13]. Они относятся к тому, что написано в книге, как к рациональному «мужскому взгляду», который подрывает женскую монополию на образование, что оппонентов «видимого обучения» скорее тревожит.

Подводя итог обобщению критики, отметим, что в западной научной традиции (в отличие от отечественной) сложилось мнение о некорректности доказательств Хэтти. В «Видимом обучении» неверно определены предпосылки исследования, поэтому полученные научные результаты «не могут быть автоматически применены на практике без тяжелой работы по их объединению с личными убеждениями, ценностями и опытом» [25, с. 18]. Большинству оппонентов показалось, что выбор показателей мета-метаанализа не был ничем обусловлен (кроме той разрозненной информации, которая ситуативно оказалась в руках у исследователя). В результате выводы его книги подвергаются сомнениям.

Можно предположить, что подобной критики и вовсе не возникало бы, если бы некоторые идеи Хэтти не казались чересчур спорными (как, например, мысль о слабой значимости предметных знаний для работы учителя или неважности школы как института). При этом приведенные в оценочной системе показатели далеко не всегда отражают образовательные реалии. Ученых удивляет, почему «в перечне рассмотренных факторов отсутствует школьный учебник (или его аналог) как основное средство обучения» [24, с. 257-265].

⁵ Kamenetz A. 5 Big Ideas In Education That Don't Work. URL: <https://www.npr.org/sections/ed/2017/01/14/508991615/5-big-ideas-in-education-that-dont-work> (дата обращения: 29.09.2019)

Отсюда следует вывод: «Книга воспринимается в качестве панацеи для образовательного сообщества, но в результате приема этого лекарства школа будет испытывать кратковременный эффект плацебо» [25, с. 13].

Однако вопрос об обоснованности сомнений оппонентов Хэтти не является столь однозначным. Скорее сейчас доводы развернувшейся полемики можно назвать лишь гипотезами, поскольку они зачастую имеют строго теоретический характер и эмоционально окрашены. Пока критики в большинстве своем не пытаются проверить прочность модели Хэтти математически (хотя автор «Видимого обучения» использует расчетные данные). Постараемся исполнить этот пробел.

Проверка оценочной модели Хэтти. Для проведения проверки оценочной модели Хэтти воспользуемся методом точного распределения коэффициентов вариации – статистической характеристики, применяемой при анализе измерений случайных величин (каковыми могут считаться данные рассматриваемого метаанализа) [27, с. 166-171].

Расчет коэффициента вариации обычно необходим для обоснования надежности отобранных переменных путем оценки однородности выборок и сравнения разброса случайных параметров. Он часто используется для проверки безопасности работы машин и конструкций (в механике и инженерии), а также для сравнения рассеивания величин относительно ожидаемого значения (в социальных науках) [27, с. 166-171].

Для оценки качества модели метаанализа нами был рассчитан коэффициент вариации ($V\sigma$) как процентное отношение среднего отклонения размеров переменных величин (размеров эффектов) к их среднему значению в соответствии с формулой:

$$V\sigma = \frac{\sigma}{x} \times 100\%,$$

где $V\sigma$ – коэффициент вариации переменных, σ – среднее отклонение размера эффектов, x – среднее значение размера эффектов.

В ходе проверки не учитывались отрицательные величины.

Как показали результаты расчетов, вариация переменных, используемых Хэтти, превышает 50%, что выше принятого в статистике порога однородности выборки (33%). Такой же вывод можно сделать и в отношении отдельных источников влияния – семьи (39%), школы (66%), ученика (41%), учителя, стратегий и методов преподавания (по 51%) и учебной программы (42%; табл. 3)

Для интерпретации расчётных данных мы обратились к рекомендациям экспертов, согласно которым коэффициенты вариации со значениями меньше 17% указывают на абсолютно однородную совокупность данных, в интервале от 17 до 33% – на достаточно однородную; в интервале от 35 до 40% – на недостаточно однородную, а то, что больше 40%, говорит о высокой колеблемости признака в

Таблица 3. Коэффициент вариации переменных, используемых в метаанализе Дж. Хэтти, в %

Источник влияния	Количество ученных на- блюдений	Коэффициент вариации ($V\sigma$)	Отклонение от оптимального значения ($V\sigma= 33\%$), +/-	Характер совокупности данных
Все показатели	133	56,87	-23,87	Крайне неоднородная
По отдельным источникам влияния				
Семья	5	38,57	-5,57	Недостаточно однородная
Школа	25	65,97	-32,97	Крайне неоднородная
Ученик	19	71,24	-38,24	Крайне неоднородная
Учитель	10	51,01	-18,01	Крайне неоднородная
Стратегии и методы преподавания	49	50,65	-17,65	Крайне неоднородная
Учебная программа	25	41,95	-8,95	Крайне неоднородная
Рассчитано по: Хэтти Д. Видимое обучение. М.: Национальное образование, 2017. 496 с. Примечание. В ходе расчетов были учтены только положительные величины (133 из 138).				

совокупности⁶. Совокупность, используемая Хэтти, относится к последней группе ($V\sigma = 56,87\%$).

Таким образом, проверка рассматриваемой оценочной модели даёт возможность говорить о разной степени неоднородности совокупности данных, используемых в исследовании Хэтти. Менее всего это заметно на примере факторов воздействия семьи, более всего – на примере влияния ученика и школы. В свою очередь это означает, что определение силы каких-либо эффектов в подобной модели, из-за ее неустойчивости, скорее всего не приведет к формированию объективных выводов. Тем самым гипотеза оппонентов Хэтти об отсутствии какого-либо контроля за расчётами в ходе метаанализа подтверждается.

Заключение. Обобщая вышесказанное, отметим сильные и слабые стороны метаанализа Хэтти. С одной стороны, с некоторыми его выводами трудно не согласиться. Жизнь учителя в рамках новой парадигмы образования и вызовов цифровизации заметно изменяется, а положение в обществе не перестает ухудшаться. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 2018 году труд учителя считали престижным только 16% россиян⁷. Этот результат свидетельствует о недостаточно высоком статусе педагога в Российской Федерации, что ярко контрастирует с положением, сложившимся в других странах мира. Так, согласно результатам исследования TALIS-2013, в азиатских государствах (Объединенные Арабские Эмираты, Корея, Малайзия и Сингапур) каждый второй учитель школы из трех уверен в социальной значимости своей профессии [28, с. 7-11]. В этом плане вклад Хэтти безусловно высок. В его труде действительно выражено благородное стремление научно обосновать важность работы педагога для образования и духовного развития детей. Как раз это стремление вызвало самые положительные отклики в России⁸. Однако разве значимость

учителя для школы может стать предметом научного обоснования? Разве это не само собой разумеющееся?

С другой стороны, выделим несколько аспектов, вызывающих недоверие к научной аргументации Хэтти. Прежде всего, он совершил ряд методологических ошибок в ходе метаанализа, одна из которых заключается в использовании неоднородных средних размеров эффектов. При аккумуляции их в общий показатель по отдельным источникам влияния могут получиться данные, которым однозначно нельзя доверять (о чем говорят результаты проведенных нами расчетов). По всей видимости, Хэтти игнорировал этап проверки данных, из-за чего в совокупность вошли те эффекты, которые в идеале должны были быть отбракованы.

Присоединимся также к мнению оппонентов Хэтти о том, что с помощью любой оценочной методики измерить процессы, происходящие в образовательных системах, крайне сложно (и нужно ли?). В школе большое значение имеют явления, которые не поддаются осмыслению с точки зрения стандартизированных подходов и статистики: общение, ценности, взаимодействие и взаимопонимание и т.п. Проблема их учета решается в рамках не количественного (отчетного) подхода, к которому тяготеет Хэтти, а качественного.

Подчеркнем и проблему «недопрофессионализации учителей» в концепции Хэтти (на что обращают внимание L. McKnight и V. Whitburn). В понимании новозеландца педагог важен, но не как профессионал, а как модератор свободного развития ребенка. Этот тезис перекочевал в «Видимое обучение» из традиции анскулинга. Впрочем, идею о том, что «учителем может стать каждый», можно отыскать и в принятых в 2016 году поправках в действующий на территории Российской Федерации профессиональный стандарт «Педагог»⁹. Представляется, что «недопрофессионализация» учителей может только снизить общественную значимость этой профессии и негативно повлиять

⁶ Юдина А.В. Социальная статистика: учеб.-практ. пособ. Владивосток: ВГУЭС, 2005. 83 с.

⁷ Престиж и доход: какие профессии выбирают россияне? <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9387> (дата обращения: 29.08.2019).

⁸ Никонов А. Учитель и система // Завтра. 2019. № 12. Март.

⁹ Минпросвещения: учитель имеет право не иметь педагогического образования. URL: <https://pedsovet.org/beta/article/minprosvesenia-ucitel-imeet-pravo-ne-imet-pedagogiceskogo-obrazovania> (дата обращения: 29.08.2019).

на формирование призвания у молодых специалистов. На сегодняшний день призвание — это одна из немногих сторон работы учителей, которая помогает им пережить сложности образовательной реформы и риски «выгорания», о чем говорят и результаты социологических исследований [15].

В итоге можно заключить, что реализация идей Хэтти в рамках российской образовательной политики неприменима, поскольку может вызвать отрицательные последствия и наращивание комплекса новых проблем (в частности, увеличение бюрократического функционала педагогической профессии в погоне за «школьным лидерством»).

Подобные эффекты, к примеру, в полной мере уже ощутила на себе система образования Австралии («трагедией в австралийском образовательном руководстве» назвал S. Eacott политику по «постоянному производству данных», которая стала обычной для школ этой страны после первых попыток реализации идей Хэтти на практике) [18, с. 422]. Здесь нужно остановиться на том обстоятельстве, что аналогичная проблема далеко не в последнюю очередь касается и современного российского образования. Согласно данным общероссийского мониторинга Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), 79% учителей общеобразовательных школ сообщили, что в 2018 г. в их профессиональной деятельности заметно усилился компонент отчетности, из-за чего работать «становится все сложнее» [29, с. 25]. Непрекращающийся рост документооборота ряд экспертов уже называет «организационной патологией» системы образования¹⁰. Вместе с тем, по данным уже регионально-исследования, в составе педагогов школ, которые желают оперативно сменить место работы, более четверти составляют обеспокоенные бюрократизацией своей профессии

(даже образовательные реформы, проводимые на федеральном уровне, оказались не столь значимым фактором формирования подобных планов) [15]. Таким образом, вкупе с низким престижем учительства в обществе даже несущественное усиление «бюрократического нажима» (неизбежного в рамках концепции «видимого обучения») может стать катализатором протестной активности педагогических работников школ в форме массового «выхода из профессии». Сам вопрос поиска и использования новых решений в российской образовательной политике, конечно, может иметь место, но при необходимом научном обосновании, учете адаптационных возможностей агентов институциональной системы и сложившихся традиций. Иначе последствия внедрения таких решений могут быть катастрофическими.

Труд новозеландца, по нашему скромному мнению, является предупреждением для практиков о необходимости строгого отбора решений относительно образовательных задач (от обновления учебных программ до поиска средств, приемлемых для развития кадрового потенциала образовательных организаций). Действительно, в работе Хэтти можно найти простые ответы на довольно сложные вопросы: что в школе работает? что не работает? во что нужно вкладывать деньги, а на чем сэкономить? «Как замечательно, чтобы каждая известная переменная была рассмотрена и оценена!» — пишет директор Центра исследований и реформ в образовании при Университете Дж. Хопкинса R. Slavin¹¹. Однако в образовании практически нет того, что «работает», и того, что «не работает». Правильная постановка вопроса звучит так: «При каких условиях это будет работать в школе?». Но задача поиска этих условий касается не столько оценки деятельности образовательных организаций, сколько эффективности государственного управления.

¹⁰ Подвойский Д. Над пропастью с отчетом. URL: <http://pltf.ru/2019/03/25/nad-propastju-s-otchetom-o-prodelanno-j-rabote-denis-podvojskij/> (дата обращения: 17.09.2019).

¹¹ Slavin R. John Hattie is Wrong. URL: <https://robertslavinsblog.wordpress.com/2018/06/21/john-hattie-is-wrong/> (дата обращения: 29.08.2019).

Литература

1. Ястребов Г.А., Пинская М.А., Косарецкий С.Г. Использование контекстных данных в системе оценки качества образования // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 58–95.
2. Нурмухамедов Г.М. О тенденциях развития образовательного процесса // Информатика и образование. 2016. № 8 (277). С. 20–29.
3. Вербицкий А.А. Психолого-педагогические основы построения новых моделей обучения // Инновационные проекты и программы в образовании. 2011. № 2. С. 3–6.
4. Семенов В. Два взгляда на ситуацию в среднем образовании США: полевое исследование Джона Гудлэда против статистического анализа Марка Пена // Телескоп. 2012. № 5 (95). С. 23–27.
5. Гудлэд Д. Вот что называется школой. М.: Просвещение, 2008. 476 с.
6. Мельничук М.В. Традиционный императив и инновационная парадигма в контексте высшего образования // Международный журнал экономики и образования. 2016. Т. 2. № 4. С. 5–17.
7. Френе С. Избранные педагогические сочинения. М.: Прогресс, 1990. 304 с.
8. Мынбаева А.К. Современные образовательные концепции. Алматы: Қазақ университеті, 2012. 220 с.
9. Illich I. *Deschooling Society*. Harper & Row, 1970. 186 p.
10. Холт Д. Причины детских неудач. СПб: Кристалл, Дельта, 1996. 448 с.
11. Кошиенко И.В., Покровская Л.И. Основные направления домашнего обучения за рубежом: генезис и типология // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 4. С. 213–319.
12. Лукьянова А.Л. Отдача от образования: что показывает метаанализ. М.: НИУ ВШЭ. 60 с.
13. Marzano R.J. *A New Era of School Reform: Going Where the Research Takes Us*. Aurora, CO: MidContinent Research for Education and Learning, 2000. 101 p.
14. Хэтти Д. Видимое обучение. М.: Национальное образование, 2017. 496 с.
15. Леонидова Г.В., Головчин М.А., Соловьева Т.С. Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона / под науч. рук. чл.-корр. РАН В.А. Ильина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 178 с.
16. Terhart E. Has John Hattie really found the holy grail of research on teaching? An extended review of Visible Learning. *Curriculum Studies*, 2011, no. 43(3), pp. 425–438.
17. Snook I. et al. Invisible Learnings: A commentary on John Hattie's book "Visible Learning: A Synthesis of Over 800 Meta-Analyses Relating to Achievement". *New Zealand Journal of Educational Studies*, 2009, no. 44(1), pp. 93–106.
18. Eacott S. School leadership and the cult of the guru: the neo-Taylorism of Hattie. *School Leadership & Management*, 2017, no. 37(4), pp. 413–426. DOI:10.1080/13632434.2017.1327428
19. Arnold I. John Hattie: Visible learning: A synthesis of over 800 meta-analyses relating to achievement. *International Review of Education*, 2011, no. 57(1-2), pp. 219–221. DOI: 10.1007/s11159-011-9198-8
20. Валеева Н.Ш., Муртазина Э.М. Модели эффективного преподавания/учения в Австралии // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 9. С. 340–344.
21. Knudsen H. John Hattie: I'm a statistician, I'm not a theoretician. *Nordic Journal of Studies in Educational Policy*, 2017, no. 3(3), pp. 253–261. DOI: 10.1080/20020317.2017.1415048
22. Вачков И. В., Вачкова С. Н. Факторы повышения учебной успешности школьников (по материалам зарубежных исследований) // Проблемы современного образования. 2018. № 2. С. 79–90.
23. Соколова Е.А. «Видимое обучение» и ФГОС: российский и мировой педагогический опыт // Филологическое образование: современные стратегии и практики. Вып. 6. СПб.: ЛОИРО, 2017. С. 6–14.
24. Борисенко Н.А. «Барометр влияния», или Какие факторы оказывают наибольшее воздействие на обучение: рецензия на книгу: Джон Хэтти. Видимое обучение // Вопросы образования. 2018. № 1. С. 257–265.
25. Myburgh S.J. *Critique of Peer-reviewed Articles on John Hattie's Use of Meta-Analysis in Education*. University of Bath Department of Education. 26 p.
26. McKnight L., Whitburn B. Seven reasons to question the hegemony of Visible Learning. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, 2018. DOI: 10.1080/01596306.2018.1480474
27. Агамиров Л.В., Агамиров В.Л., Вестяк В.А. Исследование распределения коэффициента вариации в задачах статистического анализа испытаний // Программные продукты и системы. 2018. № 1. С. 166–171.

28. Пономарева А. Уроки TALIS для директоров школ // Управление школой. 2014. № 10. С. 7–11.
29. Мониторинг общего образования: социологические аспекты / Е.М. Аврамова [и др.]. М.: РАНХиГС, 2019. 67 с.
30. Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 195 с.
31. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.
32. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / А.А. Шабунова [и др.]. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2013. 148 с.

Сведения об авторе

Максим Александрович Головчин – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mag82@mail.ru)

Golovchin M.A.

What Kind of Teacher Does the “School of the Future” Need? Possibility of Using John Hattie’s Approach in Russian Education

Abstract. In the article, we tried to express our opinion in the framework of a controversy that unfolded between the New Zealand researcher John Hattie and his opponents. The dispute concerns the validity of the arguments made by the scientist in his book *Visible Learning* (2009) on the size of external and internal effects that influence the performance of secondary schools. The subject of discussion in the article is not chosen randomly. Hattie’s ideas are widely used in the educational policy of foreign countries (especially Australia), but will they be relevant in the Russian reality? A number of educational innovations borrowed from Western countries do not have unequivocal approval in Russian society (this applies to the final exam in the form of testing, the Bologna system of higher education etc.). In our study, we analyze Hattie’s arguments and evaluate their scientific validity. For this purpose, we generalize arguments of the scientist and his opponents (for some reason the criticism by his opponents is not mentioned in the Russian-language literature). Hattie’s book offers a scientific approach to the substantiation of indicators that affect school education performance to varying degrees. Among these parameters, a special role belongs to productive activities of teachers aimed at self-education and creating a positive climate in the classroom, whereas the contribution of the amount of professional competences of the teacher in lesson planning and content is clearly undervalued. Such thoughts, not fully accepted by the scientific community, became the basis for further controversy. Our article highlights methodological and cultural approaches to the criticism of “visible learning”. It is found that the arguments of Hattie’s opponents relate to different aspects of his research, but are purely theoretical. We calculate the coefficients of variation and carry out a statistical analysis of the estimated model (which has not been done before). Having interpreted the data obtained, we find out the heterogeneity of the sizes of the effects in Hattie’s model. On this basis, we make practical conclusions about the methodological and conceptual possibilities of using the New Zealand researcher’s approach in the realities of Russian education. The article will be of interest to both educators and all those interested in social policy issues.

Key words: education, reform, educational policy, “new school”, unschooling, meta-analysis, effect size, variation coefficient.

Information about the Author

Maksim A. Golovchin – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mag82@mail.ru)

Статья поступила 03.09.2019.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области за период с октября 2018 по октябрь 2019 г.

Дается сопоставление результатов исследований с данными за 2007-й (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011-й (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012-й (первый год III президентского срока В.В. Путина).

Представлена годовая динамика данных за последние 2 года (2017–2018).

В августе – октябре 2019 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился: доля положительных оценок составляет 54–56%, удельный вес отрицательных суждений – 29–30%.

Ощутимых изменений в динамике оценок деятельности главы государства не наблюдается с апреля 2019 г., однако в целом за последние 12 месяцев (с октября 2018 по октябрь 2019 г.) отмечается заметное снижение доли позитивных суждений (на 10 п.п., с 64 до 54%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

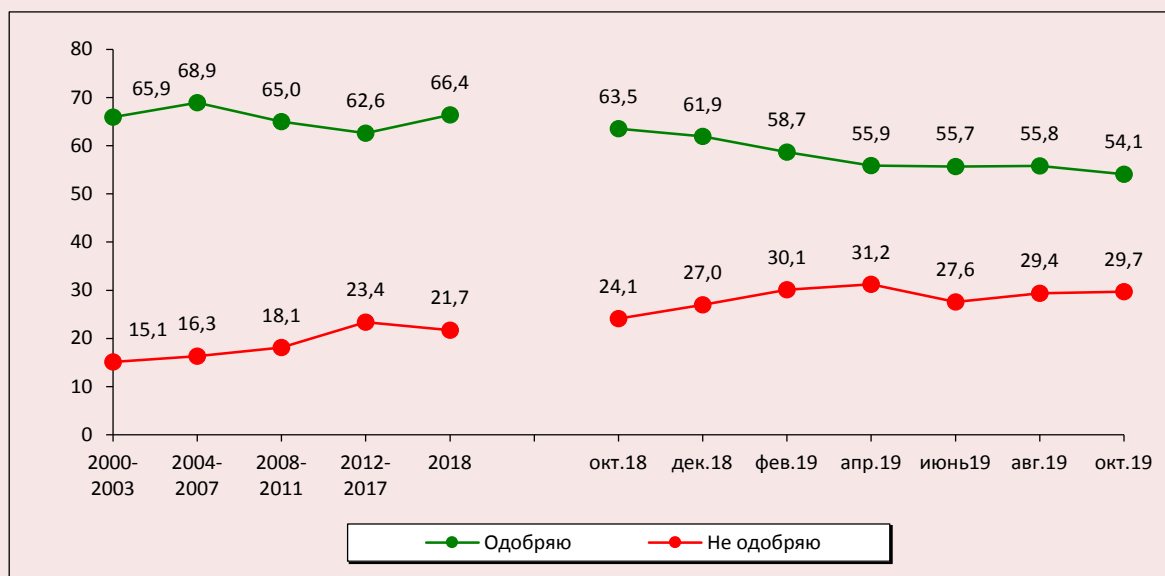
Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

Для справки:

По данным ВЦИОМ уровень одобрения деятельности Президента РФ в сентябре – первой половине октября 2019 г. составил 65–66%; доля негативных оценок – 26%.

По данным Левада-Центра в августе – сентябре 2019 г. положительные суждения о работе главы государства высказывали 67 – 68% россиян, отрицательные – 31%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России? (в % от числа опрошенных)

* Здесь и далее в таблицах и графиках представлены данные ВолНЦ РАН по итогам мониторинга общественного мнения, проводимого на территории Вологодской области.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Изменение (+/-) по отношению к	
													окт. 18	авг. 19
Председатель Правительства РФ*														
Одобряю	-*	59,3	49,6	49,5	48,0	45,2	45,3	41,6	38,8	40,9	43,1	41,1	-4	-2
Не одобряю	-	24,7	33,3	31,1	31,6	34,8	36,9	39,3	40,2	38,0	36,3	37,5	+3	+1
Губернатор														
Одобряю	55,8	45,7	41,9	39,8	38,4	35,7	38,3	36,5	34,7	35,4	36,1	35,6	0	-1
Не одобряю	22,2	30,5	33,3	39,3	37,6	39,1	40,3	41,5	41,4	38,6	38,5	40,1	+1	+2

* Вопрос задается с 2008 г.

За последние два месяца незначительно уменьшилась доля жителей Вологодской области, считающих, что В. Путин успешно справляется с решением проблемы наведения порядка в стране (на 3 п.п., с 46 до 43%). Это существенно меньше (на 6 п.п.), чем в октябре 2018 г. (49%).

Мнение жителей региона относительно успешности решения Президентом остальных ключевых проблем страны в августе – октябре 2019 г. в целом не изменилось:

- ✓ 50% населения положительно оценивают работу главы государства по укреплению международных позиций России;
- ✓ 35% – по защите демократии и укреплению свобод граждан;
- ✓ 27% – по подъему экономики и росту благосостояния людей.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..? * (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Изменение (+/-) окт. 19 по отношению к	
													окт. 18	авг. 19
Укрепление международных позиций России														
Успешно	58,4	46,2	43,1	55,7	54,2	51,3	53,5	51,5	50,2	51,9	51,0	49,9	-1	-1
Не успешно	24,9	33,7	37,9	26,8	28,4	30,7	30,3	31,7	32,7	30,3	30,6	32,4	+2	+2
<i>Индекс успешности</i>	133,5	112,5	105,2	129,0	125,7	120,6	123,2	119,8	117,5	121,6	120,4	117,5	-3	-3
Наведение порядка в стране														
Успешно	53,2	36,6	35,4	50,6	51,1	48,5	46,9	44,2	42,4	44,5	46,1	43,1	-5	-3
Не успешно	34,0	50,0	50,7	36,1	35,0	37,9	39,5	40,7	42,6	39,3	39,3	40,0	+2	+1
<i>Индекс успешности</i>	119,2	86,6	84,7	114,5	116,1	110,6	107,4	103,5	99,8	105,2	106,8	103,1	-8	-4
Защита демократии и укрепление свобод граждан														
Успешно	44,4	32,4	28,8	40,3	40,5	37,3	36,5	33,5	32,3	34,6	35,5	35,1	-2	0
Не успешно	37,0	48,3	52,3	40,2	40,2	42,7	43,3	45,3	47,7	45,5	46,1	45,7	+3	0
<i>Индекс успешности</i>	107,4	84,1	76,5	100,2	100,2	94,6	93,2	88,2	84,6	89,1	89,4	89,4	-5	0
Подъем экономики, рост благосостояния граждан														
Успешно	47,2	30,7	28,5	29,3	31,0	30,6	29,9	28,1	28,1	29,1	26,5	26,9	-4	0
Не успешно	39,1	56,1	57,9	56,9	56,2	57,2	57,6	56,9	58,2	57,8	59,7	58,2	+1	-2
<i>Индекс успешности</i>	108,1	74,6	70,6	72,4	74,7	73,4	72,3	71,2	69,9	71,3	66,8	68,7	-5	+2
* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2018 г.														

В июне – августе 2019 г. структура политических предпочтений населения не изменилась: уровень поддержки партии «Единая Россия» составляет 33–34%, ЛДПР и КПРФ – 8-9%, «Справедливой России» – 4%.

Следует отметить, что по сравнению с октябрем 2018 г. уменьшилась поддержка правящей партии (на 4 п.п., с 37 до 33%) и возросла доля людей, считающих, что сегодня ни одна из представленных в парламенте политических сил не выражает их интересы (на 5 п.п., с 29 до 34%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партия	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2017	2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Изменение (+/-) по отношению к	
																окт. 18	авг. 19
Единая Россия	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	34,7	37,9	36,5	36,0	34,6	33,3	34,8	33,5	32,8	-4	-1
КПРФ	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	7,6	9,2	11,1	9,9	9,1	8,0	8,5	8,7	9,1	-2	0
ЛДПР	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	11,0	9,6	9,7	8,8	8,9	8,2	9,1	10,5	8,3	-1	-2
Справедливая Россия	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	4,8	2,9	3,4	2,8	2,9	2,9	2,5	3,9	4,2	+1	0
Другая	1,8	1,9	–	2,1	0,3	–	0,5	0,7	0,4	0,4	0,6	0,3	0,3	0,4	0,1	0	0
Никакая	17,8	29,4	–	31,3	29,4	–	29,2	28,5	29,0	31,9	34,2	34,7	32,3	32,1	34,3	+5	+2
Затрудняюсь ответить	21,2	13,2	–	11,7	12,0	–	12,2	11,2	9,9	10,2	9,7	12,6	12,4	10,9	11,2	+1	0

Фактически не отмечается изменений и в показателях социального самочувствия населения: доля людей, положительно характеризующих свое настроение, составляет 70–71%; доля считающих, что сегодня «все не так плохо и можно жить; жить, трудно, но можно терпеть», – 77–78%.

Удельный вес людей, субъективно причисляющих себя к категории «бедных и нищих», в августе – октябре 2019 г. составил 47–48%, что несколько выше, чем в октябре 2018 г. (на 3 п.п., 45%).

По-видимому, это связано с невысокими (или, по крайней мере, недостаточно ощутимыми) темпами роста уровня и качества жизни, о чем говорит устойчивое преобладание пессимистических прогнозов людей относительно будущего российской экономики и своего личного материального положения. Так, индекс потребительских настроений в октябре 2018 г. составил 89 пунктов, в августе – октябре 2019 г. – 92 п., то есть, несмотря на положительную динамику, он по-прежнему варьируется в пределах менее 100 пунктов.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Изменение (+/-) по отношению к	
													окт. 18	авг. 19
Настроение														
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	67,3	70,4	71,2	71,3	70,7	68,0	68,8	71,4	70,9	70,3	-1	-1
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	27,0	24,2	23,1	23,1	23,5	25,6	25,5	23,5	23,4	24,0	+1	+1
Запас терпения														
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	77,7	77,1	75,7	77,1	74,3	76,7	78,0	76,8	77,8	+2	+1
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	15,8	15,8	16,3	17,1	17,5	19,1	17,5	16,5	16,2	17,2	0	+1
Социальная самоидентификация*														
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	44,7	43,1	42,3	42,8	41,6	43,8	41,3	43,3	42,9	41,4	-1	-2
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	44,5	46,6	45,4	45,4	44,7	44,8	46,9	45,8	47,0	48,0	+3	+1
Индекс потребительских настроений														
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	91,5	84,6	89,9	89,2	89,1	90,1	90,0	91,2	91,8	92,0	+3	0

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

За последние два месяца в большинстве социально-демографических категорий населения доля людей, положительно характеризующих свое настроение, существенно не изменилась.

Незначительно возрос удельный вес положительных оценок среди населения в возрасте старше 55 лет (на 4 п.п., с 61 до 65%), а также среди жителей г. Вологды (с 68 до 71%).

В то же время на 3 – 5 п.п. снизилась доля позитивных характеристик настроения среди мужчин (с 72 до 69%), лиц в возрасте до 30 лет (с 85 до 80%) и от 30 до 55 лет (с 74 до 71%).

За последний год (с октября 2018 по октябрь 2019 г.) наблюдаются негативные тенденции в динамике оценок социального настроения молодежи в возрасте до 30 лет (доля положительных оценок уменьшилась на 5 п.п., с 85 до 80%), людей с высшим и незаконченным высшим образованием (на 4 п.п., с 77 до 73%), тех, кто по самооценкам доходов относится к группе 20% наименее обеспеченных (с 60 до 54%), и жителей Череповца (на 6 п.п., с 78 до 72%). Как можно отметить, незначительное ухудшение эмоционального состояния представителей не только социально уязвимых категорий населения (наименее доходных групп) говорит о том, что уровень жизни – не единственный фактор, влияющий на повседневное настроение людей. По-видимому, свою роль играют ожидания населения в отношении ощутимых сдвигов по реализации предвыборных обещаний Президента, рост интереса к политической жизни в стране и регионе (что может быть связано с состоявшимися 8 сентября 2019 г. выборами главы региона) и, соответственно, более четкая артикуляция общественно-политического запроса к органам власти.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2012	2017	2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Изменение (+/-) по отношению к	
													окт. 18	авг. 19
Пол														
Мужской	65,9	64,5	69,1	70,6	72,8	70,8	73,4	69,9	68,6	72,1	71,8	69,2	-2	-3
Женский	61,7	62,0	65,8	70,2	69,8	71,8	68,4	66,4	69,0	70,8	70,1	71,2	-1	+1
Возраст														
До 30 лет	71,3	70,0	72,3	78,1	80,0	85,1	81,6	76,3	81,2	82,9	85,2	79,9	-5	-5
30-55 лет	64,8	62,5	67,9	71,5	72,6	70,9	71,6	68,0	71,5	70,5	74,0	71,1	0	-3
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,1	64,9	65,2	65,4	64,7	64,3	59,8	67,4	60,7	65,1	0	+4
Образование														
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	57,2	63,6	64,8	63,8	67,8	61,5	60,4	64,4	65,6	63,4	0	-2
Среднее специальное	64,6	63,6	66,7	72,0	72,2	73,5	70,5	68,6	73,0	77,3	72,8	73,9	0	+1
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,0	75,8	76,8	76,5	74,1	73,8	73,3	72,1	73,9	72,6	-4	-1
Доходные группы														
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	51,5	52,9	57,3	59,6	61,3	50,4	56,1	54,9	53,2	54,1	-6	+1
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	68,7	72,0	71,9	73,1	69,7	67,2	69,9	74,1	72,1	72,6	-1	+1
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	81,1	83,7	82,9	81,3	83,4	86,2	81,0	81,0	81,4	80,5	-1	-1
Территории														
Вологда	63,1	67,1	73,6	72,6	71,0	68,8	67,1	65,5	68,5	70,3	68,0	70,8	+2	+3
Череповец	68,1	71,2	76,2	75,7	75,8	77,7	74,5	71,1	67,8	72,1	74,4	72,0	-6	-2
Районы	61,6	57,1	59,8	66,1	68,7	69,2	70,5	67,6	69,6	71,7	70,5	69,0	0	-2
Область	63,6	63,1	67,3	70,4	71,2	71,3	70,7	68,0	68,8	71,4	70,9	70,3	-1	-1

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, как показывают результаты очередного этапа мониторинга общественных настроений, проводимого ВолНИЦ РАН, в августе – октябре на территории Вологодской области сохраняется достаточно стабильная общественно-политическая ситуация: несмотря на окончание отпускного летнего сезона и постепенное ухудшение погодных условий, оценки эмоционального состояния людей по-прежнему находятся на высоком уровне (70% жителей области характеризуют свое настроение как «нормальное, прекрасное, ровное»).

Отношение людей к работе ключевых представителей государственной власти остается стабильным примерно с апреля 2019 г.: деятельность Президента одобряют 55–56% жителей Вологодской области, председателя Правительства – 40–43%, губернатора – 35–36% (отметим, что более низкие оценки уровня одобрения местных властей – это вполне нормальная ситуация, которая характерна не только для Вологодской области, но и для страны в целом. Эксперты связывают ее с «близостью региональных и муниципальных органов управления к каждодневной жизни граждан», а также с тем, что «за их работой можно следить не только по телевизору»²).

² Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем? : информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования. М., 2015. С. 15.

Незначительное снижение в августе – октябре доли людей, считающих, что Президент успешно справляется с наведением порядка в стране (с 46 до 43%), скорее всего, адекватно отражает реакцию жителей области на протестные волнения в Москве, которые были связаны с недопуском ряда кандидатов на выборы в городскую думу. Тем не менее, для региональной жизни это событие не имело существенного эффекта, что позволило сохранить общественно-политическую ситуацию в целом на стабильном уровне. Губернаторские выборы 8 сентября 2019 г. в Вологодской области (как и в большинстве субъектов РФ, участвовавших в голосовании) прошли спокойно; по данным ЦИК РФ, действующий глава региона О.А. Кувшинников одержал на них убедительную победу – за него было отдано 60,79% голосов, при явке 40,52%³.

Сохраняется достаточно напряженная ситуация относительно самооценки жителями области своего материального положения. В динамике социальной самоидентификации населения существенных изменений не происходит на протяжении как минимум последних 12 месяцев (с октября 2018 г.), при этом доля тех, кто идентифицирует себя с людьми «среднего достатка», остается заметно более низкой, чем удельный вес «бедных и нищих» (примерно 42–43% против 45–48%). На фоне ожиданий «прорывных» изменений в уровне и качестве жизни сложившуюся ситуацию сложно охарактеризовать позитивно, и, возможно, именно она влияет на ухудшение эмоционального состояния отдельных групп населения – людей в возрасте от 18 до 30 лет (в силу своего возраста готовых более энергично включаться в общественно-политическую жизнь страны и региона), лиц с высшим образованием (потенциально обладающих более высоким уровнем информированности и заинтересованности в событиях внутренней политической жизни), жителей Череповца (традиционно имеющих более высокий уровень дохода, чем жители районов и областной столицы).

Отметим также, что по данным официальной статистики реальные денежные доходы населения во 2 квартале 2019 г. по сравнению с 1 кварталом выросли на 11,6%. Однако этот рост был связан преимущественно с социальными выплатами, а не с заработной платой: за этот же период в структуре денежных доходов населения доходы от предпринимательской деятельности снизились с 5,4 до 5%, от оплаты труда – практически не изменились (с 61,2 до 61,3%), от социальных выплат – выросли на 2,7% (с 23,3 до 26%)⁴.

Позитивные изменения последних двух месяцев во многом носят восстановительный характер. В частности, это касается уровня одобрения деятельности федеральных органов власти, который в долгосрочной ретроспективе (за последние 12 месяцев, с октября 2018 по октябрь 2019 г.) снизился на 4–10 п.п., а также доли «бедных и нищих», которая за этот же период увеличилась с 45 до 48%.

Таким образом, можно констатировать относительную устойчивость психологического самочувствия населения, однако говорить о долгосрочном характере стабилизации оценок деятельности органов власти и в отношении самого острого вопроса, волнующего людей, – повышения уровня и качества жизни – пока преждевременно. Чтобы «закрепить» и развить позитивные изменения, отмечаемые в динамике общественного мнения в последние месяцы, необходима ощутимая для широких слоев населения реализация их ключевых ожиданий и общественно-политических запросов, которые в первую очередь связаны с предвыборными обещаниями главы государства, реализуемыми сегодня в рамках национальных проектов. От эффективности и своевременности достижения их показателей будет зависеть характер общественных настроений и уровень социальной напряженности не только в Вологодской области, но и в стране в целом.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.В. Параничева, И.М. Бахвалова.

³ Результаты выборов, опубликованные на сайте ЦИК РФ / http://www.vologod.vybory.izbirkom.ru/region/region/vologod?action=show&root=1&tvd=23520001251387&vm=23520001251383®ion=35&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&type=222

⁴ Оперативные данные Вологдастата:

«Основные показатели уровня жизни населения» / <https://vologdastat.gks.ru/storage/mediabank/60R.htm>

«Структура денежных доходов населения» <https://vologdastat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%20%D0%94%D0%94.htm>

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscs.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи.

1. Поля.

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nr1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____, (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

- 1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

Л.Н. Воронина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 29.10.2019.
Дата выхода в свет 31.10.2019.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 30,0. Тираж 500 экз. Заказ № 306.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru